

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. П. Сидорова

**СОВЕТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В МАССОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1960–1980-х:
ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ**

Ульяновск
УлГТУ
2011

УДК 304.3
ББК 83.3 (2=Рус):78
С 34

Рецензенты:

доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) Л. М. Мосолова,
доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) М. Л. Магидович

Научный редактор – доктор культурологии, профессор УлГТУ В. Б. Петухов

Сидорова, Г. П.

С 34 Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960–1980-х: ценностный аспект / Г. П. Сидорова. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – 302 с.

ISBN 978-5-9795-0805-4

Изучение ценностного аспекта советской хозяйственной культуры повседневности по аутентичным текстам советской художественной культуры – ценностей, мотивирующих хозяйственную деятельность человека в общественном производстве и домашнем хозяйстве и соответствующих повседневных практик жизнеобеспечения, позволяет значительно дополнить и уточнить современные представления о советской повседневности и достичь более глубокого понимания сущности советской культуры. Ценностные смыслы повседневной хозяйственной деятельности, получившие отражение в массовой литературе, представляют собой художественную репрезентацию советской культуры.

В монографии соединяются три раздела культурологии: история культуры, социология культуры, культурная антропология. Наглядно показывается плодотворность исследования культуры при соблюдении принципа тесной взаимосвязи трех ее подсистем – материальной, духовной и художественной, благодаря чему создается целостная картина советской культуры 1960–1980-х гг.

Книга адресована студентам, культурологам, специалистам по истории России, а также широкому кругу читателей. Печатается в авторской редакции.

УДК 304.3
ББК 83.3 (2=Рус):78

ISBN 978-5-9795-0805-4

© Сидорова Г.П., 2011
© Оформление. УлГТУ, 2011

*Посвящаю Елене – моей сестре
и самому близкому другу*

ВВЕДЕНИЕ

К осмыслению хозяйственной культуры повседневности советского времени побуждают естественная для бывшего советского человека ностальгия по своему прошлому, а также желание понять это прошлое в связи с тем, что некоторые интерпретации и оценки его видятся недостаточными. Факторами неудач развития социалистического хозяйства 1960–1980-х гг. современные российские и зарубежные исследователи называют: импульсивность и нетерпение политического лидера Хрущева, спешку в проведении реформ, штурмовщину, консерватизмом плановой системы, противоречивость реформ, видимость реформ. Кризис и крушение советской культуры связывают с неустранимым противоречием между необходимостью реального вознаграждения индивида и нежеланием власти признавать значимость индивидуальных достижений. Причину кризиса видят в примате идеологических и политических ценностей над экономическими; в господстве плана; в полном вытеснении индивидуального хозяина и работника; в том, что личная предприимчивость нашла выход в криминальных формах. В невозможности перехода от экстенсивного развития к интенсивному в условиях централизованной плановой экономики. В моностилизме, в ограничении свободы. Наконец, в падении мировых цен на нефть. Представляется, что за всеми этими причинами есть более глубокие причины, связанные с ценностной сферой духовной культуры, российско-советским менталитетом и типологическими особенностями российской культуры.

Главный побудительный мотив изучения советской хозяйственной культуры повседневности – реалии современной жизни. Советское общество потерпело неудачу в попытке построить коммунизм, социалистическое хозяйство пришло к кризису. В условиях планово-централизованного хозяйства, с его проблемами, многим казалось: только рыночное хозяйство покончит с несправедливым материальным вознаграждением за труд и низким массовым качеством труда, дефицитом, неуважением к общественной собственности и законам, массовыми теневыми технологиями, в том числе,

блатом. Российское общество уже двадцать лет строит капитализм, рыночное хозяйство. Преодолен товарный дефицит, предложение превышает спрос. Но проблемами современного рыночного хозяйства остаются несправедливое материальное вознаграждение за труд и невысокое массовое качество труда во многих сферах, неуважение к общественной собственности и законам, теневые технологии, блат и др. Они вызывают смысловые ассоциации с социалистическим хозяйством. Представляется, что, изучая хозяйственную повседневность советской России, культурология выполнит свою социальную роль, объяснив смыслы этой культуры и причины проблем социалистического хозяйства, по сути, как представляется, общих с проблемами современного хозяйства.

В советский период хозяйство и хозяйственная культура, особенно общественный труд и связанные с ним проблемы, изучались преимущественно на макроуровне (Л. Абалкин, А. Г. Аганбегян, А. Г. Здравомыслов, Б. Л. Маневич, Л. Хейфец, Т. Н. Шатова и многие др.). Микроуровень хозяйственной культуры, или повседневный уровень, затрагивался в рамках изучения социалистического образа жизни (И.-Р. В. Белицайте, А. П. Бутенко, Н. Н. Панова, Б. В. Ракитский, М. Н. Руткевич, Э. В. Струков, В. И. Толстых и др.). В советской этнографии и социологии с 1960-х гг. было достаточно много исследований хозяйственной сферы социалистического быта (термин «повседневность» тогда не использовался). Кроме того, в рамках масштабных этнографических и социологических исследований сельской и городской семьи РСФСР изучалась важнейшая функция семьи – домашнее хозяйство (Л. А. Анохина, Ю. В. Бромлей, О. Р. Будина, Е. П. Бусыгин, О. А. Ганцкая, Н. В. Зорин, Е. М. Зуйкова, Ю. В. Крупянская, В. Д. Патрушев, Н. С. Полищук, В. П. Ружже, Р. К. Уразманова, А. Г. Харчев, Л. П. Шабалина, М. Н. Шмелева, З. А. Янкова и др.). Домашнее хозяйство изучалось в аспекте расходов на бытовые нужды, бюджетов времени, структуры повседневной жизнедеятельности, типичных занятий в будни и праздники. В русле социалистической идеологии бытовые проблемы связывались с пережитками прошлого, а достижения – с преимуществами социалистического образа жизни. В начале 1980-х гг. появились работы экономистов, направленные на изучение домашнего хозяйства развитого социалистического общества (Э. П. Котов,

В. С. Панченко, Т. А. Кулакова). В рамках марксистской методологии домашнее хозяйство изучалось лишь на макроэкономическом уровне.

Новый этап в изучении социалистического хозяйства и хозяйственной культуры начинается на рубеже 1980–1990-х гг. Авторы исследуют советское хозяйство и советскую хозяйственную культуру на макроуровне, а новизна заключается в отходе от марксистской методологии, появлении новых тем, использовании новых источников. Так, О. А. Платонов на материалах русского фольклора исследовал идеалы и ценности российской хозяйственной культуры, их трансформации в советский период («Воспоминания о народном хозяйстве», «Русский труд»). Новые оценки и концепции советского хозяйства и советской хозяйственной культуры появились в работах В. Найшуля, В. Попова, Н. Шмелева. Значительный вклад в изучение хозяйственной культуры советского общества внес В. В. Радаев. В ряде работ им раскрыты особенности хозяйственной идеологии социализма, рычаги воздействия на хозяйствующих субъектов, роль неформальных отношений, роль этакратической системы в хозяйственной активности, отношения занятости, трудовые отношения, советское предпринимательство и его типы, хозяйственная мотивация и стиль жизни, особенности усвоения хозяйственной идеологии массовым сознанием.

В конце 1990-х гг. и в начале 21 века советское хозяйство и советская хозяйственная культура являются объектом исследования в рамках: изучения социально-культурных основ хозяйства и предпринимательства Н. Н. Зарубиной, изучения советской цивилизации С. Г. Кара-Мурзой, изучения экономической истории России 20 века Р. А. Белоусовым, изучения истории социализма в России американским исследователем М. Малиа, изучения хрущевской оттепели и общественных настроений в СССР Ю. В. Аксютиним, изучения социально-экономической политики советского государства в 1950–1960-е годы В. А. Шестаковым, изучения массового сознания советского общества Б. Грушиным, изучения экономической культуры российского общества в 20 веке А. А. Сусоколовым, изучения проблем советского авторитарного режима Е. Т. Гайдаром и др. Во многих исследованиях, особенно в работах В. В. Радаева, Н. Н. Зарубиной и С. Г. Кара-Мурза затрагивается или рассматривается и повседневный (массовый) уровень советской хозяйственной культуры 1960–1980-х гг.

На рубеже 1980–1990-х гг. начался новый этап и в изучении советской повседневности, или быта, в том числе его хозяйственной сферы. Новизна заключалась в том, что в центре внимания исследователей оказался «не просто быт, а жизненные проблемы и их осмысление современниками изучаемых событий», эмоциональные реакции людей на то, что их окружает в быту [171, с. 8]. В 1990-е годы именно в этом аспекте начали изучаться массовые повседневные практики советского времени (Е. Ю. Зубкова, Б. Н. Казанцев, Н. Н. Козлова, Н. Б. Лебина, О. Гурова, Т. Кондратьева, М. Меерович, К. Герасимова, И. Утехин, А. Доценко и др.). Существенный методологический и историографический вклад в изучение советской повседневности, в том числе, ее хозяйственной культуры, внесли монография Н. Н. Козловой «Советские люди. Сцены из истории», монография Н. Б. Лебиной «Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы» и монография И. Б. Орлова «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления», где особое внимание уделяется истории и проблемам изучения производственной повседневности и вопросу изучения советской повседневности на материалах художественной литературы и искусства.

В начале 21 века одной из ведущих тем в изучении советской повседневности стала мотивация труда, ежедневные обстоятельства работы, взаимодействия работников с администрацией и между собой в общественном производстве, а также восприятие современниками проблем производительности труда, трудовой дисциплины и др. (Н. Л. Пушкарева, И. М. Пушкарева, М. Ван дер Линден, А. М. Маркевич, А. К. Соколов). Источниками этих исследований служат официальные документы (протоколы профсоюзных рабочих собраний, рабочих конференций, приказы и распоряжения администрации, заводская печать), а также воспоминания и письма. Преобладающая часть российских исследований (О. П. Корольков, И. Б. Орлов, С. Б. Ульянова, С. Бычков, Л. В. Борисова) и те зарубежные исследования, которые изучают производственную повседневность советской России (С. Коткин, Ст. Мерль, Х. Куромия, К. Уорд, К. Строс, В. Эндрле) обращены к периоду 1920–1930-х гг. и позднего сталинизма.

Но в науке почти нет примеров изучения хозяйственной культуры повседневности 1960–1980-х гг. *по текстам массовой художественной литературы*. Между тем такое исследование может значительно дополнить

современные представления о советской повседневности в хозяйственной сфере в понимании способов, которыми пользовался человек в советском обществе для жизнеобеспечения, и ценностей, мотивирующих действия в производственной сфере и домашнем хозяйстве. И в итоге вывести на понимание смыслов советской культуры.

В период 1960–1980-х гг. советское общество было уже развитым индустриальным, массовым, потребительским, для которого характерно, наряду с другими признаками, массовое производство товаров на широкий рынок и массовое потребление. Предметом массового повседневного потребления стала и художественная литература. Тема советской повседневности с периода «оттепели» стала одной из ведущих в массовой литературе, изобразительном искусстве, в кино и театре.

Почему советская хозяйственная культура повседневности изучается по художественным текстам? В социокультурном знании XXI века все более укрепляется мысль, что методы традиционных наук, как точных, так и гуманитарных, в их познании мира исчерпаны, и прорыв к новым смыслам возможен лишь на стыке наук [269, с. 508]. Методы традиционных наук в познании мира, может быть, не исчерпаны, но ограничены и недостаточны. Поэтому велика роль культурологии как системы наук о культуре, которая может дать более целостное представление о культуре. Теоретической базой для изучения хозяйственной повседневности по текстам массовой литературы служит положение учения М. С. Кагана о плодотворности исследования культуры лишь при соблюдении принципа тесной взаимосвязи трех ее подсистем – материальной, духовной и художественной. Искусство, принадлежащее конкретному типу культуры, становится его образной моделью, зеркалом, в котором культура видит отражение сути своей. Искусство – микрокосм, в котором отражается культурный макрокосм [87]. Ценностный аспект советской хозяйственной культуры повседневности 1960–1980-х гг. изучается по текстам массовой художественной литературы, во-первых, потому что в системе советской культуры массовая литература была важнейшим (в плане воспитательного воздействия и доступности для читателя) средством социализации и ценностной ориентации личности. Во-вторых, потому что художественная литература, как никакая другая знаковая система, способна многопланово отражать реальность, фиксировать и транслировать стереотипы

массового сознания и объяснять мотивацию деятельности героев. Она дает возможность исследователю через чувственное, образное восприятие прийти к пониманию реальности, познать духовные основы, лежащие в основании культуры, понять сущность культуры. Массовая литература, являясь частью специализированной культуры, взаимосвязана с повседневной культурой: использованием архетипических форм, средней семиотической нормы языка, трансляцией простых жизненных истин.

В монографии рассматриваются теоретические подходы к изучению хозяйственной культуры повседневности по текстам массовой художественной литературы; возможности массовой литературы в изучении повседневности, особенности советской художественной литературы, критерии и практика отбора текстов; советское массовое общество как субъект культуры; ценности советской хозяйственной культуры 1960–1980-х гг. и связанная с ними проектно-практическая деятельность; ценности хозяйственной повседневности советской России и связанная с ними практическая деятельность, отраженная в массовой художественной литературе времени «оттепели» и «застоя». Особо выделена тема текстов повседневности в самом популярном жанре массовой художественной литературы – советском детективе.

Автор выражает признательность всем коллегам, высказавшим на разных этапах работы над книгой свои мнения и ценные замечания. В их числе ученые г. Ульяновска, Санкт-Петербурга и Владимира: Т. Н. Брысина, В. А. Гуркин, В. Б. Петухов, Л. И. Петриева, Н. Б. Лебина, М. Л. Магидович, Л. В. Никифорова, С. А. Рассадина, А. Ю. Чукуров, Э. Л. Файбусович, Т. А. Филановская.

Особую благодарность автор выражает Л. М. Мосоловой – научному консультанту по теме исследования.

Благодарю Н. А. Никанорову – директора Ульяновского театра драмы за профессиональную консультацию и помощь в отборе текстов пьес.

За организационную поддержку моего проекта благодарю своих коллег – ученых Ульяновска и Санкт-Петербурга: М. П. Волкова, Н. А. Гильмутдинову, А. Л. Кислицына, С. В. Осипова, В. Б. Петухова, Т. В. Петухову, Н. Г. Ярушкину, В. Н. Бондареву, С. Ю. Корнекову, Э. Л. Файбусовича.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПО ТЕКСТАМ МАССОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Теоретические подходы к пониманию хозяйственной культуры повседневности

Прежде чем вести речь о содержании предмета исследования, следует обозначить, что понимается под хозяйством. Представляется, что вполне достаточным является следующее определение: хозяйство – совокупность природных и созданных человеком средств, используемых для создания, поддержания, улучшения условий и средств существования и жизнеобеспечения. Изучение ценностного аспекта хозяйственной культуры повседневности требует рассмотрения понятий «хозяйственная культура», «повседневность», «ценность». В современном социокультурном знании определения хозяйственной культуры опираются на экономическую и философскую традиции осмысления этого феномена. Рассмотрение этих научных традиций, проведенное К. Ф. Завершинским, показало: с точки зрения экономической традиции культура вообще, и в хозяйственной сфере в частности, сводится к нормам и технологиям, обеспечивающим оптимальное использование ресурсов (человек здесь тоже «ресурс»), ради получения наибольшей пользы и/или удовольствия (удовлетворение потребностей). Экономическая традиция, изложенная в теории А. Смита, предполагает, что духовное развитие наилучшим образом обеспечивается цивилизованной экономикой. В свете философской традиции, выраженной в трудах С. Булгакова и Э. Фромма, хозяйственный порядок всегда включал в себя компоненты, содержание которых существенно важнее экономических – нравственные идеалы, религиозные представления о смысле жизни, эстетические и художественные каноны, а цель экономики заключается в служении этим подлинным ценностям, так как их существование первично по отношению к хозяйственной системе. Хозяйственно-производственная деятельность способна обрести духовно-творческую значимость, когда она выступает проявлением духовного развития общества. Видится справедливым

вывод К. Ф. Завершинского, что можно просто следовать одной из традиций, но лучше найти путь их объединения [69, с. 5, 6].

Современные социологи, экономисты, философы в определении хозяйственной культуры акцентируют внимание на духовной сфере культуры, системе ценностей, регулирующих взаимоотношения внутри социума в процессе хозяйственной деятельности. Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной хозяйственная (экономическая) культура понимается как «проекция» культуры на сферу социально-экономических отношений [74, с. 110]. Н. Н. Зарубиной хозяйственная культура понимается как система ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму ее существования, восприятие ее обществом [72, с. 16]. А. В. Савкой хозяйственная культура видится как целостный образ жизни со своим менталитетом, ценностями, складывающийся и развивающийся на протяжении столетий [211, с. 3]. В. А. Кузнецов трактует экономическую культуру как совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регулятором экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти хозяйственного развития [119, с. 20]. К. Ф. Завершинский отмечает, что хозяйственная культура – «не просто существующие в обществе идеальные представления о хозяйстве, а всегда и ценностные отношения (межчеловеческие) по поводу объектов – носителей ценности как в вещественной, так и в идеальной форме» [69, с. 13].

Здесь необходимо коснуться вопроса о соотношении терминов «экономический» и «хозяйственный». Одними авторами они используются как синонимичные. Другие авторы рассматривают их как понятия близкие, но не тождественные: считается, что термин «экономический» имеет более узкое содержание, чем «хозяйственный». «Экономическое» понимается как совокупность специфических действий. Термин «хозяйственный» включает действия, «которые содержат одновременно экономические и неэкономические элементы. Неэкономические действия в рамках хозяйства могут преследовать достижение экономических целей неэкономическими средствами (например, присвоение чужой собственности путем угроз и насилия) или использовать экономические средства для преследования неэкономических целей (например, повышение социального статуса путем накопления капитала)» [71, с. 7].

В исследовании хозяйственной повседневности советской России используется термин «хозяйственный» – как более широкий по содержанию.

Что представляет собой хозяйственная культура в собственно культурологическом понимании? В культурологической литературе встречается едва ли не единственное определение хозяйственной культуры, которое дает О. Л. Леонова в энциклопедии «Культурология XX век»: «Культура хозяйственная означает способ упорядочения, нормативной регуляции, мотивации, реализации совместной деятельности членов общества, направленной на жизнеобеспечение». В содержание этого определения входит то, что М. С. Каган в «Философии культуры» относит к социально-организационному способу материализации духа, к области социально-организационной деятельности в материальной культуре. Э. А. Орлова и А. Я. Флиер в морфологии культуры выделяют хозяйственную культуру как сферу жизнедеятельности в области «культуры социальной организации и регуляции» [242], но определения понятия не дают. Н. Г. Багдасарьян использует термин «экономическая культура» и отмечает, что в рамках социального взаимодействия, где люди решают задачи макроуровня и микроуровня жизни и деятельности, эта сфера может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, как определенная модель (или тип) организации совместной жизни людей, включающая в себя систему соответствующих социальных институтов. Во-вторых, в аспекте влияния на хозяйственную культуру субъективных факторов: стереотипы экономического сознания, мотивы поведения агентов хозяйственной деятельности в профессиональной и повседневной сферах [19, с. 366].

Достаточно ли этих определений для культурологического понимания хозяйственной культуры? Представляется, что необходимо найти определение, наиболее соответствующее современному собственно культурологическому пониманию культуры как многосторонне-целостного способа бытия людей. В формулировке определения хозяйственной культуры теоретической базой выступает многолинейный эволюционизм, понимающий культуру как совокупность форм адаптации людей, организованных в сообщества, к их природному (культурному) окружению; системно-синергетический подход, где культура рассматривается как саморазвивающаяся система и деятельностный подход к пониманию культуры: культура – внебиологически выработанный,

особый, лишь человеку присущий способ деятельности, совокупный способ и продукт человеческой деятельности. Наконец, современное культурологическое понимание культуры, раскрываемое Л. М. Мосоловой: в содержание культуры включаются не только идеи, ценности, символы, нормы, образцы поведения и общения, способы познания и упорядочения мира, религия и искусство – явления духовного и художественного порядка, но и материальные: орудия труда и оружие, жилище и производства, средства коммуникации и технологии, предметы быта и культа и т.п. [163, с. 5], и Г. С. Кнабе: культура ассоциируется не только с достижениями в области науки, искусства и просвещения, но и с совокупностью материальных и духовных проявлений эпохи «в их переживании общественным сознанием» [101, с. 157]. Исходя из этих теоретических посылок, *хозяйственная культура – это способ и результат хозяйственной деятельности.*

Хозяйственная деятельность нацелена на физическое жизнеобеспечение людей. Согласно теории Э. С. Маркаряна, жизнеобеспечению служат компоненты духовной культуры, прежде всего, система средств регуляции человеческой деятельности и система средств производства знаний, вся ценностно-целевая система общества. Вся культура может быть интерпретирована как универсальная технология, идеалы и ценности также являются технологиями, выступают в качестве регулятивных средств [148, с. 22-23, 36-37]. Маркарян вычленяет три подсистемы культуры. Две из них обращены к внешней среде: природно-экологическая и общественно-экологическая, третья подсистема обращена к самой социальной системе: социорегулятивная. Благодаря социорегулятивной подсистеме человеческая деятельность на самых различных уровнях стимулируется и мотивируется [149, с. 64-73].

Согласно системной модели культуры М. С. Кагана, в системе культуры выделяются три подсистемы: материальная, духовная, художественная. Духовные предметы имеют трехстороннее обоснование: плодом познавательной деятельности человека является *знание*, продуктом ценностно-ориентационной деятельности – *ценность*, итогом духовно-преобразовательной деятельности – *проект*. Взаимодействие подсистем культуры выражается во взаимном опосредовании материальной и духовной деятельности. Роль материальной подсистемы определяется потребностью общества в

жизнеобеспечении. Роль духовной деятельности в культуре заключается в управлении материальной практикой, которую она и опережает на идеально-проектировочном уровне, и направляет ценностями и опосредует знаниями. Духовная подсистема включает проектирование практики, совокупность знаний, ценности, ценностные ориентации и др. [90, с. 197-211]. Системное изучение культуры – изучение подсистем во взаимосвязи: «При всех несомненных различиях между материальной, духовной и художественной сферами культуры они связаны друг с другом как подсистемы единой системы, и потому изучение истории каждой бесплодно, если она изолируется от двух других» [88, с. 323]. Согласно системной модели, хозяйственная культура связана как с материальной, так и с духовной подсистемой, развивается во взаимодействии этих подсистем.

Любое исследование требует определенных методологических ограничений для его глубины, поэтому автор, системно изучая советскую хозяйственную культуру повседневности, концентрирует внимание на ценностном аспекте хозяйственной культуры, на ценностном аспекте отношений людей в процессе хозяйственной деятельности, причем, в его «переживании общественным сознанием».

Одним из ключевых понятий исследования является повседневность. Обобщение различных точек зрения (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Г. Гарфинкель и А. Сикурель, К. Гирц, Ф. Бродель, французские историки школы «Анналов», А. Л. Ястребицкая, Н. Н. Козлова, Э. А. Орлова, А. Я. Флиер, В. Д. Лелеко, Л. Г. Ионин, И. Т. Касавин и С. П. Щавель, Н. Л. Пушкарева, И. В. Кондаков) показывает, что повседневность охватывает «все»: трудовую деятельность, ориентированную на внешний мир, стремления, фантазирования, сомнения, реакции людей на непосредственные частные события; географические и экологические условия жизни, производственные процессы, потребности (в жилище, в питании, одежде и др.) и технологии их удовлетворения, ценности и правила, формы и институты брака, семьи; методы осуществления обыденных действий, социальные правила и предубеждения, процесс их формирования; всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворение материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания; восприятие официальной культуры массами, ментальности и

бытовую социальную психологию, логики практики; окружающие людей вещи и то, как люди с вещами обращаются; телесный опыт; игры, желания и мечты, вербальный язык; домашнее и приусадебное хозяйство; политические предпочтения, мораль, нравственность, общественное мнение, межличностные отношения, суеверия, обыденную эстетику, житейскую мудрость, практическое знание; игры, слухи, советы; идеалы, стереотипы сознания, ценностные ориентации; установки массового сознания, регулирующие стереотипы поведения преимущественно в потребительской сфере; привычные в конкретном обществе нормы работы, отдыха, еды, воспитания детей, семейных и любовных отношений, логику повседневного мышления с характерными ошибками; реальность (жизненный мир) людей разных социальных слоев, их поведение и эмоциональные реакции на события; система определенных практик, выражающих основные наши предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Особого внимания заслуживают теоретические положения Де Серто, изложенные в труде «Практика повседневной жизни»: 1) культура повседневной жизни коренится в «адаптации», или «способе использования навязанных систем», 2) искусство повседневной жизни – это искусство находиться «между» производством и потреблением, 3) предметом исследования становятся индивидуальные акты потребления, творчество, происходящее из актов потребления [264, с. 36]. Особого внимания также заслуживает положение социальной феноменологии А. Шюца: «преимущества» повседневности по сравнению с другими сферами человеческого опыта в предметно-телесной закреплённости, реально то, что можно увидеть и потрогать. Поэтому повседневность является «верховой реальностью» [275, с. 129-138].

При объяснении предмета исследования, включающего понятия «хозяйственная культура» и «повседневность», нельзя обойти вниманием морфологическую модель культуры Э. А. Орловой – А. Я. Флиера, созданную на основе структурного функционализма. Согласно этой модели, выделяются специализированный и обыденный (повседневный) уровни культуры. Эти уровни пересекаются, взаимно связываются в личности, так как каждый член общества периодически включен в профессиональную деятельность и обыденную жизнь [174, с. 283]. Согласно морфологической модели Орловой-Флиера, хозяйственная культура – одна из областей человеческой

жизнедеятельности (наряду с культурой правовой, политической, философской, научной, религиозной, художественной, отдыха и др.). Хозяйственная культура специализированного уровня – экономика, торговля, финансы и др., хозяйственная культура обыденного/повседневного уровня – домашнее и приусадебное хозяйство [242, с. 134-137]. Хозяйственной культуре специализированного и повседневного (обыденного) уровней в этой модели культуры близка структура хозяйственной культуры, предложенная в экономической социологии В. В. Радаевым. Здесь ключевым понятием хозяйственной культуры выступает «хозяйственная идеология», которая воспроизводится на трех уровнях: идеологическая система, экономическая программа, массовое сознание. *Идеологическая система* – теоретически оформленная «чистая» модель хозяйственных процессов. Ее носители – исследователи-теоретики. *Экономическая программа* – тип более прикладных моделей, для которых характерны, с одной стороны, полнота охвата, с другой – принципиальная эклектичность. Их носители – эксперты и консультанты в области экономической политики, а также сами политики. В *массовом сознании* идеологические воззрения воспроизводятся в виде дихотомических клише и единичных суждений, опирающиеся на прочные земные основания здравого смысла. Идеологические системы и программы переводятся средствами массовой информации на язык популярных лозунгов и простых решений-«одноходовок». В таком виде они осваиваются носителями массового сознания [199]. Прослеживаются параллели между специализированным уровнем хозяйственной культуры в модели Орловой-Флиера и идеологической системой, экономической программой в модели В. В. Радаева, и соответственно, между повседневным уровнем хозяйственной культуры и воспроизведением идеологических воззрений в массовом сознании. Как видно, разделение хозяйственной культуры на специализированный и повседневный уровень достаточно условно. Отсюда следует, что специализированный уровень хозяйственной культуры существует в основном как идеологическая система и экономическая программа. Но эти уровни не могут быть реализованы только исследователями-теоретиками, экспертами, консультантами и политиками, они «спускаются» на повседневный уровень массового сознания и реализуются в нем. *В этом смысле вся хозяйственная культура является повседневной.*

В морфологической модели культуры Орловой-Флиера, которая в целом понятна и продуктивна, есть положения, вызывающие сомнение: в частности то, что повседневным уровнем хозяйственной культуры является только домашнее хозяйство. Автору представляется, что повседневная хозяйственная культура не сводится лишь к домашнему хозяйству. Это не позволяет сделать то содержание повседневности, которое приводилось выше. Убедительным примером более широкого, чем «домашнее хозяйство», понимания хозяйственной повседневности является подход к изучению повседневности Н. Л. Пушкаревой, где «бытовая сфера» не противопоставляется сфере производственной, производственный быт включается в сферу повседневного, и одна из задач исследователя – «в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями» [192]. Как понятие «быт» соотносится с ключевым понятием исследования – «повседневность»: в русском языке быт – это повседневная жизнь. Философия предлагает узкое и широкое понимание быта: в узком смысле – сфера внепроизводственной социальной жизни, в широком смысле – уклад повседневной жизни. Н. Л. Пушкарева использует принятую у этнографов категорию «быт» в широком философском смысле, но изучает быт не как этнограф, а как историк повседневности. «Другими словами, если этнограф реконструирует быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции людей на то, что их в быту окружает... Он ищет ответ на вопрос, как случайное событие становится вначале нормальным исключением, а затем – распространенным явлением» [171, с. 8]. Таким образом, *хозяйственная повседневность не должна сводиться только к домашнему хозяйству, она распространяется и на производственную сферу – «экономику, торговлю, финансы».*

Одним из ключевых понятий предмета исследования является «ценность». Ценностно-целевая система общества была важнейшим объектом исследования советской философии и науки. Известный советский философ Э. В. Ильенков показывал, как основоположники марксизма переработали диалектические идеи Гегеля относительно идеала. У Гегеля идеал – момент действительности, образ человеческого духа, вечно развивающийся через свои имманентные противоречия, всегда конкретен и постепенно реализуется в

истории. В марксизме идеал – образ цели деятельности объединенных вокруг общей задачи людей; активная, организующая сознание людей сила, объединяющая их вокруг решения вполне определенных, конкретных, исторически назревших задач [85]. В «Философии ценностей» М. С. Каган указывает, что в науке имеют место два варианта понимания идеала: 1) идеал выполняет роль высшей духовной ценности; 2) идеал – модификация проектной, духовно-преобразовательной деятельности человека [89, с. 83]. Ценность в советской общественно-политической литературе толковалась как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. В советской философской литературе проблема ценностей активно разрабатывалась в 1960-70-е годы (О. М. Бакурадзе, Б. И. Додонов, О. Г. Дробницкий, М. С. Каган, А. М. Коршунов, Л. Н. Столович, В. П. Тугаринов и др.). Были разработаны классификации ценностей. Тугаринов выделял две группы ценностей: ценности жизни и ценности культуры. Ценности жизни: жизнь, здоровье, радость жизни, общение с людьми и др. Ценности культуры: *материальные* (техника, жилище, пища, одежда и др.), *социально-политические* (общественный порядок, мир, безопасность, свобода, равенство, справедливость, человечность) и *духовные* (образование, наука, искусство). О. Г. Дробницкий выделял ценности предметные и субъектные. В марксистской философии применялись и другие классификации: ценности *материальные и духовные* (В. Момов), *реальные и потенциальные* (В. Момов, В. Г. Алексеева), *фактические и признаваемые* (Б. И. Додонов). Марксистская философия признавала наличие системы общечеловеческих ценностей. В современном понимании ценность – то, что особо, позитивно значимо в жизни человека и общества. Это установка, позволяющая человеку и обществу ориентироваться в окружающем мире и созидать. Ценности культуры – особая объективная положительная значимость чего-либо в духовной жизни конкретного человека, социальной группы, общества. В философской теории ценности М. С. Кагана предлагается следующая структура ценностей: 1) нравственные (Добро, Благородство, Отзывчивость, Готовность помочь другому, Справедливость, Самоотверженность, Бескорыстие, Альтруизм); 2) социально-политические

(общественный порядок, права социальной группы, законопослушание, патриотизм, гражданственность, национальное достоинство, сословная гордость, классовая солидарность, партийная дисциплина и др.); 3) художественные; 4) религиозные; 5) эстетические. Совесть – ценностный «инструмент» нравственного сознания [89, с. 50, 53, 107, 111, 112]. А. Я. Флиер определяет содержание культурных ценностей в двух проекциях: во-первых, как сумму наиболее выдающихся по своему качеству произведений (шедевров) интеллектуального, художественного и религиозного творчества. Во-вторых, как некоторую квинтэссенцию социального опыта общества, в рамках которой собраны наиболее оправдавшие себя и показавшие наибольшую социальную эффективность *принципы* осуществления жизнедеятельности: нравы, обычаи, стереотипы поведения и сознания, образцы, оценки, образы, мнения, интерпретации и т. п., то есть *принципиальные нормы поведения и суждения, которые ведут к повышению социальной интеграции сообщества*. Культурные ценности, трактуемые в этом смысле, представляют собой некоторое «ядро» социальной культуры сообщества, квинтэссенцию народной мудрости и высоких интеллектуальных откровений, содержащихся в разнообразных «культурных текстах», за века «наработанных» сообществом [242, с. 252].

По классификации Б. С. Ерасова выделяются шесть групп ценностей: *витальные* (жизнь, здоровье, телесность, благосостояние, практичность, потребление т.д.), *социальные* (социальное положение, богатство, труд, профессия, семья, патриотизм, предприимчивость и пр.), *политические* (права человека, государственность, законность, порядок, гражданский мир и др.), *моральные* (добро, любовь, честь, порядочность и пр.), *религиозные* (Бог, Священное писание, вера и др.), *эстетические* (красота, стиль, гармония и др.). Н. Н. Зарубина в структуре хозяйственной культуры выделяет универсальные базовые ценности: *труд, собственность, богатство, практицизм и рациональность, профессионализм, предприимчивость* [72, с. 16-26]. Как видно, универсальные базовые ценности хозяйственной культуры входят в две группы ценностей, выделенных Б. С. Ерасовым: витальные и социальные. Ценности советской (социалистической) хозяйственной культуры будут рассмотрены в Главе 2.

Как убедительно доказал В. Д. Лелеко, изучение повседневности на современном этапе характеризуется обращением к ментальному уровню повседневной жизни: идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям. Эти структуры повседневности важны с точки зрения содержащихся в них культурных смыслов. Исследовательский интерес направлен в большей степени на то, какие установки сознания, нравственные ценности стояли за теми или иными поступками и действиями [132]. Поэтому в изучении ценностных аспектов хозяйственной повседневности Советской России 1960–1980-х гг. автор опирается на труды А. С. Ахиезера, И. В. Кондакова, А. В. Лубского. Согласно теории А. С. Ахиезера, главными факторами развития общества являются менталитет общества и различных социальных групп, действительных людей, их психология, идеология, нравственные идеалы и ценности. От них и зависит мотивация реального политического (и экономического – Г. С.) поведения людей, социальных групп в социокультурном пространстве [13]. Как указывает А. В. Лубский, и в западной, и в отечественной литературе термин «менталитет» обозначает самые разнородные явления. Тем не менее, внимание акцентируется на стилях мышления, осознанных и неосознанных мотивах поведения, ценностных ориентациях, на традиции и архетипическом, мировосприятии, исторической памяти, практическом разуме и повседневном мышлении [139]. Данное исследование опирается на культурологическое понимание менталитета *как совокупности глубинных, не рефлекслируемых смысловых и поведенческих структур, составляющих метаисторический фундамент социокультурной истории. Это совокупность констант – жизненных установок, принципов, моделей поведения, эмоций и настроений, опирающихся на глубинные зоны смысла, а потому имеющих системообразующий характер для национальной культуры* [110, с. 515]. С понятием «менталитет» тесно связаны понятия «национальный характер» и «культурный архетип». Существует много определений национального характера. В данном исследовании используется предложенное К. Касьяновой: *реальное психическое образование, существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний* [98]. Используется предложенное А. В. Лубским определение культурного архетипа

как *глубинных культурных установок «коллективного бессознательного», с величайшим трудом поддающихся изменению* [138, с. 389].

Вопрос о менталитете советского общества как субъекта культуры рассматривается в Главе 2.

1.2. Массовая литература как феномен культуры и способ образного постижения повседневности

Задачу параграфа составляет рассмотрение одного из ключевых понятий темы исследования – массовой литературы. Обращение к изучению массовой литературы опирается на одно из теоретических положений культурологии: предметом научного культурологического анализа являются знаково-коммуникативные механизмы, регулирующие всякую социальную практику и в особенности взаимодействие и взаимопонимание между людьми. Культурология изучает культурно-смысловые содержания, выраженные в символах, знаках, художественных образах и т.п. [242, с. 38]. Массовая литература является именно таким знаково-коммуникативным механизмом общественной жизни.

Обращение к изучению массовой литературы требует понимания сущности массовой культуры, частью которой массовая литература является. Теоретические исследования массовой культуры в 20 веке связаны с двумя традициями. Одна традиция «культурного модернизма», к которому примыкают теоретики Франкфуртской школы социальных исследований, вторая – структурализма, семиотики и постструктурализма. Если представители «культурного модернизма» критически настроены по отношению к массовой культуре (Т. Адорно, К. Левис и Ф. Ливис, и Х. Ортега-и-Гассет), то представители структурализма (например, У. Эко) стремились к нахождению оптимального способа ее анализа. Наконец, представителем постструктурализма П. Бурдьё проблемы массовой культуры исследовались с точки зрения категории вкуса. Согласно Бурдьё, в высокой эстетике интерес смещен с содержания на форму, в популярной – на содержание. Иными словами, существуют различные стратегии вкуса, и массовая культура это особый вкус [25, с. 431-453].

Несмотря на развитие тенденции культурного плюрализма, на рубеже 20-21 вв. продолжали звучать голоса и мнения, созвучные идеям «культурного модернизма» [263, с. 66]. Как показывают публикации начала 21 века, массовой культуре продолжали приписывать «ложный гуманизм», «замаскированное неуважение к маленькому человеку», «принципиальную безликость и безнациональность», спекулятивность на общих ценностях, легкость в плане содержания и вульгарность в плане формы, исключительную безнравственность сюжетов. И вообще ставили под сомнение отнесение масскульта к искусству [213, с. 201-203]. До настоящего времени основными чертами массовой культуры определяют примитивизм, упрощенность человеческих отношений и представлений о жизни, сведение социальных конфликтов лишь к столкновению хороших и плохих людей, пошлую развлекательность, сентиментальность [152, с. 507]. В современном гуманитарном знании критика массовой культуры ведется в основном с позиций эстетической и гуманистической.

В традициях структурализма и семиотики, специфической особенностью массовой культуры считается активная востребованность типично мифических (архетипических) фигур, мифологических героев. В современной версии это персонажи комиксов, супермены в боевиках, детективы в полицейских романах [279, с. 183-190]. Эту идею, высказанную М. Элиаде «Аспектах мифа», в современном российском социокультурном знании развивает Е. Г. Соколов: массовая культура опирается на некоторые архетипические формы, вводит в действие некие структуры, присутствующие в человеке и обществе. Архетип в массовой культуре представлен в виде сжатой формулы или недвусмысленного приказа. Массовая культура оперирует чистыми, прозрачными, внятыми, кажущимися примитивными формами архетипических состояний. Предметы масскульта действуют прямо и открыто, очень агрессивно. Но не поддаются их обаянию весьма трудно, потому что они вводят в действие глубинные, архаические, неосознаваемые структуры человека [225, с. 74-81]. Лингвист и философ В. П. Руднев, раскрывая содержание массовой культуры, акцентирует внимание на ее функции: массовая культура нужна для того, чтобы осуществлять принцип дополнительности, восполнять нехватку информации в фундаментальной (высокой, элитарной) культуре. По своей сущности массовая культура – это семиотический образ реальности, оперирует предельно простой

техникой письма, традиционна и консервативна, ориентирована на среднюю языковую семиотическую норму, на простую прагматику, поскольку обращена к огромной аудитории. Сюжетная и стилистическая фактура должна быть примитивной, но совершенной – для коммерческого успеха. Необходимое свойство массовой культуры – занимательность, чтобы её покупали, а затраченные на ее производство деньги приносили прибыль [207, с. 221-222]. А. В. Костина подчеркивает адаптационную функцию массовой культуры: ее функцию как механизма социализации, социальной регуляции, гармонизации, ценностной ориентации [114].

Очевидно, что в массовой литературе присутствуют все сущностные признаки массовой культуры, разумеется, связанные с научной традицией понимания этого феномена. В понимании массовой литературы в гуманитарном знании выделяются два подхода: литературоведческий и культурологический. В литературоведении массовая литература, как и вся массовая культура, согласно традиции культурного модернизма, оценивалась и оценивается весьма низко. Термин «массовая литература» применялся и применяется как обозначение нижнего яруса литературы по ее эстетическому качеству [202]. В широком смысле массовой называли и называют литературу, не получившую высокой оценки художественно образованной публики. С середины XX века термином «массовая литература» стало принято обозначать и определенный жанрово-тематический репертуар: детектив, боевик, шпионский роман, научно-фантастический роман, фэнтези, триллер, любовный роман, костюмно-исторический роман. Интерес к изучению массовой литературы на Западе развивался после Второй мировой войны в контексте интеллектуальных традиций, в большей или меньшей степени связанных с неомарксизмом и молодежными движениями 1960-х годов [206, с. 182-184].

В 1976 году свое объяснение причин успеха и популярности массовой литературы предложил американский культуролог Джон Кавелти, издав книгу «Приключение, тайна и любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура». В этой книге изложена концепция литературных формул, ставшая основой многих филологических и культурологических исследований.

Литературная формула – это структура повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе

произведений. Формулы – это способы, с помощью которых конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальных повествовательных архетипах. Определенные сюжетные архетипы в большей степени удовлетворяют потребности в развлечении и уходе от действительности. Чтобы образцы заработали, они должны быть воплощены в персонажах, среде действия и ситуациях, которые имеют соответствующее значение для культуры, в недрах которой созданы. Формула – это синтез ряда специфических культурных штампов. Основные типы литературных формул – приключение, любовная история, тайна, мелодрама, чуждые существа и состояния.

Художественной особенностью формульной литературы является стандартизация и эскапизм. Стандартизация – читатели в знакомых формах находят удовлетворение и чувство безопасности. Эскапизм – удовлетворение потребности читателя отдохнуть и уйти от действительности (эскапизм). Формульная литература служит самым подходящим средством для ухода от действительности и расслабления. За это свойство литературная критика называет формульную литературу паралитературой, низовой литературой. Недостаток такого подхода: он заставляет оценивать формульную литературу лишь как низшую вместо того, чтобы в ее эскапистских характеристиках увидеть черты искусства определенного типа. Формульный элемент создает идеальный мир, в котором отсутствует беспорядок, двусмысленность, неопределенность и ограниченность реального мира, но большинство формульных произведений хотя бы внешним образом отражают реальную фактуру мира. Уход от действительности в формульной литературе обеспечивается особым акцентом на интенсивных и немедленных переживаниях.

Мир формулы можно описать как архетипическую повествовательную модель, воплощенную в образах, символах, мотивах и мифах конкретной культуры. В мире формулы аудитория может пережить максимум возбуждения, не испытывая чувств неуверенности и опасности, неизбежно сопутствующих подобному переживанию в реальности. Формулы созданы культурой и, в свою очередь, влияют на культуру, поскольку становятся общепринятыми способами представления и соотнесения определенных образов, символов, тем и мифов. Формулы становятся коллективными продуктами культуры, поскольку они

наиболее удачно артикулируют модель воображения ряда предпочитающих их культурных групп. Четыре взаимосвязанные гипотезы, касающиеся диалектики отношений между формульной литературой и культурой, которая их производит и воспринимает: 1) Формульные повествования подкрепляют уже существующие интересы и установки, представляя воображаемый мир в соответствии с этими интересами и установками. 2) Формулы разрешают напряжения и неясности, возникающие вследствие конфликтов интересов разных групп внутри одной культуры или неопределенности отношений к тем или иным ценностям. 3) Формулы помогают аудитории исследовать в воображении границу между разрешенным и запрещенным и осторожно попробовать шагнуть за эту границу. 4) Литературные формулы способствуют процессу включения ценностных изменений в традиционные конструкты воображения [86, с. 39-50].

На массовую литературу, также как на массовую культуру в целом, одни нападали, другие от нападков ее защищали. Одно из наиболее убедительных выступлений в защиту массовой литературы, которую также называли «вульгарной», «низовой», «дешевой», принадлежит Г. К. Честертону. Знаменитый английский писатель, автор многих детективов, утверждал, что пренебрежение интеллектуалов к «вульгарному чтиву» есть наглядный пример недооценки жизни простых людей. Он обосновывал это утверждение: «Вульгарная» литература не вульгарна уже хотя бы потому, что захватывает пылкое воображение миллионов читателей». Приключенческая литература, на которую обрушивается большая часть нападков, «вовсе не является уделом плебеев – она удел всякого нормального человека». В такой литературе Честертон не видел ничего дурного: «Она воплощает в себе привычное сочетание героики и оптимизма, тот трюизм, без которого невозможно человеческая жизнь». Гораздо больше дурного, по мнению Честертонна, именно в «высокой» литературе, откровенно преступной и нагло развязной. Обвиняя развлекательную литературу в нечистоплотности и беспринципности, интеллектуалы штудируют философов, возводящих беспринципность в жизненный принцип, рассуждающих о бессмысленности бытия. «У заурядного читателя, быть может, весьма неприятные вкусы, зато он на всю жизнь уяснил себе, что отвага – это высшая добродетель, что верность – удел благородных и сильных духом, что спасти женщину – долг каждого мужчины и

что поверженного врага не убивают. Эти простые истины не по плечу литературным снобам – для них этих истин не существует, как не существует никого, кроме них самих. В самом захудалом и наивном грошовом романе заложены прочные нравственные устои <...>» [249, с. 35-39].

Массовая литература в советском гуманитарном знании как предмет исследования также оценивалась весьма низко. В советской России интерес к изучению массовой литературы развивался с начала 1970-х гг., но, обусловленный влиянием советской идеологии, он имел национальную культурную специфику. Как отмечает А. Б. Ройфе, в советской России понятие «массовая литература» применялось исключительно к буржуазным феноменам. К особенностям советской аналитики массовой культуры в целом относится выборочной предмета исследования. Под массовой культурой понималась исключительно капиталистическая. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 21 января 1972 г. «О литературно-художественной критике», появилось немало научных трудов, посвященных буржуазной западноевропейской и американской (США) массовой культуре. Современную отечественную культуру, несмотря на явные параллели, в данном контексте не анализировали, массовой не называли [206, с. 182-184]. Труды по современной отечественной, издающейся массовыми тиражами литературе были единичными, посвящались в основном двум жанрам: советскому научно-фантастическому роману и советскому детективу (А. Ф. Бритиков А. Адамов, А. Н. Макаров). Лишь на исходе перестройки С. Шведов один из первых рассмотрел советскую литературу как массовую, включая в нее (что было явной новацией), историко-революционный и производственный роман («народные эпопеи»).

Как отмечает М. А. Черняк, литературоведы осознали необходимость серьезного изучения отечественной массовой литературы в середине 1990-х. С того времени знания о массовой литературе формируются на различных предметных полях – социология литературы (Л. Гудков, Б. Дубин), филология (С. Кагарлицкая, Н. Лейдерман и М. Липовецкий, Н. Мельников, М. Черняк, М. Чудакова и др.), семиотика культуры (М. Могильнер, И. Манкевич и др.). Предмет изучения отечественной массовой литературы многогранен: отечественная научно-фантастическая литература в аспекте проблем истории и теории жанра (А. Бритиков); социокультурный генезис прозы В. Токаревой

(Р. Вейли); романы В. Дудинцева в аспекте типологии и эволюции жанра (Е. Н. Володина); социалистический реализм как культурная парадигма (Л. Геллер, Е. Добренко, Н. М. Козлова, Г. Митин); литература сталинской эпохи в историческом освещении, социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы (Е. Добренко); авторское искусство в системе советской массовой культуры (С. Я. Кагарлицкая); история советской фантастики (Р.С. Кац); советская литература в едином литературном процессе XX века (И. В. Кондаков); типология советской литературы и советских писателей (В. П. Конев); советская литература 1950-х – 1980-х в историческом контексте (Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий); западные концепции «высокого» и «низкого» в советском контексте (Б. Менцель); молодежная «исповедальная проза» на рубеже 50-60-х годов в зеркале критики (Е. В. Посашкова); уголовный роман (А. Райтблат); Солженицын и его эстетика (Г. М. Фридлиндер); литературная жизнь между оттепелью и застоем (М. Чудакова); советская литература массового спроса (С. Шведов); отличие писателя советской эпохи от советского писателя (Д. Штурман).

Какой теоретический вклад современных российских исследователей в изучение массовой литературы? С. Шведов обратил внимание на интегрирующую функцию массовой литературы: «Лежащее в основе популярной литературы представление о постигаемости этого мира, о том, что мир в равной степени известен и писателю, и читателю, выражается, в частности, в языковой конструкции («тот, который»), отражающей некоторые принципиальные структуры массового сознания. Взаимопонимание между автором и читателем, ориентация на единые представления о реальности, на единый эстетический вкус, иными словами, принадлежность к общему культурному контексту проявляется в том, что иногда писателю оказывается необязательно описывать создаваемую им реальность: можно просто указать на нее. <...> Все знания, принимаемые как сами собой разумеющиеся, обладают социализирующей структурой: допускается, что такое знание принимается каждым членом группы. Общность знания объединяет членов социальной группы, подтверждает ее единство» [265, с. 398, 399].

В современном литературоведении традиции культурного модернизма в отношении массовой литературы развивает В. Е. Хализев. По мнению Хализева, массовая литература – это совокупность популярных произведений,

которые рассчитаны на читателя, не приобщенного (или мало приобщенного) к художественной культуре, невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить и по достоинству оценивать произведения, ищущего в печатной продукции, главным образом развлечения. Массовая литература (популярная, тривиальная, паралитература) мыслится как подобие литературы, паразитирующее на ней. Массовая литература обслуживает читателя, чьи понятия о жизненных ценностях, о добре и зле исчерпываются примитивными стереотипами, тяготеют к общепризнанным стандартам. В соответствии с этим герои книг паралитературы лишены характера, психологической индивидуальности. Отсутствие характера компенсируется динамично развивающимся действием, обилием фантастических происшествий. Стремясь убедить читателя в достоверности изображаемого, массовая литература «обставляет» невозможные в реальности приключения узнаваемыми и документально достоверными подробностями [243, с. 161-165].

Н. Г. Мельников, рассматривая понятие массовой литературы в современном литературоведении, обращает внимание на то, что литературный «верх» и «низ» – величины изменчивые, порой меняющиеся местами. Общеизвестно, что массовая литература занимает эстетический «низ», имеет коммерческий успех и массовый спрос. Но по содержательному и эстетическому признаку к массовой литературе могут быть отнесены произведения, претендующие на элитарность, печатающиеся в малотиражных журналах авангардного типа, ориентирующиеся на культурную элиту. Эти произведения бывают безвкусными, подражательными, и с полным основанием могут быть отнесены к эстетическому «низу». Н. Г. Мельников развивает идеи Д. Кавелти: в основе каждой жанрово-тематической разновидности массовой литературы лежит одна или несколько литературных формул, каждая из которых представляет собой «синтез специфических культурных штампов и более универсальных повествовательных форм или архетипов». Поэтому к массовой литературе следует относить утвердившиеся в культурном сознании и литературе данной эпохи формально-содержательные модели прозаических произведений, построенных по определенной сюжетной схеме, обладающих общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц (подчиненных традиционной сюжетной функции) и воссоздающих «некий идеальный мир, в

котором отсутствует беспорядок, двусмысленность, неопределенность и ограниченность реального мира», в котором читатель может пережить максимум возбуждения, не испытывая чувств неуверенности и опасности, неизбежно сопутствующие такому переживанию в реальности [158, с. 232-233].

До последнего времени в попытках научного определения сущности такого феномена как массовая литература доминирующим остается признак – искусство для среднего или низкого вкуса. Однако И. И. Саморукову все же удалось сформулировать определение, которое не имеет открыто оценочного характера: массовая литература представляет собой «1) совокупность фикциональных повествовательных текстов; 2) созданных по готовым моделям сюжетного развертывания; 3) репрезентирующих значимые для тех или иных социальных групп символы, смыслы, идентичности; 4) производимых с учетом коммерческой выгоды; 5) выполняющих функцию социально-психологической адаптации их потребителя к актуальным проблемам современности» [212, с. 8].

Рассматривая массовую литературу, не обойтись без пояснения термина «беллетристика». В современной теории литературы беллетристика и массовая литература рассматриваются как близкие, но не тождественные. Хотя в ряде исследований они используются как синонимичные. Большинство авторов придерживаются точки зрения, согласно которой беллетристика представляет собой «среднее поле» литературы, отличаясь от высокой и массовой. В. Е. Хализев говорит о беллетристике в широком и узком смыслах: в широком смысле это – художественная литература, в узком смысле – повествовательная проза, литература «второго» ряда, но имеющая неоспоримые достоинства, отличающаяся от литературного «низа», т.е. срединное пространство литературы. В беллетристике значим прежде всего круг произведений, не обладающих масштабностью и сколько-нибудь выраженной художественной оригинальностью, но обсуждающих проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков. Беллетристика, откликающаяся на литературно-общественные веяния своего времени, ценностно неоднородна. В одних случаях она содержит в себе начала оригинальности и новизны (более в сфере идейно-тематической, чем художественной), в других – оказывается по преимуществу или полностью подражательной и эпигонской. Беллетристика, активно откликающаяся на «злобу дня», воплощающая веяния «малого времени», его заботы и тревоги,

значима для понимания истории общественной и культурно-художественной жизни прошлых эпох [243, с. 169]. По мнению М. А. Черняк, беллетристику с массовой литературой роднит то, что она откликается на важнейшие веяния эпохи, занимательна по содержанию, обычно апеллирует к общепринятым моральным ценностям, поднимает вечные вопросы, подтверждает известное и осмысленное. Этим она вызывает читательский интерес. При этом сходство есть и отличия: если в массовой литературе авторская точка зрения размыта и присутствует стилистическая разноголосица, то в беллетристике есть авторская позиция, точка зрения и интонация [248, с. 22, 159, 160].

В семиотике культуры массовая литература – культурный текст. Ю. М. Лотман доказывал, что понятие массовой литературы – социологическое: «Оно касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру. Таким образом, понятие «массовой литературы» в первую очередь определяет **отношение** того или иного коллектива к определенной группе текстов». По мнению Лотмана, массовая литература должна обладать двумя, взаимно противоречащими признаками: 1) она должна быть наиболее распространенной количественно частью литературы. 2) В этом же обществе она должна оцениваться чрезвычайно низко, как «плохая», «грубая». Прежде всего, массовая литература исходит из представления о том, что графически закрепленный текст – это и есть в с е произведение. Читатель не настроен на усложнения структуры своего сознания до уровня определенной информации – он хочет ее получить. Возникает настроенность на получение информации извне, то есть на ситуацию, типичную для общения на естественном языке. Интерес к вопросу «Чем кончилось?» – ситуация типично нарративная, повествовательная. Она свойственна внехудожественному подходу к информации и проникает в искусство в результате давления естественного на вторичные моделирующие системы». Родство с фольклором проявляется в обязательности поэтики хорошего конца [135, с. 381-388].

В рамках социологии культуры понятие «массовая литература» перестает быть негативным концептом или ассоциироваться с позитивной программой дальнейшего развития литературы (как у постмодернистов) и приобретает характер объективно-научного термина. С социологической точки зрения, к

«массовой литературе» должны быть отнесены все произведения, получившие массовое распространение, читаемые большими массами людей вне зависимости от художественных достоинств и особенностей произведений. Социология культуры исходит из признания того факта, что никакое художественное явление не может получить массового распространения, если оно не удовлетворяет определенным человеческим потребностям [122].

С точки зрения социологии литературы, изучение массовой литературы должно быть обусловлено познавательными интересами к самой природе человека. В «массовой литературе» нет примитивного представления о человеке, она свободно оперирует самыми сложными приемами и литературными конструкциями, но использует их лишь для своих собственных целей и задач. Стереотипность и схематичность приемов массовой литературы – результат прагматического, инструментального использования уже отработанных ранее приемов и ходов. Массовую литературу занимает содержательное многообразие ролевых, ситуативных, нормативных конфликтов, коллизий социальной и ролевой идентификации.

Назначение массовой литературы – игровая репрезентация человеческих проблем, конфликтов, напряжений, а не техническая выразительность приемов. В фокусе внимания этой литературы – проблемы репрезентации человеческих взаимоотношений, которые моделируются в виде готовых игровых, ролевых, ситуационных правил и ходов. Главное отличие массовой литературы – принципиальная позитивность отношения к миру, отмеченная Г. К. Честертоном.

Массовая литература всегда будет ставить тривиальные эксперименты с типовыми ситуациями человеческих взаимоотношений. Типовыми в том смысле, что они определяют нормативные структуры повседневности. В отличие от литературного авангарда, для массовой литературы конечные ценности безусловны – в этом мире никто не задается вопросом, что такое добро, свобода и т.п. Проблемой является ситуативная нормативная неопределенность действия, достижения самоидентичности (успеха, согласия с собой, признания, справедливости, самоутверждения и проч.). Реальность массовой литературы проникнута пафосом позитивного действия. Чтение и переживание этой литературы резко расширяет экзистенциальный горизонт. Прагматика действия, игровое моделирование этических, психологических и

прочих коллизий, позволяют индивиду открыть себя себе самому или объяснить себе других социальных персонажей.

То, что массовая литература всегда строится не на рефлексии, а на ценностной прагматике активного действия, дает исследователям определенные возможности изучения нормативных структур, задающих характер поведения в различных проблемных ситуациях, ролевых конфликтах, институциональных рамках. Для анализа массовой литературы необходим инструментарий как можно более широкого круга дисциплин: психологии, социологии, экономики, истории и проч. Массовая литература в данном случае становится таким же материалом для анализа или объяснения, как и любая другая система человеческого действия – религия, экономика, власть, образование и тому подобное [51, с. 93-97].

Итак, к массовой литературе относят, в первую очередь, ту литературу, которая пользуется наибольшим читательским спросом. Массовую литературу понимают как текст общедоступный и общепонятный, в основе которого – базовые модели сознания, присущие всем людям. Основные качества массовой литературы, в том числе, беллетристики, – установка на читателя, занимательность, олицетворение повседневного. Основные функции массовой литературы – коммуникативная и адаптивная. Исходя из этих теоретических посылок, массовая художественная литература рассматривается как знаково-коммуникативный и адаптивный механизм общественной жизни [242, с. 38-44], источник культурологической информации для изучения повседневности.

Изучение хозяйственной сферы культуры по текстам массовой художественной литературы теоретически опирается на философские положения В. Соловьева, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, О. Шпенглера и М. Хайдеггера о художественных методах познания культуры, которые давно вошли в культурологический инструментарий. Безусловно, культура может и должна изучаться традиционными научными методами. Но как бесконечность духа, бездонность смыслов, динамическая целостность и экзистенция – ее познание должно включать и художественный дискурс. Художественное познание дает иную, по сравнению со «сциентистско-прогрессистской» схему историко-культурного процесса. Именно такой тип познания соответствует природе культуры с ее динамичностью, процессуальностью, парадоксальностью, сложностью связей [273, с. 256].

Теоретическим основанием изучения хозяйственной повседневности через ее отражение в массовой художественной литературе является **феноменология**, если целью исследования является познание духовных основ, лежащих в основании культуры. Ключевым положением феноменологии является сведение всего содержания познания к чувственному восприятию, посредством которого исследователь приходит к пониманию реальности. Исходя из того, что феномен меняется от времени, места и контекста чувственного восприятия, в каждом акте восприятия открывается новый смысл. Исследователь анализирует предмет через то, что ему дано. Культура может быть дана для чувственного восприятия и раскрытия ее смысла в воспоминаниях, в произведениях искусства. Процедура феноменологического исследования заключается в фиксации и описании явления через призму сознания. Происходит описание того, что дано в чувственной и умственной интуиции исследователя. Феноменология позволяет обнаружить ценности и цели деятельности, не лежащие на поверхности повествования.

Изучение повседневности по текстам массовой художественной литературы опирается на структурализм, понимающий культуру как продукт символотворчества, совокупность знаково-символических систем – текстов. Один из основных принципов структурализма – представление о бессознательных ментальных структурах, организующих и упорядочивающих жизнедеятельность человека и общества. Бессознательные структуры объективируются в тексты – знаково-символические системы. Цель метода – выявление и научное познание бессознательных мыслительных структур путем сравнительного структурного анализа знаковых систем, понимаемых как культурные тексты.

В рамках семиотики культуры, изучающей свойства знаковых систем, художественный текст мыслится в качестве функции: «В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории, причем эти последние могут не совпадать по своим объемам <...>. Современная точка зрения опирается на представление о тексте как пересечения точек зрения создателя текста и аудитории. Третьим компонентом является наличие определенных структурных признаков, воспринимаемых как сигналы текста. Пересечение этих трех элементов создает оптимальные условия для восприятия объекта в качестве текста» [134, с. 179]. Согласно теории Ю. М. Лотмана, художественный текст

выполняет функцию коллективной культурной памяти и предстает перед исследователем «как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [136, с. 160-162].

В культурологии семиотика чаще всего используется на уровнях семантическом и прагматическом. На уровне семантическом – для изучения знаковых систем как средств выражения смысла, на уровне прагматическом – для изучения отношения между знаковыми системами и их реципиентами. На семиотике базируется использование художественного текста в качестве источника культурологической информации. В современной российской науке тема информационных ресурсов художественной культуры, в том числе, литературных текстов, и методологические вопросы изучения текста художественного произведения рассматриваются и развиваются в работах Т. Н. Суминой. В работах И. А. Манкевич показывается, что обращение культуролога к литературно-художественному наследию как к способу презентации бытия «человека частного» в контексте взаимодействия повседневных и литературных текстов культуры представляется перспективной сферой познания [146].

Теоретической основой исследования является системная модель культуры М. С. Кагана с теорией о взаимосвязи трех подсистем культуры – материальной, духовной, художественной. В теории М. С. Кагана художественная деятельность человека рассматривается как один из видов человеческой деятельности. В ней нет деления на материальную и духовную составляющие, слиты воедино теоретическое и практическое освоение мира. В художественной деятельности обнаруживаются все четыре основных вида человеческой деятельности: преобразование реальности, общение людей, познание и ценностная ориентация.

Искусство есть предметное бытие художественной деятельности и, в отличие от других частей культуры, представляет человеческую деятельность не односторонне, а целостно. Иначе говоря, оно изоморфно культуре, то есть имеет аналогичную структуру. Культура представляет собой социальный макрокосм, охватывающий всю полноту и целостность, глобальность и тотальность человеческой деятельности, а искусство – это микрокосм, в котором отражается культурный макрокосм. В историческом измерении бытия

искусство, принадлежащее каждому конкретному историческому, классовому и другим типам культуры, становится его образной моделью, его «портретом», его «самосознанием» и начинает играть роль «кода», позволяющего проникнуть в глубинную суть представляемой им культуры. Искусство становится своего рода зеркалом, в которое культура смотрится, познавая в нем себя. Культуре нужно видеть в искусстве не точную фиксацию всего того, что в ней содержится, но отражение самой сути своей. На каждой ступени своего развития и в каждом национальном варианте художественная деятельность воплощала определенный образ мира и человека, который формировался в данном типе культуры. Чтобы понять особенности этих сменявших друг друга образов, нужно вывести каждый из них из характера культуры, взятой в единстве материального и духовного разделов и в сопряженности с особенностями социальных отношений данного времени. Знакомство с искусством каждой исторической фазы культуры дает максимальную возможность почувствовать неповторимый «аромат» всей культурной жизни того времени [87, с. 9-18].

В российском социокультурном знании имеется немалый опыт изучения исторических и культурологических ресурсов художественных текстов в аспекте стереотипов поведения, ценностных ориентаций, этнического самосознания, брачно-семейных отношений, знаковой функции вещей, которые не отражены ни в каких других источниках (Г. С. Кнабе, Ю. М. Лотман, Е. И. Филиппова, М. К. Любарт, Т. М. Димони и др.). Историки отмечают, что художественная литература имеет свойство «нащупывать» и фиксировать реальность, улавливать «на бессознательном уровне существующие в обществе настроения, задолго до того, как они будут систематизированы на языке науки и найдут отражение в историографии» [77, 233]. Как отмечает Ю. Поляков, художественная литература, отражающая современность, особенно значима для изучения истории повседневности в ее будничных проявлениях. Не менее важно и то, что писатель может глубоко проникнуть в психологию своих героев, мотивацию их поступков, помогая понять менталитет общества, характер и уровень общественного сознания» [187, с. 4, 5].

В. Е. Хализев справедливо отмечает способность литературы отражать реальность, запечатлевать культурно значимые факты и реалии. Литература (что особенно характерно для нее в 19 и 20 столетиях) многопланово и

настойчиво рисует «ткань жизни». Воссоздание жизненной конкретики выступает как призыв писателей к пристальному вниманию к связям между людьми и их непосредственным, ближайшим окружением. Контакты человека с окружающей реальностью, его общение с окружающими людьми составили неотъемлемую грань предметности литературных произведений 19-20 вв. Здесь словесное искусство интенсивно упрочивает свои связи с фундаментальным началом культуры. Оно постигает «ткань жизни» как сферу духовно-практических ориентаций человека. Литературная классика 19 века и в значительной мере – 20 века перекликается с той ветвью культурологии 20 века, которая ориентирована на проблемы межличностного общения [244, с. 34-41]. Именно способность литературы многопланово отражать реальность является основанием для изучения по художественным текстам феномена советской хозяйственной культуры.

Итак, если художественная литература в целом является признанным источником исторической и культурологической информации, есть основания включить в этот ряд *массовую* художественную литературу. Ю. М. Лотман на основании собственного исследовательского опыта утверждал: массовая литература устойчивее сохраняет формы прошлого. Б. Дубин и М. Черняк указывают на значимость информационной функции массовой литературы при изучении российской культуры. Особенно большой информационностью обладает массовая литература для изучения повседневной культуры. Этот аспект информационности массовой литературы уже доказан исследователями: «малохудожественные, популярные произведения литературы представляют исключительно ценный источниковый материал для исследователя, так как они – свидетели повторяемости, широкой адаптации идей, превращения их в предмет «массового потребления». Если прежде интеллектуальная история считала достойным внимания лишь «высокие» тексты», то современная антропоцентричная историография отказывается от методологического снобизма прежних лет» [161, с. 14]. Иными словами, массовая литература в художественно-образной форме фиксирует то, что Ф. Бродель обозначал в качестве задачи изучения повседневности: процесс восприятия официальной культуры низами, формы, в которые отливаются идеологические конструкты, попадая в профанный мир.

Массовая литература создается в соответствии с запросами читателя. Поэтому постичь особенности массовой литературы, своеобразие ее жанров и тематики – значит не только определить сущность этого культурного феномена, но и проникнуть во внутренний мир своего современника. Внимание к произведениям массовой литературы не только расширяет культурный горизонт, но радикально меняет оптику, ведь разнообразие массовой литературы – это разнообразие типов социальности. В массовой литературе поэтика повседневности дает возможность обнаружить точные приметы времени [248, с. 4, 5, 6, 174].

Т. Ф. Кузнецова рассматривает «массовую беллетристику» как часть современной обыденной культуры и находит в ней черты именно этой культуры: концентрация внимания на проблемах выживания, рождения детей, семьи, власти, социальной иерархии, коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть). В «массовой беллетристике» читатель оказывается в центре внимания, его повседневные потребности определяют как содержание, так и стиль произведений. «Массовая беллетристика» в целом формирует и удерживает в сознании человека и общества обыденную картину мира [121, с. 276-279]. Иными словами, «массовую беллетристику» можно считать частью обыденной культуры, в первую очередь, на основании общей картины мира и ценностных ориентаций. Согласно морфологической модели культуры Орловой-Флиера, массовая литература входит в такой блок человеческой жизнедеятельности, как «культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений». Этот блок включает в себя и художественную культуру (специализированную и обыденную). Массовая литература («массовая беллетристика») является частью специализированной художественной культуры. Связь массовой литературы с обыденной, или повседневной, культурой видится в следующем: в текстах используются архетипические формы, присутствующие в человеке и обществе, применяется предельно простая техника письма, средняя семиотическая норма языка, конструируется простая прагматика, транслируются простые нравственные жизненные истины. Главное, что в основе массовой литературы лежат устойчивые «базовые модели» сознания, присущие всем людям. Изначальные стремления, цели массовых произведений понятны и привлекательны для огромного большинства населения, что и роднит этот пласт литературы с

культурой повседневности, имеющей адаптивные ориентации. Эти «базовые модели» в схеме Орловой-Флиера фигурируют как элементы обыденного уровня разных блоков человеческой жизнедеятельности: мораль, нравственность, общественное мнение, межличностные отношения, здравый смысл представлений о правилах человеческого поведения, народная мудрость, повседневные рациональные знания о мире, бытовая логика социальной жизнедеятельности.

Массовую литературу с повседневной культурой связывает традиция. Повседневная культура имеет адаптивные ориентации, в своей установке общедоступна и общепонятна, ориентирована на сохранение традиции. Массовая литература, как вся массовая культура, также традиционна и консервативна [207, с. 222]. То, что «заурядный читатель на всю жизнь уяснил себе», является традиционными ценностями обыденной/повседневной культуры. Ценность массовой литературы для изучения повседневности заключается и в том, что массовая литература «обставляет» невозможные в реальности приключения узнаваемыми и документально достоверными подробностями, а беллетристика активно откликается на злобу дня, воплощает «веяния своего времени, его заботы и тревоги» [243, с. 166]. Таким образом, массовая художественная литература для изучения повседневности в аспекте ценностных ориентаций и характерных умонастроений является не менее репрезентативным источником, чем мемуары, письма, воспоминания, социологические опросы, интервью и периодическая печать.

В изучении ценностных аспектов хозяйственной повседневности по текстам массовой художественной литературы используется герменевтический метод. Метод «вчитывания в текст», размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося» [192]. Через слова, поступки, представления героев исследователь повседневности старается понять мотивирующие их жизненные ценности.

С позиций семиотического подхода к исследованию культуры, в современном социокультурном знании стало актуальным рассмотрение произведения художественной культуры как целостного объекта исследования. Согласно информационно-семиотическому подходу, обоснованному в работе

Т. Н. Суминовой, текст произведения художественной культуры можно определять как информационный ресурс. В прикладном плане из этого следует, что текст изучается на трех уровнях: 1) собственно текст, созданный конкретным автором; 2) контекст произведения, отражающий элементы общей культурной компетенции автора и непосредственные социокультурные условия, повлиявшие на содержательный компонент произведения; 3) гипертекст, включающий мнения и суждения о художественном произведении [232, с. 175]. В Главе 2 рассматривается социокультурный контекст.

1.3. Особенности советской массовой литературы как феномена культуры

Согласно конкретно-историческому подходу к изучению культуры, в обществах с различным уровнем социокультурного развития универсальные формы культуры предстают по-разному. Феномен массовой литературы в советской культуре приобрел уникальные особенности.

В советской массовой литературе проявляются общие – системные для всей советской культуры черты. При этом следует заметить, что те характеристики советской культуры, которые даны в современном социокультурном знании, показывают динамику осмысления этого культурно-исторического типа. На рубеже 1980–1990-х гг. происходит, согласно теории А. С. Ахиезера [14], инверсия всех ценностей советской культуры, ее «разоблачение» и отрицание. Как отмечает И. В. Кондаков, тогда в литературе померкла слава социалистического реализма, классиков советской литературы потеснили другие имена, иные произведения [110]. В 1991 году именно в русле разоблачения советской культуры С. Шведов высказал точку зрения о ценностно-ориентирующей функции советской массовой литературы: «У нас и массовая литература особая. Она не учит даже поверхностному благородству. Она учит, что поверженный враг должен быть уничтожен, что высшая добродетель – лояльность по отношению к группе, что коллектив всегда прав» [265, с. 407]. Тенденция отрицания и негативных оценок проявлялась и в исследованиях начала 21 века. Продолжали акцентироваться такие идейно-художественные принципы социалистического искусства, как партийность, нигилизм по отношению к предсоциалистическому искусству, идея

превосходства, исключительности и непревзойденности, монументализм, мифологизм, оптимизм, «новый гуманизм», «борьбизм», художественное переконструирование жизни, прагматизм, массовость, тематическая ограниченность [113, с. 292]. Через десятилетие, к началу 21 века, в науке появляется более отстраненный и глубокий взгляд на советскую культуру. Л. Г. Ионин выявляет общие принципы советского политического канона – целостность, иерархию и целенаправленность [83, с. 218, 219]. Феномен советской культуры выводится из сферы идеологических коннотаций. Философский анализ советской культуры, проведенный Л. А. Булавкой, показал, что советской художественной культуре был свойственен ряд противоречий: наличие гуманистической стороны и «обратной стороны», связанной с наличием отчужденных форм властного подавления художника и его самоотчуждения. Советская художественная культура отражала диалектическое единство отчужденных реалий советской системы («сущего») и ее освободительной тенденции («должного»). Советская культура близка культуре Возрождения по острейшему характеру борьбы между старым и новым. В силу этого обе культуры были пронизаны, с одной стороны, оптимизмом, а с другой – тревогой перед будущим [22, с. 275-276].

Советская культурно-историческая специфика искусства, в том числе, художественной литературы, проявилась в художественном методе – социалистическом реализме. Современные авторы в суждениях о мировоззрении соцреализма разделяются на две группы: одни усматривают генетическую связь соцреализма с фольклором и массовой культурой (Е. Добренко, Н. Лейдерман и М. Липовецкий), другие – с авангардом/модерном (Б. Гройс, В. Конев). Аргументы Е. Добренко: метод соцреализма образовался не по указке партийных властей, но власти великолепно использовали потребность общества, задержанного социальными катастрофами, неопределенностью и непредсказуемостью, в порядке, в некой понятной, объясняющей мир и вдохновляющей мифологии. Власти всячески поддержали народившуюся художественную тенденцию, придав ей статус государственного искусства [56]. Н. Л. Лейдерман поясняет: соцреализм в огромной степени рожден такой тенденцией XX века как «восстание масс». Масса потребовала искусства на доступном ей языке, без модернистских сложностей [130]. Здесь уместно будет отметить, что В. П. Руднев

характерными признаками массовой культуры считает антимодернизм и антиавангардизм [207, с. 222]. Аргументы противоположной стороны в формулировке В. П. Конева: соцреализм по мировоззрению родственен модернизму, ибо в основе всех форм модернизма лежит принцип создания новой реальности. С точки зрения общих мировоззренческих позиций экзистенциальные установки авангарда в искусстве совпадали с установками «авангарда рабочего класса». Теоретики соцреализма в авангардистском духе утверждали, что искусство не только должно «отражать, но и перестраивать» жизнь [113]. Конечно, авангард прагматичен, смысл его – в активном и агрессивном воздействии на публику. Но самое существенное в авангарде – его необычность формы, а одним из важнейших идейных принципов соцреализма выступает народность, что предполагает, кроме ценностных установок, создание произведений по форме и содержанию массовых, доступных народу. Эстетическая платформа соцреализма включает реалистическое начало. Если по содержанию, сверхзадаче – перестроить жизнь – произведения соцреализма можно отнести к авангарду, то по форме они, конечно, были реалистичны.

Советская специфика массовой художественной литературы проявилась в жанрах. Жанрово-тематический репертуар массовой литературы, сформировавшийся в СССР, включал в себя явно не характерные для США и Западной Европы производственный и историко-революционный романы [159, с. 518]. Другой специфической особенностью стала канонизация: такой жанр советской беллетристики как историко-революционный роман («Как закалялась сталь», «Разгром» и «Молодая гвардия») возводился в ранг классики волевыми решениями власти, становился «канонизированной беллетристикой» [243, с. 170]. Канонизированные произведения были отмечены государственными премиями, входили в школьную программу и пропагандировались системой образования, просвещения. Это романы Н. Островского, А. Фадеева, М. Шолохова, А. Толстого. Место, близкое к канонизированным произведениям, занимали отмеченные государственными премиями романы С. Бабаевского, М. Алексева, Вс. Кочетова, Вс. Иванова, Г. Маркова, П. Проскурина. Они не входили в школьную программу, но были в списках литературы, рекомендованной для внеклассного чтения и лидерами читательского спроса в 1960–1970-е гг.

В системе советской культуры массовая культура, в том числе, искусство, прошли общий процесс утверждения социокультурного монизма в конце 1920-х и перехода к полистильности в период «оттепели». Со второй половины 1950-х советское искусство перестает быть монолитным целым. Из ценностного восприятия жизни и искусства 1950–1960-х гг. медленно, но верно уходят черно-белые тона, однозначные оценки, жестко-нормативные интерпретации событий и характеров, поступков и переживаний. В 1950-е было реабилитировано само понятие «стиль» и возможность применять к нему множественное число. Именно в это время впервые заговорили не только о «жанровом», но и о «стилевом многообразии» советской литературы и искусства [110, с. 355, 395, 398]. Вопрос о «стилевом многообразии социалистического реализма», который допускает не только жизнеподобные, но и условные формы изображения жизни, впервые в теоретическом плане был поставлен на Втором Всесоюзном съезде советских писателей (1954).

Переходом к полистильности культуры объясняются и выявленные В. П. Коневым процессы в советском искусстве 1960–1980-х гг. Выделилось несколько направлений по идеолого-политическому критерию: 1) консервативное, поддерживаемое властью; 2) либерально-демократическое, строящееся на официально провозглашаемых, но ранее не реализованных принципах гуманизма, братства, равенства, справедливости; 3) оппозиционное. Причем, художественно значимые произведения создавались во всех трех направлениях. Сформировались и несколько типов художников: 1) художник, искренне идентифицирующий себя с системой, принимающий идеологию; 2) художник, для которого верность идеалам и ценностям системы соединялась с критикой «искажений» этих идеалов на практике; 3) художник с раздвоенным сознанием, который выражал в творчестве идеологические принципы, а в приватной жизни либо в этих принципах сомневался, либо отвергал их; 4) художник, ортодоксальный в своих публичных выступлениях и заявлениях, в своем творчестве, насколько это было возможно в условиях цензуры, правдиво отражал реальные проблемы человека и общества; 5) художник-нонконформист и в жизни, и в творчестве [112, с. 34-35]. В. П. Конев отмечает, что в искусстве стали менее публичными запреты и цензура, постановления, разбирательства, указания. Практика госзаказов на произведения искусства и

цензура временно ушли в тень. С цензорами общались только ответственные секретари и главные редакторы [113, с. 73, 180, 232].

В годы «оттепели» шел процесс, который одними исследователями называется эволюцией метода социалистического реализма, другими – «выламыванием» из соцреалистической парадигмы. По характеристике Л. Аннинского, в годы «оттепели» литература от эпопей отпрянула к «фактам», к логике «конкретной проблемы». К повести, рассказу, этюду. К «фрагментарии». К эссеистике интеллектуальной, к эссеистике лирической, к эссеистике как принципу» [8, с. 409, 410]. По мнению В. Конева, соцреалистический реализм с начала 1930-х гг. до конца 1970-х гг. прошел путь от догматической интерпретации до понимания его как «открытой системы», а «первоначальный акцент на слове «социалистический» постепенно сменялся акцентом на слове «реализм» [112, с. 34]. В литературе появилась возможность отойти от технологии многослойного подтекста, которая использовалась великими мастерами в условиях тоталитаризма [110, с. 386]. Заметные сдвиги происходили в системе литературных жанров соцреализма. Если в 1940-1950-е гг. советская литература была занята созданием такой реальности, где «прекрасное слито с повседневным», «жизнь романтична», «будни героичны, а героизм повседневен», и наиболее отчетливо этот процесс наблюдается в производственном или производственно-семейно-бытовом романе, таком как «Журбины» Вс. Кочетова [57, с. 341-343], то в годы оттепели советское искусство сделало акцент на «правде жизни». В критических статьях того времени отмечалось: если в годы культа личности приукрашивание реальной жизни в искусстве было нормой, то теперь советские художники изживают то, что внесено в искусство культом личности, то есть делают правду жизни нравственным своим ориентиром [Варшавский 27]. В производственных романах первых лет «оттепели» (Д. Гранин «Искатели», В. Дудинцев «Не хлебом единым», Г. Николаева «Битва в пути», В. Каверин «Поиски и надежды», Д. Гранин «Иду на грозу») авторы пытались сохранить соцреалистические художественные шаблоны, догмы о классе-гегемоне, о труде как «деле чести, славы, доблести и геройства», о производстве как центре всей духовной жизни общества, и нравственный идеал оставался вполне соцреалистическим – эпосная гармония между человеком и обществом. Но в этих романах начинаются сдвиги, «выламывание из соцреалистической

парадигмы»: конфликт, ранее связанный с преодолением сопротивления внешних сил, «вредителей», сдвигается внутрь производственного коллектива, между творцами и формалистами, производственным коллизиям отводится роль первотолчка для конфликтов нравственных и психологических, а социальная реальность в основе своей противоречит нравственному идеалу [130, гл. 2].

Под влиянием культуры «оттепели» интенсивно развивалась советская фантастика. В. Е. Хализев относит ее к беллетристике: с установкой на развлекательность, тяготеющую к формульности, авантюренности, но с неизменной авторской индивидуальностью. В первую очередь, это романы и повести А. и Б. Стругацких, И. Ефремова [243, с. 170]. В духе «оттепели» братья Стругацкие в своих ранних книгах «Извне» (1958), «Страна багровых туч» (1959), «Путь на Алматею» (1960), «Стажеры» (1962), «Далекая радуга» (1963) нарисовали картину «коммунизма с человеческим лицом», свободного общества свободных и гуманных людей, нашли художественные идеи и формы, наиболее адекватные миропониманию научно-технической интеллигенции оттепельного поколения. Стругацкие, как молодая советская научная элита, верили, что именно они станут архитекторами обновленной социалистической утопии [130, гл. 2]. Одна из лучших русских утопий «Туманность Андромеды» И. Ефремова создавалась под влиянием писательского кредо – «либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо не будет никакого, а будет песок и пыль на мертвой планете» [286].

В годы «оттепели» появилась молодежная «исповедальная проза» – произведения А. Гладилина, А. Кузнецова, В. Аксенова, М. Анчарова и др. Молодые авторы журнала «Юность» в конце 1950-х – начале 1960-х «привели в литературу молодого рефлектирующего героя». Их молодой современник предстал человеком, потерявшим цель в жизни, усомнившимся в затверженных с детства истинах, находящимся в остром конфликте с окружающей действительностью. По мнению Лейдермана, «исповедальная проза» была концептуально ограничена, поскольку сами творцы этой прозы «несли на себе печать менталитета того общества, в котором родились и воспитаны. Их сознание еще крепко спеленуто старыми свивальниками советской идеологии (хоть и с некоторыми послаблениями в сторону социалистического гуманизма) и соцреалистических шаблонов (хоть и с «человеческим лицом»). Если в

«Коллегах» Аксенова авторская позиция более устойчива и категорична, то в «Звездном билете» она неопределенна и осторожна. В исторической перспективе движение от определенности авторской позиции к «неопределенности» было закономерным и по-своему плодотворным. Но оно же свидетельствовало о том, что открывающиеся противоречия в отношениях между входящим в жизнь поколением и реальной действительностью не поддаются разрешению в пределах соцреалистических схем, на которые продолжала ориентироваться «исповедальная проза» [130, с. 160, 161].

В 1960-е в советской литературе развивалась реалистическая (натуралистическая) проза, которая все шире захватывала мир повседневной жизни человека. В этом направлении высоких творческих успехов достигли С. Антонов, И. Велембовская, И. Грекова, Е. Дорош, В. Конецкий, Ю. Нагибин, В. Тендряков, В. Семин, В. Шукшин. Авторы натуралистического письма исследовали повседневные обстоятельства формирования личности. Содержанием обстоятельств стали не только жизнь трудового коллектива, политические перемены и новые государственные акции, но также быт, повседневная жизнь (как домашнее хозяйство и межличностные отношения, не связанные с общественным производством). Ю. Трифонов назвал доминирующей тенденцией советской реалистической прозы 1950-1960-х годов злободневную социальность [238]. В развитии натуралистической прозы усматривается процесс перехода критического пафоса «оттепели» из плоскости крупных социальных событий в план всеобщего существования, открытие абсурда в типических обстоятельствах повседневности [130, с. 334-336]. Существует точка зрения, убедительно аргументированная И. В. Кондаковым и Л. Брусиловской, что культура повседневности (послевоенная) была истинным и единственным источником демократических перемен в СССР, называемых «оттепелью». Именно культура повседневности, важнейший компонент реальности, активно и органично противостояла сталинскому культурному проекту и положила конец монолитному Большому стилю сталинской эпохи. Мир повседневности принципиально противился строгой кодификации и нормированию. В свою очередь, порожденная повседневностью «оттепель» и «шестидесятничество» наполнили гуманистическим смыслом частную жизнь, вернули советского человека из политико-идеологических сфер официальной

культуры на «землю» естественных интересов и потребностей, на простые общечеловеческие ценности, будничные и вместе с тем естественные [111].

В годы «оттепели» начал активно развиваться советский детектив. Впрочем, существует точка зрения, согласно которой советского детектива, строго говоря, не было вовсе. Эта точка зрения аргументируется тем, что в советской действительности не существовало института частного сыска и не было идеи поиска истины как частной инициативы, а без этого нет подлинного детектива [207, с. 223]. Большинство современных авторов, изучающих советскую массовую литературу, придерживаются другой точки зрения: советский детектив как жанр существовал и развивался с 1930-х гг. В то время его создавали П. Нилин, Л. Овалов, А. Безуглов, Л. Шейнин. Писатель А. Адамов, один из самых читаемых авторов второй половины 1950-х – начала 1980-х гг. выделил особенности советского детектива, отличающие его от классического и прогрессивного западного детектива, отчасти и от детектива других социалистических стран. Главное – особый утверждающий оптимистичный пафос, точнее, органическое единство пафоса утверждающего с пафосом обличения. Другой важной особенностью является выбор конфликта: главным в детективе оказывается не центральная интрига, а стоящие за ней конфликты социального и нравственного характера. Кроме того, советский детектив отличается пристальным вниманием авторов к отрицательному герою, точнее, к его судьбе, к причинам, приведшим человека к преступлению. Наконец, советский детектив от зарубежного детектива отличается коллективным расследованием: следствие ведет не одиночка, а коллектив профессионалов [3, с. 187-189]. Иными словами, советский детектив обладал уникальными особенностями, культурной спецификой.

Что касается художественных достоинств, то, по мнению М. Черняк, советский детектив 1930-х гг. был абсолютно лишен их. Но для массового читателя художественные достоинства детектива не имели большого значения: «Записки следователя» Л. Шейнина (1938) пользовались исключительным читательским спросом, с 1962 по 1988 г. они издавались четырнадцать раз, общий тираж составил более 3 млн. экземпляров.

Новая волна в развитии жанра детектива поднялась во второй половине 1950-х, с публикации повести А. Адамова «Дело пестрых». Со второй половины 1950-х до начала 1980-х самые пишущие и самые читаемые авторы:

А. Адамов, Ю. Семенов, Н. Леонов, братья Вайнеры, О. и А. Лавровы, Ст. Родионов, В. Смирнов, П. Шестаков и др. На рубеже 1970-80-х гг. в СССР выходило 20-25 детективов в год – отдельных книг и журнальных публикаций. По мнению А. Адамова, к началу 1980-х уже не было потока халтуры, то есть вызывающе бездарных детективов, о которых в первой половине 1960-х писала советская критика. Хотя попадались книги просто слабые, как в любом другом жанре. А. Адамов выделил четыре тематических направления советского детектива: 1) исторический детектив (А. Безуглов, Ю. Кларов, Е. Рысс, Ю. Авдеенко и др.); 2) политический детектив (Р. Ким, Г. Глазов, А. Азаров и В. Кудрявцев, Ю. Семенов); 3) военный детектив (Н. Томан, В. Богомоллов и др.); 4) уголовный детектив с темой преступления и наказания, включающий в себя важнейшие социальные, моральные и психологические проблемы [3, с. 218, 219]. Это детективы Н. Леонова, Вайнеров, Ольги и Александра Лавровых, Ст. Родионова, П. Шестакова, отдельные повести Ю. Семенова.

Авторы, признающие советский детектив как жанр, высказывают две точки зрения: одни утверждают, что детектив был художественно правдив, другие настаивают на особой идеологизированности детектива, что должно исключать правдивость. М. Шагинян: «Если детектив не реален, не соответствует действительности, он проваливается, его читать неинтересно» [262, с. 407]. Е. Г. Соколов и М. А. Черняк считают, что советский детектив на протяжении десятилетий оставался наиболее идеологизированным жанром, в нем особенно отчетливо запечатлелись идиомы тоталитарной эпохи [248, с. 157]. Во-первых, утверждение о детективе как «самом» идеологизированном жанре представляется спорным. Во-вторых, в детективах 1960–1980-х большая или меньшая идеологизированность не была препятствием для художественной правдивости относительно деталей повседневной жизни.

В советском детективе, также как в «исповедальной прозе» особенно заметна динамика положительного героя: он все меньше соответствует той язвительной характеристике положительного героя соцреализма, которую дал в 1957 году Абрам Терц: прямолинейны до глупости, не смеют казаться отрицательными даже для пользы общего дела, постоянно беседуют на возвышенные темы и «твердят о коммунизме на работе и дома, в гостях и на прогулке, на смертном одре и на ложе любви» [2, с. 441]. Со времени «оттепели» положительные герои уже не прямолинейны до глупости, для

пользы общего дела могут казаться отрицательными, на возвышенные темы не беседуют и не «твердят о коммунизме на работе и дома, в гостях и на прогулке, на смертном одре и на ложе любви». Формульный герой советской литературы – соборная личность, «праведник».

В 1960-е годы в советской культуре возросла общественная роль современной драматургии и театра. Театр как вид искусства и современная драматургия были востребованы массовым зрителем. Наиболее заметные явления драматургии и театра становились объектами широкого обсуждения зрителей и читателей. В пьесах В. Розова, А. Арбузова, А. Володина, С. Алешина, Э. Радзинского, М. Рощина, Л. Зорина «на сцену выплеснулась повседневная жизнь людей, их житейские хлопоты. И в этой повседневной жизни обнаружилась своя тонкая, деликатная поэзия, а в житейских хлопотах – острый драматизм. Эта жизнь была легко узнаваема – воссоздавался быт обыкновенной советской семьи, коммуналки или фабричной «общаги», звучал живой человеческий говор. Словом, складывалась такая эмоциональная атмосфера, в которой царил дух фамильярности, если угодно – домашности» [130, с. 140].

А. В. Костина советское массовое искусство 1960–1980-х рассматривает в аспекте развития в нем универсальных признаков массовой культуры. В 1960-е, когда происходил поворот от советского тоталитарного общества к потребительскому, одновременно происходил поворот от идеологической советской массовой культуры к потребительской западного образца. В это время в массовом искусстве становятся популярны жанры мелодрамы, детектива, исторического фильма. Многосерийные эпопеи о революции, Гражданской и Великой Отечественной войне включают элементы мелодрамы, триллера и бытовой комедии; книги и фильмы для детей – элементы детектива и боевика. Эти книги и фильмы пронизаны революционно-романтическим пафосом и выстроены по законам массового искусства. В 1970–80-е гг. происходит настоящий бум советского массового искусства. Важным фактором этого процесса оказывается все большее проникновение западного массового искусства в ранее закрытое советское пространство и активное его влияние на советскую идеологию и эстетику. В советском кинематографе делается ставка на жанровое кино – боевики и мелодраму, в музыке все больше легализуется рок и официально разрешен мюзикл. В фильмах типа «Пираты XX века» и

«Экипаж» традиционные образы Воина и Рабочего заменяются Суперменом. Миф об обществе равных возможностей, где распределение благ осуществляется в соответствии с личными затратами труда, находит отражение в фильмах «Москва слезам не верит» и «Карнавал» [114, с. 188].

При этом в советской художественной культуре, в массовом искусстве, в массовой литературе, также как в политической и хозяйственной сферах культуры, проявился «застой». «Застою» предшествовали неприятные симптомы в развитии «оттепели», которые появились в последние годы руководства Н.С. Хрущева: скандальная реакция Хрущева на выставку художников-нонконформистов в Манеже (декабрь 1962 г.) и всесоюзная кампания борьбы с абстракционизмом в изобразительном искусстве. Официальное осуждение творчества молодых поэтов (А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др.) и художников (Э. Неизвестный и др.) как идейно незрелого, формалистического. Июньский Пленум ЦК КПСС (1963), посвященный вопросам идеологии, выдержанный в стилистике жесткой конфронтации с Западом и охранения ключевых ценностей и принципов советской социалистической культуры. Обвинение поэта И. Бродского в тунеядстве (1963), показательный суд над ним (1964) и ссылка на исправление в глухую северную деревню. Неприсуждение в 1964 г. Ленинской премии А. Солженицыну за повесть «Один день Ивана Денисовича» (1962), ранее единодушно выдвинутую на награждение.

Неприятные симптомы переросли в «застой». Суд (1966) над А. Синявским и Ю. Даниэлем, опубликовавшими свои гротескно-сатирические повести на Западе, осуждение литераторов и лишение их свободы на длительные сроки с отбыванием наказания в лагерях строгого режима. Лишение А. Солженицына возможности публиковаться в Советском Союзе, а после присуждения ему Нобелевской премии по литературе за произведения, опубликованные за рубежом, исключение из Союза писателей. Начавшиеся при Хрущеве, а после его свержения усилившиеся гонения на любимый журнал либеральной советской интеллигенции «Новый мир», разгон редакции журнала во главе с А. Твардовским и резкое изменение творческого лица и авторского портфеля журнала. Запрещение выставки 12 «альтернативных» художников в клубе «Дружба» под руководством А. Глезера и О. Рабина (1967), затем открытая конфронтация независимых художников с властями. Громкий

политический процесс над писателями А. Гинзбургом и Галансковым (1968), завершившийся жестоким приговором и окончательно подтвердивший всему миру, что в Советском Союзе есть политзаключенные деятели культуры. Громкие репрессивные процессы вокруг «Самиздата». Официальная поддержка деятелей культуры охранительной и консервативной ориентации, тяготевшие к неосталинизму и ортодоксальному коммунизму, взявшие реванш за поражение во время «оттепели» [111, с. 56, 57]. В 1970-е вновь начала активно внедряться практика госзаказов на произведения искусства. В кино – заказы на постановку фильмов, написание сценариев, романов и пьес. В партийных инстанциях заранее определялось не только количество заказов, но и исполнители. В 1970-е годы цензура становится анонимной. Цензоры не имели права входить в прямой контакт с авторами. В некоторых случаях цензором произведений выступал КГБ [113, с. 180, 238]. С высоких трибун утверждалось, что соцреализм, основанный на марксистско-ленинской философии и эстетике, остается единым методом советской литературы. На Пятом съезде советским литераторам напоминали об ответственности и верности принципам партийности. В характеристике Л. Аннинского 1970-е годы «это эпоха привычной двойной морали, когда вслух достаточно произносить официально утвержденное, а про себя можно думать что угодно и во что угодно верить <...>, реальность спокойно существует в тени официоза» [8, с. 421].

М. Чудакова пишет о технологиях выживания профессионального литератора в семидесятые годы. Гуманитарии, которые нуждались в подработке (зарплаты никому не хватало), делились на два разряда: первые спокойно и охотно подхалтуривали, работая на советские радио-пропагандистские передачи и делая переводы. «Страшным сном для этих людей с характерной репутацией была угроза того, что писанное за деньги потребуют напечатать под их собственными именами». Вторые считали такую деятельность невозможной, любые тексты подписывали своим именем и готовы были за них отвечать. Зарабатывали рефератами для ИНИОНа, частными уроками, рецензированием журнального самотека. Придерживались правила: если нельзя написать всего, что думаешь, то ни при каких обстоятельствах не писать ничего, чего ты не думаешь. Широко использовали прием «забор»: в начале статьи ставили забор из необходимых цитат и демагогических пассажей, а потом уже писали свое [257, с. 7, 8]. Таким образом, в литературе проявлялась

общая технология двоемыслия. Эти технологии применялись и тогда, когда система утратила прежнюю жестокость, и художник мог не бояться репрессий, физического уничтожения. Раздвоение личности художника самым негативным образом сказывалось на его творчестве. Формы подавления в себе раздвоения – пьянство, алкоголизм, самоубийство. Для многих двойничество стало нормой. Что бы ни думал, что бы ни чувствовал художник, он должен был соблюдать «правила игры». Где-то он должен был выступить с одобрением, где-то – с критикой [113, с. 146-148]. Вновь стала востребованной технология многослойного подтекста и даже иносказания в художественном литературном произведении. Это можно рассматривать как литературную форму повседневного пассивного сопротивления творческого субъекта власти.

Антидемократические симптомы в развитии «оттепели» сразу же сказались на развитии массовой литературы, отразились на ее тематическом и ценностном содержании. Произошел радикальный поворот в творчестве Стругацких. Уже в 1964 году в повести «Трудно быть богом» Стругацкие рисовали общество, уверенно движущееся в сторону тоталитарного режима. Прощание с утопией произошло в изданной в 1965 году повести «Понедельник начинается в субботу» [130, Гл. 2]. Подобная динамика происходила и в творчестве И. Ефремова: если в годы «оттепели» в свет вышел роман-утопия «Туманность Андромеды» (1957) о всепланетном коммунистическом обществе, то в 1968 г. вышла с купюрами антиутопия-предупреждение «Час Быка», где автор показал, как зло, запрограммированное в прошлом, во многом деформирует будущее [291]. Роман «Час быка» в отзыве КГБ в 1970 г. был расценен как завуалированная клевета на советскую действительность. С этой запиской КГБ были ознакомлены все секретари ЦК КПСС. Главного редактора журнала «Молодая гвардия», где был опубликован роман, освободили от должности, а Ефремову в отделе культуры ЦК дали необходимые разъяснения. Издание собрания сочинений Ефремова в шести томах отложили. В 1975–76 гг. в трехтомное издание собрания сочинений И. Ефремова «Час быка» не включили [113, с. 242].

В годы «застоя» появились новые произведения в жанре производственного романа и «народной эпопеи»: Ф. Абрамова, М. Алексева, Ан. Иванова, М. Колесникова, Г. Маркова, В. Кожевникова, Б. Можаяева.

Н. Л. Лейдерман на примере «народных эпопей» Ф. Абрамова и П. Проскурина показывает: высший эпопейный конфликт – между тем, что человек считает своим личным правом и тем, чего требует от него общество. Динамика внутреннего развития и преемственности различных форм эпического романа в 1960–70-е годы определялась поиском гармонии между человеком и миром. Герой эпоса 1970-х – человек, осознавший объективную ценность личностного начала. Препятствием к свободному развитию личности, как правило, оказываются идеологические табу и партийные догмы, диктат тоталитарной власти. В сопоставлении с партийными нормами обнаруживают свою справедливость «простые законы нравственности». Становится ясно, какие колоссальные потери несет личность, отказываясь во имя блага народа от своего счастья и как много теряет мир оттого, что эпический герой не реализует свой могучий духовный потенциал. В то же время в эпических романах А. Иванова и Г. Маркова наблюдается процесс деградации искусства. Отсутствие свежей идеи, новых воззрений на личность и народ, описательность, композиционная рыхлость, риторика и натужная монументальность. В этих монументальных эпопеях «главной мерой вещей остается идеологическая норма, а носителем высшей народной мудрости и одновременно народным заступником предстает партийный чиновник» [131, с. 18-21].

Развивался жанр детектива. В направлении «уголовный детектив» особенно плодотворно работали А. Адамов, братья Вайнеры, Ольга и Александр Лавровы, Н. Леонов, П. Шестаков и др.

Продолжалось развитие реалистической прозы (И. Велембовская, И. Грекова, В. Конецкий, Ю. Крелин, В. Липатов, В. Маканин, Ю. Нагибин, Г. Полонский, Ю. Поляков, Д. Рубина, В. Санин, В. Тендряков, В. Токарева, М. Халфина, Г. Щербакова). Самым заметным явлением считается «городская» проза Ю. Трифонова. Его главная тема – быт, «человек в потоке времени». Сам Ю. Трифонов объяснял: «Взаимоотношения людей – тоже быт. Мы находимся в запутанной и сложной структуре быта, на скрещении множества связей, взглядов, дружб, знакомств, неприязней, психологий, идеологий. Каждый человек, живущий в большом городе, испытывает на себе ежедневно, ежечасно неотступные магнитные токи этой структуры, иногда разрывающей его на части. Нужно постоянно делать выбор, на что-то решаться» [272, с. 5]. Как

заметил Л. Парфенов, Трифонов зафиксировал все оттенки серого: безликих персонажей из безликих НИИ и КБ. Трифоновская проза показала, что в начале 1970-х интеллигентность – ремесло, творчество – средство заработка, а повседневная жизнь города регулируется рынком, обменом [178, серия 10]. По мнению Лейдермана и Липовецкого, «исповедальная проза» трансформировалась в жанр «школьной повести» (А. Алексин, В. Крапивин, А. Лиханов, В. Железнякова и др.). Особенно плодотворно работал А. Алексин. Развивалась «деревенская» проза: В. Астафьев, В. Белов, Б. Можаяев, В. Распутин, В. Шукшин.

Драматургия. Во второй половине 1960-х и в 1970-е годы благодаря развитию СМИ, к театру могли приобщаться не только столичные жители и жители крупных городов, но и самых отдаленных уголков страны. Важным направлением советской культурной политики была популяризация лучших постановок современных и классических пьес, поэтому все больше появлялось записей спектаклей ведущих театров страны для трансляции по ЦТВ, ставились телеспектакли, на Всесоюзном радио появилась и успешно развивалась программа «Театр у микрофона».

Психологическая драма энергично отозвалась на общественную потребность времени в нравственном совершенствовании человека [43, с. 712, 713]. Советская драматургия в 1960-1980-е годы провела исследование российской ментальности, переживаемой и реализуемой в поступках. В контексте национальной истории и художественной традиции драматурги показали понимание места человека в современном мире. Драматургия этого периода в основном – жанр комедии. Согласно литературной традиции, объектом комедии является повседневная жизнь простых людей. Ее герои – рядовые участники исторического процесса. Эстетической доминантой советской драматургии 1960-1980-х гг. стала комедия нравов, в преобразованном виде, но с традиционной укорененностью в быту и выявленной социальностью. Эта обновленная комедия нравов помогла выразить изменившийся взгляд на мир, сделала вновь главным объектом исследования повседневную жизнь и организовала диалог с потенциальным читателем/зрителем. «Открытие» повседневности в советской драматургии связано в первую очередь с творчеством А. Володина и А. Вампилова. Оба драматурга искали источник жизнотворчества в обыкновенных, внешне не

примечательных людях. Для А. Володина повседневность – это культурное состояние, «столкновение двух типов поведения: индивидуального и корпоративного» [91, с. 319, 320]. Актуальные проблемы повседневности нашли отражение и в новых пьесах В. Розова, М. Рощина, С. Михалкова, Э. Брагинского и Э. Рязанова, А. Вампилова, В. Шукшина, А. Соколовой.

В драматургии 1970-х, в пьесах Г. Бокарева, А. Гельмана, И. Дворецкого, В. Черных, ярко проявилась производственная повседневность, или «деловая тема». Для такой драмы был предложен термин – социологическая. По мнению советских критиков, она была «сильна особой чуткостью к конкретным запросам времени, даже злободневностью, умением извлекать нравственный корень из экономических проблем в их конкретной временной оболочке, не отрываясь от этой конкретности» [43, с. 717]. В 1986 году, на VIII съезде советских писателей говорилось, что драматургия и театр «пробивались к тому уровню правды, который нужен народу, а значит – к полной правде» [47, с. 6].

Что касается положительного героя и его отношения к идеалу коммунизма, то со второй половины 1960-х положительные герои советской художественной литературы всех жанров, за редким исключением (романы В. Кожевникова, В. Липатова) вообще не говорят о коммунизме.

Как видно, период «застоя» вовсе не означает отсутствие творческих достижений в советском массовом искусстве. Используя возможности посттоталитарного этапа, советское искусство преодолевает ограниченность тематики и ее ортодоксальную интерпретацию. Обращается к новым темам: границы революционного насилия, сталинизм, репрессии и реабилитация, борьба за мир, антиномии между официальными мифами и реальностью, поиски смысла жизни в ситуации кризиса традиционных идеалов, трагедия коллективизации, соотношение классового и общечеловеческого, православие, НТР, урбанизация, соотношение индивидуального и коллективного и т.д. Главным в содержании искусства 1960-80-х становится поворот от преимущественного интереса к жизни коллектива к жизни отдельной личности [112]. Тема соотношения классового и общечеловеческого находит очень удачное воплощение в художественном кинематографе: «Белое солнце пустыни» В. Мотыля (1969) и «Адъютант его превосходительства» Е. Ташкова (1970) – наиболее талантливые реабилитации белого офицерства, «гимн португелям», отмеченные государственными премиями [178, серия 10].

Но при этом, как подчеркивает И. В. Кондаков, нельзя забывать, что верная своему призванию литература рано или поздно вступала в неразрешимый конфликт с властью. Власть расправлялась с неугодной ей художественной культурой, либо уничтожая неугодных художников, либо превращая сочиняемую ими литературу в придаток политики, то есть лишенную признаков искусства. Поэтому существовала культура официальная и оппозиционная. При всех неизбежных компромиссах между ними в принципе не могло быть единства, они взаимоисключали друг друга. Они говорили и писали на разных языках, мыслили в разных системах [110, с. 438, 439]. Это раскол советской художественной культуры.

Актуальность изучения советской массовой литературы убедительно аргументировал С. Шведов: «только один резон говорить сегодня о литературе вчерашнего дня. <...> Хотим мы этого или нет, но ценности, заложенные в выбранных нами книгах, в той или иной степени усваиваются. <...> И потому литература, издававшаяся миллионными тиражами, сегодня с нами – в лице своих читателей, в виде ценностей, усвоенных при ее чтении. Многие из сегодняшних тяжелейших социальных проблем были непосредственно подготовлены культурой (и в частности чтением) предшествующих десятилетий. Речь идет о трактовке труда, о соотношении личности и социальной группы, о противопоставлении своего и чужого, о соотношении юридического закона и неформального права и др.» [265, с. 392, 393]. В советской литературной критике, посвященной отечественной прозе 1960–1980-х гг. заметно выделяется ряд направлений, связанных с хозяйственной культурой: рабочая тема, деловая тема, деревенская тема, бытовая проза (М. Амосин, Н. Банк, А. Ф. Бритиков, Е. Вакулова, Л. Геллер, И. Девятко, Ю. Зубков, Н. Ильина, Е. Колмановский, В. Лакшин, В. Литвинов, А. Н. Макаров, А. Медников, Н. Наумова, В. Перцовский, Е. В. Посашкова, Ст. Родионов, А. Чепуров, Т. Чернышева, С. Шведов).

Советская художественная литература, как и другие виды искусства, в значительной мере формировала ценностные ориентации советских людей. В социалистической идеологии воспитательная, ценностно-ориентирующая функция искусства выделялась как главная. Эта функция искусства акцентировалась в партийных документах, в Программе КПСС. Об этом в 1961 году говорил режиссер Г. Чухрай – делегат XXII съезда КПСС: «Искусство

должно воспитывать в советских людях черты человека будущего – любовь к труду, честность, принципиальность, скромность и высокое человеческое достоинство. Искусство должно учить человека жить по-коммунистически: уважать товарища, уметь отличить мещанина, замаскированного под коммуниста, ненавидеть угодничество и лесть. <...> Борьба за разносторонне-глубокого человека, в совершенстве овладевшего своей профессией, против полужайки и верхогляда» [261, с. 1]. В марксистско-ленинской эстетике (например, в лекциях М. С. Кагана, 1971) убедительно разъяснялось преимущество искусства перед наукой в знании ценности бытия, которое оно дает человеку, в ценностной ориентации по отношению к миру. Это преимущество – одновременное обращение к мысли и чувству, одновременное понимание и переживание. На положениях марксистско-ленинской эстетики строилась теория социологии и психологии чтения. Как объяснял М. Г. Ханин, в соответствии со своими важнейшими функциями – ценностно-ориентирующей и социализирующей, печатные источники пропагандировали идеи марксизма-ленинизма, формировали коммунистическое мировоззрение, способствовали усвоению правовых, моральных, эстетических норм и ценностей, вели выработку общепринятых способов поведения с помощью положительных и отрицательных санкций в виде прямой или косвенной оценки тех или иных поступков героев произведений [245, с. 58-59]. Сами читатели высказывали убеждение, что литература и искусство играют не последнюю роль в формировании общественного мнения, в том числе, по вопросам совершенствования механизма планирования и управления [27, с. 12].

Как показали эмпирические исследования свободного времени советских людей, чтение художественной литературы занимало существенное место в структуре досуга советского человека. Известный советский специалист библиотечного дела О. С. Чубарьян отмечал: даже в конце 1970-х, в условиях интенсивного развития экранной культуры (кино, телевидение), чтение художественной литературы оставалось интенсивным видом досуговой деятельности и занимало ведущее место. Несмотря на возросший интерес к телевидению, в 1970-е годы у различных категорий населения потребность в чтении не снизилась. Исследование чтения в жизни небольших городов РСФСР показало, что художественную литературу читают 70-79% рабочих (в зависимости от увлечения телепередачами) и 78-80% ИТР. Чтение

художественной литературы вошло в первую группу по показателям интенсивности, наряду с посещением кинотеатров [255, с. 60-64]. Исследования социологов 1975–1980 гг. в новых городах Восточной Сибири (Ангарске, Братске, Норильске, Саяногорске и др.) показали, что чтение оставалось основным занятием населения в свободное время. Художественная литература составляла в среднем 76% всей читаемой литературы [125]. Кроме того, большое число художественных и телевизионных фильмов, спектаклей и телеспектаклей на темы современности и повседневности, имели первоначальную литературную основу.

В последние годы массовая советская литература 1960–1970-х начала использоваться для изучения советской повседневности (Т. М. Димони, М. В. Селеменова). Исследование повседневной хозяйственной культуры России 1960–1980-х гг. по текстам массовой литературы может наглядно показать тесную взаимосвязь трех подсистем культуры – материальной, духовной и художественной. Такое исследование может показать хозяйственную культуру повседневного уровня в ее идеалах, ценностях и нормах, ценностных ориентациях и мотивации труда, в обыденных технологиях жизнеобеспечения, социальных правилах и предубеждениях, технологиях взаимодействий в процессе труда. Все вместе, в сопоставлении с хозяйственной культурой специализированного уровня, может показать не выявленные пока смыслы советской культуры, дать культурологическое объяснение причин ее кризиса.

1.4. Критерии и практика отбора текстов для изучения хозяйственной повседневности

В этом параграфе рассматриваются советские массовые издания, публиковавшие художественную литературу, формы приобщения читателей к массовой литературе; определяются критерии отбора текстов для изучения советской повседневной хозяйственной культуры; дается общий обзор публикаций советской художественной литературы в период 1960–1980-х; анализируются читательские интересы и отбираются конкретные тексты.

Произведения массовой художественной литературы публиковались в центральных и региональных литературно-художественных журналах

«Аврора», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Ангара», «Волга», «Дон», «Север», «Сибирские огни», выходявших тиражами в сотни тысяч и миллионы экземпляров, из года в год возрастающих. Массовая литература публиковалась также в «Роман-газете» и общественно-политических журналах «Огонек» и «Смена», в журнальных приложениях «Подвиг», «Военные приключения», «Библиотека советской фантастики». После публикации в журналах часть произведений массовой литературы печаталась отдельным изданием в центральных и региональных издательствах. Значительная часть произведений массовой литературы экранизировалась, автор произведения нередко выступал как автор сценария.

Советский читатель мог познакомиться с произведениями массовой литературы, используя разные формы: 1) пользование общедоступными фондами городских, сельских, районных и ведомственных (школьных, заводских, вузовских и др.) библиотек. 2) Подписка на литературно-художественные журналы через «Союзпечать». Но подписка на многие «толстые» журналы дефицитом. 3) Приобретение книг в магазинах для своей домашней библиотеки. Как отмечают советские авторы, личные библиотеки получили в СССР со второй половины 1960-х гг. широкое распространение. Только в 1971 году населению было продано книг на 660 млн. рублей, а с 1969 по 1974 год советские люди приобрели в магазинах 6 млрд. книг и брошюр. Социологи чтения установили, что домашние библиотеки состояли главным образом из произведений художественной литературы [81, с. 86]. Как указывает А. И. Рейтблат, в 1970-х – начале 1980-х гг. приблизительно 80-90% жителей городов и 70% жителей сел имели книги в личном владении. В крупных городах у рабочих в среднем имелось до 120 книг [201, с. 6].

Исследования чтения как вида досуга и читательских интересов советских людей, с применением стратификационных критериев, показывали: в советском обществе имело место неравенство в потреблении продуктов духовной культуры. Неравномерное потребление духовной культуры фиксировалось ИОМ «КП» в 1963 году [49, с. 431, 433]:

	Рабочие	ИТР	Интеллигенция (не занятая на производстве)	Служащие
Чтение журналов	68,8 %	91,9 %	82,7 %	86,6 %
Чтение книг	76,7 %	88,0 %	75,0 %	78,1 %

Неравномерное потребление духовной культуры фиксировалось социологами УНЦ РАН СССР и в 1976 году, в ходе изучения читательских интересов семьи в небольших городах Урала. Выводы исследователей: количественная и качественная характеристики домашних библиотек связаны с социальной структурой семьи: в домашней библиотеке рабочей семьи насчитывалось в среднем 44 книги. В семьях смешанных (рабочие и служащие) количественный показатель был значительно выше. Еще выше он был в семьях служащих. Соответствующие показатели были характерны и для подписки на литературно-художественные журналы [176, с. 73, 79].

Отбор текстов советской массовой литературы для изучения повседневности – задача сложная. С начала 1960-х в Советской России формировалось общество массового потребления и, соответственно, потребительская массовая культура. Публиковалось огромное количество литературы, из которой необходимо сделать отбор реального для изучения количества текстов. *Критерием отбора художественных текстов для культурологического анализа является сочетание четырех необходимых и достаточных признаков: 1) текст должен отражать советскую повседневную хозяйственную культуру изучаемого периода. 2) Текст должен быть опубликован в массовом журнале и/или отдельным изданием. 3) Текст должен пользоваться массовым спросом в библиотеках. 4) Текст должен быть экранизирован в советское время.* Изначально четвертый признак был выдвинут как гипотеза, а в ходе знакомства с советскими исследованиями читательских интересов он подтвердился: интерес к литературному произведению часто возникал после просмотра фильма – экранизации. Многие произведения массовой литературы экранизировались, многие – по сценарию самого автора. Корпус текстов формировался путем изучения тиражей массовых литературно-художественных журналов советского времени,

советских библиографических и социологических исследований, анализирующих массовые читательские интересы, литературной критики.

Экранизация современной советской литературы была важной составляющей частью культурной политики. Проблема «писатель и кино» в начале 1960-х осознавалась как одна из самых актуальных, обсуждалась на заседаниях секретариата Союза писателей СССР, пленумах республиканских писательских организаций, собраниях литераторов и кинематографистов Москвы. В политике развития художественной культуры экран представлялся высокой, поистине всенародной трибуной, с которой писатель может одновременно говорить с миллионами: «В ярком, глубоком раскрытии на экране тем нашей действительности, в создании полнокровного, жизненно-правдивого образа современника первое слово принадлежит писателю. В наше кино должна прийти большая литература во всем многообразии тем, идей, образов» [278, с. 1]. Писатель В. Панова, как автор сценариев своих успешно экранизированных произведений («Сережа», «Евдокия»), высказывала убеждение: «<...> писатель работать в кино не только должен, но и может, не пугаясь пресловутой «специфики». Мы, литераторы, должны отчетливо уяснить великую воздействующую силу и массовость, народность киноискусства» [177, с. 3].

В 1961 году, в ходе подготовки к XXII съезду КПСС, главными в работе киностудий стали темы современности. Непосредственно к съезду готовили выпуск картины «Битва в пути» (по сценарию Г. Николаевой и М. Сагаловича, режиссер В. Басов). В постановлении ЦК КПСС «О мерах по улучшению руководства развитием художественной кинематографии» (1962) кинодраматургия рассматривается как большая литература. Этим постановлением Правлению Союза писателей СССР было поручено всемерно содействовать вовлечению талантливых писателей в активную и постоянную работу для кино, считая создание высокохудожественных сценариев одной из важнейших задач советской литературы. Обсуждая проблему «Писатель, Кино, Время», известный советский автор детективов Л. Шейнин отмечал, что в начале 1960-х наблюдался возрастающий интерес писателей к работе в кино и на телевидении. На крупнейшую киностудию страны «Мосфильм» пришли в качестве авторов писатели и поэты: С. Антонов, В. Аксенов, В. Богомолов, Ю. Бондарев, Е. Евтушенко, А. Галич, В. Кочетов, Ю. Нагибин, В. Тендряков и

другие. Анализ творческих заявок и сценариев писателей, пришедших в кино, показал, что эти работы в подавляющем большинстве были посвящены современной тематике [266, с. 2]. Кинорежиссер, народный артист СССР С. Герасимов в 1963 году отмечал: «Несколько лет назад было туго с повестями и новеллами. Сейчас необычайное оживление, в литературе появились новые имена, интересные работы. Кинематографистам уже трудно жаловаться на литературу» [41, с. 1]. Вопрос о связи художественной литературы и кино обсуждался и на отчетно-выборной конференции Ленинградского отделения Союза работников кинематографии СССР. Было отмечено, что при создании картин высокого гражданского звучания на важнейшие темы современности неизменными соавторами кинематографистов являются писатели: «Только тесная дружба литераторов и творческих работников кино <...> позволит решить сценарную проблему. В советских фильмах последних лет, завоевавших экраны мира и первые призы фестивалей, на титрах значатся рядом с именами режиссеров «известные литературные имена» [228, с. 1-2]. Таким образом, налаживание взаимодействия литературы и кино рассматривалось как важная политико-воспитательная задача КПСС и советского искусства. Во многих случаях после просмотра фильма-экранизации возникал интерес массового читателя к литературному произведению.

Наконец, чтобы отобрать тексты для изучения советской повседневной хозяйственной культуры 1960–1980-х гг., необходимо, чтобы конкретные тексты отражали эту сферу культуры.

Для удобства рассмотрения произведения советской массовой литературы разделены на две части: 1) опубликованные во второй половине 1950-х – середине 1960-х, во время «оттепели»; 2) опубликованные со второй половины 1960-х – до начала 1980-х, в тот период, который называют временем «застоя». Соответственно каждой части рассматриваются и литературные предпочтения массового читателя.

Во второй половине 1950-х – середине 1960-х в массовых изданиях и массовыми тиражами публиковались произведения Адамова А., Айтматова Ч., Аксенова В., Алексеева М., Алексина А., Амлинского В., А. Андреева, Антонова С., Астафьева В., Велембовской И., Владимова Г., Германа Ю., Гладилина А., Гранина Д., И. Грековой, Дороша Е., Ефремова И., Иванова Ан., Казакова Ю., Карелина Л., Кетлинской В., Кожевникова В., Конецкого В.,

Коптяевой А., Кочетова Вс., Краковского В., Крутилина С., Кузнецова А., Кунина В., Липатова В., Маканина В., Нагибина Ю., Николаевой Г., Пановой В., Рекемчука А., Рощина М., Рыбакова А., Семенова Ю., Семина В., Солоухина В., Стругацких А. и Б., Тендрякова В., Трифонова Ю., Шукшина В. и др. Немалая часть этих произведений почти сразу была экранизирована, часть из них была экранизирована позже – во второй половине 1960-х, 1970-х и начале 1980-х гг.

Читательские интересы этих лет выясняются по материалам советских социологических исследований. В СССР научное изучение массового чтения началось в 1963 году. Первое широкое исследование было организовано ЦК ВЛКСМ, Министерством культуры СССР, Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина и ЛГИК им. Крупской. Была избрана группа читателей – городские рабочие 16-28 лет. Основным методом изучения служил анкетный опрос, дополнительным – учет спроса на абонементе массовых библиотек. Опрос проводился в 52 городах 24-х областей, краев и автономных республик РСФСР (Владимирской, Ивановской, Иркутской, Кемеровской, Мурманской, Пермской, Псковской, Свердловской и др. областях, Татарской, Удмуртской и Карельской АССР, Алтайском и Красноярском краях). Изучение проходило в крупных областных и краевых центрах, столицах автономных республик (Горьком, Новосибирске, Кирове, Курске, Саратове, Казани, Петрозаводске, Ижевске, Барнауле, Краснодаре и др.), а также в городах областного подчинения.

Анкета показала, что в чтении художественной литературы наибольшей популярностью у молодежи пользовались советские писатели, особенно М. Шолохов. Учет спроса в библиотеках подтвердил огромный интерес к советской художественной литературе: на нее было предъявлено 73% требований. Часто спрашивали книгу Г. Николаевой «Битва в пути». У молодых рабочих всех групп, независимо от их образования, профессиональных и возрастных особенностей, признанием пользовался роман: социально-бытовой, исторический, научно-фантастический (Л. Леонов, Г. Николаева, А. Толстой, А. Беляев и др.). Внимание многих читателей привлекала повесть. Среди любимых писателей часто называли В. Аксенова, Г. Бакланова, В. Кожевникова, П. Нилина, А. Рекемчука, В. Солоухина. Немалый интерес был проявлен к рассказам Ю. Нагибина.

Авторы исследования отметили «недостаточный» интерес молодежи к драматургии. Это отчасти объясняли спецификой данного жанра и отсутствием у многих читателей навыков чтения пьес [250, с. 3, 4, 45]. При этом, как указывает Н.Л. Лейдерман, на рубеже 1950-1960-х годов наибольшей популярностью у *зрителей* пользовались пьесы В. Розова и А. Володина.

Произведения приключенческого и научно-фантастического жанров пользовались большим спросом молодых читателей. В анкетах особенно часто упоминаются имена писателей фантастов А. Беляева, И. Ефремова, А. Казанцева, Г. Мартынова. Наибольшим вниманием молодежи пользовались произведения о судьбе и трудовых делах сверстников, произведения, в которых молодежь привлекало обаяние положительного героя, правдивость жизненных ситуаций, острота постановки актуальных проблем действительности. Среди них – «Коллеги» В. Аксенова, «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек» Ю. Германа, «Иду на грозу» Д. Гранина, «Продолжение легенды» А. Кузнецова, «Молодо-зелено», «Время летних отпусков» А. Рекемчука, «Повести гор и степей» Ч. Айтматова, «Девчата». Б. Бедного, «Знакомьтесь, Балуюев» В. Кожевникова [250, с. 45-50].

В 1966 году были опубликованы результаты исследования массового чтения, проведенного в 1963-64 гг. в массовых библиотеках Белоруссии Государственной библиотекой БССР им. В.И. Ленина. Анализ чтения показал: в формулярах читателей в основном повторялись фамилии писателей: В. Кочетов, В. Кожевников, Д. Гранин, Ю. Герман, В. Кетлинская, А. Беляев, Г. Медынский, Г. Марков, К. Паустовский, К. Симонов, А. Гладилин, В. Аксенов, Ф. Панферов, А. Адамов, М. Бубеннов. Большой процент выдачи составляла литература из «библиотечки приключений» [253, с. 1, 2].

В 1963-1966 годах научно-исследовательским отделом библиотековедения Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина было проведено централизованное изучение читательских интересов ведущих социальных и профессиональных категорий населения. Среди читателей были выделены социальные группы: «рабочие и инженеры», «жители советского села», «сельские старшеклассники», «учителя естествознания, математики, словесности», «старшеклассники города», «студенческая молодежь». Сбор материала осуществлялся по единой методике в 33 областях РСФСР и 8 союзных республик. В 1967 году результаты исследований были

проанализированы и обобщены, в 1968 году опубликованы отдельным изданием [222]. Особым предметом было изучение чтения художественной литературы.

Группа «рабочие и инженеры». По анкетам, советская литература занимала основное место в чтении художественной литературы: 77% рабочих, 72% ИТР; по картотекам библиотек – 89% те и другие. Советские авторы, которые пользовались наибольшим спросом (в %, первая цифра – рабочие, вторая – ИТР): М. Шолохов (26-30%), В. Лацис (15%), М. Горький (11-16%), К. Симонов (7-14%), А. Фадеев (5-4%), А. Толстой (4-12%), Н. Островский (4-2%), К. Паустовский (1-5%). В числе лучших произведений неоднократно названы «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Брестская крепость» С. Смирнова, «Дикий мед» Л. Первомайского, трилогия «Подполковник медицинской службы», «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек» Ю. Германа, «Они сражались за Родину» Шолохова, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Иначе жить не стоит» В. Кетлинской, «Повесть о жизни» К. Паустовского. Иногда упоминались произведения других современных писателей, в том числе «Лезвие бритвы» И. Ефремова, «Рассудите нас, люди» А. Андреева. 65% рабочих и 69% ИТР указали, что регулярно читают литературно-художественные журналы. Самым читаемым оказался журнал «Юность» (22 и 28%), за ним следовали «Нева» (21 и 24 %), «Знамя» (16 и 18%), «Москва» (11 и 13%), «Октябрь» (11 и 15%), «Молодая гвардия» (9 и 7%), «Новый мир» (9 и 14%), «Звезда» (по 8%).

Жители советского села. Были собраны и проанализированы данные по десяти селам СССР в разных экономико-географических зонах, от Северо-Запада до Юга и Дальнего Востока. Всего было опрошено 2014 человек. Из опрошенных 41% женщин и 17% мужчин совсем не читали книг. Характерной особенностью чтения на селе было то, что свои интересы к теме современности и к прошлому большинство читателей удовлетворяло с помощью художественной литературы, видя в ней прежде всего источник познания мира. Самый большой интерес во всех группах сельчан вызывало чтение книг о Великой отечественной войне. Второе место в тематике чтения занимали проблемы морально-этического характера, особенно темы любви, брака, воспитания детей. На третьем месте – историко-революционная тема [222, с. 133]. Современную советскую литературу читали активнее, чем

дореволюционную отечественную и зарубежную. Популярностью у сельских читателей пользовались такие советские писатели (по степени убывания): М. Шолохов, К. Симонов, Н. Островский, А. Фадеев, М. Горький. Наиболее понравившиеся и запомнившиеся произведения: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Щит и меч» В. Кожевникова, «Живые и мертвые» К. Симонова. Из детективной литературы лишь «Дело пестрых» А. Адамова было названо несколько раз. Что касается чтения литературно-художественных журналов, то лишь единичные сельские читатели (трое из 150) обращались к ним. Кстати, как отметили исследователи, этих журналов было крайне мало в фондах сельских библиотек.

Несколько отличались читательские интересы сельских старшеклассников (9-11 классы). Художественную литературу, как показал анкетный опрос и анализ читательских формуляров, читали 00% учащихся. В первую пятерку любимых авторов входили: М. Шолохов, Н. Островский, Д. Гранин, А. Фадеев, К. Симонов. Любимые произведения сельских старшеклассников: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Иду на грозу» Д. Гранина, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Сердце на ладони» И. Шамякина.

Были изучены читательские интересы учителей естествознания и математики (400 анкет), словесности (500 анкет). Из учителей естествознания и математики 96% читали художественную литературу, из них советскую прозу – 85%. Самой большой популярностью пользовалась трилогия Ю. Германа «Подполковник медицинской службы», «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек», а также «Щит и меч» В. Кожевникова. Что касается драматургии, то редко упоминались пьесы Корнейчука и М. Погодина, почти не упоминались В. Розов и А. Арбузов. Учителя естествознания и математики мало читали литературно-художественные журналы, даже «Юность» - всего 16% опрошенных, остальные «толстые» журналы – чуть более 1%. Учителя-словесники в анкетах указали самых значительных современных советских писателей: К. Симонов (86%), М. Шолохов (20%), Ю. Герман (17%). Самыми интересными из прочитанных ими в 1965-1966 гг. произведений были: трилогия Ю. Германа (24%), «Солдатами не рождаются» К. Симонова (20%), «Щит и меч» В. Кожевникова (14%). Авторов социологического исследования насторожил факт, что многие вызвавшие интерес общественности, а также

полемику в печати произведения 1965 года не нашли отражения в картотеках чтения учителей словесности. Таких произведений как «Прямая линия» В. Маканина, «Я отвечаю за все» Ю. Германа, «Семеро в одном доме» В. Семина, «Поденка – век короткий» В. Тендрякова, «Липяги» С. Крутилина и др. в картотеках чтения оказались единицы. Учитывалась и выдача соответствующих номеров журналов, в которых некоторые эти произведения были напечатаны. Авторы исследования указали, что «главное содержание их чтения составляли произведения, опубликованные и обсуждавшиеся несколько лет назад. Например, «До свидания, мальчики» Б. Балтера, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Рассудите нас, люди» А. Андреева, «Продолжение легенды» А. Кузнецова, «После свадьбы» Д. Гранина и др. Обращение к ним впервые в 1965-1966 гг. (что специально выяснялось библиотекарями) говорит об отставании в чтении от литературной жизни [222, с. 198, 199].

Читательские интересы старшеклассников города. Учащиеся 9-11 классов средних школ 20-ти городов СССР, в том числе, Москвы, Ленинграда, Гатчины, Кургана, Крымска, Липецка, Нальчика, Хабаровска, Львова, Полтавы, Фрунзе, Риги. Еревана и др. Всего опрошенных по анкетам 1601 человек, 615 юношей, 986 девушек; 590 девятиклассников, 865 – учащихся 10-11 классов, 146 учащихся ПТУ. Плюс 150 карточек чтения из библиотек 4-х городов. Анкеты показали, что почти все учащиеся систематически следят за журнальной периодикой (91%). Литературно-художественные журналы «Юность» читает 31% опрошенных, «Молодая гвардия» - 33%. Регулярно читали советскую литературу 88% опрошенных, 95% опрошенных назвали в анкетах своих любимых авторов: М. Шолохов 22%, К. Симонов 9%, М. Горький 7%, А. Фадеев 5%, Д. Гранин 3%, Н. Островский 8%, А. Толстой 8%, А. Беляев 7%, Ю. Герман 5%, К. Паустовский 5%. Не так уж много в процентах, какие авторы занимали немалое оставшееся место? Старшеклассники в анкетах указывали, что читали повести Б. Балтера, Ч. Айтматова, В. Аксенова, В. Пановой. Но только 15% опрошенных оказались знакомы с советской драматургией, среди любимых авторов – В. Розов. Большой интерес к фантастике: А. Беляев, А. Толстой, Стругацкие. Очень часто упоминаются авторы детективов: Л. Шейнин, Ю. Дальд-Михайлик, А. Адамов. Художественная литература привлекает молодежь своими героями: Владимир Устименко (трилогия Германа), Сергей Крылов («Иду на грозу»).

Читательские интересы студенческой молодежи. Сбор материала проводился в 14 городах СССР, среди которых Москва, Ленинград, Рязань, Пенза, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Хабаровск и др.; в 25 вузах всех профилей – технических, гуманитарных, естественнонаучных, сельскохозяйственных. Советскую художественную литературу читали 56% студентов, больше – естественники (60%), меньше – гуманитарии (52%). Судя по высказываниям студентов, их интересовала не столько тема произведения, сколько общий настрой книги, глубина, эмоциональная сторона. Среди лучших произведений называли трилогии Симонова и Германа, «Иду на грозу» и «Искатели» Гранина. По анкетам студентов наиболее популярными писателями были: Шолохов 25%, Ладис 17%, Горький 16%, Айтматов 10%, Паустовский 6%, Н. Островский 6%, Фадеев 6%, Гончар 6%. В Московской центральной городской библиотеке такие книги как «Коллеги» В. Аксенова, «До свидания, мальчики» Б. Балтера, «Мужество» В. Кетлинской не стояли на полках. Научная фантастика особой любовью пользовалась у студентов технических вузов. Наиболее читаемые авторы: А. Беляев 23%, И. Ефремов 14%, Стругацкие 10% и др. Студенты оказались самыми активными читателями литературно-художественных журналов. Самым читаемым оказался «Юность» (54%), за ним следовал «Нева» (26%), «Иностранная литература» (24%), «Молодая гвардия» (18%), «Новый мир» (15%), «Москва» (15%) [222, с. 258-261].

Сопоставив список опубликованной литературы и читательские интересы, можно сделать следующие выводы: внимание абсолютного большинства читателей было привлечено к темам о недавнем советском прошлом. Роман Л. Леонова «Русский лес» (1953) и повести Г. Бакланова посвящены теме Великой Отечественной войны. События повестей П. Нилина разворачиваются после окончания Гражданской войны. Два романа из трилогии Ю. Германа связаны с событиями довоенными и Великой Отечественной войны, также как повесть Б. Балтера «До свидания, мальчики». События третьей части трилогии Германа разворачиваются в первые послевоенные годы, лишь эпилог касается событий 1965 года. Роман В. Кетлинской «Мужество», опубликованный в 1938 году, посвящен социалистическому освоению Дальнего Востока в 1930-е годы. Книга Г. Николаевой «Битва в пути», новая волна интереса к которой была вызвана экранизацией 1961 года, рассказывает о событиях 1953-54 гг. В целом, к современной производственной теме, в

которой находила отражение повседневная хозяйственная культура, интерес был весьма слабый. Повесть М. Алексеева «Хлеб – имя существительное» посвящена, главным образом, жизни советского села в военные и послевоенные годы.

И. П. Уварова и К. Рогов разделили художественную литературу 1970-х гг. на три части. В первую включили те произведения, что стали культовым художественным событием, во вторую – «тривиальную литературу среднего интеллигентного читателя», в третью – образцы «союзписательского фундаментализма», особенно востребованные в массовой культуре [240]. Культовыми художественными событиями стали отдельные произведения В. Аксенова, М. Анчарова, Н. Баранской, А. Битова, Г. Владимова, С. Залыгина, Ю. Трифонова. К тривиальной литературе среднего «интеллигентного» читателя можно отнести произведения Ф. Абрамова, А. Адамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, А. Алексина, В. Амлинского, С. Антонова, В. Белова, А. и Г. Вайнеров, Б. Васильева, И. Велембовской, Г. Горина, Д. Гранина, И. Грековой, И. Ефремова, В. Каверина, Л. Карелина, М. Колесникова, В. Конецкого, А. Кузнецова, Ю. Крелина, А. Крона, О. и А. Лавровых, Н. Леонова, В. Липатова, А. Лиханова, Л. Лиходеева, В. Лихоносова, В. Маканина, Б. Можая, Ю. Нагибина, Ю. Полякова, В. Распутина, С. Родионова, Д. Рубинной, А. Рыбакова, Ю. Рытхэу, В. Санина, Ю. Семенова, В. Семина, В. Смирнова, В. Солоухина, А. и Б. Стругацких, В. Тендрякова, В. Токаревой, М. Халфиной, К. Шахназарова, В. Шукшина, Г. Щербаковой и др. Образцами «союзписательского фундаментализма» можно назвать произведения М. Алексеева, А. Иванова, В. Кожевникова, В. Кочетова, Г. Маркова, П. Проскурина. Многие из опубликованных произведений во второй половине 1960-х и в 1970-е гг., в первой половине 1980-х были экранизированы. Отдельные произведения массовой литературы получали сценическое воплощение: «Плотницкие рассказы» В. Белова, «Деревянные кони» Ф. Абрамова, «Обмен» Ю. Трифонова, «Братья и сестры» по трилогии Ф. Абрамова и др.

В первой половине 1980-х в журналах и/или отдельными изданиями публиковались литературные произведения следующих авторов: Адамов А., Айтматов Ч., Алексин А., Ананьев А., Астафьев В., Воронин С., Гранин Д., Искандер Ф., Карелин Л., Кожевников В., Коняев Н., Крелин Ю., Леонов Н.,

Лиханов А., Лиходеев Л., Лихонос В., Маканин В., Марков Г., Можаяев Б., Поляков Ю., Распутин В., Родионов С., Рубина Д., Рытхэу Ю., Токарева В., Трифонов Ю., Чулаки М., Шахназаров К., Щербакова Г. и др. (Приложение 6). В первой половине 1980-х были экранизированы произведения Адамова А., Гельмана А., Карелина Л., Лиханова А., Маркова Г., Полякова Ю., Шахназарова К. Часть из них также была экранизирована в первой половине 1980-х гг.

В своей хронике культурной жизни 1970-х И. П. Уварова и К. Рогов отметили значительную роль в духовной жизни семидесятых литературных журналов и журнальной критики. В 1970 году критикой наиболее активно обсуждались книги А. Гладилина «Евангелие от Робеспьера» и рассказы В. Шукшина «Земляки». В 1971 году излюбленные темы критики – малые жанры прозы и неомещанство. В 1972 году повесть А. Скалона «Живые деньги» стала популярной у критиков и получила высокую оценку в рецензии В. Шукшина. В 1973 году критика обсуждала московские повести Ю. Трифонова в русле полемики о быте, деревенскую прозу и «Сталеваров» Г. Бокарева, роман С. Залыгина «Южно-американский вариант». В 1974 году в журнальной критике особенно активно обсуждается сборник рассказов В. Шукшина «Характеры» и книга А. Битова «Образ жизни», продолжается полемика о повестях Ю. Трифонова и романе С. Залыгина. В 1976 году критикой активно обсуждается повесть «Другая жизнь» Ю. Трифонова, «Комиссия» С. Залыгина, повести В. Распутина. В 1978 году – проза В. Распутина и А. Битова [240]. Эти события в литературной жизни и читательские интересы, скорее всего, имеют отношение к уровню профессиональному и элитарному.

Массовое чтение второй половины 1960-х и 1970-х. В 1970 году научно-методический отдел библиотековедения Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина совместно с областными библиотеками проводил изучение чтения рабочей и сельской молодежи в возрасте от 16 до 24 лет. У сельской молодежи из советских писателей наиболее популярным оказался М. Шолохов. Кроме того, М. Горький, Н. Островский, К. Симонов, А. Толстой. В десятку наиболее любимых советских писателей входили А. Фадеев, Ю. Герман, А. Чаковский. Среди любимых писателей называли: М. Бубеннов, Л. Леонов, В. Аксенов, В. Кожевников, В. Кочетов, Ф. Панферов, В. Тендряков, Д. Гранин,

В. Кетлинская, А. Коптяева, С. Сартаков, В. Каверин, Г. Серебрякова. Сельские читатели ни разу не назвали таких писателей как А. Рекемчук, Г. Бакланов, Г. Марков, М. Алексеев, С. Залыгин, Ю. Рытхэу. По мнению исследователей, основной причиной этого было отсутствие книг, слабая укомплектованность сельских библиотек новыми книгами современных советских писателей. Художественные произведения, издаваемые центральными издательствами, в сельские библиотеки даже во втором издании почти не попадали [214, с. 17-20].

Подобное исследование проводилось с января по июнь 1970 года в 22 городских библиотеках Белоруссии. Анализировались читательские формуляры рабочей молодежи и 260 заполненных читателями анкет. Исследователи обнаружили тематическую специфику читательского интереса молодежи: героическая тематика и романтика. Советская художественная литература занимала основное место в чтении молодежи. Среди наиболее популярных советских писателей – А. Толстой, А. Фадеев, С. Смирнов, К. Симонов, П. Проскурин, Ф. Панферов, В. Панова, М. Горький, Ю. Герман, В. Маяковский, Б. Полевой, Л. Леонов, В. Липатов, А. Коптяева, В. Кочетов, Н. Островский. Особенной популярностью пользовался роман, повесть и научная фантастика. Из фантастов чаще всего упоминали И. Ефремова, А. Казанцева, А. Беляева. Упоминались произведения писателей: Ч. Айтматова, В. Лациса, О. Гончара, И. Рыбак [117, с. 28, 33, 35]

С октября 1970 по декабрь 1971 г. в Ленинграде проводилось монографическое исследование чтения 30-ти молодых рабочих в возрасте от 17 до 25-ти лет. Изучалась качественная сторона чтения художественной литературы. Собранные сведения свидетельствовали о том, что современные молодые рабочие больше всего ценили в художественной литературе занимательность сюжета, познавательные сведения, правдивое изображение жизни, доступный язык. Идеино-воспитательное значение книги они видели в необходимости изображения героев, положительный характер которых не вызывает сомнения, образцов для подражания, в наличии явно выраженной (типа лозунга) идеи. Автор статьи, где были изложены результаты исследования, отмечает: некоторые рабочие, не понимая специфики художественных произведений, требуют от литературы прямого и непосредственного воздействия, практической пользы, рецептов, руководства к действию. Причем, эти требования распространяются только на советскую

современную литературу. Наиболее ценимые молодыми рабочими советские писатели: И. Ильф и Е. Петров (назвали 22 из 30-ти опрошенных), А. и Б. Стругацкие (14 из 30), В. Катаев (14 из 30), Ю. Герман (13 из 30), А. Грин (13 из 30), В. Кожевников (13 из 30), К. Симонов (13 из 30), А. Толстой (13 из 30), М. Шолохов (10 из 30), Г. Мартынов (10 из 30). Судя по ответам, книги Ю. Германа привлекали молодых рабочих интересным сюжетом, наличием ярких положительных героев, нравственных идеалов [44, с. 177, 178, 185].

В ходе исследования избранной группе были предложены для прочтения следующие произведения: Ф. Абрамов «Пелагея», Ч. Айтматов «Белый пароход» и «Прощай, Гюльсары», В. Белов «Привычное дело», В. Быков «Сотников» и «Круглянский мост», Г. Владимов «Три минуты молчания», Ф. Искандер «Дерево детства», В. Кочетов «Чего же ты хочешь?», В. Липатов «Серая мышь», Ю. Трифонов «Обмен», В. Шефнер «Сестра печали». Большинство читателей приняло и положительно оценило: В. Кочетов «Чего же ты хочешь?», В. Шефнер «Сестра печали», Ч. Айтматов «Прощай, Гюльсары». В романе Кочетова читатели оценили злободневность и важность темы, которую они поняли как необходимость ответственности каждого члена нашего общества, в особенности интеллигенции, перед советским строем в период обострения идеологической борьбы. Молодые рабочие считают, что Кочетов затрагивает много важных проблем, с разных сторон раскрывает противоречия современности, старается ответить на вопросы, возникающие в процессе развития нашего общества. «Прощай, Гюльсары» понравилась за реализм, гуманизм, талант автора. Вызвали противоречивые оценки читателей: Г. Владимов «Три минуты молчания», Ч. Айтматов «Белый пароход», В. Липатов «Серая мышь». Что касается «Серой мыши», по мнению читателей, повесть написана хорошо, реалистично, но тема не вызывает живого интереса (слишком обыденна), а герои – сочувствия. Те же претензии у читателей к «Пелагее» Ф. Абрамова. Читатели не поняли Ф. Искандера, он привлек их лишь своим юмором. Отрицательно были оценены: В. Белов «Привычное дело», В. Быков «Сотников» и «Круглянский мост», Ю. Трифонов «Обмен». Молодые рабочие восприняли равнодушно повесть Трифонова: тема показалась им не очень значительной, поскольку она далека от вопросов, которые интересуют их. Повесть Белова, почти безоговорочно принятая другими категориями

читателей (студенты, служащие), получившая высокую положительную оценку критиков, тоже не понравилась молодым рабочим. Автор статьи обобщает: вообще деревенская проза мало интересует молодых рабочих. Им незнакома жизнь крестьян, далеки проблемы жизни деревни, так же как проблемы и искания интеллигенции [44, с. 187, 189, 191].

В феврале-марте 1972 года в 24 массовых библиотеках всех районов Ленинграда студентами Ленинградского государственного института культуры им. Крупской проводился анкетный опрос рабочей молодежи. Читателей опрашивали на абонементе при оформлении выдачи уже отобранной литературы. Было опрошено 3014 читателей. Среди опрошенных преобладали рабочие в возрасте от 21 до 28 лет (68%), 65% опрошенных имели среднее образование, остальные – неполное среднее. Выбирая художественную литературу, все группы читателей предпочитали произведения советских русских авторов, они составили более половины выдачи книг. Больше всего читали (по уменьшению выдачи): А.Толстой, М. Шолохов, Ю. Герман, В. Кетлинская, В. Кожевников, К. Симонов, Ю. Слепухин, К. Паустовский, В. Ян, В. Пикуль, М. Горький, А. Грин, А. Коптяева, Г. Марков, С. Злобин, Л. Леонов, В. Шишков, В. Кочетов и др. Чаще других брали произведения: «Хождение по мукам», «Поднятая целина» и «Тихий Дон», трилогию Германа, «Мужество» и «Дни нашей жизни» В. Кетлинской, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Перекресток» и «Тьма в полдень» Ю. Слепухина, «Русский лес» Л. Леонова, «Строговы» и «Соль земли» Г. Маркова и др. Особым спросом пользовались книги приключенческие, фантастика, детективы. Из фантастов – Беляев, Ефремов, Мартынов, Немцов. Нередко брали сборники «В мире фантастики и приключений». Выбор книг многих советских писателей также связан с экранизацией художественных произведений. Литература других народов СССР заняла незначительное место в чтении молодых читателей. Брали Лациса (32), Рыбак (10), Шамякина (6) и др. В целом осведомленность читателей о литературе других народов СССР самая низкая [186, с. 103, 110-112].

В 1972 году сотрудниками Научно-исследовательского отдела библиотековедения и теории библиографии ГБЛ было подготовлено и проведено исследование чтения населения 24-х небольших (до 50 тыс. жителей) городов РСФСР. Главной базой исследования явился г. Острогжск

Воронежской области. Объектом исследования служили читатели всех возрастов: дети, юношество, взрослые. В исследовании сочетались методы опроса, анализа документов и наблюдения. Как показало исследование, массовый читатель художественную литературу современных советских авторов читал преимущественно в «Роман-газете» и массовых изданиях общего типа («Огонек», «Работница», «Смена», «Советская женщина»). Толстые литературно-художественные журналы не влияли сколько-нибудь заметно на картину чтения. «Читательская судьба» многих романов, повестей, рассказов определялась не столько их новизной, сколько другими моментами. Первую группу лидеров составили экранизированные романы. Вторая группа наиболее читаемых книг – опубликованные в «Роман-газете», которая, выходя огромным тиражом до 3 млн. экземпляров, пользовалась в небольших городах необычайным спросом. Среди книг советских писателей, названных во время опроса, лидировали три группы: 1) исторический и историко-революционный роман, повесть, рассказ; 2) произведения о Великой Отечественной войне; 3) детективы. Такие книги составили половину всех упомянутых читателями произведений и находились «по существу, вне конкуренции» [102, с. 75-77, 82].

Всесоюзное комплексное исследование «Книга и чтение в жизни советского села» (1973-1975) проводилось государственной библиотекой СССР им В.И. Ленина совместно с научными библиотеками союзных и автономных республик, краев и областей, а также при непосредственной помощи государственных институтов культуры, библиотечных факультетов университетов и педагогических институтов страны. Опрос сельского населения проводился на первом этапе исследования, в феврале-марте 1973 года по всесоюзной репрезентативной выборке, за единицу которой была принята семья. Все было обследовано 5386 семей, в их составе было 16706 человек, начиная с детей 7 лет. На втором этапе (с конца 1973 до середины 1975 г.) велось изучение социальной роли сельской библиотеки. Исследование показало: в художественной литературе наибольшее число читателей в селах всех союзных республик привлекали произведения о Великой Отечественной войне, о морально-бытовых проблемах, преимущественно связанных с сельской жизнью, приключения и детективы, исторические романы, повести и рассказы. В составе чтения преобладали произведения советских авторов, а среди них – произведения родной литературы. Среди всех аудиовизуальных

каналов, воздействующих на чтение, выявилась наиболее заметная роль экранизаций художественных произведений: в структуре всех стимуляторов читательского выбора кинофильмы составили 24% [58, с. 9, 11, 19, 22].

Как показало исследование чтения подростков, проведенное в Эстонии в 1976-78 гг. Государственной детской и юношеской библиотекой ЭССР, по степени интереса читателей детектив стоял на втором месте после приключенческой литературы – 73% [254].

С 1968 по 1978 г. Государственной республиканской юношеской библиотекой РСФСР (ГРЮБ) проводились масштабные исследования читательских интересов молодежи. Объектом исследования были молодые рабочие, строители Всесоюзных комсомольских строек, молодежь села, учащиеся ПТУ, общеобразовательных школ. Результаты исследования были представлены в ряде публикаций Е. Васильевой – заведующей сектором социологии ГРЮБ. Исследование читательских интересов молодых рабочих (1500 человек) крупнейшего производственного предприятия страны – ЗИЛ показало: художественную литературу читали 96% опрошенных. В кругу чтения доминировала современная советская литература. Наибольшим спросом пользовались: трилогия Ю. Германа, Д. Гранин «Иду на грозу», Ч. Айтматов «Джамиля» и «Прощай, Гюльсары», Ф. Абрамов «Братья и сестры», М. Алексеев «Вишневый омут», А. Иванов «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», П. Проскурин «Судьба», В. Распутин «Деньги для Марии», а также романы В. Каверина и М. Шолохова [31, с. 94, 95].

К 1978 году продолжающееся исследование позволило специалистам Государственной республиканской юношеской библиотекой сделать ряд заключений: 1) у юношества самыми читаемыми литературными журналами были «Юность» и «Молодая гвардия». 2) По читательскому спросу из художественной литературы на первом месте – фантастика, приключения и детектив, на втором – литература о сверстниках. 3) Среди городской молодежи наиболее популярными были книги Б. Васильева, В. Каверина, Ю. Германа, Д. Гранина, А. Лиханова, В. Амлинского, А. Алексина, В. Шукшина. Среди сельской молодежи – произведения Ю. Германа, Б. Васильева, Г. Маркова, А. Иванова, П. Проскурина, В. Шукшина [32, с. 66, 67].

По результатам социологического исследования читательских интересов, проведенного ГРЮБ в 1974 и 1980 гг. в селах РСФСР (Московской, Рязанской,

Волгоградской, Кировской, Кемеровской, Курганской областей и Алтайского края) среди молодежи от 15 до 25-ти лет (учащихся общеобразовательных школ, ПТУ, техникумов, сельскохозяйственных рабочих) читательские интересы были направлены в основном на современную советскую литературу. Самыми читаемыми авторами были Ф. Абрамов, В. Астафьев, Д. Гранин, А. Иванов, В. Каверин, П. Проскурин, В. Распутин, В. Шукшин. Особой популярностью у молодежи пользовались А. Алексин и А. Лиханов [33, с. 77]. Эти результаты заметно расходятся с результатами всех других проведенных и использованных здесь исследований, и поэтому вызывают сомнение. В частности, сомнение вызывает массовая увлеченность молодежи произведениями Ф. Абрамова, В. Астафьева и В. Распутина.

Исследование читательского спроса в массовых библиотеках, проведенным в 1977 году в 30-ти библиотеках – городских, районных, сельских в основных регионах РСФСР, показало: большую часть читательской аудитории (42%) составляла молодежь от 15 до 25-ти лет (в структуре населения СССР, по переписи 1970 года они составляли 22%). Авторы исследования обнаружили прямую зависимость между уровнем образования читателей и читательской активностью. Наиболее активными читателями были люди со средним, средне-специальным, незаконченным высшим (студенты) и высшим образованием. Почти половину всех читателей составляли специалисты (24%) и учащиеся (23%). Рабочие и колхозники составляли лишь одну треть читателей. Остальные читатели – служащие, труд которых не требует высшего и средне-специального образования (10%) и пенсионеры (10%). Активность читателей на селе была ниже, чем в городе [252, с. 7, 8].

Читательские интересы интеллигенции, наряду с другими социальными группами, изучались в ходе крупномасштабных комплексных исследований. При знакомстве с исследованиями советского времени обращает на себя внимание одна особенность: абсолютное большинство социологических исследований, посвященных интеллигенции, обходит вопрос ее читательских интересов в сфере художественной литературы. Исследования, где этот вопрос хотя бы затрагивается, являются исключениями. Так, в 1978 году было проведено эмпирическое исследование духовного потенциала художественно-творческой интеллигенции – балетной труппы Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Объектом

стали 86 актеров от 20 до 43 лет, с равным представительством мужчин и женщин. Выяснилось, что отечественную художественную литературу систематически и не систематически читают значительно меньше, чем зарубежную. «Иностранная литература» была самым читаемым литературно-художественным журналом. Даже уважаемый среди интеллигенции «Новый мир» читали в 3,5 раза меньше. Среди читаемых отечественных писателей у интеллигенции абсолютно преобладали классики русской прозы. Из советских писателей были названы лишь А. Толстой, М. Шолохов, К. Паустовский, М. Булгаков [65, с. 137-147].

В конце 1980-81 учебного года в общеобразовательной школе № 112 г. Москвы было проведено пилотажное исследование уровня освоения культурных ценностей выпускниками средней школы (на примере литературы). Методом анонимного анкетирования было опрошено 23 десятиклассника. Исследование показало: из предложенных имен советских писателей наиболее известными оказались имена В. Шукшина и Ю. Бондарева, затем Б. Васильева («А зори здесь тихие»), менее – Ч. Айтматова, еще менее – К. Паустовского и В. Тендрякова. Наименее всего – Ф. Абрамова (1 ответ). Ни один из опрошенных десятиклассников не знал произведений В. Распутина и Ю. Трифонова. В число любимых десятиклассниками советских писателей, названных в анкете и наиболее часто встречающихся в читательских формулярах, вошло всего десять имен прозаиков: А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, М. Булгаков, К. Паустовский, В. Липатов, Ю. Бондарев, В. Быков, Д. Гранин, Ильф и Петров. Авторы исследования делают вывод, что дело со знанием современной советской литературы обстоит очень неблагоприятно [217, с. 67, 68].

В 1980–1983-х гг. ГБЛ совместно с Культурно-массовым отделом ВЦСПС было проведено комплексное исследование «Советский рабочий – читатель», завершавшее комплексную исследовательскую программу «Книга и чтение в жизни советского общества», задуманную выдающимся советским библиотековедом О. С. Чубарьяном. Основной единицей выборки стали первичные трудовые коллективы на промышленных предприятиях в тяжелой промышленности – заводы энергетического машиностроения, металлургии, автомобилестроения, станкостроения, в легкой – тонкосуконная, крутильно-ниточная ткацкая фабрика. Исследованные трудовые коллективы представляли

как традиционные формы организации труда (цехи, участки, смены), так и новые формы – комплексные бригады. Исследование методом опроса шло в основном в крупных городах РСФСР – Москве, Горьком, Волгограде, Липецке, Омске, Хабаровске, Орехово-Зуеве. Характер читательских запросов изучался в 25-ти государственных массовых профсоюзных и научно-технических библиотеках.

Авторы отмечают стабильность структуры жанрово-тематических предпочтений этой социальной группы, замеченных еще в 1960-е гг. Кроме популярных произведений о Великой Отечественной войне, особенно романов-эпопей, среди читательских предпочтений лидировали приключения, литература о морально-этических проблемах, книги «про жизнь». Исследователями отмечен низкий авторитет книг о рабочем классе. «Производственную» тему указали всего 3% опрошенных рабочих. Анализ низкой популярности этой литературы выявил две причины: 1) недостатки распространения лучшей художественной литературы о рабочем классе. Только 5 из 12 книг, получивших в последние годы премии как лучшие произведения о рабочем классе, попали более чем в половину обследованных 25 массовых библиотек. 2) Стереотипы отношения к книгам о рабочих. Опрос показал, что около половины рабочих-читателей низко оценивают правдивость тех произведений о рабочих, которые они когда-либо читали [11, с. 6, 7, 20]. В рамках этого комплексного исследования изучались читательские формуляры в библиотеке Владивостокского судоремонтного завода. Всего было просмотрено 500 формуляров, из которых 70% – рабочих, около 30% – ИТР. Результаты просмотра показали: наиболее читаемые советские авторы – М. Шолохов, К. Симонов, Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, Б. Васильев [70, с. 20].

В 1982-1983 гг. кафедра библиотековедения ЛГИК им. Н. К. Крупской изучала читательские интересы учащихся ПТУ г. Ленинграда. Как отмечает автор статьи, у этой категории читателей советская литература пользовалась значительно большей популярностью, чем русская классика, литература народов СССР и зарубежная классика. Самый популярный автор 1982-1983 гг. – Ан. Иванов (привлек внимание телевизионной экранизацией «Вечного зова»). Также П. Проскурин («Судьба»), К. Симонов «20 дней без войны», В. Тендряков «Весенние перевертыши». Преобладающие жанры в чтении – детективы, фантастика, приключения, что, по мнению автора статьи,

свидетельствует «о затянувшемся детстве, о развлекательной направленности чтения» [45, с. 121].

Возросший с 1979 по 1984 г. интерес студентов Калининского университета не только к популярным произведениям Ф. Абрамова, Ю. Бондарева, А. Иванова, П. Проскурина и В. Шукшина, но также к прозе В. Астафьева и В. Распутина, к пьесам А. Арбузова, Г. Бокарева, А. Вампилова, И. Дворецкого и В. Розова объяснялся учебной программой: «Кафедра советской литературы включила произведения перечисленных писателей в список литературы по программе, поэтому студенты хотят прочитать эти книги» [181, с. 48].

В 1985 году группой социологов НИИ Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ было проведено исследование читательских предпочтений с использованием стратификационных критериев (социально-профессиональных). В выборную совокупность были включены жители Москвы, Костромы и сел Костромской области – 3068 молодых людей в возрасте до 30 лет (школьники 5-10 классов, учащиеся ПТУ, студенты техникумов и вузов, рабочие 1-6 разрядов, занятые в сфере обслуживания и торговли, водители такси, ИТР, учителя средних школ, преподаватели вузов, врачи, представители научной и творческой интеллигенции, полеводы, животноводы, механизаторы); 1179 респондентов тех же профессиональных категорий (кроме учащихся) в возрасте 31-60 лет. В качестве экспертов выступили 229 продавцов и товароведов книжных магазинов. Исследование показало: у респондентов до 30 лет читательские предпочтения видов литературы мало зависят от принадлежности к определенной социально-профессиональной группе. Так, первое место в читательских интересах молодых рабочих, работников сельского хозяйства занимали романы, затем – детективы и повести, рассказы, фантастика, историческая литература. У молодых работников сферы услуг структура читательских интересов оказалась такой же. У молодой интеллигенции (независимо от профессии) также первые три места занимали романы, повести, рассказы, детективы, затем фантастика. Выше, чем у рабочих и представителей сферы услуг у них оказался интерес к исторической прозе, поэзии, мемуарам. Особенно у преподавателей вузов [267, с. 116, 123, 124].

Исследование «Чтение в вашей жизни» проводилось Государственной библиотекой имени В.И. Ленина в конце 1986 года в 24 городах разных регионов РСФСР. Был проведен анкетный опрос населения по месту жительства на основе репрезентативной выборки. Всего было опрошено 6368 человек: рабочие (31,8%), специалисты (21,1%), учащиеся (15,3%), служащие (7,8%), руководители (4,3%), пенсионеры (11,6%), домохозяйки (1,7%). Респонденты представляли шесть возрастных групп. Подавляющее большинство опрошенных (80,5%) более десяти лет жили в своем городе, но лишь менее 50 % являлись коренными жителями. Почти треть горожан (30,3%) провели свои детские и юношеские годы в сельской местности. Опрос показал, что подавляющее большинство респондентов читало беллетристику. Преимущественным вниманием пользовались книги русских советских авторов. Среди наиболее читаемых в период опроса советских писателей: В. Пикуль, Ю. Семенов, А. Беляев, М. Шолохов, Ан. Иванов, И. Ефремов, А. Черкасов, Ю. Бондарев, М. Булгаков, В. Шукшин. В то время «перестроечные» произведения А. Рыбакова, Д. Гранина, А. Приставкина, В. Гроссмана и др. не вошли еще в круг чтения. Из-за массового тиража (макулатурная серия, «Классики и современники», «Роман-газета» и т.п.) то или иное произведение одновременно входило в круг чтения многих людей, и в дальнейшем этот процесс усиливался в результате влияния моды. Таковы случаи с книгами Ю. Семенова, И. Ефремова, Ю. Бондарева, Ч. Айтматова и др. авторов. Среди авторов. Книги которых хотели бы взять в библиотеке или приобрести для домашней библиотеки – В. Пикуль, Ю. Семенов, М. Булгаков, А. Черкасов, И. Ефремов, Ан. Иванов, Г. Марков, П. Проскурин, Ч. Айтматов, А. и Б. Стругацкие, Ю. Бондарев, В. Шукшин, В. Распутин [201, с. 12, 13, 20, 21]. Подобные опросы не оценивали художественное качество произведений, а только читательские интересы.

Всеобщим, от самого юного до самого квалифицированного и подготовленного читателя, был интерес к детективу. Участник одной из дискуссий на страницах «Литературной газеты» в 1968 году даже подсчитал, что детективом увлекается более 75% научных работников и 65% специалистов с высшим образованием. В интервью газете «Московский комсомолец» академик И. Артоболевский сообщил, что любит детектив, и детектив является его помощником в научном поиске, дает сильный эмоциональный и

плодотворный заряд. Свидетельством огромной популярности детектива в СССР были и гигантские заказы книготорга издательствам, которые, впрочем, удовлетворялись на 10-15%, и читательские формуляры в библиотеках, и прямая зависимость тиража журнала от наличия или отсутствия детективного романа на его страницах в период подписной компании [3, с. 9, 10].

Как видно, авторы исследований не отмечали различий в читательских интересах по регионам. Некоторые различия наблюдались лишь в возрастных и социально-профессиональных группах.

С 1966 года в СССР с целью информации о новых книгах и пропаганды лучших произведений советской и зарубежной литературы, воспитания культуры чтения выходила еженедельная газета «Книжное обозрение», массовое общественно-политическое издание. В обзорах газеты отображалась то, что официально считалось лучшей частью книжного потока. Но для выяснения читательского спроса эта газета ничего не дает.

Обобщая приведенные исследования в аспекте отбора текстов массовой литературы для изучения советской повседневности 1960–1980-х, можно сказать: как и прежде, интересы массового читателя преимущественно были направлены на литературу о советском прошлом. Популярные произведения А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, И. Ильфа и Е. Петрова, Ю. Бондарева, В. Быкова не отражают повседневность изучаемого периода (1960-е – начало 1980-х). Из тетралогии Ф. Абрамова лишь последняя книга «Дом» рассказывает о жизни русской советской деревни в 1970-е годы. Популярный роман М. Алексеева «Вишневый омут» (1961) построен на материале дореволюционной деревни, действие заканчивается в первые послевоенные годы. Роман Ф. Панферова «Бруски» (1928-33), многократно переиздававшийся, посвящен коллективизации. Эпические полотна Г. Маркова и А. Иванова охватывают период от первой мировой войны до 1960-х, произведения П. Проскурина – о довоенном и военном прошлом. Романы Ю. Слепухина посвящены теме Великой Отечественной войны. То же самое можно сказать о романах В. Каверина. Критик М. Амусин взлет популярности литературы на деловую тему в начале 1970-х связывал со все более широким народным участием в управлении хозяйственным механизмом [5, с. 192]. Но деловая или «производственная» тема интересовала не самый широкий круг читателей. Действительно массовыми стали поставленные на сценах театров и

экранизированные пьесы: И. Дворецкий «Человек со стороны», А. Гельман «Протокол одного заседания» и «Мы, нижеподписавшиеся». Другие названные М. Амусиным произведения на деловую тему (О. Куваев «Территория», Д. Гранин «Однофамилец» и «Картина», А. Плетнев «Шахта», С. Рыбас «Варианты Морозова», И. Штемлер «Таксопарк», В. Добровольский «Текущие дела», В. Никольский «Белые шары, черные шары», И. Герасимов «Эффект положения», Д. Константиновский «Яконур») были интересны немногочисленному «среднему интеллигентному читателю».

На рубеже 1980–1990-х гг. С. Шведов, обобщив результаты масштабных социологических исследований читательских интересов, сделал вывод: наибольшим спросом у широкого читателя с 1960-х до начала 1980-х годов пользовались толстые романы: М. Алексеев «Вишневым омут» и «Драчуны»; А. Иванов «Вечный зов», «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Повесть о несбывшейся любви», «Жизнь на грешной земле»; Г. Марков «Соль земли», «Сибирь»; П. Проскурин «Имя твое», «Судьба», «Черные птицы»; А. Черкасов «Хмель», «Конь рыжий», «Черный тополь»; Ф. Абрамов «Две зимы и три лета», «Братья и сестры»; Е. Евтушенко «Ягодные места»; С. Бабаевский «Кавалер золотой звезды» (в то время книги Бабаевского уже не относились к разряду самых читаемых, но пропагандировались критикой и обсуждались на читательских конференциях). В эти же годы писатели писали, а читатели читали другие книги. В эти же годы признание у читателей завоевали Ю. Трифонов и Ф. Искандер, Бакланов и Белов. Однако никто из них не входил по популярности в «первую десятку», кумирами массового спроса оставались романы Иванова и Проскурина. Более того, по результатам конкурса, проведенного газетой «Книжное обозрение» в 1988 году, произведения этих авторов вошли в перечень «100 лучших книг года» [265, с. 390-392]. Кстати, роман А. Черкасова «Хмель», многократно упоминаемый исследователями читательских интересов, советским критиком Н. Ильиной назван «эрзацем социальных эпопей», отнесен к подделкам, высоко оцененным и востребованным невзыскательным и простодушным читателем [80].

Обобщение исследований читательских интересов в аспекте отбора текстов массовой литературы для изучения советской повседневности 1960–1980-х гг. показывает: во-первых, массовый читатель игнорировал не только те произведения, которые Уварова и Рогов называют «культовыми», но и

большую часть того, что они относят к «тривиальной» литературе среднего «интеллигентного» читателя. Во-вторых, читали современную литературу, но не о современности, предпочитая произведения, посвященные российскому и советскому прошлому. Не так много самых читаемых произведений отражали современную повседневность и повседневную хозяйственную культуру, за исключением детективов.

Можно найти несколько объяснений причин того, почему одних авторов читали, а других не читали. Одну из причин, лежащую на поверхности, уже назвали авторы советских социологических исследований – слабая укомплектованность сельских библиотек новыми книгами современных советских авторов, недостаточность литературных журналов в городских библиотеках, малое количество или полное отсутствие подписки на литературные журналы в сельских библиотеках. Мнению советских социологов отчасти созвучна точка зрения одного из современных российских авторов, Б. Дубина. По мнению Б. Дубина, советская массовая библиотека, как это ни парадоксально, никогда не была рассчитана на *массовый* спрос, на обслуживание *массовой* литературой: ассортимент книг был строжайшим образом цензурирован, а книги, пользовавшиеся наибольшим спросом (о войне, любовный роман, детектив, фантастика, исторические) были наименее доступны. Вследствие этого, а также вследствие повышения образовательного уровня среднего читателя, с конца 1960-х советская массовая библиотека стала переживать серьезные организационные трудности [62, с. 177]. Однако советские социологи и Б. Дубин говорят о все-таки о разных вещах: первые – об отсутствии в библиотеках книг, которые не востребованы читателем, но которые, по мнению исследователей, надо читать; второй – о дефиците востребованных книг.

Один из советских авторов, В. Н. Аскарова, предлагала для объяснения интереса массового читателя к одним произведениям и полного пренебрежения другими произведениями понятие «читательская мода». В своем исследовании автор определила понятие «читательская мода» как динамичную стандартизированную форму регуляции поведения читателей, проявляющуюся в демонстративно-избирательном отношении к произведениям печати в соответствии с культурными нормами референтных групп [9, с. 11]. В свою очередь, фактором формирования читательской моды является историческая

эпоха с ее социально-политическими и эстетическими особенностями [10, с. 10-13]. В какой-то мере на читательские интересы молодежи школьного возраста влияли списки литературы, рекомендованной для внеклассного чтения.

Все же представляется, что социологический подход не вскрывает главные, глубинные причины специфики интересов советского читателя. Объяснить выявленную направленность интересов массового читателя можно с помощью рассмотренной выше концепции формульной литературы Дж. Кавелти: стандартизация и эскапизм – удовлетворение потребности читателей отдохнуть и уйти от действительности. Указанные выше самые читаемые произведения, несомненно, подходят по всем признакам под это определение. Кроме того, на читательских интересах сказывалась общая типологическая особенность российской культуры: разрыв между внешними условиями существования, грубостью быта и утонченной жизнью духа [109, с. 47-48]. Эскапизм проявлялся в том, что советский читатель время от времени уходил от действительности, погружаясь в историческое прошлое – героическое, трагическое и драматическое. «Грубость быта» – реальная жизнь, повседневность, а «дух» время от времени вел «утонченную жизнь», погружаясь в переживания за судьбу мифологического культурного героя.

Другое объяснение связано с тем, что массовому читателю нужна ценностная прагматика активного действия, а не рефлексия. Для массового читателя конечные ценности безусловны, поэтому он не читал Ю. Трифонова, для которого конечные ценности условны, и который задавался вопросом, что такое добро, свобода и т.д. Массовый читатель предпочитал те произведения, в которых находил прагматику активного действия. Чаще всего таким произведением оказывался советский детектив. Кроме того, советские детективы были «исполнены романтики розыска и подвига» [167]. Писатель Ст. Родионов, автор широко известного детектива «Криминальный талант» (1974) главной причиной привлекательности детективного жанра для читателя считал потребность в романтическом герое: «Иногда мне кажется, что настоящий мужчина сегодня <...> нет, не вымер, но как-то притих. Мне хочется чаще встречать мужчин, горящих на работе, делающих свое дело поглощено и сильно, как и положено мужчине. И я давно не встречал в наших романах литературного героя – нет, не главного действующего лица! – а героя,

отвечающего смыслу этого слова, то есть бойца. Впрочем, нет, встречал. В детективной литературе. Герой там обязательно боец и борец. Потому что он вступает в бой с преступником, вступает в другие конфликты, связанные с пресечением преступности. Получается так, что детективный жанр едва ли не монополюльно владеет романтическим героем» [200, с. 136]. Массовому читателю был нужен формульный герой, действующий и побеждающий. Менее интересен очень похожий на самого читателя шукшинский «чудик», вообще чужд – рефлексирующий интеллигент Ю. Трифонова и А. Вампилова.

Представляется, что причина своеобразных интересов массового советского читателя также кроется в языке. А именно в том, насколько произведение массовой литературы, обращенное к огромной аудитории, построено на средней языковой семиотической норме [207, с. 222]. К такому пониманию причины приводят убедительные характеристики массовой культуры В. Руднева, но, главным образом, рассуждения Н. М. Козловой на тему «Соцреализм как феномен массовой культуры». Козлова развивает точку зрения английской исследовательницы В. Данэм: читателями соцреалистических романов были представители выделяющегося из массы советского среднего класса. Это не только человек-винтик, но и маленький человек «себе на уме», преследующий собственные интересы с разной степенью успеха. Соцреалистические, несовершенные в художественном отношении романы читали, потому что они, с одной стороны, воплощали комплекс ценностей «системы», а с другой, - ценности потребителя этих романов. Потребителем был только выделявшийся из массы советский средний класс – те, кому в годы сталинской модернизации удалось не только уйти из деревни, но и найти место в новом обществе [106, с. 215]. Дальнейший ход рассуждений Н. М. Козловой таков: и авторы самых читаемых соцреалистических романов (во всяком случае многие из них), и читатели были представителями нового советского среднего класса, они только что вошли в мир письма и печати. Писатель выступал в роли своеобразного эксперта модернизации, как образец успешной и в принципе доступной карьеры. Отсюда – особенность языка соцреалистической прозы. И авторы, и читатели владели нормативным языком, языковой нормой, но он для них нов. Овладевшие нормативной речью имели шанс попасть в новый средний класс. Еще не обретенная субъективность пишущего обусловила отсутствие стиля в

произведениях соцреализма, читатель также был бессубъективен. Жизненный и идеальный планы реальности оказывались взаимозаменяемыми, естественная установка распространялась на вещественно-телесный «соблазняющий» план содержания произведений и на «идеологическую программу», которая тем самым встраивалась в жизнь [106, с. 215. 216]. Впрочем, аргумент Козловой о бессубъективности советского писателя и массового читателя представляется, по меньшей мере, спорным. Более весомой и более корректной причиной особенностей языка массовой соцреалистической прозы представляется культурная маргинальность как писателя, так и читателя. Н. М. Козлова рассматривала соцреализм как феномен массовой культуры на примере произведений начала 1950-х. Есть основания считать, что названные особенности авторов и читателей сохранялись и в 1960-70-е годы, поскольку формирование советского среднего класса продолжалось, и появлялись сотни тысяч «свежих» его представителей – маргиналов. Возможно массовый советский читатель не читал Амлинского, Астафьева, Баранскую, Велембовскую, Владимова, Грекову, Залыгина, Искандера, Карелина, Конецкого, Крелина, Крутилина, Кунина, Распутина, Рыбакова, Семина, Трифонова, Чулаки, и многих др. именно по причине не соответствия языка их произведений той самой «средней языковой семиотической норме», не только понятной читателю, но и соответствующей идеологеме «культурности» [106, с. 211, 212]. В качестве подтверждения высказанного предположения можно привести мнение М.В. Коробова – современника и знатока пьес А. Вампилова о причинах равнодушного отношения широкого читателя к чтению пьес этого автора: «Боюсь, со своей театральностью и изобретательной речью Вампилов казался инфантильным [216, с. 126]. Писательница М. Ганина однажды дала почитать повесть В. Распутина «Пожар» своим соседям – деревенским мужчинам. По ее словам, никто повесть не понял. Помешала аллегория [169, с. 219].

По обоснованным критериям сделан отбор произведений, в которых нашла отражение хозяйственная культура повседневности. Список текстов массовой литературы в хронологическом порядке получился следующим: Адамов А. «Дело пестрых» (1956); Николаева Г. «Битва в пути» (1957); Герман Ю. Трилогия «Дорогой мой человек» (1957-1962); Ефремов И. «Туманность Андромеды» (1957), Нагибин Ю. «Ночной гость» (1958), Кожевников В.

«Знакомьтесь, Балуюев» (1960); Аксенов В. «Коллеги» (1960); Рекемчук А. «Молодо-зелено» (1961); Аксенов В. «Звездный билет» (1961); Бедный Б. «Девчата» (1961); Кочетов В. «Секретарь обкома» (1961); Айтматов Ч. «Тополек мой в красной косынке» (1961); Гранин Д. «Иду на грозу» (1962); Семенов Ю. «Петровка, 38» (1963), Иванов А. «Тени исчезают в полдень» (1963); Алексеев М. «Хлеб – имя существительное» (1964); Стругацкие А. и Б. «Понедельник начинается в субботу» (1965), В. Липатов «Деревенский детектив» (1967); Шестаков П. «Страх высоты» (1969); А. Адамов «Круги по воде» (1970), Лавровы О. и А. из цикла «Следствие ведут ЗНАТОКи» - «Черный маклер» (1971), «Шантаж» (1972); Семенов Ю. «Огарева, 6» (1972); Иванов А. «Вечный зов» (1971-76); Липатов В. «И это все о нем» (1974); Родионов С. «Криминальный талант» (1974), Вайнеры А. и Г. «Лекарство против страха», «Гонки по вертикали» (1974); Шукшин В. «Классный водитель», «Игнаха приехал», «Змеиный яд» (1963), «Печки-лавочки» (1973) и др; Алексеев М. «Ивушка неплакучая» (1970); Нагибин Ю. «Терпение» (1974); Алексин А. «Позавчера и послезавтра» (1974), «Третий в пятом ряду» (1975), Адамов А. «Час ночи» (1976), Распутин В. «Прощание с Матерой» (1976), Абрамов Ф. «Дом» (1978), Леонов Н. «Выстрел в спину» (1979), Лавровы О. и А. «Подпасок с огурцом» (1979); Лавровы О. и А. «Из жизни фруктов» (1981); Адамов А. «Вечерний круг» (1982); Карелин Л. «Змеелов» (1982); Марков Г. «Грядущему веку» (1982), Лиханов А. «Благие намерения» (1982); Лавровы О. и А. «Полуденный вор» (1985).

Все это – литература официальная, авторы которой либо искренне идентифицировали себя с системой, либо в большей или меньшей мере шли на компромисс с властью. Особое место в списке занимает советский детектив, где, как отмечает Б. Дубин, заложен набор образцов и значений, маркирующий статус, образ жизни, планы и ориентиры социальных фигур, групп и сред [61]. Вошедшие в список тексты по классификации А. Адамова относятся к типу «уголовный детектив» с темой преступления и наказания, затрагивающие важнейшие социальные, моральные и психологические проблемы [3, с. 218, 219].

В корпус текстов включены пьесы: Арбузов А. «Иркутская история» (1959); Володин А. «Пять вечеров» (1959); Штейн А. «Океан» (1960); Радзинский Э. «104 страницы про любовь» (1963); Брагинский Э. и Рязанов Э.

«Сослуживцы» (1970); Вампилов А. «Старший сын» (1970), Рошин М. «Валентин и Валентина», (1971); Дворецкий И. «Человек со стороны» (1972); Гельман А. «Протокол одного заседания» (1975); Соколова А. «Фантазии Фарятьева» (1976); Гельман А. «Мы, нижеподписавшиеся» (1979); В. Гуркин «Любовь и голуби» (1979). Пьесы в качестве источников отобраны, опираясь на данные ВУОАП о самых репертуарных пьесах в театрах страны в 1959-1974 гг. (Приложение 1), а также летопись Ульяновского областного театра драмы им. И. А. Гончарова с 1965 по 1980 гг. (Приложение 2).

Большей частью пьесы публиковались в журнале «Театр», и массовый читатель, несомненно, их не читал (здесь приходится отступить от одного из критериев). Но действие названных пьес разворачивается в сфере производственной повседневности и домашнего хозяйства. Эти пьесы, посвященные проблемам социальным, экономическим и нравственным, успешно шли в столичных и почти во всех театрах страны, годами оставаясь в числе самых репертуарных. Все указанные пьесы были экранизированы и вышли на широкий экран. На Центральном телевидении были записаны и показаны телеспектакли в постановке ведущих столичных театров: «Иркутская история», «Сослуживцы», «Человек со стороны» (1973), «Энергичные люди» (1974 и 1988), «Пена» (1977), «Заседание парткома» (1978), «Старый Новый год» (1980). Спектакли ведущих столичных театров нередко транслировались по центральному ТВ. У массовой публики, не читавшей пьес, этот пробел в какой-то мере восполнялся радиоспектаклями, в исполнении известных актеров страны для популярного цикла Всесоюзного радио «Театр у микрофона» (Приложение 3).

Любой художественный текст в большинстве случаев создается на основе контекста – социокультурной обстановки. Чтобы понять художественное произведение, необходимо обратиться к контексту – истории создания, экономической и культурной ситуации, биографии автора [232, с. 172].

Контекстом является биография авторов. На основании биографических сведений, авторов отобранных произведений можно попытаться отнести к типам советских художников, разработанных В. П. Коневым, но уверенно отнести каждого автора к тому или иному типу – задача крайне сложная. М. А. Черняк к авторам, чья литература «не потакала режиму, не заигрывала с ним, не угождала, не славословила», относит В. Катаева, В. Каверина,

В. Панову, Ф. Искандера, И. Грекову, В. Астафьева, Ю. Трифонова и некоторых других [248, с. 17]. По классификации В. Конева эти авторы относятся к типам 2, 3, 4, а произведения их – к направлению либерально-демократическому.

Применяя компаративный метод, можно сопоставить авторов избранных произведений по ряду критериев: присвоение государственных почетных званий (Герой Социалистического Труда), награждение государственными премиями, членство в Союзе писателей СССР и РСФСР и выполнение общественных обязанностей в этих организациях, работа в должности редактора центрального журнала, членство в КПСС, другие общественные должности.

На основании биографического контекста к типу «художник, абсолютно искренне идентифицирующий себя с системой, безоговорочно принимающий идеологию социалистического и коммунистического строительства», возможно, относятся Вс. Кочетов, В. Кожевников и Г. Марков. К типу «художник, для которого верность идеалам и ценностям системы соединялась с критикой «искажений» этих идеалов в практике строительства нового общества» возможно отнести Ч. Айтматова, А. Алексина, М. Алексева, С. Алешина, А. Арбузова, А. Иванова, С. Михалкова, Ю. Нагибина, Г. Николаеву, Ю. Семенова, А. Штейна. К типу «художник с раздвоенным сознанием и раздвоенной личностью, которая, выражая в своем творчестве выверенные идеологические принципы, в своей приватной, непубличной жизни либо в этих принципах сомневалась, либо отвергала их вовсе», можно, пожалуй, отнести А. Володина, В. Липатова, А. Лиханова.

К типу «художник, ортодоксальный в своих публичных выступлениях и заявлениях, он в своем творчестве, насколько это было возможно в условиях цензуры, правдиво отражал реальные проблемы человека и общества», скорее всего, можно отнести А. Адамова, Э. Брагинского и Э. Рязанова, братьев Вайнеров, А. Вампилова, А. Гельмана, Ю. Германа, Д. Гранина, и. Дворецкого, И. Ефремова, О. и А. Лавровых, Н. Леонова, Э. Радзинского, В. Распутина, А. Рекемчука, Ст. Родионова, В. Розова, М. Рощина, братьев Стругацких, П. Шестакова. К типу «художник-нонконформист и в жизни, и в творчестве» можно отнести В. Аксенова и В. Шукшина.

Глава 2. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ 1960–1980-х

2.1. Советское общество как субъект культуры

Вопросы, рассматриваемые в главе, посвящены анализу социокультурного контекста для понимания текстов советской художественной литературы. На основании системной модели М. С. Кагана, для понимания советской хозяйственной повседневности, нашедшей отражение в массовой литературе, рассматривается советское общество как субъект культуры.

Как показали исследования процесса индустриализации в России, советское общество к концу 1950-х гг. стало приобретать черты развитого индустриального общества. Это значит, что в Советском Союзе производство и управление были механизированы и автоматизированы, постоянно внедрялись технические новации, была создана развитая система разделения труда с сильной специализацией, велось массовое производство товаров. Были высоко развиты средства транспорта и коммуникаций. Была высокой степень урбанизации, миграции, социальной мобильности населения. Распространялись массовые формы образования. Разрушались общинный уклад, патриархальная семья и отношения, основанные на «предписанных статусах» (сословное неравенство и др.) [183]. Возникали и утверждались новые, заданные крупной промышленностью, рационализированные поведенческие практики. Советское общество становилось массовым, для которого, как определяет Российская социологическая энциклопедия (1998), характерна стандартизация производства и массового потребления, возрастание численности и роли среднего класса, бюрократизация общественной жизни, распространение массовой культуры, конформизм, деперсонализация отношений и т.д. Сознание рядовых граждан индустриального общества определяется как массовое – шаблонное, которое формируется под воздействием СМИ и массовой культуры. Советское общество становилось обществом потребления, для которого характерно массовое потребление материальных (и не только материальных) благ и формирование соответствующей системы ценностных ориентаций. В этот период произошел переход от «казарменного социализма» к

«патерналистскому социализму», для которого характерно, по определению В. В. Радаева, общее размягчение иерархических порядков, переход от прямого принуждения к социальному обмену, все большая дифференциация стилей жизни, развитие престижного потребления у правящих слоев [196, 197].

Далее кратко рассматривается социальная структура и социальная стратификация советского общества 1960–1980-х гг., учитывая, что социальная стратификация представляет собой распределение людей по шкале неравенства по доходам, отношению к власти, возрасту и другим признакам.

Коммунистическое мировоззрение и, соответственно, марксистская социология прогнозировали в коммунистическом будущем бесклассовое общество: исчезнут классовые различия, существенные различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Отомрет государство и вся политическая надстройка, установится общественное самоуправление. Соответственно, Программа КПСС (1961) определяла динамику советской социальной структуры в ходе построения коммунизма: стирание различий между классами, устранение существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом [154].

До конца 1980-х официальная структура советского общества рисовалась сталинской формулой «2+1» как дружественные классы с прослойкой-интеллигенцией, без классовых антагонизмов. Ведущая роль (социальный опыт и ответственность) идеологически была закреплена за рабочим классом. Нормативно формула «2+1» была закреплена в Конституции СССР. Соответственно человек идентифицировался при заполнении анкет, написании автобиографии, в переписях населения, социологических исследованиях.

До 1960-х годов сталинская формула социальной структуры воспринималась как абсолютная истина. Но с периода «оттепели» начались попытки советских социологов поставить формулу под сомнение. Это было связано с западными концепциями о доминировании среднего класса и о смещении границ рабочего класса. В СССР начались первые стратификационные исследования. В работах социологов появились высказывания о существовании в стране значительного неравенства во власти, жизненных шансах, социальном статусе [274]. Предлагались стратификационные критерии: уровень образования, квалификация, содержание труда и различие в доходах – те же, что использовались западными

социологами. Предлагалась концепция иерархической структуры советского общества, где социальные группы ранжировались в соответствии с их более высоким или низким статусом. Социологи открыто говорили, что неравенство является не только «наследием капитализма, но и воспроизводится в условиях социализма» [270]. Не отвергая прямо формулу «2+1», авторы выделяли до десяти социально-профессиональных групп и стремились описать различия между ними по экономическому положению, культурному уровню, ценностным ориентациям и образу жизни. После пражских событий 1968 года стратификационные критерии называли «буржуазными» и выступили против их применения к советскому обществу [208]. Социологи отошли от теоретических стратификационных исследований, но на практике стратификационные критерии продолжали использовать.

Одним из таких критериев было место жительства. В 1970-х этот критерий, выделяющий городское и сельское население, жителей крупных, средних, малых городов и т.д. продолжал постоянно использоваться при изучении образа жизни.

Важной особенностью формирования социальной структуры советского общества была стремительная урбанизация и интенсивная миграция из села в город. Исследования советских и современных социологов, историков, этнографов показывают, что в процессе урбанизации стремительно росло городское население, преимущественно за счет сельских мигрантов. В связи с необычайно высокими темпами урбанизации возник феномен массовой маргинальности сельских мигрантов [234, с. 97-99]. А. А. Сусоколов называет «высокий уровень миграции и ослабленный в связи с этим неформальный социальный контроль» среди важнейших факторов, повлиявших на особенности экономической культуры русских и всей российской цивилизации в период строительства социализма [235, с. 275].

Как показывают исследования О. И. Шкаратана, в то же время сторонники сталинской формулы «2+1» пытались ее модернизировать. Была создана концепция социальной однородности зрелого социализма. Среди профессиональных социологов она оценивалась как теоретически и эмпирически несостоятельная [271]. С концепцией социальной однородности связано и понятие «советский народ», которое стало использоваться в официальных текстах с 1972 года. Это понятие объединяло все элементы

социальной структуры и национальности. В конце 1970-х и начале 1980-х публиковались работы преимущественно сторонников официальной формулы «2+1» и концепции растущей социальной однородности общества (М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов, В. И. Староверов, Б. В. Ракитский).

Открыто отвергнуть сталинскую формулу «2+1» и показать наличие господствующего класса советского общества социологи смогли только в перестроечное время, с наступлением гласности (Т. Заславская, В. Шубкин, Л. Гудков, Ю. Левада, Л. Карпинский и др.). В конце 1980-х в СССР вышли публикации социологов, открыто признавших себя сторонниками концепции нового господствующего класса. Было показано, что управленческий аппарат СССР обладает всеми признаками общественного класса, создает для себя возможности присвоения не принадлежащего ему чужого труда [6].

В 1990-е годы были опубликованы исследования, развивающие взгляд на советское общество как на сословно-слоевое этакратическое. Согласно концепции В. В. Радаева, советское общество было системой а) бесклассовой, б) этакратической, в) ранговой, г) корпоративной, д) партиномиальной, е) патерналистской. Основным критерием социальной стратификации стало распределение власти. Основными стратами советского общества были: правящие слои (политическое руководство, высшие функционеры), передаточные слои (руководители и функционеры среднего и низшего уровня), исполнительские слои (специалисты, рабочие, служащие), «иждивенцы» (учащиеся, пенсионеры и др.), «парии» (безработные, заключенные, рядовые срочной службы). Чем ближе находилась социальная группа к государственной власти и каналам распределения государственных ресурсов, тем выше было ее экономическое и социальное положение. Место во властной иерархии становилось важнее формальных дипломов и профессиональных навыков. Продвижение в этой иерархии открывало кратчайшую дорогу к большинству материальных и нематериальных благ для себя и своих близких. Во властной элите ключевые позиции занимали политическая и военная элита, а второстепенные – хозяйственная и культурная элита [197].

В. И. Ильин обращает внимание на две особенности советской социальной структуры: 1) реальный пролетариат не выполнял идеологической роли. Чтобы называться пролетарием, не обязательно было стоять у станка или работать лопатой. Надо было лишь поддерживать «пролетарскую» идеологию.

2) Социальный статус повышался членством в КПСС, учеными степенями, научными званиями, званиями «заслуженный» и «народный» [79].

А. Андреев социальную структуру на этапе развитого социализма называет «квазисословной», включавшей и официально признаваемые элементы (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенцию), и не входившие в данный перечень, но реально существовавшие и игравшие значительную роль социальные группы – партийно-советскую номенклатуру и нелегальную теневую буржуазию [7]. М. Н. Борисов в обществе развитого социализма усматривает «замаскированные» классы: 1) «государственные феодалы» – партийно-государственная верхушка. 2) «Буржуа» – класс имущих (криминальная буржуазия и коррумпированная бюрократия). 3) «Низший класс», куда входят служащие, рабочие и крестьяне [20, с. 187-195].

Почти из всех современных исследований, касающихся структуры советского общества, исчезла «интеллигенция». В культурологии это понятие продолжает использоваться с этическим содержанием: приверженность общественным интересам на основе критического мышления и совести, приверженность образованности, демократизму, диалогу с культурными традициями Европы и мира. Г. С. Кнабе утверждает, что в советский период интеллигенция пыталась сохранить верность своим исходным началам, по-прежнему соединять «служение истории, обществу, стране и народу в реальных формах их общественно-исторического бытия». Часть интеллигенции сохранила «коренное интеллигентское чувство ответственности за решение стоящих перед страной общих задач» [100, с. 26, 31, 38].

В 1970-е в западноевропейской науке развивалась концепция советского среднего класса. Одна из авторов, В. Данхэм, считала, что советский средний класс начал появляться в процессе сталинской модернизации. Это были люди, которым удалось не только уйти из деревни, но и найти место в новом обществе. Ведущей идеологемой этой социальной группы стала «культурность» – и программа правильного общественного поведения, и тип кодирования связей между людьми через приобретения, и способ презентации завоеванных социальных позиций [281]. Согласно концепции советского среднего класса, предложенной В. В. Радаевым, костяк выделявшегося из масс советского среднего класса составляли специалисты с высшим образованием. Дипломы освобождали их от тяжелого физического труда, обеспечивая

сносный доход и определенный престиж занятий [196]. Исследования В. В. Радаева также показывают, что в массовом сознании представления о советском социуме выражались в простой дифференциации общества на две противопоставленные группы: «мы» – «простой народ», «исполнители», «работяги» и «они» – «те, кто у власти», «начальство» [196, с. 74].

Итак, структура советского общества 1960–1980-х была очень сложна и противоречива: в ней есть явные признаки индустриального общества и столь же явные признаки традиционного общества – новая советская сословность.

Происходили заметные изменения в массовом сознании советского общества. Как показывали исследования Института общественного мнения газеты «Комсомольская правда» под руководством Б. Грушина, в период «оттепели» основным стержнем духовной и материальной, публичной и частной жизни людей была коммунистическая идея: в той или иной форме она обсуждалась большинством населения. Отмечалась творческая устремленность молодежи в промышленность, космос, науку, образование, искусство и спорт. Проявлялся интерес к разнообразной информации, международной политике, искусству и морали, затем – к труду, быту, спорту. Общегражданская позиция преобладала над частной, личный интерес уступал место государственному интересу. Самостоятельные суждения преобладали в отношении личной жизни, полусамостоятельные – в отношении путей повышения благосостояния населения, улучшения досуга и т.п. [49, с. 518-525]. По отношению к советской власти отчетливо различались три типа людей: 1) активные приверженцы этой власти; 2) ее законопослушные сторонники (конформисты); 3) люди, недовольные властью, выступающие скрыто или явно в оппозиции к ней (нонконформисты). Первых в советском обществе было *очень много*, конформисты составляли *большинство*, нонконформисты – *меньшинство* [49, с. 534-536]. Скорее всего, в числе этого меньшинства были названные И. В. Кондаковым интеллигенция, молодежь, грамотные рабочие, техники и др., среди которых стихийно, как массовая тенденция, складывалось *инакомыслие*, вступавшее в разрез с официальной идеологией и канонами марксизма-ленинизма [110, с. 402].

Эмоционально-психологический тонус общества в целом был высоким: высокая мера удовлетворения своей текущей жизнью и оптимизм при взгляде на будущее. Фиксировались как дифференциация взглядов, так и высокое

единодушие общественного мнения. В целом структура сознания советских людей в начале 1960-х определяется как монистически-плюралистическая. В подавляющем большинстве сознание было цельным, то есть свободным от внутренних противоречий. Напряжения или прямые конфликты имели преимущественно латентный характер. Иногда они прорывались наружу в дискуссиях, что означало: несмотря на усилия коммунистической пропаганды, противоречие между общественным и личным оставалось в значительных масштабах не преодоленным [49, с. 538-547].

П. Вайль и А. Генис отмечают: в годы «оттепели» главным достоинством личности стала считаться честность (искренность, порядочность, правдолюбие). Это было связано с «новой большой государственной правдой», когда выяснилось, что «слова лгут». Этим обусловлено появление нового культурного героя – ученого и высокий социальный статус профессионалов в точных науках: «В глазах общества ученые обладали решающим достоинством – честностью. ... После того, как выяснилось, что слова лгут, больше доверия вызывали формулы» [28, с. 100].

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х, в период, который получил название «застоя», главное изменение массового сознания – полный крах мечты о возможности реализации коммунистической идеи. Произошел фронтальный отход масс от всего «коммунистического», «социалистического» в интересах, нормах морали, стилях жизни. Сократился реальный интерес к международной политике. Значительно усилилось замещение интересов действительных интересами мнимыми (показушными), не проявлявшихся в конкретной деятельности. В морфологии массового сознания произошло существенное расширение зоны самостоятельных высказываний на фоне незнакомства с официальной точкой зрения. У подавляющего большинства – откровенные высказывания в частной жизни, недостаточная откровенность или не откровенность в публичных высказываниях. Произошло заметное снижение интереса к отечественным СМИ. Набирало силу использование зарубежных источников, СМИ капиталистических стран. Широко распространилась квазиинформированность: хорошие знания о предмете, но изначально ложные, полученные из официальных источников.

Произошла дальнейшая дифференциация масс на базе резкого роста недовольства своей жизнью. В среде адептов строя и власти различались

искренние адепты и псевдоадепты, «себе на уме». Различались нонконформисты и «аутисты» – те, которые отличались полным безразличием. Остальные входили в тип конформистов – людей законопослушных, но без особого рвения поддерживающих существующий строй. Расширилось поле объектов критики, негативные суждения все чаще приобретали системный характер. Эмоционально-психологический тонус: в массе нарастало беспокойство по поводу завтрашнего дня, чувство неуверенности, безысходности, сопровождаемые резким усилением пьянства.

В результате анализа массового сознания советских людей 1970-х гг. Б. Грушин пришел к выводу о расколе менталитета советского общества. Не было прежнего принципиального согласия в фундаментальных концептах жизни общества. Скрытые напряжения в взаимоотношениях субъектов обернулись конфликтами между ними. Один из важнейших конфликтов касался готовности к серьезным переменам в жизни общества. Позитивное сознание полагало, что такие перемены необходимы, негативное – отрицало это. Носителями первого типа сознания выступала часть молодежи, главным образом комсомольских активистов – не карьеристов. Носителями второго типа выступали все остальные слои и группы населения. Второй конфликт относился к сфере взаимоотношений *народа* (рядового населения страны в целом) и *власти*, или *начальства*. Произошло резкое падение доверия населения к институтам власти. Пропаганда не могла добиться тотального контроля над умами масс, органы управления не справлялись с проведением реформ. Однако и широкие массы не могли добиться успеха в противостоянии власти. Они не владели даже азами борьбы за свои интересы [50, с. 843-861]. Советское общество исторически еще было не готово к общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям. Несмотря на это, движение к переменам уже началось и набирало силу. Советское общество вступало в новую стадию жизни, завершившуюся гибелью [50, с. 876-879].

У молодежи второй половины шестидесятых – двойственность сознания, утрата веры в коммунизм и вера в общечеловеческие ценности, искренняя поддержка внешней политики КПСС, непонимание происходящих изменений во внешней и внутренней политике, патриотизм [35]. Распространился принцип бездеятельности как протест против глупой деятельности, цинизм [28]. В советском обществе шел процесс дифференциации взглядов, общество

стало более разнообразным в реакции на действия властей. Политические настроения многих людей не всегда стали совпадать с общественным мнением. Однако настроения эти часто определялись не столько осознанием своих (личных, групповых, классовых) интересов, сколько эмоциями. Недостаточная структурированность, рыхлость общественного сознания свидетельствует о его переходном состоянии – от тоталитарного монолитного единства и единодушия к более демократическому многоцветию. Произошел сдвиг в общественном сознании на всех его уровнях – социально-психологическом, нравственном и идеологическом. Правда, сдвиг этот отчетливее наблюдался среди творческой интеллигенции. Эту часть поколения, которая надеялась сделать общество подлинно правовым, назвали «шестидесятниками» [4, с. 484, 485].

А. С. Ахиезер назвал российское общество 1980-х гг. расколотым, потому что исчез общий для всех массовый нравственный идеал. Согласно его теории, основные крайние типы цивилизации – традиционный и либеральный. Им соответствуют базовые идеалы – традиционный и либеральный. В определенных культурно-исторических условиях возникают промежуточные идеалы. Для России наиболее важны соборный, авторитарный массовые идеалы и идеал всеобщего согласия. Причем в России эти идеалы до конца 1980-х гг. содержат ценности традиционного общества. В силу этого содержания они всегда вызывают в общественном сознании раскол [13]. Стремление идти по пути модернизации может активизировать статические традиционалистские ценности определенной части народа. Глубочайший кризис российской цивилизации, равнозначный национальной катастрофе, сложился на цивилизационном уровне. Россия «застряла» между традиционной и современной либеральной цивилизациями. Активизация позитивных ценностей в одной части приводит в действие силы другой части общества, отрицающей эти ценности [14]. *Можно сказать, в массовом сознании советского общества в годы «оттепели» шел процесс активного утверждения либерального нравственного идеала. В период «застоя» часть общества повернула к традиционному нравственному идеалу. Модернизация и активизация либеральных ценностей в одной части общества активизировали традиционалистские ценности другой части общества.*

Ряд исследователей (Р. Быстрицкас и Р. Кочюнас, Л. Гозман и А. Эткинд, И. Дубов, В. Подопратора и Т. Краснопевцева, Ю. Левада и др.) изучали

психологию советского человека как обобщенного типа и выделили ее особенности. Считается, что советский человек ощущал себя не целью, а средством; его «Я» шизоидно расщеплялось на общественное и личное; у человека не было чувства безопасности, он постоянно ощущал страх; тоталитаризм мышления вступал в противоречие со здравым смыслом. Советскому человеку было свойственно ощущение своей принадлежности к великому народу; своей включенности в движение по магистральному пути мировой цивилизации; своей подвластности могущественному и никогда не ошибающемуся государству; своей безопасности среди равных друг другу людей; своего превосходства над порочным и не признающим очевидных истин миром. Считается, что советская личность не выделяла себя из «мы». Советский русский был склонен к коллективизму, отсутствию твердой морали и правового сознания, с легкостью и ловкостью обходил институциональные нормы, отличался «некоторым двоемыслием» [116, с. 98-100]. Представление о собственной исключительности, государственно-патерналистская ориентация, готовность принять существующий порядок и справедливо-практический эгалитаризм (отвергается неравенство, которое не соответствует принятой иерархии). Универсальная простота: ориентация на всеобщее усреднение, простая забота о выживании, привычка довольствоваться малыми радостями. Двойной стандарт поведения: принятие высших идеологических ценностей – необходимое условие для реализации ценностей частных. Советский человек отказывается от достижений и сдержан в отношении инициативы других, проявляя склонность к оценке чужого индивидуального успеха как «неправедного». Коллективности советского человека исследование не обнаружило [221, с. 26].

А. К. Якимович, исследуя искусство, культуру и картину мира 1930–90-х, дает следующую характеристику советского человека: «Советский человек прост, сердечен и добр, способен на величие души и подлинную мудрость. Но почему-то он неким загадочным образом и даже без всякого перехода может оказаться безумным и озверелым, черствым и наглым, предельно тупым и омерзительным. Он нераздельный, он, можно сказать, воплощение "доброты", "тупомудрия" и "слабости". История так повернулась, общество так устроилось» [280, с. 360].

Несомненно, что в основе многих психологических особенностей советского человека лежит русский менталитет, русский национальный характер, культурный архетип и связанные с ними типологические особенности российской культуры, хорошо изученные российскими, советскими и зарубежными авторами. Основные особенности: *открытость и недостаточность* – готовность ассимилировать впечатления извне; *соборность, коммунизм* – приоритет общего над индивидуальным; *преобладание индивидуально-личностных отношений над формальными; ортодоксальность; эгалитаризм* – быть впереди, особенно за счет других, аморально; *осторожность и консерватизм* – ценность стабильности, безопасности, социального порядка; *пессимизм* – русские обычно ожидают наихудшего варианта развития событий. *Правдоискательство, приоритет нравственных регуляторов социальных отношений над законом*: «Ведь трудно найти страну или нацию, в которой закон, право пользовались бы меньшим уважением, чем в России. Место правовых норм занимают нравственные регуляторы: совесть, человечность. У русских принято поступать не по закону, а по справедливости» [116, С. 87, 88].

Н. Бердяев развивал идею *недостаточной осознанности русским человеком обязательной для каждого честности* [18, с. 75-77]. Ф. Степун, на основании собственных исследований, как черту русского национального характера выделял *экзистенциальную ценность высшего образования*, особенно среди женщин [116, с. 88]. Д. С. Лихачев, размышляя о национальном характере русских, отмечал несколько характерных черт. *Это преданность идее свободы личности*. Приводимые им для доказательства факты показывают: когда установились границы государства, люди от его давления каждый раз *либо бежали* (в казачество, в Сибирь), *либо бунтовали, либо уничтожали себя* (старообрядцы). Бегство и уничтожение себя есть ни что иное как *эскапизм* – стремление уйти от реальной действительности, общепринятых стандартов и норм общественной жизни. Другой характерной чертой Д. С. Лихачев считал то, что «составляет несчастье русских» – *стремление во всем доходить до крайностей, до пределов возможного*. Наконец, стремление русских *решать исторические задачи в кратчайшие сроки*: «Хорошо это или плохо? Не берусь судить; но что Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности – это вне всякого сомнения, как и то, что в России не

было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [133, С. 3-7].

Исследования К. Касьяновой выявили следующие черты русского национального характера: терпение и упрямство. Доминирование в сознании интуитивизма, а не рационализма и связанная с этим эмоциональная невоспитанность. Психологическая ригидность – русский не склонен к изменениям, не может быстро переключаться. Слабо выражено стремление к достижению личных целей. Соборный тип личности, склонный к самопожертвованию и правдоискательство [98, с. 109, 167-168, 180, 221, 250-253]. О нравственной личности и правдоискательстве в российской культуре пишет Г. Л. Тульчинский: это личность, нашедшая правду, живущая по этой правде, готовая за эту правду пострадать и других не пощадить. Также особенностью русского духовного опыта Тульчинский считает сочетание эскапизма, утопизма и эсхатологизма (Silentium, 1996, вып. 3).

О. А. Платонов, на основании изучения русского фольклора, выводит народный идеал хозяйства – *скромный достаток, созданный честным трудом, бережливостью и запасливостью*, при котором можно и самому жить сносно, и помогать своим близким. Бережливость поощряется, а жадное стяжательство материальных предметов рассматривается как грех [182, с. 91-96].

С влиянием православия связывают вхождение в русский культурный архетип *пренебрежения к земным благам, а также отношения к труду как способу самоуничтожения и самодисциплины, но не как средству созидания и творчества. С социоцентристским характером русского общества связывают вхождение в русский культурный архетип антиличностной установки. Считается, коллективизм русского человека – миф. Антиличностная установка «все как один» блокирует индивидуальность и «незапрограммированную» активность отдельных людей, порождает агрессивный индивидуализм поведения, в основе которого зависть и принцип уравнительной справедливости. Антиличностная установка «быть не хуже других», с одной стороны, порождает завистливое отношение к «высунувшемуся» собрату и стремление сделать его «как все». С другой стороны, порождает сострадание к тем, кто «ниже», и стремление помочь им подняться до уровня «как все». В этом русский стереотип резко отличается от западного «быть как все», ориентировавшего личность стать лучше преуспевающего соседа.*

С антиличностной установкой связано то, что для России *не был характерен гуманизм в европейском смысле – установка, рационально и морально ориентированная на человека как на носителя высшего индивидуального духовного начала*. Личность никогда не представляла в русской культуре самоценность. Признание приоритета совместных действий в достижении результатов и отсутствие представлений о связи этих результатов с деятельностью отдельного человека сужало мотивацию труда. Длительное господство внеэкономических форм принуждения неизбежно вело к морально-психологическому отчуждению от труда и к тому, что работа рассматривалась как повинность [138].

Особо следует выделить вопрос о *коллективизме*. Мнения исследователей расходятся: одни считают коллективизм характерной чертой национального характера русских, другие его вовсе не обнаруживают. Среди противоположных мнений выделяется точка зрения К. Касьяновой, наиболее близкая автору данного исследования. Согласно этой точке зрения, коллективизм русских самобытен: русские обладают навыками *внешнего* коллективного общения в любой группе, даже чуждой по взглядам и способам действия. Но русские «ни за что» не будут признавать и разделять целей этой группы. Не разделяя целей, не будут и работать на них с полной отдачей. Как только на них пытаются оказать давление, русские начинают отлынивать и халтурить. Никакой добросовестной работы невозможно с них получить, если цели им безразличны и не обоснованы ценностно [98, с. 342].

Менталитет русской культуры исторически складывался как сложный, дисгармоничный, неустойчивый баланс сил единства и распада, интеграции и дифференциации; отличается принципиальной противоречивостью. Внутренние противоречия менталитета вызваны пограничным положением русской культуры между Западом и Востоком, ее *бинарностью*, стабильной противоречивостью. Противоречивым соединением в русской культуре непрерывности и прерывности развития обусловлено то, что с каждой новой эпохой связана новая культурная парадигма, и развивающиеся процессы отрицают или тормозят ход изменений предыдущей эпохи. Но «старое» никогда полностью не исчезает, в своих наиболее стабильных формах продолжает идти параллельно с «новым» [110, с. 484-491]. Эта противоречивость открывала перед культурой возможности гибкого, почти

мгновенного приспособления к самым резким изменениям, в том числе, инокультурным влияниям. «Социалистический» выбор России во многом предопределен именно менталитетом русской культуры с характерными для нее «тоталитарностью», «максимализмом» устремлений и неизбывным утопизмом социокультурных проектов. Точнее говорить о менталитете не национальном, а цивилизационном, общероссийском, а затем советском, который был связан действительно с цивилизационным единством – советским народом [110, с. 514-526]. Противоречивостью российско-советского менталитета обусловлена постоянная незавершенность разнообразных социокультурных процессов – начатых, но не доведенных до конца или заторможенных реформ, радикальных общественных преобразований и др. [110, с. 528-539]. Культурно-исторический процесс в пограничных культурах носит непредсказуемый, творчески-поисковый характер, пограничность диктует мощную, нередко гипертрофированную инновативность (И. В. Кондаков, 2000).

Для русской культуры советской эпохи в целом и для составляющих ее элементов свойственна кричащая противоречивость и неоднозначность. Например, официально заявленный гуманизм столкнулся с антиличностными установками русской культуры. В то же время официальная культура пыталась опереться на традиционные ценностные установки, например, на пренебрежение к земным благам. На уровнях специализированном и повседневном духовное в ней сочеталось с бездуховностью. Все названные особенности российско-советского менталитета *в новых формах* проявили себя в 1960–1980-е годы. Так, в советское время появились «советские святые – праведники». А. А. Сусоколов среди важнейших факторов, повлиявших на особенности экономической культуры русских и всей российской цивилизации в период строительства социализма, называет «традиции общинной жизни» и «необходимость в исторически сжатые сроки, не считаясь с потерями, создать мощный современный оборонный комплекс» [235, с. 275].

Раскол менталитета советского общества времени «застоя», о котором пишут А. Ахиезер и Б. Грушин, во многом был обусловлен особенностями российско-советского менталитета.

2.2. Ценности специализированной хозяйственной культуры

Для целостного представления о советской хозяйственной культуре 1960–1980-х гг. в параграфе рассматриваются ценности специализированной культуры как часть социалистической идеологии и связанная с ними проектно-практическая хозяйственная деятельность. Хозяйственная культура рассматривается в сопоставлении советских и постсоветских исследований.

Идеалом социалистической идеологии был *коммунизм*, который в Программе КПСС характеризуется как бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм характеризуется как высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа.

Официальная позиция власти относительно достижения идеала менялась от периода «оттепели» к периоду «застоя». В годы «оттепели» задача построения коммунизма ставилась в конкретно-исторической плоскости: уже в 1959 г. первая фаза коммунизма – социализм считалась достигнутой. Общество ориентировалось на переход к созданию второй фазы – полного коммунизма. Третья Программа КПСС (1961) создание материально-технической базы коммунизма с изобилием материальных благ планировала к 1980 году. Через шесть лет задача построения коммунизма из конкретно-исторической плоскости была переведена в теоретическую. В 1967 году на праздновании 50-летия Октябрьской революции в выступлении Л. И. Брежнева впервые прозвучал вывод о построении в СССР «развитого социалистического общества». Сложилась идеологическая концепция «развитого социализма». Реализация задачи построения полного коммунизма отодвигалась на неопределенное время.

Современные исследователи дают разные оценки отношению власти к идеалу. М. Малиа, считает, что несмотря на обещание построить к 1980 году коммунизм, Н. С. Хрущев имел в виду всего лишь отмену платы за жилье, общественный транспорт и коммунальные услуги. Наивная вера в утопию полного социального обеспечения и эгалитаризма для простого человека была весьма широко распространены среди его наиболее простодушных соотечественников [143, с. 348-372]. По мнению Ю. Аксютин, курс на коммунизм можно рассматривать как попытку ухода высшей власти от решения реальных проблем в сельском хозяйстве, промышленности и обществе. Бросок к светлому будущему – проверенный способ начать все с «чистого листа». Курс на коммунизм был попыткой контрреформы в ответ на появление новых общественных тенденций, угрожавших основам социализма и всевластию правящих кругов. С ростом образования населения, вместе с усиливающейся производственно-функциональной, культурной и имущественной дифференциацией, набирал обороты процесс превращения прежних статистических группировок в социальные общности. Власть видела в этом процессе угрозу для себя, и курс на коммунизм можно толковать как стремление растворить отдельные интересы в едином, преодолеть растущую обособленность социальных групп, сплотив все население вокруг великой цели [4, с. 330, 331]. Л. Иониным курс на коммунизм рассматривается как проявление принципа советского политического канона – целенаправленности: ориентация на будущее. Причем, целенаправленность не имела оправдания и обоснования в сегодняшнем дне: «Эта неукорененность в сегодня и вследствие этого как бы ирреальность самой системы доставляли большие неудобства ее вождям и устроителям, потому что трудно заставлять людей жить как бы понарошку, т.е. как бы завтра в сегодняшнем мире, или сегодня – в завтрашнем. Вожди по-разному пытались преодолеть эту трудность. Например, Н. С. Хрущев объявил, что ждать осталось недолго, <...> завтра станет сегодня через двадцать лет. Когда двадцать лет прошло, но ничего особенного не случилось, Брежнев решил забыть об этом обещании двусмысленного будущего и объявил, что мы живем в «реальном социализме» [83, с. 218, 219].

Идеал – коммунизм видится стержнем хозяйственной культуры Советской России. Все другие элементы социорегулятивной системы непосредственно

связаны с ним. Динамика отношения к идеалу неизбежно сказывалась на всех элементах системы.

Ценность. Ценность включает в себе специфический смысл данной культуры и данного общества. В советской философской и общественно-политической литературе в качестве важнейших социалистических ценностей выделялись: *идеология, образование, труд, культура, мораль и человек как высшая ценность* [144, с. 9], *человек труда, мир, общественная собственность на средства производства, коллективизм, народовластие, духовные ценности (добро, честность, красота, истина, идеалы, долг, ответственность, социальная активность)* [12, с. 19-34]. К ценностям также относили *политическую культуру личности, патриотизм, дисциплину, профессию*. Названные ценности социалистического общества классифицируются по схемам В. Тугаринова и В. Момова как *социально-политические* и *духовные*. В структуре ценностей М. С. Кагана названные ценности распределяются по группам «*нравственные*» и «*социально-политические*».

Принцип историзма, используемый в исследовании, понимает культуру как постоянно изменяющаяся реальность, в каждом историческом типе имеющую реальные конкретные формы. Согласно конкретно-историческому подходу к изучению культуры, универсальные формы культуры в разных обществах предстают по-разному. Следовательно, в Советской России универсальные базовые ценности хозяйственной культуры имеют культурно-историческую специфику. В социалистической идеологии универсальные базовые ценности хозяйственной культуры – *труд, собственность, богатство, практицизм и рациональность, профессионализм, предприимчивость* приобрели связанную с официальным идеалом специфику: *собственность – общественная, труд – общественно-полезный и коммунистический; богатство (благосостояние) – народное; рациональность – плановое хозяйство; практицизм, предприимчивость – в установленных государством формах (движение рационализаторов, встречные планы, движение за коммунистический труд, трудовые почины, хозяйственный расчет) и нормах.*

Труд общественно-полезный. Конституция СССР провозглашала: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно-полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно

полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества». Согласно политэкономии социализма, для рабочих источником почти всего дохода служит труд на предприятиях; для колхозников – труд в общественном и личном подсобном хозяйстве.

Труд коммунистический теоретически является формой трудовой деятельности, специфической для зрелого коммунистического общества. Это деятельность, определяемая необходимостью самостоятельного решения встающих перед человеком проблем и задач; где совпадают целеполагание и целереализация, планирование. Это цель жизни, способ развития способностей человека, деятельность без принуждения, ибо она становится первой жизненной потребностью и наивысшим наслаждением индивида. Это бесплатный труд на пользу общества, добровольный, вне нормы, без расчета на вознаграждение, как потребность здорового организма [145]. Понятие «ударный труд» означало высокие темпы работы с целью повышение производительности труда и ускорения создания материально-технической базы коммунизма. Это труд с полным напряжением сил, ориентированный на превышение установленных норм и сроков. По текстам общественно-политической литературы, это *самоотверженный* труд, когда рабочий человек поступает личными интересами во имя бурного роста производительности труда. За присвоение звания коллектива «коммунистического труда» боролись трудовые коллективы во всех отраслях культуры [164, с. 1].

Задачу воспитания коммунистического отношения к труду решали государственные институты и общественные организации. В Уставе ВЛКСМ одной из главных задач определялось воспитание юношей и девушек «на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции». Но, как показывали исследования советских философов, в 1970-х гг. формирование ценностной ориентации личности на общественно-полезный, добросовестный труд сталкивалось с препятствиями в системе самой хозяйственной культуры. На основании оценки анкетных опросов работающей и учащейся городской и сельской молодежи Ленинграда, Калужской, Саратовской, Челябинской областей и Приморского края были сделаны выводы: препятствием для формирования ценностной ориентации на добросовестный труд является количественный подход к оценке труда – оплата

его только по должности, по затраченному времени, независимо от величины созданной этим трудом стоимости [246, с. 22].

Исследование Н. Н. Зарубиной показывает: большевистская идеология, используя распространенную в дореволюционном крестьянском массовом сознании низкую ценность интеллектуального, духовного труда, принижала статус этой деятельности в пользу производственного труда в промышленности и сельском хозяйстве. Труд интеллектуальный рассматривался как второстепенный [72, с. 145]. Следует уточнить: в специализированной культуре шла динамика в отношении ценности труда. Со второй половины 1950-х идеология развивала идею о роли науки в построении коммунизма. В документах КПСС и научных трудах подчеркивала роль науки в производстве. Законодательно создавались условия для получения массой людей высшего образования. Количественный рост людей с высшим образованием считался важнейшим достижением развития народного хозяйства.

Собственность общественная. Согласно политэкономии социализма, общественная собственность на средства производства составляет основу экономической системы СССР и устраняет нетрудовые доходы. Ценность общественной собственности была закреплена в Конституции СССР, РСФСР, утвердилась как институциональная норма. «Моральный кодекс строителя коммунизма» утверждал: принципом отношения к общественной собственности является забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния. Устав ВЛКСМ требовал: каждый член ВЛКСМ обязан беречь и приумножать социалистическую собственность. Ценность общественной (государственной) собственности подчеркивается мерой ответственности за нанесенный ей ущерб, что наглядно подтверждается статьями УК РСФСР. Наказания за хищения государственной собственности или причиненный вред значительно строже, чем за те же действия по отношению к личной собственности. Согласно политэкономии социализма, личная собственность сохраняется, но не должна служить для извлечения нетрудовых доходов.

По мнению В. В. Радаева для советской экономики в период, наступивший после «оттепели», было характерно: собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций,

крупнейших предприятий и объединений, отвоевывающих у Центра все больше фактических распорядительных функций [193].

Богатство (благосостояние). В советской культуре, также как во всех культурах мира, было представление о праведном и неправедном богатстве. Неправедное богатство осуждалось, а праведным считалось лишь то, которое соответствовало ценностям политическим и моральным. Также как в других культурах мира, осуждалась непомерная страсть к богатству и безмерное накопление. Исходя из ценности общественной собственности на средства производства, богатство должно быть общественным (народным). Понятия «богатство» и «благосостояние» как изобилие материальных благ использовались по отношению к обществу в целом. По отношению к личности понятие «богатство» обычно сводилось к духовному содержанию («духовное богатство личности»), а если речь шла о материальных благах, то использовалось понятие «благосостояние». Согласно политэкономии социализма, благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом. Распределение материальных благ не может быть уравнилельным, поскольку имеются различия между трудом умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным и труд на общество еще не стал первой жизненной потребностью основной массы работников. Жизненные блага распределяются в двух формах – заработная плата и общественные фонды потребления. Социалистическое накопление исключает эксплуатацию человека человеком. Чем больше общественное богатство, тем полнее удовлетворяются потребности членов общества [184]. В документах КПСС и Конституции СССР высшая цель общественного производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Во всех партийных документах задачей развития народного хозяйства был рост материального благосостояния советского народа. Согласно принципу социализма «От каждого – по способности, каждому – по труду» и положению Морального кодекса строителя коммунизма «Кто не работает, тот не ест», более высокое благосостояние должно быть у того, кто лучше трудится в общественном производстве. Универсальное осуждение непомерной страсти к личному богатству, ценностной ориентации на безмерное накопление в советской культуре нашло выражение в критике мещанства и вещизма.

Рациональность. В философском значении рациональность – это соответствие деятельности разумным правилам, соблюдение которых – условие достижения цели. В социологии рациональными называются убеждения последовательные, непротиворечивые и совместимые с опытом. В советском контексте рациональность по содержанию ближе всего к понятию «рационализация», под которым понимается процесс организации и регулирования деятельности с помощью разума, научно и эмпирически обоснованных принципов, правил, процедур, технологий. На основе учения К. Маркса и работ В. И. Ленина была создана научная дисциплина «Политэкономия социализма». Рациональность находила воплощение в технологии планового хозяйства. Согласно политэкономии социализма, планомерное ведение народного хозяйства защищает производство от диспропорций. Принципы планирования социалистической экономики: демократический централизм, директивность, партийность, научность, всенародный учет и контроль. Экономисты рассчитывали «рациональные нормы потребления». В советских официальных текстах постоянно подчеркивается научность руководства народным хозяйством.

Предприимчивость. Точка зрения о жестком подавлении личной предприимчивости в условиях плано-централизованной экономики определенно высказана Н. Н. Зарубиной [72, с. 145-148]. Культурологический анализ советской хозяйственной культуры позволяет сделать важное уточнение: в системе советской хозяйственной культуры были установлены границы предприимчивости. Иными словами, сложилась советская специфика этой ценности. Официальная культура называла предприимчивость *творческой инициативой* и поощряла морально и материально, но лишь в определенных формах (движение изобретателей и рационализаторов, индивидуальные и коллективные повышенные обязательства, встречные планы, движение за коммунистический труд, трудовые почины, позже – хозяйственный расчет) и в рамках законов, регулирующих хозяйственную деятельность. В решениях XXVI съезда КПСС среди задач формирования нового человека были определены: всемерное развитие инициативы, деловитости, творческого поиска резервов и возможностей роста производства [203, с. 12]. В 1982 году ЦК КПСС нацеливает колхозы и совхозы на развитие социалистической предприимчивости [189, с.89]. Один из ведущих советских ученых Л. Н. Коган

в структуре экономической культуры выделял «развитые чувства <...> деловитости, предприимчивости и инициативы» [105, с. 201]. Если же предприимчивость, направленная на модернизацию общественного производства для общего блага выходила за границы официальных норм, то она рассматривалась как административное нарушение, уголовное преступление и строго наказывалась.

Профессионализм, профессия, образование. Для решения задач народного хозяйства важное значение имел профессионализм трудящихся. Ряд законов и постановлений создавал правовую базу для всеобщего среднего образования, для получения среднего специального и высшего образования. Согласно Программе КПСС, для создания материально-технической базы коммунизма был необходим высокий культурно-технический уровень трудящихся. В официальных текстах среди задач формирования нового человека указывалось повышение профессионального мастерства [203, с. 12]. Официальный лозунг: «Кадры решают все». Во второй половине 1970-х важными достижениями советской образовательной политики считались: каждый восьмой человек из десяти, занятых в народном хозяйстве, имеет высшее и среднее (полное и неполное) образование; по числу ученых и инженеров СССР занимает первое место в мире; за десять лет (1966-1975) прием в ПТУ почти удвоился и достиг более 2 млн. человек; завершился переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. При этом высокое качество советского образования считалось положением, не требующим доказательства. В. В. Радаев среди характерных особенностей патерналистского этапа социализма выделяет возрастание значения образовательных аттестатов и дипломов [193].

Для характеристики советской хозяйственной культуры необходимо рассмотреть еще ряд официальных ценностей: *человек и человек труда, патриотизм и коллективизм, КПСС как руководящая сила.*

Человек, человек труда. В марксистской философии ключевой является мысль, что культурой социализма ставится цель формирования всесторонне развитого, целостного и гармоничного человека. В официальных текстах, посвященных 60-летию Великого Октября, советский человек назван «важнейшим итогом пути, пройденного страной за 60 лет». Утверждается: для человека развитого социалистического общества характерно осознание себя

подлинным хозяином своей страны, государства, предприятия; понимание своей личной ответственности не только за свои решения и поступки, но и за все, что происходит в стране, коллективе, семье; способность подчинить свои личные интересы интересам коллектива, общества, государства; соответствие поведения нормам коммунистической морали, правилам социалистического общежития. Одна из главных черт советского человека – идейная убежденность, основанная на знании основ марксизма-ленинизма [64]. *Человек труда* в первую очередь связывался с понятием «рабочий». В 1970-х развитие народного хозяйства связывалось с неуклонным укреплением ведущей роли рабочего класса в обществе. На уровне массового сознания ценность рабочего человека транслировалась лозунгами: «Нет на свете выше звания, чем Рабочий Человек!», «Идут хозяева земли, идет Рабочий Класс!».

Патриотизм и коллективизм. Эти ценности имели немалое значение для развития советской хозяйственной культуры. *Ценность патриотического служения* связана с активным вмешательством российского государства в развитие хозяйственной культуры с 17 века. Служение общественному и общественно-государственному идеалу оставалось высшей ценностью, обосновывающей предпринимательскую активность и модернизацию в российской культуре в конце 19 – начале 20 вв. *Коллективизм* считается базовой ценностью российской культуры в целом. Эти ценности традиционны для российской культуры, и в советский период наблюдается их преемственность [72, с. 128, 129, 133]. В лозунгах творческий и добросовестный труд является средством укрепления могущества социалистической Родины.

КПСС – руководящая и направляющая сила. В трудах советских философов КПСС не названа в качестве ценности. Но поскольку одним из основных принципов планирования социалистического хозяйства была партийность, и проекты государственных планов рассматривались на пленумах ЦК и партийных съездах, то неявно КПСС выступала ценностью советской хозяйственной культуры. Партия, в соответствии с советской Конституцией выполняя направляющую роль, через секретарей парторганизаций контролировала деятельность всех хозяйственных предприятий. Партия давала установку, подсказывала слова и лозунги текущего момента [196]. Официальные лозунги: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», «Партия –

наш рулевой». Партии посвящаются трудовые достижения в материальной и духовной культуре.

С ценностями связана проектно-практическая хозяйственная деятельность, в том числе, знания, представляющие собой, согласно определению А. Я. Флиера, составной элемент культуры познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений. На специализированном уровне, в первую очередь, это труды специалистов-философов и профессиональная наука [242, с. 134-135]. В соответствии с задачами исследования, здесь речь идет о тех знаниях, которые связаны с достижением идеала в хозяйственной сфере культуры. В первую очередь, это политэкономия социализма, и труды советских философов, экономистов и социологов, где рассматривались актуальные проблемы советского социума и народного хозяйства, пути их решения. Знаниями были программные документы КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, ВЦСПС, направленные на решение хозяйственных вопросов. Общей методологической базой знаний советской хозяйственной культуры были труды Маркса и Ленина. Основы политэкономии социализма осваивал каждый советский школьник, более подробно политэкономия изучал каждый студент.

Технологией была вся нормативная система советской культуры, в том числе, коммунистическая мораль. Как утверждала марксистско-ленинская философия, это мораль коллективистская, коммунистическая, деятельная; гармонично сочетает общенародные, коллективные и личные интересы; утверждает отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, человеческое достоинство, доброжелательность, честность, простоту и скромность в личной и общественной жизни, побуждает человека к настойчивой борьбе за коммунистические идеалы. Конфликт добра и зла в ней осмысливается в плане борьбы за уничтожение эксплуатации, утверждение социальной справедливости, создания материальных и духовных условий для всестороннего развития личности. В текст Программы КПСС 1961 года вошел «Моральный кодекс строителя коммунизма», содержащий положения, непосредственно связанные с хозяйственной культурой:

- Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
- Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.

- Непримируемость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству
- <...> простота и скромность в общественной и личной жизни [162].

В соответствии с нормой Морального кодекса, воспитывалось сдержанное отношение к потреблению материальных ценностей, критиковалось чрезмерное стремление к их получению. Технологией официальной культуры была критика мещанства (пошлый материализм, бездуховность, вульгарность, приобретение вещей определенных стилей), а с 1970-х – вещизма (чрезмерный интерес к вещам, нездоровое стремление к их приобретению). Можно согласиться с мнением Н. Б. Лебиной, что осуждение вещизма выглядит продуманным идеологическим ходом в условиях дефицитной экономики [128, с. 85].

С социалистической спецификой ценностей общественно-полезного труда, общественной и личной собственности, предприимчивости была связана советская правовая система. С помощью единой государственной системы норм, зафиксированных в КЗоТ, осуществлялось регулирование условий общественного труда и его оплаты. Положение Морального кодекса о непримиримости к туеядству подкреплялось Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный и паразитический образ жизни». Правовая система защищала интересы государства, государственной собственности, личной собственности и социалистического хозяйства. Уголовно наказуемыми преступлениями против государства были контрабанда, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях (ст. 78, 87, 88 УК РСФСР). Преступления против социалистической собственности: хищения, причинение ущерба, вымогательство, умышленное или неосторожное уничтожение, преступно-небрежное использование или хранение, недобросовестное отношение к охране (ст. 89-101 УК РСФСР). Преступления против личной собственности граждан: кража, вымогательство, умышленное уничтожение или повреждение (ст. 144-149 УК РСФСР). Хозяйственные преступления: выпуск недоброкачественной, нестандартной продукции; приписки и другие искажения отчетности о выполнении плана; частнопредпринимательская деятельность (с 1960 г.) и коммерческое

посредничество; спекуляция; обман покупателей; незаконное пользование товарными знаками; выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров; незаконное изготовление, хранение, сбыт спиртных напитков; занятие запрещенным промыслом; незаконная охота; нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота и др. (ст. 152-169 УК РСФСР). Должностные преступления: халатность, получение взятки, дача взятки (ст. 172-174 УК РСФСР).

Ряд изменений правовой системы связан с отношением власти к идеалу коммунизма. Прямой курс на коммунизм обусловил в 1964-1965 гг. отмену республиканскими гражданскими кодексами большинства нормативных актов, принятых в 1920-е гг. для регулирования частной предпринимательской деятельности и ужесточение наказания за этот вид деятельности. Когда задача построения полного коммунизма отодвинулась на неопределенное время, изменились институциональные нормы: статьи 17 Конституции СССР 1977 года и Конституции РСФСР 1978 года закрепили право на занятие индивидуальной трудовой деятельностью (как разновидности предпринимательства) в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения и других сферах, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей.

С идеалом коммунизма и ценностями социалистической хозяйственной культуры была связана проектная хозяйственная деятельность – экономические программы, которые включались в Программу КПСС, материалы съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС и союзных республик, излагались в постановлениях советского правительства по вопросам хозяйственного строительства, становились частью пятилетних планов.

С целью построения материально-технической базы коммунизма, в период «оттепели» развивался намеченный после смерти Сталина курс на социальную переориентацию экономики. Этот курс неразрывно связывался с возрастанием роли науки во всех сферах народного хозяйства.

С середины 1950-х для обеспечения страны продуктами питания и вывода сельского хозяйства из кризиса практиковали: снижение сельскохозяйственного налога, увеличение размеров приусадебных хозяйств, повышение заготовительных цен на сельхозпродукцию, развитие колхозного рынка, значительное увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, освоение

целинных и залежных земель. Эти технологии позволили временно решить задачу снабжения населения продовольствием.

С конца 1950-х ликвидировали МТС и технику передали колхозам с целью усиления их самостоятельности. Но техника была изношенной, морально устаревшей, а собственной ремонтной базы колхозы не имели. Передача техники стала не помощью, а новой обузой для колхозов и резко снизила их доходы от повышения закупочных цен. Использовалась технология посевов кукурузы с целью создать эффективную кормовую базу для животноводства. Но вводилась она штурмовыми методами, без учета климатических условий. В результате кормовая база не стала более современной и продуктивной, напротив, сократилась. Началось укрупнение сельских населенных пунктов с целью превращения их в агрогорода.

С 1959 года начала применяться технология сокращения приусадебных хозяйств. Обоснование: личные подсобные хозяйства отвлекают крестьян от работы в общественном хозяйстве и мешают строить коммунизм. Между тем, подсобные хозяйства, которыми в 1959 году занимались 91% сельчан, были высокопродуктивными: занимая всего 3,7% общих площадей в СССР, они давали 64% картофеля, 41% мяса, 47% молока и 81% яиц [53]. Давление власти на подсобные хозяйства делало их экономически невыгодным. В результате резко ухудшилось снабжение продуктами питания сельских и городских жителей. Намеченная Н. С. Хрущевым цель – догнать и перегнать США по производству мяса и молока в условиях планового хозяйства реализовалась в абсурдной форме массового забоя скота для выполнения плана сдачи мяса государству. В результате резко сократилось поголовье. Уровень сельскохозяйственного производства начал снижаться. В 1963 году СССР впервые вынужден был закупать зерно в США.

Для построения материально-технической базы коммунизма, в годы «оттепели» в промышленности стремились применять новые научные технологии. Сфера промышленности во второй половине 1950-х – начале 1960-х развивалась довольно успешно и быстрыми темпами: машиностроение и металлообработка, развитие химии и производство синтетических материалов, энергетика, производство стройматериалов и капитальное строительство. Проводили эксперименты с управлением промышленностью: замена отраслевой системы (через министерства) территориальной (через совнархозы).

Усилилась оперативность управления, специализация, многие предприятия стали работать лучше. Но реформа управления дала кратковременный эффект: как только совнархозы окрепли, начались проявления местничества, разрастание бюрократического аппарата, уменьшение внутриотраслевых связей. Непрерывно совершенствовались технологии материального стимулирования общественного труда. Однако меры по усилению материальных стимулов к труду не внесли существенных изменений в соотношение между моральными и материальными стимулами. Решающую роль продолжали играть моральные стимулы, что вело к слабой заинтересованности работников [236].

Уже с середины 1920-х в СССР применялась технология получения доходов от населения – денежно-вещевая лотерея. В изучаемый период она продолжала развиваться в глубину и ширь: появлялись новые виды лотереи, которые охватывали все новые слои населения [128, с. 219-221].

Как утверждали советские официальные источники, большинство заданий плана первых лет шестой пятилетки были выполнены досрочно. По официальной оценке итогов, семилетний план в целом был выполнен успешно. Новые достижения в развитии народного хозяйства, науки, техники и культуры <...> способствовали повышению благосостояния советского народа [67, вып. 10]. Действительно, в годы «оттепели» начался заметный рост благосостояния населения. Шло интенсивное строительство государственного жилья, хотя дешевого, малометражного и типового. Миллионы советских людей переселялись в отдельные квартиры [128, с. 371-373]. Стала применяться технология строительства кооперативного жилья. Росла заработная плата, увеличивались реальные доходы на душу населения. Повышались размеры пенсий. Стала сокращаться и прекращаться обязательная подписка на государственный заем [128, с. 159]. Росло производство товаров народного потребления, в том числе, бытовой техники, расширялся ассортимент. В 1961 году была проведена денежная реформа. Но в начале 1960-х стала очевидна неэффективность проведенных реформ, вновь возникли трудности с продовольствием. Нехватка продуктов питания вызвала рост недовольства населения и даже крупные антиправительственные выступления (1962). Трудности и недостатки отметил XXIII съезд КПСС: серьезные отставания сельского хозяйства от заданий семилетнего плана, невыполнение плана в ряде

отраслей промышленности, замедление темпов роста производства, производительности труда, национального дохода и т.д. Идеология объясняла это недостатками в руководстве, просчетами в планировании и субъективистским подходом к решению экономических задач. Используя разочарование общества в результатах экономических реформ и недовольство ухудшением реальной жизни в последние три года, партийная и государственная номенклатура решилась на заговор против Н. С. Хрущева и в октябре 1964 года сместила его со всех партийных и государственных постов.

Современные исследователи развивают советскую точку зрения о субъективном факторе неудач в реформировании хозяйства. Этот фактор – импульсивность и нетерпение Н. С. Хрущева: реорганизации следовали одна за другой слишком быстро, слишком часто делалась ставка на единственное средство – кукуруза, целина или посевы клевера. Фактором неудач была и штурмовщина. Крестьянской инициативе не доверяли и заставляли выполнять приказы. Хрущевские реформы – еще один пример решения экономических проблем политическими средствами. Повышение продуктивности личных хозяйств стимулом личной прибыли было «несоциалистическим» – и потому, с точки зрения Хрущева, неприемлемым. Совнархозы не смогли работать эффективно без постоянных запросов в Центр, поэтому в 1963 году произошло масштабное их слияние. Тем самым реформа промышленности оказалась сведенной на нет. Кризис последних лет правления Хрущева был «системным»: порожден консерватизмом плановой системы [143, с. 348-372]. Затухание экономического роста в конце 1950-х было следствием внутренних пороков командной экономики. Важной причиной краха реформ 1950-х и последующих лет было незнание того общества, которое власти пытались сверху изменить; непонимание того, куда может привести его ускоренная либерализация. Вторая фундаментальная причина – непреодолимая инерция системы [268, с. 286, 291].

В период «застоя», со второй половины 1960-х для создания эффективного народного хозяйства попытались использовать не административные, а экономические технологии. В 1965 году началась экономическая реформа, сердцевиной которой был хозяйственный расчет. В промышленности предполагалось предоставить предприятиям большую самостоятельность в организации производства, стимулировании труда работников. Зарплаты и материальное поощрение ставились в зависимость от

результатов производственной деятельности коллективов. Предполагалось хозяйственную деятельность оценивать не по выпуску валовой продукции, а по объему реализованной продукции и полученной прибыли. Общественный труд стимулировался также присвоением высших государственных премий за наиболее крупные достижения в области науки, техники, литературы, искусства и архитектуры. Вводился Государственный Знак Качества СССР (1967) для маркировки высокого качества товаров народного потребления и производственно-технического назначения. В качестве моральных стимулов к труду использовались юбилейные даты, например, 50-летие Великого Октября, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина [67, вып. 14].

В сельском хозяйстве устанавливали стабильный и долговременный план поставок продукции, повышали закупочные цены, увеличивали капиталовложения, сокращали налоги, снимали ограничения с личных хозяйств, вводили гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой) по тарифным ставкам совхозов. Продолжался процесс укрупнения сельских населенных пунктов.

По официальной оценке итогов 1968 года, трудящиеся СССР успешно выполнили народнохозяйственный план [67, вып. 13]. XXIV съезд КПСС подвел итоги восьмой пятилетки: в СССР построено развитое социалистическое общество с полным утверждением социалистического способа производства, социально-политического и идейного единства. Мощная материально-техническая база, высокие темпы развития производительных сил, систематическое повышение благосостояния всех трудящихся. Планомерное хозяйство, полная занятость населения. Значительный рост национального дохода, производительности труда, выпуска товаров народного потребления, реальных доходов на душу населения, средней зарплаты рабочих и служащих, минимальной зарплаты, денежных и натуральных доходов колхозников, розничного товарооборота, жилищного строительства. Недостатки: отставание производства некоторых товаров от увеличения денежных доходов населения, трудности в удовлетворении спроса населения на мясопродукты. Вывод: новые методы хозяйствования полностью себя оправдали [155].

Нельзя отрицать, что в годы восьмой пятилетки экономическая реформа имела положительный результат. Значительно возрос объем промышленного производства, были введены в строй 1900 крупных предприятий. Успехом

развития хозяйства был пуск в 1970 году Волжского автозавода в Тольятти (ВАЗ), начавшего производство автомобиля «Жигули». По мнению экономиста Е. Гайдара, строительство ВАЗа было одним из самых успешных экономических проектов, реализованных в СССР. По советским стандартам это были «приличные» автомобили. Но в этом проекте отражались и порочные черты советской экономики: выпуск устаревшей итальянской модели и высокие цены. Из-за высоких цен автомобиль стал предметом роскоши [178, серия 11].

Нельзя отрицать, что уровень благосостояния советских людей возрос, но назвать его высоким нельзя. Исследование имущественного положения населения в 27 основных экономико-географических регионах СССР, в том числе, в 11 регионах РСФСР, проведенное в начале 1971 года, выявило три общих свойства среды обитания масс: 1) архаические, несовместимые с современной цивилизацией жилищные условия, начиная от тесноты и кончая отсутствием важнейших бытовых удобств. 2) Слабое развитие технических и электронных средств связи для приема и передачи информации в домашних условиях. 3) Довольно сносное обеспечение хозяйственно-бытовыми предметами и удручающе низкий уровень обеспеченности транспортными средствами [50, ч. 1, с. 315-318, 326-330, 349-355].

Результаты укрупнения сельских населенных пунктов: крупным считалось поселение, где число жителей достигало 2 тысяч. Только в крупных поселениях могли функционировать средняя школа, детский сад, клуб с киноустановкой, амбулатория, библиотека, продовольственный и промтоварный магазины, столовая или кафе, предприятие бытового обслуживания с химчисткой, баня, отделение связи. Но даже в них не планировалась сберкасса и больница. В 1970 году было всего 6 тыс. крупных сельских поселений, проживало в них 23% сельского населения. Отсюда – постоянные поездки большинства сельских жителей в город для решения бытовых вопросов или переезд в город [53, с. 361, 362]. Из этого следует, что у большинства сельского населения жизненный уровень оставался крайне низким.

В оценках экономической реформы современные исследователи указывают на ее противоречия. М. Малиа: в фундамент реформы изначально были заложены противоречия: совнархозы заменили центральными министерствами, предприятия так и не добились права устанавливать

собственные цены на основе потребительского спроса. Цены определяла новая организация – Госкомцен. Поэтому прибыльность предприятий ушла на дальний план. Директора предприятий предпочитали использовать самостоятельность, чтобы выполнять план, а не внедрять на производстве рискованные новации. Производство продолжало падать, качество продукции – ухудшаться. Разрасталась бюрократическая машина (Госкомцен, Госснаб и др.), количество отраслевых министерств росло. Заложенные в фундамент реформы противоречия привели к ее свертыванию после 1968 года. Фактором свертывания реформы стали события в Чехословакии. Из чешских событий власть в СССР извлекла урок: экономическая либерализация способна с легкостью перерасти в политическую, которая поставит под вопрос существование основ режима [143, с. 377-381].

Б. Грушин не исключает, что реформа была всего лишь очередной советской «говорильней», *чисто идеологической кампанией*, которую никто не собирался претворять в жизнь. Тогда главный смысл всей затеи видится в том, чтобы внедрить в сознание масс некую новую систему мифов о непрерывном развитии социалистического общества, о постоянном совершенствовании его экономики, системы управления и так далее в расчете на новые трудовые подъемы. Но если создатели концепции и разработчики реформы в самом деле верили в успех, то реформа, еще не начавшись, уже была обречена на провал: и потому, что в народном хозяйстве в те годы отсутствовали даже минимальные объективные условия для перехода страны к рыночной экономике. И потому, что этому переходу препятствовал субъективный фактор – открытое и скрытое, сознательное и бессознательное саботирование намеченных перемен представителями всех типов агентов народного хозяйства, от рядовых рабочих до партийных функционеров [50, ч. 2, с. 280, 281].

Относительные успехи советского хозяйства и сворачивание реформ Е. Гайдар связывает с добычей тюменской нефти: открытие богатейших нефтяных месторождений вместе с последующим повышением мировых цен на нефть было, наверное, самым важным экономическим событием в истории Советского Союза последних десятилетий. Сразу выяснилось, что никаких реформ не нужно: и так все можно себе позволить. Можно закупить за границей продовольствие и заводы «под ключ». Можно позволить себе

военное соревнование с Америкой. Но только до тех пор, пока СССР «сидит на нефтяной игле» [178, серия 12].

В 1970-е гг. и первой половине 1980-х развитие народного хозяйства характеризовалось декларативным развитием экономической реформы (рыночных механизмов) и фактическим усилением командно-административного механизма, централизованного управления.

Развитие народного хозяйства в этот период характеризуется созданием ТПК (территориально-производственных комплексов) преимущественно нацеленных на добычу природных ископаемых. Ускоренная разработка нефтяных и газовых месторождений (Тюмень), высокие доходы, нефтедоллары от продажи нефти и газа на мировом рынке. Строительство Байкало-Амурской магистрали в расчете на создание территориально-производственных комплексов в Сибири и на Дальнем Востоке. Отставание от индустриальных стран в использовании передовых научно-производственных технологий. В сельском хозяйстве – преобразование Нечерноземья, попытка интенсивного комплексного освоения близлежащих земель. Мелиорация земель на юге России и в республиках Средней Азии. «Продовольственная программа» (1982) с механизмом агропромышленной интеграции была нацелена к 1990 году на обеспечение бесперебойного снабжения населения продуктами питания [190, с. 18, 51]. Технология экономии и бережливости на всех уровнях производства и потребления («Экономика должна быть экономной»).

Съезды КПСС (1976 и 1981) подводили итоги: основные социально-экономические задачи решены «в результате самоотверженного труда и творческой инициативы советских людей». Надо признать, что в развитии советского народного хозяйства этого периода были некоторые достижения. В 1976 году была пущена первая очередь Камского автозавода (КАМАЗ). По мнению Л. Парфенова, это первая «стройка века», которая полностью удалась. КАМАЗ начал выпуск тягачей, грузовиков, самосвалов [178, серия 16]. В середине 1970-х, благодаря «нефтедолларам», государству удалось частично погасить долги – выплатить рядовым гражданам деньги по облигациям государственного займа. Росли реальные доходы на душу населения. Росла среднемесячная зарплата рабочих и служащих (к 1975 году – 146 рублей, к 1980 году – 168 рублей). По отраслям народного хозяйства она заметно различалась. Если в строительстве и на транспорте среднемесячная зарплата составляла

примерно 200 рублей, то в искусстве и народном образовании – 140 рублей, в здравоохранении – 127 рублей, а в «культуре» – 111 рублей. Росла оплата труда колхозников. Росли пенсии и стипендии. Возрастало количество социальных услуг из общественных фондов потребления. Продолжалось интенсивное жилищное строительство – государственное и кооперативное. Для удовлетворения спроса населения на товары легкой промышленности в столице были открыты фирменные магазины социалистических стран. Возрастал спрос на личные автомобили, особенно на «Жигули». Но автомобильная промышленность СССР не успевала удовлетворить растущий спрос. Продажа производилась через автомагазины по записи. Люди стояли в очереди по нескольку лет [128, с. 38, 39].

В то же время значительная часть сельского населения была лишена элементарных современных удобств. По исследованию Л. Денисовой, больше половины российских сел в 1970-е годы находились за пределами пешеходной доступности от средней школы, больницы, клуба и библиотеки. По разбитым дорогам в сезонную распутицу и дожди трудно было проехать даже на тракторе «Беларусь». В 1974 г. менее половины центральных усадеб колхозов и совхозов соединялись автодорогами с райцентрами. Более 60 тыс. сел Нечерноземья были расположены на расстоянии свыше 6 км от автобусных остановок. К 1983 году автодорогами с твердым покрытием были обеспечены 80% сельских райцентров и 75% центральных усадеб колхозов и совхозов. Твердое покрытие имели менее 30% дорог местного значения, даже одним рейсом автобуса в сутки было обеспечено только 32% сел и деревень. Из-за низкого качества покупаемого в магазинах хлеба часть сельчан перешла к домашней выпечке. Сельские магазины не удовлетворяли спрос на предметы быта. Крупные покупки сельские жители осуществляли в городе. Но в сельских и городских магазинах было недостаточно необходимых для них товаров (резиновых калош и сапог, валенок, телогреек, чугунов и др.). Если объем бытовых услуг в расчете на одного городского жителя Нечерноземья составлял в 1975 году 24,2 рубля, то на одного сельского жителя – 8,2 рубля. [53, с. 357-373].

В период «застоя» промышленность и сельское хозяйство в целом развивались экстенсивно. Сельское хозяйство, несмотря на огромные капиталовложения, оставалось в кризисе, стране приходилось регулярно импортировать зерно. Доходы городского и сельского населения возрастали,

увеличивался спрос, в период уборки урожая на сельхозработы приходилось привлекать миллионы горожан и военнослужащих, продукция имела высокую себестоимость [143, с. 377-381]. Неудачным оказался проект БАМ: рассчитывали, что БАМ окупит себя за две пятилетки, ведь на пути его возникнут 10 промышленных комплексов. Но возник лишь один, и по БАМу просто нечего было возить. Е. Гайдар: проект строительства БАМа – дорогой, масштабный, романтический, но экономически абсолютно бессмысленный. Проект обошелся в четверо дороже, чем предполагалось. В полном объеме так и не был никогда завершен. Вложенные в проект развития Нечерноземья огромные деньги «сгинули как в пропасть, почти без следа» [178, серия 14].

В советской науке обсуждалась проблема злоупотреблений принципом материальной заинтересованности и практики выполнения плана в обход государственных интересов. Путь решения видели в усилении воспитания у коллектива чувства общественного долга и моральной ответственности за общее дело; в укреплении взаимозависимости материальных и моральных форм поощрения [236, с. 21]. Для повышения эффективности общественного производства предлагалось опереться, главным образом, на принцип материальной ответственности работников и предприятия в целом: снижать размер фонда материального поощрения за каждый процент невыполнения плана; основным показателем труда сделать удельный вес продукции со знаком качества, исключить уравнильность в премировании и др. [120, с. 19]. Потери труда рассматривались как следствие недостатков в руководстве хозяйством, планировании, слабой трудовой и технологической дисциплины. Считалось: чем выше производительность труда, тем полнее обеспечивается благосостояние и всестороннее развитие членов общества. Поэтому искали пути стимулирования производительного общественного труда, оптимальное соотношение моральных и материальных стимулов, источники материального стимулирования (Егиазарян, Артемов, Азарх и др.), искали решение проблемы нерационального использования рабочего времени – простое [203, с. 11].

Для совершенствования материального стимулирования труда предлагалось ликвидировать «уравниловку», практику повышения тарифных разрядов и наслоения на них премиальных доплат; внедрить в производство технически обоснованные нормы, повысить тарифные ставки, установить правильное соотношение тарифной ставки с квалификацией рабочих и т.д.

На рубеже 1970–80-х гг., чтобы напрямую связать конечные результаты и материальное поощрение трудящихся, предлагалось заменить валовые показатели выполнения плана улучшением качества продукции, ростом прибыли. Считалось, что это ликвидирует уравнилельные тенденции и настроения. Для повышения ответственности трудовых коллективов за достигнутые результаты предполагалось расширить их инициативу и права в принятии решений [1, с. 6]. Но, как показали исследования В. Попова и Н. Шмелева, опубликованные в годы перестройки, реализовать технологии совершенствования материального стимулирования труда на практике было очень сложно, почти невозможно. Деятельность Госкомтруда – установление тарифных ставок, норм выработки, должностных окладов и районных коэффициентов была призвана обеспечить справедливое вознаграждение каждому работнику в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, интенсивностью, вредностью и т.д. На деле тарифная система все больше отрывалась от реальной экономической жизни. Госкомтруда регулировал только оплату работников на окладе. Для сельхозиков и повременщиков зарплата выводилась через манипулирование нормами выработки, надбавками и доплатами, урочными и сверхурочными часами. Реальное регулирование оплаты труда осуществлялось не через тарифную сетку, а при распределении министерствами по предприятиям фонда зарплаты [188, с. 107]. С. Г. Кара-Мурза считает, что отказ КПСС от уравниловки был ошибкой: это раскололо общество на множество конкурирующих социальных групп и вместе с другими причинами привело советскую экономику к кризису [94, с. 457].

Идеология предлагала различные объяснения неэффективности способов материального стимулирования труда. Неэффективность объясняли противоречиями между личными и общественными интересами в оплате труда, которые, в свою очередь, порождаются *нарушениями* закона распределения по труду, планомерного развития хозяйства, закона стоимости и др. [145, с. 265]. Неэффективность объясняли неантагонистическим противоречием советской экономики [153, с. 33, 34].

Советские экономисты утверждали: устранена излишняя регламентация деятельности предприятий, перестроена система хозрасчетного стимулирования [1, с. 6]. В это же время Д. В. Ильенков – грамотный

хозяйственник, директор Днепровского алюминиевого завода в интервью говорил: «я, образно говоря, не имею права переложить деньги из левого кармана в правый» [27, с. 12].

Между теорией и практикой реального социализма существовало еще одно противоречие: частный сектор экономики. Согласно политэкономии социализма, социализм несовместим с частной собственностью на средства производства. Отношение идеологии к частной собственности менялось. Во время «оттепели» нарастало давление на частную деятельность и собственность. В период «застоя» давление ослабело, расширились возможности для развития частного труда и собственности. В начале 1980-х советская наука объясняла: социалистический сектор по объективным причинам пока не может удовлетворить некоторые общественные потребности, поэтому временно их удовлетворяет частный сектор. Это историческая необходимость. Частный сектор не должен насильственно упраздняться и искусственно ограничиваться, он естественно отомрет в силу неэффективности [247, с. 152, 153].

Неравенство в потреблении объяснялось неодинаковым числом семей трудящихся. Престижное потребление, накопительство товаров повышенного спроса, спекуляция и мещанской стиль жизни объяснялись противоречием между экономическими интересами отдельных предприятий, между потребительской стоимостью и стоимостью, недостаточным производством или перепроизводством [16].

В начале 1980-х среди советских ученых не было единства мнения в оценке состояния развития советской экономики. Одни утверждали, что социалистическая экономика идет по пути неуклонного подъема, все более наглядно демонстрируя свои исторические преимущества и подлинно гуманную сущность [277]. Другие отмечали не только огромные успехи, но и негативные явления, противоречащие социальной справедливости. В 1983 г. в научном докладе «для служебного пользования» А. П. Бутенко доказывает: цель и средство прогресса поменялись местами. Развитие производительных сил стало целью. Отсюда – выкачивание средств из сельского хозяйства за счет экономии на жизненном уровне масс; командные методы руководства экономикой, планирование от достигнутого, приоритет валовых показателей, а также методы симулирования труда. Интересы индивидов недооценивались, а

конечным критерием прогресса считался рост выпуска преимущественно средств производства. Государственные средства производства при нарушении социалистических принципов управления экономикой не являются общенародным достоянием. Они становятся средствами производства тех социальных групп, кем больше всего используются для удовлетворения своих интересов, и кем присваивается часть общественного продукта, не соответствующая трудовому вкладу. Эти негативные явления вступают в противоречие с социальной справедливостью. Для усиления реального социалистического содержания общенародных форм собственности необходимы практические меры, которые превращают каждого трудящегося в реального совладельца этих средств производства [26].

Итак, в развитии социалистического хозяйства не удалось уйти от валового критерия выполнения плана. Возрастала зависимость страны от импорта сельскохозяйственной продукции. Темпы прироста национального дохода вновь упали. Экономика становилась нерентабельной. Возрастало техническое отставание от стран Запада. С начала 1970-х возрос перекося в пользу тяжелой и оборонной промышленности. Важнейшим ресурсом поддержания стабильности в народном хозяйстве и обществе были высокие мировые цены на нефть и газ. К началу 1980-х во многих районах страны была введена карточная система распределения части продуктов питания. Руководство страны сделало ставку на экономию и бережливость в отношении ресурсов и продуктов. Однако все было безуспешно. На XXVII съезде КПСС (1986) после подведения итогов социально-экономического развития страны был сделан вывод: первоочередная задача партии и всего народа – решительно переломить неблагоприятные тенденции в развитии экономики, открыть простор инициативе и творчеству масс, подлинно революционным преобразованиям [185]. С этого началась Перестройка.

В годы Перестройки появились научные объяснения причин кризиса советской культуры, в том числе, социалистического хозяйства. По мнению О. А. Платонова, утвердившийся в правящей элите взгляд на построение социализма «сверху» не учитывал исторический опыт народа, отвергал необходимость следования национальной модели хозяйствования и трудовой деятельности, делал ставку на методы принуждения и насилия, навязывал широким массам не совсем понятные для них формы жизни, исходя из

абстрактных схем идеального общества [182, с. 101]. По мнению В. В. Радаева, социализм – не наука, а учение, построенное на этических принципах. Социализм в принципе безразличен к своим фундаментальным положениям. Кризис теории всякий раз «преодолевался» выбрасыванием или заменой отдельных положений. Так, теория поляризации общества заменилась концепцией средних слоев, теория обострения классовой борьбы – концепцией мирного сосуществования, социальная справедливость понималась как равенство, сведенное к одним лишь материальным интересам. Социализм, заменив индивидуализм коллективизмом, сохранил при этом утилитаризм как основу социального действия и теорию нравственности. Главная черта социализма – утопизм и мифотворчество [194]. С. Г. Кара-Мурза причиной разрушения советского общества считает то, что большевики приняли в качестве официальной идеологии учение, объясняющее иной тип хозяйства – западный. Реально создаваемое хозяйство было насильно втиснуто в непригодные для него понятийные структуры. При этом, благодаря политэкономии социализма с трудовой теорией стоимости, в советском обществе стало распространяться мнение, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом эксплуатации. Класс эксплуататоров – бюрократия. Таким образом, политэкономия стала «троянским конем», в котором содержались идеи, разрушающие советское общество. Несоответствие теории и реальности выявилось в период застоя [95].

Авторы проекта «Советский простой человек» связывают кризис и крушение советской культуры с неустранимым противоречием между необходимостью реального вознаграждения индивида и нежеланием со стороны власти признавать значимость индивидуальных достижений, потому что это увеличивает авторитет работника [221]. Н. Н. Зарубина факторами кризиса считает примат идеологических и политических ценностей над экономическими; централизация экономики и господство плана; полное вытеснение индивидуального хозяина и работника и замена его трудовым коллективом; выход личной предпринимательской инициативы в криминальные формы, маргинальный характер индивидуализма и практицизма в культуре повседневности [72, с. 145-148]. Американский исследователь М. Малиа причиной кризиса считает невозможность перехода от экстенсивного развития к интенсивному в условиях централизованной плановой экономики, а

также внедрение главной идеи социализма – полного равенства людей насильственными, примитивными методами партократии [143, с. 378-387, 509-510]. Социолог культуры Л. Г. Ионин в качестве причины кризиса советской экономики называет моностилизм: культурные факторы (моностиль) всегда и везде оказывались более сильными и эффективными, чем соображения хозяйственной целесообразности. Логика моностилистической культуры с течением времени входила во все более глубокий конфликт с экономической рациональностью [83]. Историк В. А. Шестаков причиной гибели советской системы видит в ограничении свободы, имеющем доктринальный и институциональный характер [268, с. 290]. По мнению экономиста Е. Т. Гайдара, последний удар по советской экономике, «сидевшей на нефтяной игле», нанесло падение мировых цен на нефть [39]. По мнению Ю. А. Рыжова, одной из главных причин кризиса советской культуры была милитаристская ориентация экономики, потому что структуры, входившие в ВПК, поглощали практически все ресурсы страны [209, с. 5, 12].

Вывод. Согласно марксистской теории, смена старого способа производства новым способом связана с тем, что производительные силы достигают такого уровня, когда существующие производственные отношения становятся их оковами. Также согласно марксистской теории, в зависимости от способа производства складывается политический строй общества, идеологические учреждения, господствующие идеи и теории. Но на практике в России социалистический способ производства создавался в зависимости от идей и теорий (не господствующих в обществе), идеологических учреждений и политического строя. То, что производительные силы в России не достигли такого уровня, чтобы переходить к социалистическому способу производства, доказывается высокими темпами социалистической индустриализации, проведением ее в кратчайшие сроки, постоянной задачей «догнать» капиталистические страны в индустриальном развитии, а также важнейшей задачей – формировать человека как главную производительную силу, который, вопреки теории, оказался не готов к социалистическому способу производства. Духовной культурой (социалистической идеологией) был задан идеал – коммунизм, в соответствии с которым пытались создать материально-техническую базу. Отсюда – системная противоречивость советской хозяйственной культуры специализированного уровня. Результаты

противоречили знаниям: повседневная практика показывала, что общественная собственность на средства производства не устраняла нетрудовые доходы, личная собственность нередко служила для извлечения «нетрудовых» доходов, благосостояние трудящихся далеко не всегда было связано с трудовым вкладом. Планомерное ведение народного хозяйства не защищало производство от диспропорций. Наоборот, перепроизводство некачественных товаров и дефицит качественных стали постоянными явлениями советской хозяйственной культуры, но разорения производителей при этом не было. В формировании дефицитной экономики огромную роль сыграла увязка материального стимулирования труда с выполнением и перевыполнением плана. Кооперативная собственность не сливалась с государственной, развивалась самостоятельно, появлялись новые ее формы. Не сокращалась частная собственность и т.п. Планомерное развитие хозяйства стало самоцелью, отодвинув ценность человека. Все попытки совершенствования хозяйственного механизма были малоэффективными, потому что упирались в ценностно-смысловую систему хозяйственной культуры.

2.3. Ценности хозяйственной культуры повседневности

Идеал. Институтом общественного мнения (ИОМ) газеты «Комсомольская правда» под руководством Б. Грушина в начале 1960-х был проведен ряд опросов читателей. Опросы показали: интерес к коммунизму был практически всеобщим. В массе населения выявлялись как минимум пять типов: 1) люди, осознающие себя активными строителями коммунизма, искренне разделяющие принципы этого движения; 2) люди, не участвующие активно в строительстве коммунизма, но активно поддерживающих его принципы; 3) люди, не сомневающиеся в идее коммунизма, но не разделяющие принципы движения; 4) люди, участвующие в движении, но делающие без искреннего желания строить коммунизм; 5) люди, не верящие в победу коммунизма. В составе участников опроса явно преобладали активные участники строительства коммунизма, проникнутые идеями этого строительства. В каких количественных пропорциях находились по отношению друг к другу эти пять типов, сказать трудно. Главным в широких массовых представлениях о коммунизме были детская наивность и примитивизм.

Грядущий коммунизм представлялся в виде «незатейливого коктейля» из традиционной соборности, уже реализованных на Западе систем human relations и элементарных правил человеческого общежития [49, с. 223-225, 251-272]. Эти выводы подтверждают то свойства повседневности, о котором писал Ф. Бродель: идеологические конструкты, попадая в профанный мир, «отливаются» массами («низами») в определенные, а именно – упрощенные, примитивные формы [21]. В 1963 г. подавляющее большинство опрошенных (98,2%) назвали личностью XX века – Ленина, документом века – Программу КПСС (1961). Но контент-анализ анкет показал: эти представления никак не увязывались опрошенными с их собственными общественно-политическими позициями и поведением [49, с. 403-411, 414, 430].

Исследования Ю. В. Аксютинина показывают: различные социальные группы советского общества в коммунизме видели свой определенный интерес. Для бюрократов курс на коммунизм являлся дополнительным оправданием расправ с непослушными гражданами (теневики, тунеядцы, стилиаги, диссиденты). Для поэтов-шестидесятников коммунизм выступал альтернативой будничному быту, господству рутины. Для осознавших свои интересы рабочих коммунизм служил оправданием их эгалитарных требований: закрытия магазинов для начальства, передачи казенных дач детским садам. Но такая ориентация на коммунизм скорее разъединяла, нежели сплачивала. В 1998 году 51% опрошенных, в 1999 году 53% опрошенных ответили, что верили в коммунизм [4, с. 330-333, 482-485].

А. М. Доценко на материалах исследования повседневной жизни населения г. Куйбышева и городов Куйбышевской области, утверждает, что в 1950-60-е годы для общественного сознания советского общества еще была характерна вера в построение светлого коммунистического будущего и связанный с этим социальный оптимизм [59].

В конце 1960-х исследования массового сознания показали полный крах мечты о возможности реализации коммунистической идеи. Ряды активных сторонников коммунистической идеи заметно редели, сужаясь до круга людей, занятых в партийном и государственном аппарате, продолжавших руководить строительством коммунизма «по долгу службы». Представители типа конформистов, разуверившиеся в возможность победы коммунизма в стране,

стали в массовом масштабе переходить в ряды тех, кто ориентировался на традиционные, общечеловеческие ценности [50, ч. 2, с. 843-861].

П. Вайль и А. Генис считают, что НТП, законность и нравственное усовершенствование – идеалы 1960-х гг., придя к своему логическому завершению, отменили специфику главного идеала – коммунизма. Коммунизм, строящийся при помощи правды, терял всякую связь с уже построенным социализмом. Советская история лишалась смысла. Произошло то, о чем еще в самом начале 60-х охранители предупреждали партию: завоевания Октября оказались лишними; советский образ жизни, во всем его своеобразии – неправильным; больше всего построению коммунизма мешала коммунистическая партия [28, с. 171].

Л. Г. Ионин: когда светлое будущее – коммунизм, обещанное властью, к 1980 году оказалось «реальным социализмом» (также по объяснению власти), то от этого «будущего» всем стало скучно. Наступил «застой», все перестали строить коммунизм, а каждый захотел построить что-нибудь для себя» [83, с. 218-219]. Н. П. Лукаш в результате исследования культуры и человека в советской повседневности 1960–1970-х приходит к выводу: советский человек верит в рай земной – коммунизм [141, с. 14-15]. Этот вывод видится неточным, потому что не учитывает динамики массового сознания.

Ценности. Советский энциклопедический словарь (1990) сообщает: «После победы социалистической революции коммунистические принципы, цели, идеалы постепенно превращаются в общенародные ценности». Для понимания взаимосвязи специализированной и повседневной культуры необходимо показать, действительно ли ценности официальной культуры превратились в «общенародные», как они воспринимались массами и были адаптированы на повседневном уровне.

Труд коммунистический. Исследование «Итоги и перспективы движения за коммунистический труд», проведенное ИОМ «КП» в 1961 году, показало: в соответствии с предметом обсуждения основная масса респондентов концентрировалась на данной ценности. Но у социологов сложилось впечатление, что при иной постановке вопроса (например, «Какая из тех или иных сторон вашей жизни для вас особенно важна?») нельзя поручиться, что труд как ценность вышел бы на первое место. Даже для участников движения за коммунистический труд, наиболее образованных, главным достижением был

не «труд по-коммунистически», а воспитание «нового человека» и «хорошие отношения между людьми» [49, с. 269].

На самом деле, трудились ли советские люди «по-коммунистически»? Современные исследователи утверждают: проблемой советской экономики в целом было невысокое массовое качество труда [72, с. 17-18]. *Но можно предположить, что все-таки в начале 1960-х, учитывая отношение большинства к коммунистическому идеалу, большинство советских людей трудилось добросовестно, стремясь к высокому качеству.* В начале 1980-х в трудах советских экономистов ставилась проблема пренебрежительного отношения работников к результатам своего труда. Причину усматривали в противоречиях между потребительской стоимостью и стоимостью, так как «все равно потребительская стоимость, созданная их трудом, в одних случаях не реализуется, а в других случаях – реализуется любая потребительская стоимость» [16].

В. В. Радаев низкую эффективность труда, хозяйственные потери, постоянные нарушения технических правил и норм трудовой дисциплины, хищения материалов и инструментов объяснил как форму повседневного пассивного сопротивления рядовых работников власти [193, с. 75-76]. Позднее, в конце 1990-х, низкое массовое качество труда советских людей связывается с православным культурным наследием: в православной культуре труд рассматривается как аскетическое средство самовоспитания личности, а его форма и практический результат второстепенны. В советский период, несмотря на интенсивные идеологические кампании за качество, эта тенденция не была преодолена [72, с. 15-18]. Б. Грушин считает, что в «эпоху Брежнева» говорить не только об ударном, но даже о добросовестном труде не приходилось. Во многих отраслях производства и услуг широко распространилась имитация трудовой деятельности. Низкое качество труда связывается с низкими доходами населения и тотальным дефицитом [50, ч. 2, с. 843-861]. По исследованию Н. Козловой, у поколения, родившегося в 1960-е, работа – «докука». В рабочее время служащие занимались личными делами. Род занятий не выбирали в соответствии с профессиональным призванием. Труд стал абстрактной категорией [107, с. 425-430]. Изучение стимулов труда на Московском заводе «Серп и молот» показало их динамику. С углублением потребительской революции, от убежденности в важности своего предприятия,

ради чего стоило работать «вроде бы бескорыстно и в силу долга» (играли свою роль и карьерные побуждения, и стремление к власти, и желание получить компенсацию) произошел переход к выбору работы в зависимости от возможности получения жилья. Даже низкая зарплата погашалась надеждой быстро получить квартиру. В 1970–1980-е штурмовщина на производстве и снижение качества снижали удовлетворенность работой. В результате падало значение профессиональной гордости и престижа как стимула к труду. Старшее поколение еще сохраняло приверженность к моральному долгу, верность избранной профессии, у молодежи на первое место выходило желание побыстрее и побольше заработать, не особенно заботясь о том, какими способами это будет достигнуто [151, с. 339, 342, 343]. Исследование А. А. Сусоколова показало: советская трудовая этика, где труд – дело чести, доблести и геройства, близкая к буржуазной (по М. Веберу), утвердилась не во всех слоях советского общества. В большей степени это касалось ВПК, науки и спорта, в меньшей – сферы управления, обслуживания, производства предметов потребления. С середины 1960-х более важным для общества квалифицированный труд стал приносить все меньшие доходы и пользоваться меньшим уважением в обществе, чем труд неквалифицированный, и тем более тот, что приносил незаконные доходы [235, с. 282]. *Итак, будет точнее связывать невысокое массовое качество труда с периодом начала 1970-х – середины 1980-х.* По исследованиям Г. С. Кнабе, качественный труд оставался характерной чертой советской интеллигенции, которая продолжала следовать ряду правил: не халтурить при выполнении служебных обязанностей, несмотря на маленькую зарплату, добросовестно относиться к своему труду на основе эрудиции и квалификации [100, с. 33-38].

Советские социологи и начале 1980-х утверждали, что социалистическому образу жизни свойственен, прежде всего, производственно-трудовой характер жизнедеятельности, его неразрывная связь с общественно-полезным трудом [203, с. 11]. *Исследования постсоветского времени показали, что это не так: в обыденном сознании два выходных дня были большей ценностью, нежели один из них, занятый общественно-полезным трудом.* Рабочие субботы (одна в месяц), первоначально введенные в ряде городов для компенсации 5-дневной рабочей недели, в массе сразу получили название «черных» [128, с. 380].

Исследование жизненных планов и ценностных ориентаций колхозников (1963-1969) показало: большинство выпускников средних школ мечтали учиться в высших и средних учебных заведениях, только 12,9% планировали работать в колхозах. Ближайшими жизненными планами было поступление в вуз, приобретение профессии, связанной с квалифицированным трудом. Предпочтение отдавалось более престижным профессиям, связанным с умственным трудом: учитель, врач, инженер, менее престижными считались работник сферы обслуживания и животноводства. Для жизненных планов работающей сельской молодежи от 16 до 24-х лет общим было стремление продолжить образование и получить специальность (повысить квалификацию), потому что не нравился простой физический труд и работа по нарядам [68, с. 181-186, 188-190, 194, 195]. По исследованию Н. Зарубиной, в советском обществе сохранялась традиционная технологическая и эстетическая характеристика труда: интеллектуальный труд более престижен, чем физический. Эта характеристика сохранялась, несмотря на попытки идеологической системы ее изменить. В массовом сознании приоритет отдавался «интеллигентным» профессиям, люди стремились дать детям высшее образование и воспринимали это не только как приобретение профессии, но и как рост престижа семьи» [72, с. 15, 117, 145]. Письма советских людей показывают: дети крестьян, получившие высшее образование, очень ценили свой статус [107, с. 418]. *При этом целый ряд массовых профессий (инженеры, учителя, врачи, библиотекари, музейные работники), требовавших высшего образования, низко оплачивался. Возникла противоречивость статуса.*

По мнению Н. П. Лукаш, отношение советского человека к труду имело такие черты: отвращение, неспособность к свободному созидательному труду, предпочтение нудной однообразной работы за кусок хлеба; неспособность работать на совесть, работает из-за страха; всегда предпочитает материальную выгоду духовной свободе [141, с. 14-15].

Собственность общественная, личная и частная. На уровне массового сознания ценность общественной собственности не утвердилась. В понимании социалистической общественной собственности наиболее ярко проявился парадокс массового сознания «общее – значит ничье конкретно», породивший стереотипы бесхозяйственности, безынициативности, а также различные формы злоупотреблений [72, с. 19]. Колхозники считали, что имеют законное

право на часть колхозной собственности. Высокий уровень изъятия колхозной продукции государством порождал устойчивое представление о возможности самостоятельного перераспределения части колхозного имущества в пользу колхозных дворов. Воровство колхозной собственности прочно вошло в жизнь колхозной деревни в 1945–1960-х гг. [219, с. 189]. Как считает А. А. Сусоколов, в массовом сознании социалистическая собственность заняла место не общинной, а помещичьей и государственной собственности, поэтому в глазах «новых горожан» (мигрантов из села) была абсолютно лишена ореола сакральности. Поэтому украсть у соседа и общины – грех, а у государства – не грех [235, с. 275, 276].

Вопреки утверждениям политэкономии социализма и положениям Морального кодекса строителя коммунизма, в условиях дефицита потребительских товаров воровство общественной собственности стало повседневной массовой технологией жизнеобеспечения. По исследованию А. М. Доценко, основную массу правонарушений составляли хищения социалистической собственности, кражи личного имущества были второстепенны. К началу 1980-х гг. мелкие хищения общественной собственности наибольшее распространение получили на предприятиях мясной, молочной, пищевой, легкой, радиотехнической промышленности и в торговле [59]. Как показывают исследования Г. С. Кнабе, не участвовала во всеобщем расхищении общественной собственности интеллигенция, с ее материальной неприязательностью и «инстинктивным ощущением преимущественной важности духовных помыслов над финансовыми». В повседневной жизни интеллигенции придерживалась нормы: не уносить домой и не использовать для личных нужд приборы и инвентарь, выданный на работе для осуществления служебных заданий [100, с. 33-34, 38].

Богатство (благосостояние). Как показали опросы начала 1960-х, в годы «оттепели» у большинства советских людей отношение к богатству соответствовало идеологии: личное богатство, высокий достаток и материальные блага явно не относились к числу приоритетных ценностей. Это были ценности второго ряда, которые существенно уступали духовно-нравственному богатству личности. Стяжательство и материальный расчет в массовом сознании связывались с понятием «мещанство». Для советских людей начала 1960-х наиболее значимыми ценностями были мир на Земле, высокая

духовность, нравственность, приобщение к культуре, образование, крепкая семья, благополучие Родины [49, с. с. 185, 294, 300, 531]. Исследование жизненных планов и ценностных ориентаций колхозников в трех колхозах Орловской области (1963-1969) также показало высокую значимость ценностей духовных: *честность, бескорыстие, справедливость, трудолюбие и добросовестность, доброта, отзывчивость, справедливость, уважение к человеческому достоинству* [68]. Конечно, это не означало безразличия советских людей к уровню благосостояния: то же исследование показало, что в основные жизненные планы, наряду с воспитанием детей, получением специальности, удовлетворением духовных интересов, входило *материальное благополучие, материальный достаток* [68, с. 181-195]. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о благополучии, но не о богатстве. Поэтому *можно говорить о традиционности ценностных ориентаций* [116, 183]. В то же время в массовом сознании советских колхозников бытовало представление: богатство связано не с вознаграждением по труду, а с положением человека на социальной лестнице [219, с. 186].

Исследование имущественного положения населения в 1971 году привело авторов к выводам: для значительной части советских людей создание богатого, оснащенного дорогой мебелью и новейшей техникой домашнего хозяйства, скорее всего, не являлось главным смыслом их жизни. Массы показали сдержанное отношение к материальным благам как ценности. Было выявлено сугубо функциональное использование вещей. Отношение к вещам как «знакам» следования моде, успешности выглядело второстепенным. Хотя не вызывало сомнений наличие в обществе людей, зараженных болезнью «вещизма» [50, ч. 1, с. 349-357]. Во второй половине 1960-х первой половине 1970-х усилились ценности семьи и дружеского общения. В массовом сознании повышался удельный вес традиционных, общечеловеческих ценностей. Преимущественно в молодежном сознании происходило рождение совершенно новой ценности – свободной деятельности свободных субъектов (индивидов и коллективов), с высокой эффективностью для самих субъектов и общества [50, ч. 2, с. 843-861]. По исследованиям Н. Козловой, в то же время возрастала значимость материальных ценностей и личного благосостояния, стремление к престижному потреблению. Упоминания в письмах о покупке или желании купить модную одежду, сверхпрестижные и дефицитные аксессуары и бытовую

технику свидетельствуют: советское общество, не голодающее и не раздетое, к концу 1980-х стало радикально меняться, потому что люди не могли свободно сделать свой выбор. У старшего и младшего поколения наблюдался уход от реализации официальных ценностей в активное конструирование частной жизни. У старших – покупка вещей в кредит, страховка, рассрочка на подписку, здоровое питание и т.п. У детей – наряду с работой вязание, музыка, поездки на экскурсии по праздникам, спорт и фотография [107, с. 410, 415, 417-425]. О том же пишут А. М. Маркевич и А. К. Соколов: в то время как материальное стимулирование труда ограничивалось и часто подменялось моральным поощрением, набирали силу ценности личного и семейного благосостояния. Под влиянием потребительской революции на практике людей интересовало не завтрашнее, а сегодняшнее потребление, росли гедонистические настроения, особенно у молодежи [151, с. 313, 343]. Если до начала 1960-х в советском обществе был распространен идеал уравнительного (общинного) потребления, то с середины 1960-х он постепенно уступил место идеалу престижного потребления [235, с. 278]. В 1965-1985 гг. все шире распространялся дефицит на товары и услуги далеко не первой необходимости из-за постоянно поднимавшейся планки потребления, более высоких запросов по отношению к товарам и услугам и, прежде всего, к одежде [239].

Предприимчивость. Официальные источники, показывая активное участие трудящихся в соцсоревновании, в борьбе за звание коллективов коммунистического труда, трудовые подвиги и т.п., прямо или косвенно подтверждали ценность установленных форм предприимчивости для советских людей. Предметом современных исследований является преимущественно предприимчивость в теневой экономике. Вопрос об отношении общества к официальным формам предприимчивости и личную мотивацию участия в них проясняют тексты массовой художественной литературы.

Профессионализм, профессия. Исследование 1961 года выявило высокую значимость для молодежи всех социально-профессиональных групп ценности профессии и профессионализма: второе место после ценности патриотизма [49, с. 185]. В начале 1970-х ситуация изменилась. Есть замечание М. В. Коробова, в то время студента-естественника московского вуза: «все студенты-естественники без будущего, считавшие свою профессию лямкой» [216, с. 125]. Исследования, проведенные среди студентов строительного и лесоинженерного

факультетов Петрозаводского университета, показали: после прохождения курсов обучения оценки выпускниками своей будущей профессии и степень осведомленности о ней не возросли, а снизились. Более половины выпускников, также как на первом курсе, ответили, что представляют себе будущую профессию «приблизительно». Ответы «хорошо представляю» сократились, ответы «плохо представляю» возросли. Число считающих профессию инженера своим призванием сократилось почти вдвое [218, с. 25]. Судя по ответам, 60% молодежи шли на эти специальности не по призванию, а за дипломом. *Видимо, в начале 1980-х для советской молодежи овладение профессией в совершенстве уже не было ценностью и целью.*

Патриотизм, коллективизм. Исследование 1961 года показало: в ответах на вопрос о цели жизни на первом месте – «Служить народу, приносить пользу Родине» – 33,5 %. Более всего – у творческой интеллигенции (36,3 %), менее – у рабочих (32,4 %). А коллективизм «наиболее сильной» чертой советской молодежи посчитали всего 14,9 % опрошенных [49, с. 185, 162]. Исследование «Итоги и перспективы движения за коммунистический труд» (1961) показало: коллективизм в менталитете присутствует. С одной стороны, это социально оправданный и полезный вид взаимодействия. С другой стороны, это вторжение коллектива в частную жизнь [49, с. 271]. Анкетный опрос «Проблемы советской семьи» (декабрь 1961 – февраль 1962) показал: коллективизм как лучшую и самую прогрессивную сторону воспитания детей выбрали 25% опрошенных. Наиболее значим коллективизм оказался для служащих – 27,6 %, наименее – для колхозников – 20,5 % [49, с. 296]. *С ценностью коллективизма связана особая роль в повседневности трудового коллектива.* Как показывают исследования, *во второй половине 1950-х роль трудового коллектива в повседневной жизни возрастала.* Если поколение 1910–1920-х гг. рождения, с крестьянским детством, жило семейно-общинно с родственниками и соседями (взаимопомощь, общие праздники), то для поколения 1930-х наиболее значимым стал круг *сослуживцев*. Их приглашали на свадьбу и юбилеи, с ними иногда проводили отпуск, выручали деньгами, уйдя на пенсию, по ним тосковали. Письма свидетельствуют, что отношения между бывшими сослуживцами поддерживались многие годы. [107, с. 418]. Исследования Н. П. Лукаш советской повседневной 1960-х показывают: праздники, дни рождения советские люди отмечали не только в семье, но и в

производственном коллективе. Существовали традиции совместного отдыха – воскресные выезды за город, на природу, взаимопомощи – добровольная помощь деньгами, переезд на новую квартиру и т. д. [140, с. 126].

Человек труда. В массовом сознании «рабочий» не является «высоким званием». Постановлением 1977 г. было решено превратить ПТУ в университет рабочих профессий, избавить его от репутации второсортного учебного заведения. Но в повседневной жизни считается, что в ПТУ попадают «отбросы школы». Пропаганда пытается сломать предубеждение, ПТУ при крупных предприятиях живут гораздо богаче институтов, но ничего не помогает: ПТУ остаются «низшим» образованием, в ПТУ недобор [178, серия 17].

КПСС – руководящая и направляющая сила. Исследование массового сознания советских людей (1960) после серии правительственных акций, направленных на повышение благосостояния трудящихся, показало: 1) народ полностью лоялен по отношению к существующему в стране строю, целиком одобряет общую линию КПСС и социалистического государства; 2) активной поддержкой со стороны народа пользуется не только общий политический курс власти, но и большинство конкретных шагов. Исследование «Автопортрет молодого поколения» (1961) показало: в ответах на вопрос о цели жизни на третьем месте – «Стать настоящим коммунистом, всесторонне развитым, высокоморальным человеком» - 15,6 %. Среди ИТР – 27,2 %, среди колхозников – 10,7 % [49, с. 138-154, 185].

Ю. Аксютин утверждает: в 1960-е годы общество не мыслилось без жесткого планирования и руководящей роли партийных комитетов во всех сферах жизни, включая личные судьбы людей [4, с. 484, 485]. Согласно исследованиям П. Вайля и А. Гениса, в 1960-е годы общество постепенно освобождалось от веры в непогрешимость партии и правительства, но еще не сомневалось, что обновленная КПСС должна возглавлять путь к коммунизму. В 1970-е годы в фольклоре – анекдотах нашло отражение разочарование советских людей в КПСС и недоверие. Как показали исследования Н. Н. Козловой, для поколения, родившегося в 1960-е годы, характерно равнодушие к официальным ценностям. Люди не видели жизненного смысла в том, чтобы их искренне принимать или хотя бы постоянно подтверждать [107].

С отношением к официальному идеалу и ценностям, с реальными ценностными ориентациями советского общества были связаны знания и

повседневные практики хозяйственной культуры. Согласно определению А. Я. Флиера, на обыденном (повседневном) уровне культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений предстает как здравый смысл и народная мудрость, рациональные знания о мире, бытовая логика социальной жизнедеятельности [242, с. 134-137]. Следовательно, повседневные практики в общественном производстве и домашнем хозяйстве определяются ценностными ориентациями, здравым смыслом, народной мудростью (традицией), рациональными знаниями и бытовой логикой.

В общественном производстве, в первую очередь, следует назвать практики выполнения плана: *штурмовщина, авралы в конце месяца*, квартала и года. В государственной торговле штурмовщина проявлялась в форме «выбрасывания» в свободную продажу дефицитного товара в конце месяца. Использовалась и *технология нагрузки*: дефицитный товар продавался в комплекте с низкокачественным, не пользующимся спросом товаром – «нагрузкой». Особое развитие система нагрузок приобрела в период развитого социализма. С нагрузкой стали продавать не только дефицитные продукты питания, но даже книги и театральные билеты [128, с. 242-243]. Технология нагрузок очевидно связана с ценностью предприимчивости.

Технологии неформальных обменных связей, или неформальная экономика. Р. А. Белоусов утверждает, что «взаимопомощь» в практике служебных отношений, в системе государственного управления появились лишь к началу 1990-х [17, с. 134]. Это утверждение представляется абсолютно необоснованным: даже в научных исследованиях начала 1980-х, не говоря уже о художественной литературе начала 1960-х, говорилось о практике использования личных знакомств, служебного положения руководителя для удовлетворения потребностей коллектива [16]. По исследованию В. В. Радаева, установки на традиционные связи и отношения формировались у хозяйственных руководителей уже во второй половине 1950-х годов. Чтобы обеспечить предприятие ресурсами в условиях дефицита, хозяйственник включался в неформальные обменные операции с высшим руководством и руководителями других предприятий. Личные неформальные связи с вышестоящими начальниками позволяли выбивать дополнительные капиталовложения и получать дефицитное сырье, новую технику, корректировать план и т.д. В обмен на это гарантировалась всесторонняя

поддержка всех решений и начинаний. На этапе патерналистского социализма («застойное» время) сети неформальных обменных связей ширились и множились. Торговля за ресурсы принимала более открытый характер. Расцветали теневые рынки, повышалось материальное и социальное положение групп, причастных к распределению в сфере торговли, снабжения, транспорта [193]. Рядом с формальной организацией раскидываются плотные сети неформальных отношений, складываются сложные системы обмена услуг и неофициальных торгов. Предметом торга становятся плановые задания и выделяемые ресурсы, полученная по личным каналам информация [196]. В концепции В. Найшуля эта практика называется «экономикой согласований», которая сформировалась в 1960-е годы [166, с. 31]. Такова же точка зрения М. Малиа: «теневая» экономика превратилась в почти терпимое властями явление уже при Хрущеве, поскольку люди стали меньше бояться, а государство было не в состоянии удовлетворить их запросы. Наиболее широко «теневая» экономика развернулась при Брежневe. Она действовала как система поддержания на плаву экономики официальной: удовлетворяла потребительские нужды населения и снабжала государственные производственные структуры буквально всем, когда предприятие не могло получить требуемое от официальных поставщиков в сроки, необходимые для своевременного выполнения плана. В эпоху Брежнева «теневая» экономика смыкалась с властью: предприниматели обретали покровительство политиков в обмен на материальные выгоды и всевозможные услуги. Советский плановый эксперимент оказался неспособным подавить рынок, но рынок загнали в подполье, сделав его криминальным с точки зрения закона и норм социального поведения. В той или иной мере вовлеченным в него оказалось все население. В результате все то и дело оказывались в чем-либо виноватыми. Объем «второй» экономики был весьма внушителен, она оказалась необходимой для всей жизнедеятельности системы [143, с. 388-390].

Данное исследование в понимании неформальной экономики опирается на определение В. В. Радаева: *совокупность видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической и налоговой отчетности*. Сегменты неформальной экономики: 1) полуправовая (теневая), 2) нелегальная (криминальная). Теневая хозяйственная деятельность легальна по своим целям и содержанию, но периодически выходит за пределы законодательства по

характеру применяемых средств. Это разные способы ухода от налогов, сокрытие предпринимательской деятельности, части хозяйственных операций, найма рабочей силы, доходов. Нелегальная (криминальная) экономика характеризуется нарушением закона и возникновением угрозы безопасности здоровья и жизни людей: наркобизнес, незаконное производство и распространение оружия, торговля людьми, ракет, легальное производство продуктов, но с серьезными нарушениями технических стандартов [199, с. 178-184]. В советской культуре существовали четыре типа предпринимателей: 1) *экспериментаторы*: небольшая часть хозяйственных руководителей, с санкции власти осуществлявшие более-менее решительные нововведения в обмен на исключительные условия и дополнительную поддержку. 2) *Вынужденные предприниматели*: основная группа хозяйственных руководителей, которые изворачивались, вели многочисленные торги, обходили формальные указания и вынужденно осваивали навязанный им властью успешный опыт *экспериментаторов*. 3) *Теневик*: многими нитями был связан с госсектором, косвенно и прямо зависел от государственных ресурсов. 4) *Частник*: мелкие изготовители и торговцы от личного подсобного хозяйства или полуполюгальной «индивидуальной трудовой деятельности». Все эти типы не могут считаться предпринимателями в полном смысле слова [195, с. 173-176].

Итак, теневой сектор – это повседневный уровень советской хозяйственной культуры, который регулировался конвенциональными нормами, неформальными практиками. В теневой экономике реализовывалась ценность предприимчивости.

*Технологии трудовой занятости, позволявшие за короткий срок заработать немалые для честного труженика деньги. В условиях сдерживания вторичного рынка труда, ограничений и запретов на совместительство личная предприимчивость реализовывалась в официальных технологиях, позволяющих за более-менее короткий срок заработать немалые для рядового советского человека деньги: *шабашка* – сезонный строительный промысел, *студенческий строительный отряд* (ССО) и *работа в условиях Севера* за северную надбавку (народнохозяйственные компенсационные коэффициенты за особые условия труда). Из этих трех форм шабашку можно считать формой трудовой занятости рыночного типа.*

Членство в КПСС. Как показали исследования В. Ильина, членство в партии превращалось в символический ресурс. Партийная принадлежность учитывалась при назначении на руководящие должности. Формально партийный, должностной и социально-экономический статусы не были связаны, но фактически такая связь, несомненно, была. Платили повышенную зарплату, давали квартиры, конечно, не за партбилет, но с партбилетом быстрее продвигались по служебной лестнице, достигая высокооплачиваемых должностей [79, с. 54, 56]. Партийность была технологией достижения не только личных целей, но и коллективных, творческих. Это показывают мемуарные источники постсоветского периода, в частности, автобиографическая проза О. Табакова: «в 63-м или 64-м году – Олег Николаевич предложил нам с Евстигнеевым вступить в партию, мотивируя свое предложение тем, что, если у нас не будет своей первичной парторганизации, не выживет театр. И мы стали членами КПСС, доверяя Олегу безраздельно. Партийность была необходимой данью времени» [237]. Таким образом, в той или иной мере и форме этот ресурс использовался для достижения личных или общественных целей.

Технология участия в реализации ведущих экономических программ. В разное время это было освоение целины, Севера и Сибири (что давало денежную надбавку), Нечерноземья, строительство БАМа. В годы «оттепели» мотивация участия в программе была связана с ценностями нематериальными: «Эпоха требовала, чтобы величие Сибири соответствовало великим порывам. И вот, как много веков назад, туда отправились землепроходцы, энтузиасты. Строители будущего. По 200 000 человек в год уходили в этот путь, завершающий волну славянского переселения. От московских вокзалов рельсы вели в светлое будущее. Коммунизм можно построить в отдельно взятой стране, если эта страна – Сибирь». Ехали на войну «с трудностями, с неустройством, с мещанскими предрассудками. <...> Не Братскую ГЭС строили молодые энтузиасты, а обещанный Лениным и Хрущевым коммунизм» [28, с. 82-83]. Изменилась ли мотивация в годы «застоя», могут показать тексты художественной литературы.

Технология «длинных жизненных проектов» изучена В. В. Кривошеевым. В системе советской культуры официально одобряемой культурной нормой были «длинные жизненные проекты»: окончание

специального или высшего учебного заведения, получение трудового распределения, карьерный рост на одном предприятии или учреждении. Работа на одном месте давала 10% прибавку к пенсии. Хотя в советское время были и трудовые миграции, и текучесть кадров – проблема предприятий, для значительного большинства людей были приемлемы именно длительные жизненные проекты [118].

Технология миграций (из села в город). В исследованиях Е. Ю. Зубковой процесса миграции из сел в города отмечалась динамика мотивов: если в 1960-е годы, особенно в первой половине, ведущее место занимал материальный стимул (повышение зарплаты), то в 1970-е на первое место выходит потребность улучшения условий и содержания труда, культурно-бытовых условий жизни [78]. В современных исследованиях говорится о таком понятии миграции, как «лимитчики». В 1970–1980-е гг. мигранты из сел в города (а также из провинциальных городов – в Москву и Ленинград) приглашались на малоквалифицированные и социально непрестижные работы, получали жилье и ограниченную прописку. Отсюда и название – «лимитчики». Проработав ряд лет, лимитчики получали квартиры и становились городскими жителями, в то время как коренные горожане продолжали ждать очереди на жилье. Это вызывало резкий антагонизм между коренными москвичами, ленинградцами и «лимитой» [151, с. 341]. По исследованиям Л. Н. Денисовой, сельские мигранты были нужны городским предприятиям как неквалифицированная рабочая сила, но традиционные крестьянские привычки были чужды городской среде. «Деревня» быстро пополняла число маргиналов. Они очень долго не могли влиться в новую жизнь, но в деревню не возвращались, чтобы не давать повода односельчанам для рассуждений о себе как неудачнике. Даже благополучные и успешные бывшие деревенские в представлении окружения оставались «деревней». Директора заводов были недовольны рабочими-мигрантами, поскольку они были первыми прогульщиками и нарушителями общественного порядка [53, с. 389, 390, 391].

Технологии домашнего хозяйства. Технология неформальных обменных связей в домашнем хозяйстве принимала форму *блата*. Советская наука объясняла причины подобных явлений не только диспропорциями в экономике, но и недоработками в области формирования гуманистической системы ценностей, воспитания культуры, развития личности [203, с. 72].

Технологии самообеспечения продуктами питания: личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и шесть соток. Непоследовательная политика государства в отношении ЛПХ снижала интерес крестьян к развитию этой технологии. В 1964 году ограничения на ЛПХ были сняты, но, как показал социологический опрос на Кубани (1966), почти никто из колхозников уже не хотел расширения приусадебных участков, а многие считали возможным вообще отказаться от своего хозяйства. Сказывалась пропаганда предыдущих лет: колхозник, развивавший личное хозяйство, объявлялся спекулянтom и тунеядцем. Постепенно крестьяне начали поднимать свои хозяйства, и к 1970 году достигли уровня 1959 года. Так, в сибирской деревне в 1970-е годы подсобные хозяйства имели 90% семей. ЛПХ обеспечивали продуктами самих сельчан и живущих в городе членов семьи. Через продажу продуктов на рынке получали денежные доходы. Сельские жители постоянно подчеркивали, что подсобное хозяйство – важнейшее преимущество деревни. Его дальнейшую судьбу крестьяне связывали с масштабами помощи со стороны колхозов, совхозов, потребкооперации и промышленности. Развитие личных хозяйств тормозилось сокращением численности крестьянской семьи [53, с. 373, 393-399]. Горожане могли выращивать для себя овощи, ягоды и фрукты на участках земли размером шесть соток, в черте города или пригороде. Участки были собственностью садового товарищества. Садоводам и огородникам на этой земле разрешалось строить садовые домики («дачи»), около 10 квадратных метров, без отопления, для хранения садово-огородного инвентаря и укрытия от дождя. Абсолютное большинство городских семей имели такие участки [107, с. 415, 417]. Развитие садоводства и огородничества связывается с дефицитом товаров и услуг, жестким государственным регулированием вторичной занятости, полным отсутствием легальной возможности для самозанятости рыночного типа [239]. В массе горожан распространились технологии домашних заготовок продуктов питания, производство одежды (пошив, вязание), помощь старших родственников в уходе за малолетними детьми, ремонт жилья и др. Конкретные виды деятельности зависели от ситуации с продовольствием в конкретном регионе, наличия участка земли у членов домохозяйства и его близости к месту постоянного проживания, этапа семейного цикла, возраста детей и т.п. Многие определялось наличием

индивидуальных хозяйственных навыков, уровня дохода, желания его увеличивать и др. факторами [239].

Разделение труда на мужской/женский. Многочисленные исследования советского времени и современные исследования показывают: в 1960-1980-е годы в домашнем хозяйстве сельчан и горожан сохранялась традиция разделения домашнего труда на мужской и женский. Главная нагрузка падала на женщину. Чтобы облегчить домашний труд женщины, семья покупала бытовую технику. Но сельские женщины старшего поколения часто боялись новой бытовой техники и не доверяли ей. Стиральной машине предпочитали стирку руками в корыте, считая, что таким образом белье стирается чище, а кроме того, стирка в машине белье портит [53, с. 413-427]. *Одной из причин трудовой перегрузки женщин в домашнем хозяйстве была инерция сознания.*

Как видно, в центре повседневных технологий домашнего хозяйства находится институт родства – семья. Советские исследователи приходили к выводу: в советское время потребительская подфункция экономической функции семьи выступает главной, а производственная подфункция сильно сократилась, особенно у горожан, и сохраняется в индивидуальном хозяйстве сельской семьи, отчасти в домашнем труде [40, с. 24]. Исследователи утверждали: «материальные расчеты перестали играть в судьбах семьи одну из решающих ролей, а нравственные моменты, напротив, выдвинулись на первый план» [203, с. 54]. Но письма читателей, опубликованные в журнале «Работница» (1957-1964) показывают, что декларируемая в СССР «подлинная» свобода любви и брака, без каких-либо экономических расчетов не проникла полностью в массовое сознание. Одна девушка сообщает, что любила тракториста, но родители захотели выдать ее замуж за инженера. Другая жалуется, что ее мама против парня, который «хороший, честный человек, но зарабатывает мало». В представлениях многих родителей о семейном счастье главным критерием являлось материальное благополучие и социальный статус» [60, с. 384].

Краеугольным камнем решения проблем советской семьи считалось решение «женского вопроса». Полное социальное освобождение женщин – равноправие с мужчинами и массовое вовлечение в общественное производство и общественную жизнь вызвало проблему трудовой перегрузки женщин. Столкнулись две ценности – массовый общественный труд и семья. Анкетный

опрос «Проблемы советской семьи» (февраль 1962) показал: молодежь считала, что семьям надо освободиться от остатков неравного положения женщин в быту. Из предлагаемых вариантов были выбраны следующие: 1) путем расширения сети детских учреждений» – 62,9% (служащие – 69%, колхозники – 55,6%). 2) Путем облегчения женского труда на производстве» – 56,1% (интеллигенция – 60%, колхозники – 45,6%). 3) Участием мужа, детей в ведении домашнего хозяйства – 55,8% (интеллигенция – 64%, колхозники – 45,6%). 4) Расширением и улучшением общественных форм удовлетворения потребностей семьи – 46,1% (ИТР – 52%, колхозники – 36,3%). 5) Облегчением домашнего труда механизацией работ – 33,8%, причем служащие – 37%, колхозники – 28,7% [49, с. 294, 300, 347]. *Как видно, общественное мнение, совершенно обоснованно в контексте ценностей советской культуры, решение проблем семьи связывало с помощью государства.*

Официальная культура пыталась решить возникшую проблему двумя путями: 1) облегчение и сокращение домашнего труда путем развития сферы бытового обслуживания и производства товаров народного потребления, обучение домашнему хозяйству (школьная дисциплина «Домоводство», журналы «Работница» и «Крестьянка» и др.). 2) Улучшением условий труда для женщин с малолетними детьми: режим неполного рабочего времени, надомный труд, гибкие графики и др. Однако приходилось признавать: эти формы не получили широкого распространения. Предприятия были недостаточно заинтересованы в их применении, поскольку требовались дополнительные усилия организаторов производства, особый учет, снабжение надомников оборудованием и материалами. Эти формы занятости не согласовывались с ограничениями по штатному расписанию, по оплате труда и показателями по труду [203, с. 68]. *Таким образом, ценности «человек» и «семья» сталкивались с экономическими интересами производственного предприятия, в центре которых – выполнение плана.*

Технологии выживания в коммунальной квартире. Государство не могло обеспечить отдельным жильем всех нуждающихся, поэтому до 1990-х годов сохранялся тип коммунальной квартиры, особенно в крупных городах, Ленинграде. Часто жильцы коммуналок принадлежали к самым разным социальным группам. В условиях тесноты, постоянного контакта и ограниченного доступа к местам общего пользования появлялись

специфические повседневные технологии. Исследование К. Герасимовой показало их связь с социальной структурой и выявило два типа хабитусов: «интеллигентский» и «простой». «Интеллигентский»: отстраненность от бытовых проблем и материальной стороны жизни, восприятие быта как сферы необходимости; толерантность, ценность индивидуальности и приватности, способность к контролю своих эмоций в публичных пространствах. «Простой»: ориентация на элементарные условия выживания и физического воспроизводства; приоритет материального потребления над духовным; значимость родственных связей; предпочтение функционального удобства сохранению приватности; ориентация на «культурный минимум» (чистота, порядок, уют, дисциплинированность); претензия на власть (захваты пространства общего пользования). «Простой» хабитус более способствовал выживанию, поэтому доминировал, постепенно проникал в другие слои [42, с. 15-21]. Исследование И. В. Утехина показало: в коммунальных квартирах важнейшей составляющей эмоционального фона отношений соседей было чувство зависти. Поэтому сложились технологии противодействия его разрушительным последствиям: уклончивый ответ о цене новой вещи, занижение реальной цены, избегание хвастовства вещью [241, с. 16-18].

Обмен жилья. Для разраставшегося городского населения типовые малометражные квартиры первоначально казались благом [128, с. 373]. М. Веллер: «Народ радовался, что Никита успел соединить сортир с ванной, но не успел соединить пол с потолком» [37, с. 35]. Но вскоре жильцы почувствовали неудобства планировки и тесноты «хрущевок». Расширить жилплощадь можно было законно, путем обмена. Государство в этом процессе выполняло регулирующие функции. Найти нужный вариант обмена было очень сложно, поэтому рядом с законными практиками возникали незаконные: *квартирные маклеры* [128, с. 259-260]. Маклеры – посредники получали по договоренности вознаграждение от участников сделки (Ст. 153 УК РСФСР). Если участники обмена обходились без посредников, то практиковали *неформальные денежные доплаты за получение лучшего жилья.*

Использование личной собственности для извлечения доходов. В изучаемое время такая личная собственность как жилье и автомобиль использовались для извлечения доходов. Масса *частников* сдавала в наем личное (частное) жилье отдыхающим на курортах, что было связано с

повышением уровня жизни и распространением в массовом сознании идеи отдыха на юге, причем не организованного – в санаториях, домах отдыха или турбазах, а «дикого». Этому способствовали сложности в приобретении путевок [128, с. 126-128]. В городах частники нелегально сдавали внаем государственное жилье – свою квартиру. Однако можно утверждать, что эта технология широкого распространения не получила.

Использование личной собственности для извлечения доходов, посредничество в обмене жилья, а также повседневные теневые технологии – блат, взятка, спекуляция, фарцовка были связаны с ценностью предприимчивости и обусловлены тем, что частная инициатива подавлялась официальной культурой. Это самобытная, связанная с российско-советским менталитетом, форма реализации идеи свободы личности.

Для рядовых законопослушных граждан, не имеющих профессионального отношения к распределению товаров, не имеющих льгот, не умеющих или не желающих по своим нравственным убеждениям включаться в технологию блата, оставались легальные практики жизнеобеспечения – очередь за дефицитом, покупка товаров по предварительной записи, покупка дефицита с нагрузкой, поездки из провинции в столичные города за продуктами и т.п. Как показал анализ частной переписки, люди везли недостающее из разных мест; покупали в запас столько, сколько можно купить (стихийное правило об ограничении количества розничного товара «в одни руки»). Запасали продукты длительного хранения (существовал культ продуктов длительного хранения). Для обеспечения продуктами и необходимыми предметами быта активно пользовались услугами почты. Пересылке по почте способствовали низкие почтовые тарифы. Список пересылаемого, судя по письмам, был необъятен [107, с. 410-417].

Результаты хозяйственной культуры повседневности. Уже в 1983 году А. П. Бутенко доказал: ситуация смещения цели и средства прогресса была усвоена в обыденном сознании: на основе повседневной практики в общественном мнении и стереотипах поведения все меньше была ориентация на развитие «хозяйского отношения к производству», «пренебрежение части работников к повседневным нуждам масс». Смещение цели и средств проявилось в борьбе за выполнение плана в тоннах, метрах и литрах готовой продукции; строительстве предприятий без жилищ и детских садов; в том, что

служащие не служили трудящимся, а командовали ими; работники сферы обслуживания диктовали свои условия потребителям услуг [26, с. 95].

Проект «Советский простой человек» показал: одна из основных ментальных характеристик советского человека – двойной стандарт поведения: принятие высших официальных ценностей становится необходимым условием для реализации ценностей частных. В результате практически каждый совершает «делку с дьяволом», стремясь сохранить себя [221, с. 14, 26, 75].

По мнению А. В. Захарова, советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила [75]. С. Г. Кара-Мурза: в городском советском обществе, начиная с 1960-х годов, обнаруживается «неосознанное» недовольство жизнью. Это недовольство было связано с «избыточной надежностью социального уклада». Обратной стороной высокой социальной защищенности стала скука значительной части населения, особенно молодежи. Отсутствие конкуренции и гарантированное благосостояние превращало жизнь советского человека в бесцельное существование. Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно [94, с. 410-412]. Однако рассмотренные технологии хозяйственной повседневности не позволяют согласиться с выводами С. Г. Кара-Мурза: в борьбе за выживание или повышение уровня жизни советскому человеку скучать было некогда.

По мнению В. С. Тяжельниковой, самостоятельное длительное существование городского населения с технологиями самообеспечения стало фактором длительного функционирования советской дефицитной экономики и неэффективных попыток ее реформирования [239]. К такому же выводу пришла Н.Н. Козлова: 1) внутри хозяйственной системы люди предпринимали все, что могли, чтобы удовлетворить свои нужды и компенсировать недостатки планово-раздаточной экономики, оставаясь при этом в рамках закона. Без таких компенсирующих действий социальных агентов эта экономика не могла бы существовать [107, с. 410].

Результатом социологического анализа экономической культуры российского общества в 20 веке, проведенного А. А. Сусоколовым, стал вывод: одной из причин социального и экономического обвала СССР и России в 1980–1990-х гг. было отсутствие консенсуса между разными слоями населения по

базовым ценностям. Дело не только в разрыве между властями и массой. Дело в том, что и среди основной массы населения не было консенсуса [235, с. 266].

Вывод. В советской хозяйственной культуре повседневности 1960–1980-х проявляются названные М. С. Каганом движущие развитие культуры силы: 1) способность человека самостоятельно определять цели и выбирать средства деятельности, свобода непрерывного изменения своей поведенческой программы для приспособления к меняющимся условиям среды, связанным с эволюцией материальной культуры. 2) Духовная деятельность упорно сопротивляется творчеству в материальной практике. Если консервативные силы отступали, то в основном под воздействием изменений в материальной культуре [86, с. 321-323]. Советское общество – индустриальное, массовое, потребительское в хозяйственной деятельности сохраняло и традиционные технологии. На повседневном уровне шел процесс адаптирования официального идеала, ценностей и связанных с ними хозяйственных практик. Официальная идеология сопротивлялась, но не могла остановить этот процесс, связанный с целью физического жизнеобеспечения.

Глава 3. СОВЕТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В МАССОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В Главе 3 выявляются ценностные аспекты хозяйственной культуры повседневности, отраженные в массовой художественной литературе, и связанные с ценностями технологии (практики) повседневной хозяйственной деятельности. Идеал коммунизма, ценности общественно-полезного труда, общественной и личной собственности, богатства, рациональности, предприимчивости, практицизма, коллективизма и др. в советской массовой литературе 1960–1980-х гг. выступают как художественная репрезентация советской культуры. Избранные тексты рассматриваются в принятых классификациях: 1) литература времени «оттепели» и времени «застоя»; 2) жанры – производственный роман, реалистическая (в том числе «деревенская») проза, молодежная исповедальная проза, драма (психологическая, социальная), детектив, фантастика.

3.1. Хозяйственная культура повседневности в литературе «оттепели»

Самыми популярными произведениями у массового читателя были *производственный и эпический роман*: «Битва в пути» Г. Николаевой, «Секретарь обкома» Вс. Кочетова, трилогия «Дорогой мой человек» Ю. Германа, «Иду на грозу» Д. Гранина и «Тени исчезают в полдень» Ан. Иванова. *Реалистическая и деревенская проза*: В. Кожевников «Знакомьтесь, Балувев!», А. Рекемчук «Молодо-зелено», Б. Бедный «Девчата», Ч. Айтматов «Тополек мой в красной косынке», повесть в новеллах М. Алексеева «Хлеб – имя существительное», рассказы В. Шукшина «Классный водитель», «Степка», «Змеиный яд», «Игнаха приехал». *Молодежная исповедальная проза*: повести В. Аксенова «Коллеги» и «Звездный билет». *Психологическая драма*: «Иркутская история» А. Арбузова, «Пять вечеров» А. Володина, «Океан» А. Штейна, «104 страницы про любовь» Э. Радзинского. *Детектив*: «Дело пестрых» А. Адамова, «Петровка, 38» Ю. Семенова. *Фантастика*: роман И. Ефремова «Туманность Андромеды».

Краткое содержание избранных текстов и некоторый социокультурный контекст дается в приложении к Главе 4 (Приложение 1).

Для советского общества времени «оттепели» характерно узкое понимание культуры как на специализированном, так и повседневном уровне. В массовом сознании, от первого секретаря обкома до молодого колхозника, хозяйство – это не культура. Культура связывалась с идеологией, искусством, литературой, СМИ, клубом, кино, театром. А жилье, водопровод, канализация, труд и заработки – это «быт», «материальная база». Поэтому в повести С. Антонова «Дело было в Пенькове» лектор общества «Знание» считает, что рост культуры на селе связан с ростом числа сельских клубов, а на собрании комсомольского бюро и актива колхоза раздаются реплики: «Какая тут культура – ни кино, ни танцев...». Узкое понимание культуры наиболее ярко выражено в романе Вс. Кочетова: «Чем больше материального, тем успешнее пойдет дело с культурой, и чем больше культуры, тем успешнее будут хозяйственные дела» и «какие мы коммунисты, без идейного вооружения! Так просто, хозяйственнички» («Секретарь обкома»).

Идеал коммунизма. Советская литература «оттепели», как микрокосм культуры, не могла не затронуть идеал коммунизма. Всепланетный коммунизм, нарисованный И. Ефремовым в фантастическом романе «Туманность Андромеды», для советских людей стал образом прекрасного будущего. Труд – в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям. Возможность для каждого многократно менять профессии и быстро овладевать другими. Существенное упрощение быта. Все силы общества направлены на устройство жизни и развитие научных знаний. Капитальное изменение климата на всей планете. Доступность полезных ископаемых Антарктики. Превращение сухих и жарких пустынь в сады. Производство сахаров, жиров и витаминов в любом количестве из солнечного света и углекислоты, каменного угля, белков – из растений на суше и в океане. Полная автоматизация всех заводов и энергостанций. Полное перераспределение жилых и промышленных зон планеты, сосредоточение городских поселений у берегов теплых морей. Возможность для каждого человека неограниченно путешествовать по всей планете. Духовное и физическое совершенство людей.

Является ли коммунизм целью жизни героев произведений, и как они его представляют? В немногих произведениях («Битва в пути», «Секретарь обкома», «Знакомьтесь, Балуюев», «Коллеги») герои высказывают свое понимание коммунизма, размышляют о нем. При этом говорят об идеале не много и не длинно, «не на ложе любви и не на смертном одре» [2]. В большинстве текстов идеал упоминается однократно. В рассказах и киноповестях В. Шукшина, повести Ч. Айтматова, пьесах А. Володина и Э. Радзинского понятие «коммунизм» не встречается. Хотя ряд современных авторов считает детектив самым идеологизированным жанром советской литературы, в детektивах А. Адамова и Ю. Семенова нет ни только рассуждений, но даже ни одного упоминания о коммунизме. Большинство художественных текстов прямо и буквально не учат читателя правильному пониманию коммунизма, коммунистическое мировоззрение вплетено в контекст, и его понимание зависит от уровня идеологической грамотности читателя.

По личному отношению к коммунизму среди героев произведений выделяется несколько социальных типов: 1) люди, которые верят в коммунизм, понимают его как личную цель и руководствуются нормами коммунистической морали. 2) Люди, которые верят в коммунизм, но лично ориентируются на идеал счастья, связанный с успехом в любимой работе на благо общества, любовью и т.д. 3) Люди, для которых коммунизм является общим абстрактным идеалом, а личные цели – любимая работа на благо общества, научная истина, слава, самостоятельность, любовь и др. 4) Люди, которые не верят в коммунизм, но спекулируют этим понятием для маскировки своих корыстных целей.

Герои первого и второго социальных типов верят в то, что коммунизм будет построен уже в обозримом будущем. Хозяйственник Балуюев в повести В. Кожевникова убежден: «Вот-вот оно уже в руках, это время коммунизма...». В повести В. Аксенова «Коллеги» коммунист и председатель поселкового совета Егоров на примере своего села объясняет Зеленину, что коммунизм «рядом, он простой, теплый», он рождается. Доказывая рождение коммунизма, Егоров говорит о модернизации, которую связывает с социалистической революцией.

Герои произведений говорят о том, что, по их мнению, важно для построения коммунизма. Бахирев делает для себя выводы, что коммунизм надо завоевывать оружием счастья, сделанным добрыми и счастливыми руками. Поэтому свои мысли и волю надо направить на улучшение труда и быта рабочих («Битва в пути»). Первый секретарь обкома Василий Денисов говорит о вреде «ответственных исполнителей» – чиновников, канцеляристов для построения коммунизма. Коммунизм – это творчество, и строить его должны творцы – смелые, убежденные, знающие, настойчивые. Для председателя колхоза Соломкина коммунизм начинается с гуманного и честного отношения людей друг к другу, с бескорыстного труда и бескорыстной помощи («Секретарь обкома»). Балугев важным условием построения коммунизма считает «хороших» людей. Критерием приближения к коммунизму служит умение работать для собственного удовольствия («Знакомьтесь, Балугев!»). Об этом же говорит геофизик Сергей Крылов: если работа для ученого – потребность, удовольствие, то он воплощает в себе черты человека коммунизма («Иду на грозу»). Условием построения коммунизма считают образованную личность. Начальник экипажа экскаватора Сердюк отчитывает рабочего за то, что тот в свободное время не повышает образование: «Не развиваешься? Тут тебе что – санатория для убогих или стройка коммунизма?» («Иркутская история»). Колхозник связывает коммунизм с технической модернизацией коллективного хозяйства. Убеждая единоличника вступить в колхоз, передовик производства аргументирует: «Это ведь на лошадях и буренках мы можем ... опаживать твой лоскуток. А придут тракторы – что тогда? Они не будут колесить туда-сюда. У них ход прямой – отседова до самого коммунизма» («Хлеб – имя существительное»).

Для одних героев произведений представления о коммунизме связаны, главным образом, с духовным совершенством людей. Коммунистическим мировоззрением определяются их решения и действия в общественном производстве и личной жизни. В романе Г. Николаевой Бахирев и Тина Карамыш разрывают любовные отношения, когда осознают, что супружеская измена не соответствует нормам коммунистической морали. Житейскую мудрость о том, что счастье одного не должно строиться на несчастье другого, Бахирев связывает с этикой коммунистического общества («Битва в пути»). В повести А. Рекемчука коммунистический идеал определяет понимание

архитектором Ириной Ильиной стратегии градостроительства. Ирина против возведения уродливых времянок для жилья: «Нельзя коммунизм строить начерно, а потом перестраивать набело» («Молодо-зелено»). В повести В. Аксенова «Коллеги» ироничный Максимов только приятный, интересный, и никакой другой труд считает необходимым компонентом своей «взволнованной» жизни, но одергивает себя: «Эге, малый, ты хочешь сразу оказаться в коммунизме? Наше время для тебя грязновато?». В повести В. Аксенова «Звездный билет» Димка Денисов к понятию «коммунизм» обращается единственный раз, потому что «страшно возмущается» формализмом и безразличием, «когда люди голосуют, ни о чем не думая». На собрании в рыболовецком колхозе все проголосовали за соревнование на звание бригад коммунистического труда. Когда Димке опротивели регулярные выпивки экипажа за обедом, он предложил их прекратить, напомнив факт голосования: «мы с вами люди коммунизма. Неужели вы думаете, что сквозь призму этой бутылочки перед нами открывается сияющее будущее?», «неужели вы думаете, что мы с вами приспособлены для коммунизма?». Проголосовали за соревнование, составили план совместных экскурсий, но «материмся по-прежнему», «водку хлещем». Капитан выливает водку в море. Таким образом, если герой и «возвращается к идеологическим стандартам» [130, с. 159], то лишь потому, что борется с формалистами их же оружием. Выступление Димки – зрелый поступок, в его основе – осознанное стремление к нравственному совершенствованию. В пьесе А. Штейна «Океан» лейтенант Часовников с горечью думает о своем друге и командире Платонове, который «строит коммунизм», презирая «быт» и не замечая чувств близких людей. Будут ли люди испытывать душевные мучения и чувство зависти при коммунизме? Другие герои концентрируют внимание на высоком уровне материальной жизни, благосостояния, на том, что им более понятно. Повар Тося Кислицына считает, что в домработницах у доцента с аспиранткой жила «прямо как при коммунизме»: в двухкомнатной квартире с балконом, в которой есть пылесос и телевизор («Девчата»).

Идеал коммунизма иногда используется героями произведений, чтобы скрыть истинные мотивы поступков – не корыстные, напротив, добрые и честные. Помощь мужчине – товарищу по работе в решении семейных проблем, мотивированную личной симпатией, девушка, стесняясь, объясняет

коммунистическим отношением («Секретарь обкома»). Тося Кислицына, возмущенная и обиженная тем, что лесорубы ее работу считают подсобной, защищается понятием «коммунизм»: «Новое дело: выходит, вы все коммунизм строите, а я так себе, сбоку припека?» («Девчата»).

Идеал коммунизма используется спекулятивно для маскировки корыстных целей. Рабочий, коммунист и частник Демешкин постройку каменного дома из восьми комнат на четверых аргументирует движением к коммунизму, а позже признается: «Вы мне про коммунизм будете рассказывать, как там через сто лет будет. А мне через сто – это ни к чему, мне сегодня, сейчас пожить в свое удовольствие хочется» («Секретарь обкома»). Бывший председатель колхоза Маркелов после отбытия срока за беззаконие в отношении колхозников усиленно развивает личное хозяйство и спекулирует официальным идеалом: «Материальную базу создаю... Без нее, базы этой самой, коммунизм не построишь...» («Хлеб – имя существительное»). В романе Ан. Иванова понятие «коммунизм» затрагивает враг коммунизма Устин Морозов. Большаков предлагает обратиться к колхозникам с просьбой – поделиться личными запасами сена для колхозного скота. Морозов не желает делиться сеном, но как член правления колхоза, использует политические аргументы: «как бы нашу просьбу за приказ не посчитали. Год-то нынче... Бескормица. И чего греха таить, не при коммунизме еще живем, каждому своя коровенка...» («Тени исчезают в полдень»). В пьесе «Океан» морской офицер Куклин цинично заявляет: «Жить уметь надо... Плюс везение. Иначе пропадешь, пока нет полного коммунизма» [230].

Цель жизни. В ряде произведений построение коммунизма является личной целью жизни культурных героев: Бахирев, Устименко, Богословский, Василий Денисов, Балувев, Платонов, Серегин. Цель жизни Бахирева связана с построением коммунизма, а счастье складывается из творческого труда, взаимопонимания, ощущения своей необходимости обществу, честности в любви и дружбе («Битва в пути»). В трилогии Ю. Германа для Богословского и Устименко цель жизни и счастье – в борьбе, в ощущении своей необходимости хорошим людям, в самой высокой требовательности к самому себе, в жизни ради дела, в том, чтобы радостно, весело, целиком отдавать себя своему труду. В пьесе А. Арбузова Сергей Серегин пишет Вале: «Люди не земле должны быть счастливы, это факт. Особенно те, которые коммунизм строят». Счастье –

в том, чтобы построить коммунизм, найти свое место в жизни, чтобы дело человека «было хоть чуточку лучше, чем он сам», а также взаимная любовь, семья и дети («Иркутская история»). В пьесе А. Штейна «Океан» цель жизни командира Платонова: служить Родине на флоте «пока не сыграем в ящик».

У других героев цели жизни, по большей части, не связаны с коммунизмом, во всяком случае, напрямую не связаны. Герои хотят быть счастливыми, а счастье – это единство честного и признанного обществом труда, ощущения своей необходимости, взаимной и честной любви, семьи, надежных друзей, взаимопонимания («Секретарь обкома»). Цель жизни главных героев романа Ан. Иванова (Большаков, Смирнов, Федор Морозов, Клавдия Никулина) – жить по совести, честно выполнять свой трудовой и гражданский долг, приносить как можно больше пользы людям («Тени исчезают в полдень»). Цель жизни настоящих ученых в романе Д. Гранина (Данкевич, Голицын, Крылов) – научная истина, необходимая людям. И в этом – счастье. Счастье также в том, чтобы заниматься своим делом (по призванию и способностям), в поступках по совести, во взаимной любви. Целью жизни ученых может быть также слава, высокий социальный статус, власть, материальные блага (Тулин, Агатов, Лагунов, Савушкин). По определению цели жизни очевидно сходство между Сергеем Крыловым и Виктором Денисовым в повести В. Аксенова «Звездный билет». Цель жизни Виктора – нахождение научной истины «для себя и для всего института, и для своей семьи, и для своей страны». Ради истины он отказывается защищать готовую диссертацию и получить личные блага, потому что она опровергается результатами его новых опытов. Но по сюжету повести Виктор погибает при исполнении служебных обязанностей. Такой поворот сюжета вызывает предположение: автор не верил, что этот тип советского ученого, жертвующего личной пользой ради научной истины, выживет в формирующемся обществе потребления.

Героям В. Кожевникова чувство счастья дают положительные результаты общего нелегкого труда («Знакомьтесь, Балугев!»). В пьесе Э. Радзинского ученый-физик Евдокимов счастлив, когда его профессиональное дело идет хорошо. Несомненно, что Евдокимов трудится не для себя, а на общее благо. Это понятно из его разговора с Феликсом: «Видишь ли, Топтыгин, ты всю свою жизнь все делал для себя. И при этом хотел быстрого успеха». После успешных

испытаний на «Альфе» Евдокимов признается: «Наверное, ради таких минут живут люди». К финалу пьесы Евдокимов испытывает любовь к Наташе. Его счастье дополняется взаимной любовью. Он счастлив до того момента, пока не получает известие о гибели Наташи («104 страницы про любовь»). Герои Б. Бедного счастливы, когда сходятся воедино успех в общем деле, уважение общества, взаимная любовь, дружба и взаимопонимание («Девчата»). Цель жизни главных героев детективов определяется как борьба «за торжество советской морали», честное и ответственное исполнение своего профессионального и гражданского долга («Дело пестрых»). Причем, герои Ю. Семенова свой гражданский долг видят не только в том, чтобы «неукоснительно исполнять законы» и стоять на страже закона, но и в том, чтобы «правильно понимать» закон. Поэтому они вступают в «драку» с прокурором, чтобы спасти от тюрьмы семнадцатилетнего парня, случайно оказавшегося причастным к преступлению («Петровка, 38»). В финале детектива «Дело пестрых» главный герой счастлив, потому что вместе с товарищами обезвредил опасного преступника, и потому, что идет на встречу с любимой девушкой, которая его понимает.

Цель жизни колхозницы Журавушки после гибели мужа – вырастить сына. В сыне – ее счастье («Хлеб – имя существительное»). В киноповести В. Шукшина «Живет такой парень» про «самое обыкновенное» счастье Пашке Колокольникову говорит сосед по палате – учитель: «человек каждый день открывает для себя мир. Он умеет смеяться, плакать. И прощать умеет. И делает это от души. Это – счастье». Герой пьесы А. Володина Ильин убежден: счастье в том, чтобы человек всегда оставался самим собой и был свободен. Ильин и Тамара находят счастье во взаимной любви и взаимопонимании («Пять вечеров»). В пьесе А. Штейна лейтенант Часовников желает «хоть крохотную зарубку в жизни оставить», только не во флоте. Но в финале Часовников принимает цель жизни, навязанную Платоновым, который, как отмечала советская критика [43], является союзником автора пьесы, носителем принципов социалистического гуманизма («Океан»).

Массовая литература отразила общественную проблему: несмотря на коммунистическое воспитание, часть советской молодежи к окончанию школы и даже к окончанию вуза не может решить вопрос о цели жизни. В романе Д. Гранина «единственной целью» красавицы-студентки Жени становится

талантливый, самоуверенный, перспективный Тулин: Женя находит счастье во взаимной любви («Иду на грозу»). Не всем героям повести В. Аксенова «Коллеги» по окончании института ясна цель жизни. Максимов хочет жить «взволнованно», чтобы «все выжимать из своей молодости». Но в идеологическом контексте этого недостаточно. Зеленину не все еще ясно, но он точно знает, что всегда будет жить среди людей и для людей. Наставник Максимова доктор Дампфер убежден: человеку очень важно понять «простейшую вещь» – свое назначение в обществе. Максимов справедливо возражает, что найти себя совсем не просто. Счастье – когда сразу вступаешь на свой единственный жизненный путь. Максимов понял цель своей жизни, спасая жизнь Зеленина: «Они – врачи! Они будут стоять и двигаться в разных местах земного шара с главной и единственной целью – отбивать атаки болезней и смерти от людей... Все остальное второстепенно». Но человек не может быть полностью счастлив, потому что он всегда должен идти вперед. Герой повести «Звездный билет» Димка Денисов цель жизни еще не определил, но хочет определить ее самостоятельно, а не выполнять чужие решения. Многие окружающие понимают цель жизни просто как выбор профессии, а Димка в этом не уверен. Но его неопределенность становится главным аргументом Галки, когда она отказывается от Димкиной любви и выбирает известного артиста. Чувство счастья главным героям дают единство самостоятельно определенной цели и движения к ней, взаимной любви, взаимопонимания, радостей земного бытия и независимости от денег. Герой В. Шукшина Пашка Колокольников еще не знает, в чем для него счастье, но путь к счастью – деятельностный открывается во сне: «Ведь нельзя же сидеть и ждать, что придет кто-нибудь и научит, как добиться счастья. ...Надо все время искать...» («Живет такой парень»).

В трилогии Ю. Германа отражены типы людей, чье понимание смысла жизни является потребительским: брать от нее все, не откладывая исполнения своих желаний ни на минуту (Макавеев, Вересова, Горбанюк, Женечка Степанов). Д. Гранин замечает, что в советском обществе распространено и обывательское понимание цели жизни: «Быть не хуже других» («Иду на грозу»). Это проявление русского культурного архетипа [229].

Ценность общественно-полезного труда и профессионализма. Темы труда в советской массовой литературе касался в 1991 году С. Шведов, с

характерным для того времени пафосом «разоблачения» советской культуры. Основные характеристики труда в самых читаемых советских романах, по мнению С. Шведова, таковы: положительные герои «постоянно говорят о пользе труда, порицают леность, призывают окружающих беззаветно трудиться, подают в этом пример»; трудолюбие может оказаться «кулацкой» чертой; общественно-полезный труд в колхозе может быть лишь маскировкой врага; создано множество образов положительных бездельников; трудовая деятельность нередко лишена собственного трудового содержания, главным оказывается интенсивность. Смысл совместной трудовой деятельности – в выработке чувства причастности каждого к группе, чувства единения этой группы» [265, с. 390-394]. С отдельными положениями С. Шведова можно согласиться, но современное прочтение литературы «оттепели» выявляет другие аспекты повседневного понимания, содержания и мотивации общественно-полезного труда.

Ударный и творческий труд главных героев мотивируется строительством коммунизма, личной ответственностью за выполнение государственного плана, пользой для общества, «без рассуждений о пользе личной, с пониманием, что польза общественная и принесет личную» (Ю. Герман). Даже если творческий труд мотивируется осознанием личной пользы, то в ситуации выбора герой выбирает пользу общественную, как ученые Крылов (Д. Гранин) и Виктор Денисов (В. Аксенов «Звездный билет»).

Ударный труд мотивируется пользой личной (заработком и премией), которая неразрывно связана с пользой общественной – выполнением плана.

В то же время план подавляет ценность творческого труда. Создание новых конструкций, реализация творческих проектов для модернизации производства запрещается или тормозится руководством, если создает угрозу плану: «За программу и экономические показатели директора отвечают и партбилетом, и зарплатой. А за создание конструкций отвечают декларативно» (Г. Николаева). Творческий труд на благо общества поддерживался идеологией и материально поощрялся, но на практике, пока не было результатов, рационализатор-изобретатель испытывал моральное давление и материальные потери. В романе Г. Николаевой и повести Ч. Айтматова показано: внедрение изобретений в производство вступало в противоречие с материальным интересом трудового коллектива, потому что, ориентируясь на рекордные

показатели рационализаторов, всем повышали нормы выработки. Рационализатору выплачивалась премия из фонда зарплаты и резко уменьшались премиальные трудового коллектива за выполнение плана. В романе Д. Гранина показано, что ценность плана давила на творческий труд в сфере науки. При длительном отсутствии практических результатов исследований возникала проблема недоверия. С ценностью плана была связана поддержка исследований, имеющих прикладное значение для народного хозяйства, даже если в них число неудачных опытов превышало число удачных и научной основы не существовало.

Ударный общественно-полезный труд может мотивироваться честолюбием. Эта мотивация характерна для представителей всех социальных групп, от высших руководителей до рядовых исполнителей. В одних случаях честолюбивые мотивы приносят вред общественному производству, как у первого секретаря обкома Артамонова и директора химкомбината Суходолова в романе Вс. Кочетова, или у директора завода Вальгана в романе Г. Николаевой. Поэтому инженер Бахирев убежден, что стремление к личному моральному поощрению, славе вредит социализму. В романе Д. Гранина честолюбием Олега Тулина обусловлена непродуманность рискованного эксперимента, поспешность выводов, в какой-то мере, авиакатастрофа и гибель человека. В других случаях честолюбие идет на пользу общественному производству. На пользу обществу идет мотивированный честолюбием ударный труд механизатора Митьки Курганова («Тени исчезают в полдень»), решения и действия героев В. Кожевникова, мотивированные честолюбием хотя бы отчасти. Поэтому В. Кожевников утверждает: в стремлении к славе нет ничего плохого. Слава – «животворна, полезна», а пагубна лишь при излишествах. Слава «подобно расщепленному атому, обладает способностью излучать энергию для новых свершений».

Труд мотивируется также ценностью патриотизма. Но никто из главных героев ежедневно не думает, что трудится на благо Родины, патриотизм эмоционально проявляется лишь в торжественных случаях. Патриотизмом мотивируются решения, меняющие жизнь главных героев. В повести В. Аксенова «Коллеги» ценностью патриотизма, чувством долга мотивируется решение Зеленина ехать на работу в сельскую больницу и решение Виктора Денисова опубликовать результаты новых опытов («Звездный билет»). В то же

время для Максимова распределение на работу – «принудительный акт», герой сомневается, что ради патриотизма всегда надо жертвовать личными интересами («Коллеги»).

Честность, конечно, не является универсальной ценностью хозяйственной культуры и советской хозяйственной культуры. Но честностью, значимость которой возрастала в духовной атмосфере «оттепели», мотивировались решения и поступки героев произведений в общественном производстве. Через весь роман Д. Гранина проходит идея: настоящий ученый в поиске научной истины должен оставаться честным перед людьми, наукой и своей совестью. Командир эсминца Платонов выше всего ценит в лейтенанте Часовникове честность («Океан»). Но у честности есть оттенки, связанные с пользой личной или общественной. Честные решения и поступки Бахирева (Г. Николаева), Устименко (Ю. Герман), Крылова (Д. Гранин), Зеленина и Максимова, Виктора Денисова (В. Аксенов), Бабушкина (А. Рекемчук) идут на пользу общества и в ущерб себе. Честное решение героя может быть несправедливым по отношению к своему трудовому коллективу, как это показано в повести А. Рекемчука «Молодо-зелено». Наряду с этим за внешне честным исполнением профессионального и гражданского долга могут скрываться зависть, месть, личная выгода. Именно так в драме А. Штейна «Океан» поступает Куклин, докладывая в Москву о проступке Часовникова и о сокрытии этого проступка Платоновым. В трилогии Ю. Германа «честные» решения и поступки Женечки Степанова мотивированы желанием выслужиться перед начальством. В романе Д. Гранина «честность» Агатова перед полетом в грозу косвенно способствует гибели Ричарда.

Производственные решения и действия главных героев мотивируются добротой (гуманизмом), человечностью, справедливостью («Секретарь обкома», «Тени исчезают в полдень», «Молодо-зелено», «Тополек мой в красной косынке», «Петровка, 38»). При этом гуманизм понимают по-разному. Врач Зеленин на общем собрании коллектива больницы упрекает старого фельдшера Макара Ивановича за применение устаревших методов лечения. По мнению Егорова, обижать заслуженного старика при всех – негуманно. Но Зеленин считает, что проявил гуманизм по отношению к больным, которых Макар Иванович неправильно лечит («Коллеги»).

В ряде текстов доказывается: труд и профессионализм на благо общества – главные критерии оценки человека. Поэтому Устименко – новый заведующий облздравотделом категорически отказывается дать должность врача дипломированному врачу Женечке Степанову, который ни одного дня не работал как лечащий врач (Я отвечаю за все»). Поэтому Ильин и Тамара в первые минуты встречи, после 17-ти лет разлуки, сообщают друг другу о трудовых успехах («Пять вечеров»). В романе Вс. Кочетова директор химкомбината Суходолов – коммунист, добрый и отзывчивый человек, но слабый руководитель. Напротив, Юлия, свояченица первого секретаря, – беспартийная, капризная эгоистка и талантливый художник-декоратор. Поэтому Юлию уважают, Суходолова – нет. В повести А. Рекемчука, неожиданно для главного героя Бабушкина, молодые архитекторы – сомнительные стилисты Верзила и Крошка оказались авторами замечательного проекта моста для Дзегора. И Коля признает, что они «ребята дельные». В повести В. Аксенова «Коллеги» коммунист и ветеран войны Егоров в Ленинграде на Дворцовой набережной принял молодых врачей Зеленина и Максимова за пижонов. В Круглогорье Зеленин и Егоров подружились. В основе дружбы – профессионализм, честный и ответственный труд Зеленина. Профессионализм разрушает стереотип судить о человеке «по одежке». Наряду с этим, те же тексты показывают: одного полезного для общества труда недостаточно для советского человека. Ему необходимо нравственно совершенствоваться, потому что у всех героев (за исключением «праведников» Большакова и Журавушки) есть нравственные изъяны.

Ударный труд мужчины может мотивироваться желанием покрасоваться перед женщинами, показать мужскую силу, набить себе цену. Успешный, престижный общественно-полезный труд мужчин разных социально-профессиональных групп является важным, хотя и не решающим (или не всегда решающим) фактором успеха у женщин («Иду на грозу», трилогия Ю. Германа, «Тени исчезают в полдень», «Девчата», «Коллеги», «Иркутская история», «104 страницы про любовь»). В то же время в текстах не нашло отражения, что ударный или творческий труд женщины является не то чтобы решающим, но даже важным фактором успеха у мужчин.

С ценностью труда связана ценность «человека труда». Престиж в обществе имеет не вообще «человек труда», а человек определенного труда.

Различные виды общественно-полезного труда, профессии и должности в массовом сознании, в разных социальных группах, имели разную ценность. Как говорилось выше, в советском обществе труд интеллектуальный был более престижен, чем физический, и в массовом сознании приоритет отдавался «интеллигентным» профессиям [72, с. 117]. Но отношение к интеллектуальному труду в советском обществе имело много оттенков. Д. Гранин показывает, что отсутствие наглядных результатов и быстрого народнохозяйственного эффекта вызывает презрение обывателя к интеллектуальному труду ученых: «В шахту бы его... Два года ковыряются, а где продукция? Дали бы мне власть, я бы всех их... Прогуливается такой прощелыга взад-вперед, руки в брюки, – видите ли, думает! За такую ставку и я могу думать. Всех бы разогнал. Все эти ихние НИИ. Копайте землю со своими профессорами. Спутники, спутники, а что толку от спутников? Летают, а рыбы нет». В романе Ан. Иванова заведующий гаражом и колхозный прораб невысоко ценят интеллектуальный труд бухгалтера. Водитель грузовика Пашка в рассказе презрительно называет своего соперника в любви – инженера из Москвы «инженеришкой» и доказывает, что превосходит интеллигента в интеллектуальной игре в шашки («Классный водитель», «Живет такой парень»). В драме А. Штейна «Океан» морской офицер Платонов высказывает презрение к стихотворчеству Часовникова: «Ты будешь стишки писать, а за тебя стрелять будут?». В детективе А. Адамова «Дело пестрых» нашел отражение низкий общественный статус профессии милиционера. Общие названия «работник милиции» или «милиционер» в массовом сознании связывались с постовым милиционером, участковым, с дежурным милиционером на вокзале, в отделении милиции и т.п., с работой «грубой и грязной», «не для интеллигентного человека».

Физический труд и рабочие профессии уважали, но в разных социальных группах один и тот же труд и профессии оценивались по-разному. В драме А. Арбузова вполне определенно выражена мысль, что уважаемые рабочие профессии – машинист, бетонщица, арматурщица, электрик и др., а недостойная честного человека профессия – продавец. В повести «Девчата» лесорубы считают работу повара на лесосеке подсобной, но не основной, чем задевают самолюбие Тоси. В рассказе В. Шукшина «Игнаха приехал» и киноповести «Ваш сын и брат» Игнат – титулованный борец, уважаемый

коллегами и женой-москвичкой артист цирка. Но отец-крестьянин считает труд и профессию Игната недостойными мужика и бесполезными. По мнению отца, достойнее лес валить. В свою очередь, Игнат призывает устроиться «по-человечески» младшего брата Максима, который уже два года «вкалывает» на стройке разнорабочим, живет в общежитии и «штанов лишних» не имеет. В драме А. Володина Ильин в северном поселке трудится шофером, уважаемый человек, заведующего гаражом. Но Тамаре он представляется инженером из «мелкого тщеславия» и следования значимым для нее нормам успешности. Между тем, от продавщицы гастронома Зои Ильин не скрывает правду, и Зоя ценит его. Когда обман раскрывается, Ильину уже нечего терять и он заявляет, что считает себя полезным членом общества, причем, более полезным, чем «вы все, вместе взятые» («Пять вечеров»). В повести Б. Бедного «Девчата» Тося уходит из домработниц в семье доцента и аспирантки, потому что чувствует и понимает: в глубине души хозяева признают свое социальное превосходство. В повести В. Аксенова говорится о низкой оценке статуса колхозника городской столичной молодежью. Москвич Димка Денисов работает в эстонском рыболовецком колхозе и удивляется себе: «Нет, вы подумайте только: я стал колхозником, самым настоящим! В конторе мне начисляют трудовые. Алик и Юрка тоже колхозники. Если бы год назад нам сказали, что мы станем колхозниками, мы бы, наверное, тронулись. В "центре" ребята ругаются: "Эй ты, деревня!", "Серяк", "Красный лапоть" и так далее. Я был "мальчиком из центра", а теперь я колхозник, как говорят эти подонки» («Звездный билет»). В повседневной жизни советского общества распространены представления о социальном неравенстве, связанном с характером труда, образованием, профессией, должностью, местом работы и вознаграждением за труд.

Рабочий класс в период «оттепели» отличается маргинальностью: те кадры, которые рабочей школы не прошли, не имеют должной закалки. От этого расхлябанность, плохая дисциплина, пьянка («Секретарь обкома»). Часть современного рабочего класса – молодежь, в основном с законченным средним образованием, по культурному уровню превосходящая старых рабочих. Но школа не вооружила их профессиональными знаниями, и они «болезненно переживают свое унижение», вынужденные на глазах у всех учиться заново («Знакомьтесь, Балухев!»). Идеология формировала

представление о советском человеке как особом, уникальном социальном типе: «Более непокорного, этакое самостоятельно мыслящего индивидуума, совершенно непригодного для бездумного подчинения, чем советский человек, нет на планете. И у каждого, видите ли, свой характер, своя мечта, необычайно высокое чувство достоинства и негасимая гордость в глазах. Каждый считает себя лично ответственным за выполнение плана ...по всей стране и попутно за судьбу человечества в целом». Здесь ярко выражена типичная для социалистического искусства идея превосходства.

В обществе различались взгляды на ценность должности. Одни люди к должности не стремятся, но занимают ее для общественной пользы (Бахирев, Устименко). Других должность привлекает ценностью власти и относительной свободой: «Начальник лаборатории — сам себе хозяин. Уходит когда хочет. Не надо ни у кого проситься» («Иду на грозу»). Такие люди есть во всех социальных группах, в правящих, передаточных исполнительских слоях, среди политического руководства и высших управленцев, руководителей среднего и низшего уровня, рабочих и крестьян (Бликин, Артамонов, Горбанюк и Степанов, Агатов, Куклин). К выборам нового председателя колхоза мужики «успевают» распределить между собой все должности, «позволявшие считать себя хоть и не бог весть какими, но все же начальниками: завхоз, бригадир, кладовщик, учетчик, счетовод» («Хлеб – имя существительное»). Если люди не стремятся к власти и занимаются интеллектуальным и хорошо оплачиваемым трудом, должность их не привлекает. В романе Д. Гранина ученые, увлеченные исследовательским трудом, не стремятся к руководящей должности (Крылов), и наоборот (Агатов). В повести А. Рекемчука все толковые архитекторы г. Дзегора работают в проектной конторе, зарабатывают «будь здоров» и отказываются от должности главного архитектора с окладом сто рублей. На должность «уламывают» молодого специалиста Ильину, при помощи райкома комсомола («Молодо-зелено»).

Одним из положений «Морального кодекса строителя коммунизма» была непримиримость к карьеризму – продвижению по службе в личных интересах. Советский человек мог либо искренне принимать это требование, либо с ним считаться. Поэтому в драме А. Штейна «Океан» Платонов признает себя карьеристом только в шутку, хотя, действительно, успешен: в 27 лет – капитан третьего ранга, командир эсминца, первый в соединении флота по огневой и

тактической подготовке. Повседневное правило: карьеру делать можно, а заявлять об этом всерьез – нельзя.

Коммунистический труд характеризуется и как «способ развития способностей человека, деятельность без принуждения». Но поиски себя в профессии и перемена профессии зачастую не находили общественного признания. В романе Д. Гранина Агатов стремится к руководящей должности и организаторской работе не только потому, что его привлекает власть, но и потому, что бесталанен как ученый: «А что, как у меня другой талант? Каждому свое...». Но сотрудники лаборатории презирают его как за бесталанность, так и за стремление к организационной работе. В драме А. Штейна «Океан» все попытки старшего лейтенанта Часовникова демобилизоваться и поменять профессию пресекаются командиром Платоновым. В драме Э. Радзинского «104 страницы про любовь» Евдокимов и Владик презирают коллегу Феликса за то, что после нескольких неудач в исследованиях он ушел в отдел научной информации и «Переводики составляет, кретин». Когда Феликс решается на еще одну попытку и просит взять его обратно в отдел, Владик и Евдокимов категорически возражают. Гуманизм как официальная ценность в повседневной жизни столкнулся с антиличностными установками русской культуры. Все же молодая советская интеллигенция, ориентируясь на гуманистические ценности, отстаивает право человека на выбор места работы в соответствии с личными вкусами. В повести В. Аксенова «Коллеги» молодые врачи Максимов и Карпов убеждены, что труд должен быть и общественно-полезным, и романтическим. Трудиться в деревенской глуши не хотят и сразу соглашаются на должность судового врача в Балтийском морском пароходстве. Но традиционные установки все-таки заставляют их сомневаться: «Как будто все в порядке, и совесть, и логика, но иногда мне кажется, что я прошмыгнул в кино по билету с оторванным контролем».

Массовая литература «оттепели» затронула феномен трудового героизма. Тексты показывают: в отличие от литературы тоталитарного периода, критические ситуации на производстве, требующие трудового героизма, возникают не в результате вредительства врагов социализма. Кстати, враги социализма показаны только в романе Ан. Иванова, но они, как ни странно, сами трудятся ударно, даже совершают трудовые подвиги, хотя и в корыстных

целях (Устин Морозов спасает воз колхозной муки). Критические ситуации возникают в результате сложного сплетения множества обстоятельств: природной стихии, хозяйственных просчетов, безответственности, бездеятельности, формализма, непрофессионализма, нерешительности, трусости, столкновения личных амбиций, зависти, ревности, обид и т.д. Трудовой героизм мотивируется осознанием личной ответственности за судьбу общего дела, за жизнь людей и животных, связан с эмоциональным порывом («Тени исчезают в полдень», «Секретарь обкома», «Иду на грозу», «Знакомьтесь, Балуюев», «Живет такой парень», «104 страницы про любовь»). В. Кожевников замечает: хозяйственники не любят, когда на их объектах обнаруживаются факты героизма. Значит, что-то просмотрели, недоучли, недодумали. В этом замечании чувствуется влияние «оттепели» - возрастание ценности человеческой жизни.

В советском обществе труд на «шабашке», «халтурке» воспринимался противоречиво и неоднозначно. Если в годы «оттепели» усилилось идеологическое давление на частное предпринимательство, то в массовом сознании сохранялось отношение к этой деятельности как норме. В повести А. Рекемчука труд Ведмеда на второй работе – «халтурке» не возмущает честного комсомольца Бабушкина. Скандал разразился, когда открылось, что друг-комсомолец (!) строит молитвенный дом [230].

Ценность общественной и личной собственности. Отношение советских людей к общественной собственности было различным. Можно выделить три типа отношения: 1) силы надо направить на развитие, укрепление, сбережение общественной собственности, которая в перспективе принесет личную пользу. Это позиция культурных героев: «польза общественная и принесет личную, но в таких грандиозных масштабах...» («Дело, которому ты служишь»), «делаем общественно полезное дело в смысле практическом – нам лучше. Лично нам» («Я отвечаю за все»). 2) Укреплять личную собственность, а общественную использовать на личную пользу. Это позиция мещан и «приспособленцев». 3) Общественная собственность успешно развивается тогда, когда с ней связана непосредственная личная польза. Это наиболее распространенная позиция рядовых тружеников. Например, обком требует срочно начинать сев, не учитывая особенности микроклимата, а директор МТС возражает, что рано и сыро. Его возражения справедливы, но

мотивированы в первую очередь личным интересом: экономить горючее, чтобы получить за это свои проценты: «Урожай либо будет, либо нет, а экономия горючего – вот она» («Битва в пути»). Из-за отсутствия подвода (по причине личных отношений) вовремя не вывезли созревшие огурцы с поля на рынок. Когда появилась подвода, огурцы уже перезрели, сбывать их на рынке можно будет лишь за бесценок. Поэтому звеньевая огородниц Клавдия Никулина не скрывает досады: «Трудодень запишут, да на трудовень натечет с этих огурцов шиш два уха!». Забота о колхозной собственности мотивируется не Моральным кодексом строителя коммунизма, а традиционными ценностями и здравым смыслом. Поэтому Фрол Курганов кидается в горящий свинарник и спасает свиней. По той же причине он первый, не дожидаясь просьб или распоряжений правления, везет личное сено на колхозный двор: «Скот жедохнет...» («Тени исчезают в полдень»). Молодые герои «исповедальной прозы» защищают государственную собственность от расхитителей. Действия Саши Зеленина мотивируются развитым чувством гражданского долга («Коллеги»). Действия юных москвичей Димки, Юрки и Алики мотивируются тем, что совпала личная обида за несправедливую зарплату и возмущение циничным воровством мебельной политуры в государственном магазине. Если личную обиду ребята были готовы стерпеть по причине полного безденежья, то обида за общественное стала «последней каплей» («Звездный билет»). Здесь проявляется черта российского менталитета – соборность – приоритет общего над индивидуальным.

Забота о собственности общественной может мотивироваться личным корыстным интересом. Чтобы заслужить доверие односельчан, «пришлый человек» Устин Морозов спасает подводу с колхозной мукой на льду вздувшейся реки. Антип Никулин, чтобы не возмещать Марфе дверь бани, подурости им снятую для спасения муки и оставленную на льду, неизменно аргументирует, что спасали «общественное». Стешка пытается научить Фрола, как надо выступать на колхозном собрании с критикой нехозяйского отношения к «колхозному», чтобы начальство заметило его заботу и повысило в должности («Тени исчезают в полдень»).

Согласно политэкономии социализма, все предшествующие социалистической собственности типы отличаются от нее тем, что большая часть общества отчуждена от средств производства. Но и при социализме

большая часть общества может быть отчуждена от общественной собственности в результате ее несправедливого использования. Например, по случаю получения переходящего знамени правление колхоза тратит часть общественных денег на банкет. На щедрое застолье в клуб приглашают только гостей – районное, областное начальство и колхозный актив. Первый секретарь обкома резонно спрашивает председателя колхоза: «А вы бы вот на общем собрании, у народа спросили: пропить тыщонку-другую колхозных денежек или на трудодни раздать, – что бы вам народ сказал?». Но дело сделано. Статус «общественной» не гарантирует рационального использования собственности. В одном из колхозов, с целью повышения культурного уровня, по инициативе председателя, торжественно открывают картинную галерею, построенную на средства и усилиями шефов – завода. Перспектива галереи: месяц в нее поведут школьников, поедят соседи, и закроют на замок. Было бы разумнее направить средства на механизацию, потому что в колхозе абсолютно преобладает ручной труд, но дело сделано («Секретарь обкома»).

Ценность общественной собственности требовала осмысления понятий общественного и личного и их соотношения в жизни. Официальное, идеологически правильное понимание «личного» объясняет главный герой романа Вс. Кочетова: «Мы за личное творчество. Мы за личное счастье, мы за личную любовь». Это личное не надо непременно приносить в жертву общественному. «Но мы против такого личного, которое вредит общественному, а следовательно, и многообразному личному многих». Под «таким личным» понимались материальные блага. Поэтому в перспективе близкого коммунизма возросло идеологическое давление на частную собственность, хотя еще действовали нормативные акты 1920-х, регулирующие частное предпринимательство. Подвергались критике частники, торгующие на рынке ягодами и овощами со своего огорода, извлекающие «нетрудовые» доходы. Считалось: такое личное препятствует строительству коммунизма. Поэтому активисты – старые коммунисты обвиняют частника, рабочего и коммуниста (!) Демешкина в стяжательстве и нечестности, подсчитав, что свой огромный каменный дом он не мог построить на «трудовые» сбережения. Возражения частника отражают распространение тенденции к укреплению личной собственности: «Не один так живу, товарищи дорогие! С других, кто повыше, пример беру» («Секретарь обкома»).

В процессе социализации личности возникали перекосы в понимании личного и общественного. Для воспитанницы детского дома Тоси общественная собственность на все предметы быта стала нормой. Этой норме она следует и в общежитии, готова поделиться с девушками любой вещью из своего скудного хозяйства, которое все помещается в рюкзаке («Девчата»). Здесь идеология накладывается на черту российско-советского менталитета – стремление во всем доходить до крайности.

Большинство советских людей к социалистической собственности относились либо равнодушно, безразлично, либо беспечно, и это способствовало преступлениям против нее. Заведующая колхозной птицефермой Глафира занимается хищениями колхозной собственности (ст. 92 УК РСФСР). Долгое время на колхозный склад она сдает не более двухсот яиц в день, и никого это не беспокоит. Колхозники заинтересовались работой птицефермы лишь тогда, когда Глафира – одинокая женщина начала строить дом на деньги, полученные от реализации похищенных яиц («Хлеб – имя существительное»). Обществом в первую очередь руководит не забота о собственности общественной, а скорее всего, антиличностная установка: завистливое отношение к «высунувшемуся» собрату и стремление сделать его «как все». В популярном детективе Ю. Семенова нашла отражение спекуляция магнитофонами, радиоприемниками, рыбой (Ст. 153 и 154 УК РСФСР), а также частное предпринимательство с использованием общественной собственности в корыстных целях (Ст. 153 УК РСФСР). Водитель калымит на государственном грузовике и бензине, перевозит гражданам личные грузы, его услуги востребованы. Люди платят за услугу, и никого не смущает, что водитель использует государственный транспорт в корыстных целях («Петровка, 38»). Таким образом, по отношению к общественной собственности в большей или меньшей степени проявляется массовая нечестность.

Не бережное отношение к государственной технике могло быть связано с индивидуальными особенностями личности. Шофер Ильяс принимает рискованное решение буксировать заглохший ГАЗ-51 с грузом через перевал. Его просят всего лишь подвезти дорожного мастера к Долонскому дорожному участку, откуда тот пригонит трактор для буксировки. Но Ильяс решает рискнуть: «А у меня характер такой. Не знаю, хорошо это или плохо, но если взбрдет что в голову, умру, а добыюсь своего». Для прохода через перевал

грузовики нагружали не более 70% от нормы, не говоря уже о том, чтобы ходить с прицепом. Ильяс нарушает правила. Когда мотор на перевале «застонал, завыл», Ильяс подумал: «Нет, врешь, выжму из тебя все до капельки». Его грузовик идет на пределе возможностей, свой замысел Ильяс выполняет («Тополек мой в красной косынке»).

Отношение крестьян к частной (личной) собственности было неоднозначным. Общество могло быть и безразличным к материальным потерям соседа, и выражать сочувствие. Односельчане не сочувствуют Марфе, когда придурковатый Антип для спасения «общественного» наносит ущерб ее личной собственности – бане. Никто не стыдит Антипа, все лишь потешаются, наблюдая, как Марфа при каждой встрече гоняет его хворостиной или палкой («Тени исчезают в полдень»). А сожжение Ванюшкой Соловьем личного хозяйства отца-единоличника осуждается односельчанами: все, за исключением парторга Стышного, доброй Журавушки и любителя дармового угощения – деда Капли, отказываются идти к нему на свадьбу («Хлеб – имя существительное»). Возможно, имеют значение масштабы ущерба.

Для крестьянина высока ценность собственного жилья. Для колхозницы Анны самая большая ценность – дом, восстановленный в послевоенные годы (Битва в пути). Перспектива утраты собственного жилья – одна из причин отказа сельского жителя от миграции в город. Старик жалуется, что все шестеро детей разъехались по городам. На предложение младшего сына продать дом и ехать к нему в город отец отвечает: «Эх ты, говорю, сопля ты такая! Я сейчас кто? Хозяин. А без дома кто? Пес бездомный» («Живет такой парень»).

В контексте идеологических и политических изменений «оттепели», когда личные подсобные хозяйства рассматривались как помеха в строительстве коммунизма, в сознании крестьян частная собственность не противоречила цели построения коммунизма. У Маркелова – бывшего председателя колхоза есть своя, основанная на положении о диалектическом единстве противоположностей, теория: коллективный и частный секторы мирно сосуществуют. Характеры у них прямо противоположные: у первого забота обо всех, у второго – об одном. Первый частенько забывает про индивидуума, и это его минус. Второй заботится лишь об индивидууме, это его минус. «Помножим опять минус на минус, получим плюс». Маркелов

доказывает, что частное хозяйство сельчан создает материальную базу коммунизма: «Корове наплевать, на каком дворе она находится – на колхозном или частном. Лишь бы ее кормили. А ее дело – давать молока побольше. При коммунизме реки молочные должны быть, чтоб люди купались в них, как сыр в масле». Высокая ценность личного подсобного хозяйства в сознании крестьян обусловлена почти «нулевым» трудовым до середины 1950-х («Хлеб – имя существительное»).

Ценность богатства (благосостояния). С отношением к общественной и личной собственности связано отношение главных героев к богатству (благосостоянию). Образцами людей, трудящихся на общую пользу даже в ущерб личному благосостоянию, выступают Устименко и Богословский в трилогии Ю. Германа, председатель колхоза Сухин в романе Вс. Кочетова. Мотивацией являются общие успехи, ответственность и потребность в самоуважении: «Ведь у каждого, как говорится, гордость своя есть. "Что, – думаешь, – ты хуже других, что ли?» («Секретарь обкома»). Образцами людей, которые достигли личного благосостояния в ущерб общей пользе, выступают Евгений Степанов и Горбанюк в трилогии Ю. Германа, рабочий Демешкин в романе Вс. Кочетова.

Благосостояние трудящихся зависело от денежной оценки их трудового вклада. В начале 1960-х высококвалифицированный интеллектуальный труд относительно высоко оплачивался, и благосостояние советских ученых, имеющих ученые степени, было относительно высоким. Кандидат наук Олег Тулин получает в три раза больше, чем его однокашник Петруша Фоминых, «внедряющий» автоматику. Но благосостояние не является целью научного творчества Тулина. Ему нужна слава. Для настоящего ученого ценность научной истины выше ценности личного благосостояния. Это Сергей Крылов («Иду на грозу») и Виктор Денисов («Звездный билет»). Даже невысокая, но гарантированная денежная зарплата сельского врача, относительно оплаты труда колхозника по трудовым дням, связывалась с высоким благосостоянием. Поэтому завистливая Стешка Курганова считает «докторшу» Краснову выгодной невестой для сына Митьки («Тени исчезают в полдень»).

Стремление советских людей к повышению благосостояния мотивировалось заботой о детях. Балуюев, как многие другие, стремится «вознаградить своих детей за те лишения, которые когда-то вынес сам».

Поэтому щедро покупает им дорогие вещи, ни в чем не отказывает. При этом Балугев «втайне чувствовал себя оскорбленным» тем, что дети с легкостью принимают эти блага, «будто иначе и не могло быть» («Знакомьтесь, Балугев!»).

В образах мещанства осуждается непомерная страсть к личному богатству, ценностная ориентация на безмерное накопление. Инну Горбанюк с юности раздражала скромность быта родителей, их умение довольствоваться малым «вместо комфортабельного житья-бытья». Вера Вересова полностью разочарована в своем «неталантливом» муже, который кроме зарплаты, больше ничего в дом не приносит («Я отвечаю за все»). Благоустроенное жилье Лешки Ведмедя сначала производит сильное впечатление на неискушенного богатством Колю Бабушкина: «Да, живут люди... Как в сказке». Постепенно Коля понимает, что материальное благополучие, благосостояние – главная жизненная цель Лешки и его жены, они – мещане («Молодо-зелено»).

Положение политэкономии социализма о том, что благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом, убедительно подтверждалось результатами участия в денежно-вещевой лотерее. Всерьез рассчитывать на повышении своего благосостояния таким путем мог лишь наивный человек. Юные москвичи Димка, Алик и Юрка, впервые в жизни столкнувшись с финансовой проблемой на отдыхе в Эстонии, всерьез рассчитывают, что на десять лотерейных билетов они выиграют «Волгу», которую продадут, купят «Москвич» и на нем покатают в Ленинград. Смеется над этими планами лишь более практичная Галка («Звездный билет»).

Ценности рациональности, предприимчивости и практицизма.

В художественных образах получила воплощение советская рациональность – плановое хозяйство. Согласно политэкономии социализма, господство общенародной собственности на средства производства обуславливает планомерное ведение народного хозяйства, чем оно защищается от диспропорций. Из этого положения выросла высокая ценность плана. Уже говорилось, как ценность плана подавляет ценность творческого труда. На практике план становится самоцелью. Безусловно, советская массовая литература идеологически правильно показала значимость планового хозяйства и нацеленность трудящихся на выполнение планов. Наряду с этим литература «оттепели» показывает: важнейшая проблема – спекуляция ценностью плана. Эта проблема связана с безнравственностью конкретных руководителей.

Больше всего о важности выполнения плана твердят честолюбивые партийные функционеры и хозяйственники. В романе Г. Николаевой – Вальган и Бликин, в трилогии Ю. Германа – Евгений Степанов, в романе Вс. Кочетова – Суходолов и Артамонов. Все они, в стремлении к личному поощрению, требуют от подчиненных выполнить план любой ценой: за счет износа оборудования и отказа от необходимой модернизации, за счет самоотверженного труда рядовых исполнителей, путем очковтирательства.

Для руководителей среднего и низшего звена, типа начальника участка Балугева, выполнение плана мотивируется отчасти тщеславием, отчасти ответственностью перед своим коллективом, который необходимо поощрить премией, отчасти – личными материальными интересами. В некоторых случаях выполнение плана требует самоотверженного труда. С целью экономии государственных средств дюкер повели через болото, и этот способ был очень трудоемким, сроки поджимали. Поэтому Балугев объявил субботник для служащих, шоферов, лаборантов. И сам стал к дюкеру. А вечером наградил участников субботника концертом артистов местной филармонии.

Ценность плана осознается только личным участием в его выполнении. Повар Тося записывается в бригаду лесозаготовителей из самолюбия. Работая на обрубке сучьев, Тося быстро понимает, что взялась не за свое дело. Она просит Илью сбавить темп, а Илья возражает: требуется план. Тося не думала о плане, когда шла в бригаду, и пугается: «С детских лет Тося привыкла, что всякий план надо обязательно выполнять, и по тому, как люди у нас в стране выполняют план, они делятся на хороших и плохих». Оказывается, она «чуть было не подняла руку на Всемогущий План». Тосю и план спасает случай: заменившая ее на кухне женщина плохо готовит. Бригада остается голодной, и производительность труда снижается. Под давлением коллектива и администрации леспромхоза Тося возвращается на кухню («Девчата»).

Социалистическая предприимчивость – трудовая творческая инициатива имеет разную личную мотивацию. Для одних советских людей мотивацией является экономия народнохозяйственных ресурсов (польза общественная), для других – личный успех (польза личная). Один сварщик проявляет творческую инициативу и сваривает три шва без применения металлических подкладных колец, чтобы показать высокий класс работы. А другого сварщика осеняет мысль, что сварка без подкладных колец дает экономию тысяч тонн металла по

трассе, кроме того, внутренний диаметр трубы будет шире («Знакомьтесь, Балуюв!»). Трудовая творческая инициатива мотивируется не только повышением производительности труда, но самолюбием, честолюбием. Именно поэтому в повести Ч. Айтматова Ильяс решает во что бы то ни стало, тайком и обманом доказать возможность прохода грузовика с прицепом через Долонский перевал. После аварии Ильяс неуверенно оправдывался: «Хотел как лучше...». Но Алибек понял истинные мотивы его действий: «Врешь! Один хотел отличиться. На себя работал. А стоящее дело загубил. Пойди теперь попробуй докажи после этого, что можно ходить с прицепом!» («Тополек мой в красной косынке»). Социалистическая предприимчивость – рационализация может мотивироваться равнозначно личной потребностью в творчестве и личной материальной выгодой. Монтажник Ведмедь модернизирует ленточный процесс в новом цехе не потому, что заботится о пользе общественной. Просто когда в его руки попадала незнакомая вещь, он тотчас постигал ее секрет и совершенствовал. А за модернизацию ленточного процесса Ведмедь получил моральное поощрение – инженер Черемных при всех назвал его «гением» и выписал премию – полста рублей («Молодо-зелено»).

Хозяйственник Балуюв убежден, что трудовую инициативу нужно и можно воспитывать. Поэтому он «подбросил» свою идею рационализации коллективу и в тресте выдал ее за коллективную инициативу: «Звание обязывает – глядишь, будут другое придумывать». Социалистическая предприимчивость, трудовая инициатива иногда не поощрялась, а наоборот, испытывала идеологическое давление. Когда бригадир овощеводов Егор решил весной вместо рассады посадить семена помидоров, которые взойдут раньше и дадут ранние овощи, его друг и председатель ревизионной комиссии колхоза Иван категорически запротестовал: большой риск, можно нанести ущерб коллективной собственности. Егор на свой страх и риск все же провел эксперимент. Замысел удался, урожай помидоров получился высоким. Но до получения результатов Иван постоянно запугивал его ответственностью, товарищеским и уголовным судом.

Практицизм советских людей имел разновидности по своей нацеленности. Один вид практицизма нацелен на пользу общественную, которая принесет пользу личную. Такой практицизм свойственен Богословскому, Устименко, Любе Габай, старшему Степанову, Варваре («Я

отвечаю за все»), первому секретарю Денисову его жене и сыну, Владычину, Черногусу, Сухину («Секретарь обкома»). Балуюеву («Знакомьтесь, Балуюев!») Черемных («Молодо-зелено»), командиру эсминца Платонову («Океан»), Тамары: «конечно, я член партии. Коммунисту можно потребовать от партбюро» («Пять вечеров»). Другой вид практицизма равнозначно нацелен на личную и общественную пользу. Этот вид характерен для молодой советской интеллигенции. Герой В. Аксенова Максимов готов ехать в Якутию, если нельзя остаться работать в Ленинграде. Это одновременно и романтично, и практично: двойные оклады, льготы, бронируется прописка в Ленинграде. Практицизм, нацеленный на пользу общества и личности, побуждает Максимова и Карпова сразу согласиться на должность судового врача: можно увидеть весь мир, штормовые условия, в рейсах двойной оклад плюс валюта, бесплатный стол, возможность писать диссертацию («Коллеги»). Врач Цветков, хотя и презирает себя за потребительский практицизм, но умеет быть практичным и на общую, и на личную пользу («Я отвечаю за все»). М. Алексеев на примере колхозника Меркидона Люшны показывает, что практическое знание полезно и для хозяйства, и для авторитета личности. Колхозники взбунтовались против приказа начальства о начале скашивания пшеницы – рано. Меркидон Люшня, которого все считали придурком, предложил поехать на поле и проверить, в какой пшенице лучше зерно: в спелой или в той, которую скосили раньше на неделю. Проверили, вернулись пристыженные и публично признали Меркидона самым умным. От него отлепилась кличка «придурок», потому что он «оказался разумнее других в самом главном и решающем – в хлебе» («Хлеб – имя существительное»). Третий вид практицизма нацелен исключительно или преимущественно на личную пользу (потребительский, мещанский). Такой практицизм свойственен Горбанюк, Макавеевко, Вере Вересовой, Ираиде и Евгению Степановым («Я отвечаю за все»), Демешкину и поэту Птушкову («Секретарь обкома»). В романе Д. Гранина на личную пользу направлен практицизм Агатова. Хотя иногда Агатов высказывает справедливые идеи: «Подать мы себя не умеем, вот в чем беда, Сергей Ильич. Те же самые работы так можно обставить, что нас завалят средствами, оборудованием, чем хотите». Но в совокупности поступков практицизм Агатова нацелен на личную пользу. Практицизм Олега Тулина – это всякий раз компромисс со своими противниками и своей совестью,

мотивированный честолюбием. Непрактичным человеком оказывается честный Крылов, поэтому Тулин называет его «нуродивым» («Иду на грозу»). В повести А. Рекемчука практицизм Ведмедя мотивирован личной пользой: свой домашний электросчетчик Лешка так «усовершенствовал», что тот до 15 числа крутился в одну сторону, набирая копейки, а с 16 числа крутился в обратную сторону, скидывая копейки («Молодо-зелено»). Исключительно на личную пользу нацелен практицизм судебного врача Столбова. На практике в порту Максимов и Карпов сутками дежурят, ведут карантинный осмотр судов, поднимаются по штормтрапам, а Столбов сидит в пищевом секторе, и завстоловой угощает его «эскалопчиком» и пивом. Ему «плевать на море», главное, что «прописочка» у него постоянная, питание бесплатное, зарплата целиком остается. Максимову нужна жизнь «интересная, опасная», Столбову – легкая («Коллеги»). Впрочем, практицизм, направленный на личную пользу, может быть вполне безобидным для общества. В повести Б. Бедного практичный Ксан Ксаных не дарит невесте Наде «бесполезных» подарков, но обеспечивает продуктами и строит табурет. Получает ордер именно на ту комнату, которую они с Надей присмотрели в строящемся доме, и следит, чтобы ее отделали по всем правилам («Девчата»).

Ценность коллективизма. Коллективное в советской культуре имело большую значимость, чем индивидуальное, что в значительной мере было обусловлено идеологическим воздействием на массовое сознание. Поэтому Балугев свой экономичный метод прокладки дюкера подает в инстанции как предложение трудового коллектива. С приоритетом коллективного связано утверждение идеи: трудовой коллектив – семья. С одной стороны, это влияние идеологии, с другой стороны, личная заинтересованность. Балугев стремится, чтобы в его коллективе люди чувствовали себя семьей, потому что можно смело проводить сокращения административного состава: чем больше рабочий чувствует себя хозяином, тем меньше нужно для него начальства. Идея «трудовой коллектив – семья» утверждается и в пьесе А. Арбузова. У Сердюка нет традиционной семьи, но одиноким он себя не считает: «у меня на шагающем все как сыновья». К молодым рабочим относится по-отечески, а они зовут его Батей. Виктор тоже считает экипаж экскаватора своей семьей, потому что не общается с отцом: не сложились отношения с мачехой. Коллектив «по-семейному» решает после гибели Серегина не брать никого на вакансию,

подсобную работу разделить на всех бесплатно, ставку сохранить и зарплату за нее отдавать Вале. Трудовой коллектив помогает профессиональному становлению. Когда Валя определяет детей в ясли, ее принимают в экипаж и обучают профессии («Иркутская история»). В детективе А. Адамова члены трудового коллектива, каждый по-своему, помогают молодому оперативнику Коршунову освоить сложную профессию. Причем, одни относятся к Сергею доброжелательно, другие – критично, но оказывается, в целом все идет на пользу («Дело пестрых»). В детективе «Петровка, 38» взаимопонимание в коллективе является важным фактором не только раскрытия преступления, но и победы справедливости над слепым исполнением закона.

В то же время коллективизм советских людей проявляется лишь тогда, когда каждый осознает в коллективном действии личный интерес. Когда Крылов – контролер ОТК пытается доказать, что штурмовщина неразумна в перспективе цели общественно-полезного труда, из всей бригады его поддерживает лишь один человек. Большинству важнее получить премию по итогам выполнения плана («Иду на грозу»). В романе «Тени исчезают в полдень», оказавшись свидетелями производственного конфликта между конюхом Фролом и председателем Большаковым, рядовые колхозники дружно молчат. Молчание колхозников можно истолковать по-разному: либо как осуждение Фрола и поддержку Большакова, либо как здравый смысл («молчание – золото»). Скорее всего, народ «безмолвствует», потому что Фрол – не авторитетный человек, а Большаков хоть и свой, но «власть», отношения с которой лучше не портить. В повести Б. Бедного бригада лесорубов дружно требует, чтобы Тося вернулась к работе повара, потому что заменившая ее женщина очень плохо готовит, и все остаются голодными. А к сборам Кати на первое свидание девчата остаются безучастными, одна Тося по детдомовской привычке суется, стараясь получше одеть соседку в одежду Веры и Анфисы («Девчата»).

Ценность КПСС как руководящей силы. В производственных и эпических романах, реалистической прозе, драме почти все главные герои – коммунисты или комсомольцы. Лишь в романе Д. Гранина и пьесе Э. Радзинского принадлежность героев к партии или комсомолу не упоминается. Членство в КПСС, наряду с трудом, является важнейшей характеристикой человека. В романе Г. Николаевой Бахирев, чувствуя

дружескую симпатию к Курганову, спрашивает: «Скажи мне, кто ты есть?», Курганов отвечает: «Я есть член Коммунистической партии». Членство в КПСС является критерием высокой нравственности: «у коммуниста, если его партийность не наружная, совесть как раз обострена, потому что коммунисты – это непременно порядочные люди» (трилогия Ю. Германа). В романе Вс. Кочетова партийные работники – секретари обкома и райкома КПСС придерживаются *строгой этики*: не посещают ресторанов и кафе, потому что не принято, народ может осудить. В повести А. Рекемчука шофер, знакомый Бабушкина, признается, что подозревает свою жену в любовной связи с соседом, но доказательств нет. К тому же сосед «в смысле морального облика» – «спокойный», «член партии». В повести В. Аксенова «Звездный билет» для молодого поколения «оттепели» членство в КПСС – критерий честности. После доклада на симпозиуме Виктор Денисов еще раз спрашивает шефа «как коммуниста»: прав он или нет? И шеф честно ему отвечает.

Выделяются три типа коммунистов. Первый – настоящие – те, чей общественный статус «коммунист» совпадает с идейно-нравственным содержанием личности, кто в решениях и поступках ориентируется на коммунистические моральные нормы и «отвечает за все» (Бахирев, Устименко, Штуб, Оганян, Василий Денисов, Черногус, Большаков, Смирнов, Егоров, Серегин, Платонов). Второй – коммунисты формальные. Идейно-нравственное содержание их личности отнюдь не соответствует, либо идет вразрез коммунистическим нормам (Бликин, Вальган, Артамонов, Суходолов, Демешкин, Жовтяк, Цветков, Женечка Степанов, Каюров). Третий – умеренная середина, большинство рядовых коммунистов и партийных руководителей, которые стремились честно и ответственно выполнять свою работу в общественном производстве (Курганов, Чубасов, Золотухин, Лосой, Владычин, Огнев, Колесников, Стышной, Черемных и Лызлов, Дампфер, Тамара и Тимофеев, Сердюк). Судя по социокультурному контексту, первые составляли явное меньшинство – все те же культурные герои. Вторых, видимо, было больше, чем первых. Абсолютно преобладал третий тип.

В массовом сознании в отношении к КПСС очевидно проявляется типичная черта российско-советского менталитета – социоцентризм. Коммунист Денисов, тяжело переживая критику культа личности, не считает себя вправе судить: «Его может судить партия, народ, история. Но не я,

Василий Денисов. Отдельно взятый, я мал для этого». Но вся партия состоит из конкретных личностей. Возможно, это боязнь ответственности дать личную оценку событиям. На социоцентризме базировалась спекуляция ценностью КПСС. Спекулируют партийностью честолюбивые, нечестные руководители типа Суходолова: «Так большевики никогда не рассуждали. Кровь из носу, а дай то, что от тебя требуют, что ждут от тебя партия и правительство. И я дам продукцию сверх плана, чего бы это и вам и мне ни стоило!» («Секретарь обкома»).

За невыполнение хозяйственных задач исключением из партии угрожают, но никого не исключают. Причем, честные партийцы угрожают в редких случаях («Секретарь обкома»). Часто применяет угрозу исключения из партии нечестный, честолюбивый партийный руководитель. Распространенным наказанием за хозяйственные нарушения, просчеты, невыполнение плана является выговор («строгий», «с предупреждением»). Председатель колхоза Большаков и главный агроном получают по выговору за силосование недозрелой кукурузы, загнивающей на корню дождливым летом 1960 года, а с точки зрения обкома партии – за «головотяпство» в отношении ценной кормовой культуры («Тени исчезают в полдень»). Главного инженера Черемных приглашают на заседание райисполкома, чтобы «подраить с песочком», «в крайности» объявить выговор, тем самым заставить быстрее выполнить постановление исполкома – выдать строителям Дзегора необходимое количество кирпича («Молодо-зелено»). За успехи области, края, в хозяйстве партийный руководитель получает государственные награды и повышение в должности.

В годы «оттепели» часть партийных руководителей сохраняет жесткий, командный стиль руководства («Битва в пути», «Секретарь обкома»). Тот партийный руководитель, кто понял сущность духовных изменений «оттепели», руководит иначе: свои главные задачи он видит в идеологическом воспитании строителей коммунизма, в поддержании новаторских проектов. Этим он вносит свой вклад в развитие социалистического хозяйства. Руководящая и направляющая сила КПСС в лице секретаря райкома Лызлова помогает реализовать новаторский проект инженера Черемных («Молодо-зелено»). Партия руководит искусством, которое выполняет ценностно-ориентирующую и социализирующую функции. Обком КПСС утверждает план

областного издательства – список и тираж, тем самым давая партийную оценку творчеству писателей. Выполнять руководящую роль партии мешают «типичные исполнители», безинициативные, которые самостоятельно «лишний шаг бояться сделать». *Символически* руководящая роль КПСС выражается в почетном праве открыть митинг, учреждение культуры: хотя на открытие сельской картинной галереи приглашены секретарь облисполкома и председатель отделения Союза художников, разрезать ленточку просят секретаря обкома («Секретарь обкома»). Даже рядовое членство в КПСС имело значение для решения вопросов общественного производства. Мастер на «Красном треугольнике» Тамара «конечно, член партии», потому что «коммунисту можно потребовать от партбюро» («Пять вечеров»).

Понимание партийной честности как гласности сталкивалось с пониманием человечности. В повести В. Кожевникова бригадир сварщиков жалуется Балуюеву, что одна радиографистка каждый дефект обсуждает на комсомольском собрании, «публично людей унижает», вместо того, чтобы поговорить «с глазу на глаз», «по-человечески», «с душой». Балуюев резко возражает: «По-партийному с вами поступают! Партия о недостатках учит во весь голос, на весь народ говорить, а вовсе не изподтишка, шепотом» («Знакомьтесь, Балуюев!»).

Ценность КПСС сталкивалась с ценностью дружбы. Коммунист Платонов предлагает другу вступить в партию. Но Часовников не спешит: «Я осмотрюсь. Я хочу говорить "да", когда считаю нужным сказать "да", и хочу говорить "нет", когда считаю нужным сказать "нет"». Платонов убежден: право на свои собственные «да» и «нет» надо завоевать и выстрадать. Спровоцированный Куклиным, Платонов требует от Часовникова однозначного ответа: одобряет ли он политику КПСС? Часовников не отвечает. Платонов строит его по стойке «смирно» и грубо выгоняет. За этим следует проступок оскорбленного Часовникова в увольнении и помощь Платонова. Платонов и Часовников сохраняют дружбу, но Платонов на вопрос друга о рекомендации в партию отвечает: «Осмотрюсь». Ценность КПСС использовалась в семейных отношениях: для подтверждения обещаний жена требует с Платонова «честное партийное». И он такое слово дает («Океан»).

Ценность образования. В советском обществе были распространены различные взгляды на ценность образования и его мотивацию. Мотивацией

образования является повышение социального статуса и управленческая (чистая) работа. Стешка Курганова объясняет сыну, что учиться хорошо и отлично надо для того, чтобы «выйти в люди»: «Ученым да грамотным-то вон как хорошо. Смотри на Захара Большакова. Председатель, всегда в кошевке ездит да распоряжается. А неученые навоз коровий чистят» («Тени исчезают в полдень»). Образование может мотивироваться желанием понравиться мужчине, показать себя с лучшей стороны. Некрасивая повариха Тося, восхищаясь упорством студентки-заочницы Веры, сама учится без интереса в вечерней школе, кое-как готовит уроки. Но до тех пор, пока в класс не приходит Илья. С этого дня Тося старательно готовит домашние задания («Девчата»). Студент – престижный социальный статус. Тамара гордится племянником Славиком, потому что он учится в Технологическом институте, очень способный. Телефонистку Катю задевают намеки Славика на ее необразованность, совет Тамары взять пример с однокурсницы Славика Лидочки, и то, что Славик предпочитает Кате Лидочку: «Я еще тоже студентка буду, в техникум связи пойду. Это почти что институт, там четыре года учатся» («Пять вечеров»). В этом – типичная для русского менталитета экзистенциальная ценность высшего образования.

С ценностями были связаны повседневные практики хозяйственной деятельности. Массовая литература отразила социалистическое хозяйство и хозяйственную культуру во всей полноте: пятилетние планы и соцсоревнование, хозяйственные реформы и проблемы материального стимулирования труда, экономические проекты и их повседневную реализацию, неформальные обменные связи в решении хозяйственных вопросов и главное – их мотивацию. Показано, как попытки перейти к экономическим технологиям развития народного хозяйства сталкивались с технологиями административными. По-прежнему жестко требовалось выполнять утвержденный план. В этих условиях оперативно решать хозяйственные проблемы можно лишь по совести, на основе личных неформальных связей. Например, баббит, необходимый МТС для ремонта тракторов, имеется на тракторном заводе. Но завод не имеет права без разрешения главка продавать баббит в МТС. Такие запросы в главке решаются годами, а трактора нужны на полях немедленно. Поэтому баббит в МТС отгружается с завода тайком, с риском быть замеченными и обвиненными в

воровстве («Битва в пути»). В этом – типичное для российско-советской культуры противостояние закона и справедливости. Проблема решается типично: честными людьми, по совести, с нарушением закона, без выгоды для себя лично. О теме закона и справедливости в популярных советских романах писал С. Шведов. Абсолютно верным видится его замечание, что это противопоставление воспринимается членами разных социальных групп как «естественное»; предписанное законом часто не вызывает уважения и поддержки; закон представляется далеким и чужим, не отвечающим интересам «живых» людей, потому так «естественно» его нарушить. Предпочтение всегда отдается народному правосознанию. Строго придерживаются формальных инструкций лишь отрицательные персонажи, оторванные от реальной жизни людей [265, с. 390-394]. Медицинский чиновник, «ответственный исполнитель» Женечка Степанов, с одной стороны, может ничего не решать, и при этом не нарушать инструкций. С другой стороны, он может принять решения, на основании инструкций, приносящие вред обществу. Эти решения мотивируются личным корыстным интересом. Так, в стремлении угодить начальству экономией средств и соблюдением порядка, заведующий облздравотделом Степанов не дает распоряжения «переобуть» автомобили в зимнюю резину, тем самым парализует работу «скорой помощи», издает приказы экономить кровь и не принимать в больницу иногородних. А тех людей, которые для решения производственных проблем поступают по совести и нарушают эти приказы, ответственный исполнитель наказывает («Я отвечаю за все»). Хотя основное действие романа, строго говоря, не входит в хронологические рамки исследования, подход Ю. Германа к оценке этой технологии – в духе «оттепели»: она не соответствует «ленинским» нормам.

В повседневной жизни рациональность, научность планового хозяйства значительно искажалась (или корректировалась) личными интересами руководителей и исполнителей. Процветала практика планирования от достигнутого, идущая против интересов рабочих: «Перевыполнил завод годовую программу на сто пять – и тебе премии, и похвальба, и спокойствие. А если рвануть на сто двадцать пять? Сразу зачешутся в министерстве и начнут повышать план!». Конечно, можно рассматривать эти явления как «отдельные неправильности в системе материальной заинтересованности», но «Если при отдельной неправильности да правильные люди, они выправят. А если на такую

неправильность да человек неправильный, бери пятки в руки, уноси ноги...». «Неправильный» партийный руководитель, стремясь к повышению в должности, показывает высокую результативность своего руководства – завывает производственные планы. Иными словами, «на чужом горбу хочет в рай въехать». Так, секретарь райкома Вострухов, метя на место первого секретаря райкома, дал завышенные обязательства по производству картофеля. «Однако и половины обещанного не собрали. Ему бы признать ошибку, да гонор не позволяет. Давай жать на колхозы. Обобрали семенной фонд» («Битва в пути»). Централизованное планирование, основанное на научных знаниях, требовало сроки сева соблюдать жестко, а учет конкретных погодных условий требовал установленные сверху сроки сдвигать. Но поощрение – государственные награды и звания получал тот, кто первый рапортовал о проведении сева в срок. Поэтому честолюбивый партийный руководитель, с одной стороны, заставлял своих хозяйственников строго соблюдать установленные сроки, несмотря на конкретные погодные условия. С другой стороны, просто обманывал («втирал очки»), рапортуя Москве о завершении сева, в то время, когда в отдельных районах его области или края сев еще продолжался («Секретарь обкома»). Как видно, личные амбиции, честолюбие, властолюбие накладываются на ошибки централизованного планирования, и все это негативно сказывается на результатах.

Непредсказуемость результатов реализации специализированных проектов в повседневности связана с тем, что в силу вступали разнообразные личные интересы и цели. После ликвидации МТС «далеко не все колхозы повели себя как надо»: одни накопили машин столько, что хватило бы на целый район, и они простаивают. Другие, желая побольше раздать денег на трудодни, изворачивались, чтобы вовсе не покупать машин, теперь не справляются с посевной. Иные избегают отдавать свои машины в ремонт в государственные ремонтные станции, ремонтируют сами – плохо, неквалифицированно («Секретарь обкома»). В романе Д. Гранина показывается: в основе штурмовщины лежат стремления конкретных исполнителей во что бы то ни стало получить премию. В повседневной жизни в основе оплаты труда – не прибавочный продукт, не рост производительности труда, а десятки побочных показателей: для тракториста – гектары мягкой пахоты, для директора МТС – выполнение планов и экономия горючего («Битва в пути»).

Согласно политэкономии социализма, соцсоревнование было методом повышения производительности труда. В. Кожевников выражает уверенность, что коммунистическое общество «с сожалением будет расставаться с таким азартным стимулом труда» как соцсоревнование. Но оказывается, что трудовое соперничество может навредить общему делу. В результате соперничества «трассовиков» и «подводников», спешки и непродуманности действий неожиданно возникают такие трудности, преодоление которых требует громадного напряжения сил трудовых коллективов и даже трудового героизма молодежи («Знакомьтесь, Балуюев!»). В драме А. Арбузова машинист сменного экипажа Бабкин пытается тайком выяснить секрет успеха передовиков Сердюка, а машинист Виктор в наказание присыпает конкурента землей. Но Сердюк строго воспитывает Виктора: «Соревнование – дело коммунистическое. Чистое, проще говоря». Виктору «ставит на вид» и обязывает поделиться с Бабкиным всеми секретами их ударного труда («Иркутская история»). В повседневной жизни соцсоревнование, теоретически основанное на тесном сотрудничестве и взаимопомощи соревнующихся, приобретало черты капиталистической конкуренции как ожесточенной борьбы.

Политизированность хозяйственной культуры проявлялась «сверху» и «снизу»: хозяйственные проблемы решались под давлением общественно-политических институтов с привлечением идеологии и общественных институтов. Чтобы строителей с работы отпустили в новую бригаду, инженер Черемных намерен обратиться к партийным организациям: «Отпустят. Райком нажмет. Комсомол поможет...». На должность главного архитектора молодой специалист Ильина согласилась под давлением райкома комсомола: «Даже не спросила, какой оклад» («Молодо-зелено»). Общественно-политические институты использовались хозяйственниками для решения производственных проблем. В повести А. Рекемчука прораб Лютоев за кирпичом отправляет Бабушкина, потому что Коля – депутат райсовета: «Ты явишься к главному инженеру завода и предъявишь свои депутатские полномочия. А не поможет – иди в райисполком, иди в райком партии и даже выше. Но чтобы кирпич был». В романе «Тени исчезают в полдень» председатель колхоза просит секретаря райкома партии помочь в добывании запчастей, потому что «фонды уже выбрали».

В повседневной жизни технология сокращения личных подсобных хозяйств непредсказуемо принимала драматические формы. Частная собственность Спиридона Соловья была уничтожена не государством (при таком количестве налогов для государства она была выгодна), а сожжена сыном Ванюшкой. Государство, стоящее на страже личной собственности, наказало преступника лишением свободы («Хлеб – имя существительное»).

Технология укрупнения колхозов «обещала большие удобства» для руководителей райкома и райисполкома: на совещания и пленумы требовалось вызывать в пять раз меньше председателей и партторгов. Побывать в двух-трех местах легче, нежели в двадцати, «снять стружку» с двух председателей можно в самые малые сроки. А колхозники видели в укрупнении новые сложности для себя: усложнялось получение справок с подписью председателя, который всегда в разъездах по отделениям колхоза. Возникла перспектива уравниловки: «В бывшем "Пламени" сроду одни лодыри проживают, а теперь наш "Рассвет" все доходы распределяй поровну – что на их трудодень, что на наш» («Хлеб – имя существительное»).

Отношение сельского общества к миграции из села в город было неоднозначным. Старшее поколение и осуждало стремление молодежи в город, и поощряло. Старик Воеводин не гордится сыном Игнатом, который живет и работает в Москве, а укоряет, винит за то, что тот «сманил» в Москву младшего Максима («Игнаха приехал», «Ваш сын и брат»). Напротив, в повести М. Алексеева родители-колхозники заинтересованы устроить детей в городе, потому что это престижно. Маркелов своих детей «в город прогнал», возит им туда продукты и «хващается, как они у него там здорово живут». Сын Меркидона Люшни после армии собрался работать в колхозе, но отец, «умный мужик», запротестовал, попросил «не позорить» родителей и ехать в Саратов: «Это нам, безграмотным мужикам да старикам век свой доживать в колхозе. А с какой стати ты будешь маяться с нами?». Такая позиция была нравственным изъяном, последствием мобилизационной экономики («Хлеб – имя существительное»).

На развитие всех сфер народного хозяйства и решение его проблем постоянно влияли личные неформальные связи. Формы их и мотивы были разнообразны. Руководитель использует личные связи, если только это выгодно лично ему и предприятию: «Вальган не хотел пачкать руки ради нескольких

килограммов баббита для МТС, но когда дело шло о тоннах нужного заводу металла, он пускал в ход связи в обкоме, в министерстве, в Госплане и, как никто, умел находить ходы и выходы». Вальган разрешает официально отпустить для МТС ремонтные материалы лишь в обмен на то, что МТС снимет с завода рекламации за обрыв противовесов на тракторах. Тогда завод ремонтирует трактора и отпускает для МТС любые ремонтные материалы («Битва в пути»).

Личные неформальные связи негативно сказывались на результатах труда, шли во вред обществу. Здесь важны мотивы личных отношений. В романе Вс. Кочетова первый секретарь Артамонов – член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда, «к секретарям ЦК ходит запросто». Артамонову долгое время удается «втирать очки» государству и разорять область. Например, в декабре область рапортует о продаже государству мяса в размере трех годовых планов. Затем полгода сдают мясо, о котором рапортовали. Проданными в прошлом году считаются даже телята, которые еще не родились. Колхозы извели скот и не могут выполнить план по молоку. Руководитель у Центра получает разрешение заменить молоко маслом. Колхозники покупают сливочное масло в магазинах соседней области (по более высокой цене) и продают его государству (по более низкой цене). Разницу возмещают из своего кармана. Мотивы Артамонова: жажда власти, честолюбие («Секретарь обкома»).

Академик Денисов, получив финансирование и должность главного редактора научного журнала, сразу же начал очищать решающие участки от людей, мешающих ему. Ученики его и приверженцы получали назначения на кафедры, в НИИ, в ученые советы. В основе – честолюбие и боязнь честного научного соперничества. Тулин из честолюбия стремится к научной сенсации и широкой известности. Используя свое обаяние и приятельские отношения с первым пилотом Хоботневым, уговаривает его, в нарушении инструкции, слишком близко подходить к грозе. Другие члены экипажа не желали участвовать в нарушениях и нести ответственность, но никому не жаловались, потому что «любили Хоботнева и не хотели подводить его». Эти нарушения и другие личные обстоятельства привели к авиакатастрофе («Иду на грозу»).

Слабый руководитель Суходолов удерживается на должности директора химкомбината благодаря нерешительности своего друга – первого секретаря

обкома Денисова. Честолюбивые устремления Суходолова к выполнению плана любой ценой приводят к взрыву на химкомбинате. Получается, что личные неформальные связи Денисова и Суходолова косвенно способствовали производственной аварии. Но если действиями Суходолова руководило честолюбие, то нерешительность Денисова связана с чувством благодарности: Суходолов спас ему жизнь на фронте («Секретарь обкома»). Похожая ситуация – в повести Б. Бедного «Девчата». Начальник лесопункта терпит бездельника и лентяя мастера Чуркина, который преимущественно спит на рабочем месте, потому что их связывает семейная трагедия, и начальник чувствует себя в какой-то мере виноватым перед Чуркиным.

В повести Ч. Айтматова водитель Ильяс, движимый честолюбием и ущемленным самолюбием, использует личные неформальные связи, чтобы незамедлительно доказать возможность поездок через Долонский перевал с прицепом и грузом. Путевку на этот рискованный рейс ему выписывает диспетчер Кадича. Она давно любит Ильяса, поэтому помогает ему («Тополек мой в красной косынке»).

О негативном влиянии личных отношений и «человечности» на социалистическое хозяйство и общество говорит санитарный врач Люба Габай: «Знаете, почему у нас столько огрехов в работе? Потому что мы "входим в положение"! Дымят трубы, "лисьи хвосты" отравляют людей, а мы жалеем директоров, "входим в их положение"» («Я отвечаю за все»).

Вред общественному производству могут приносить как хорошие, так и плохие личные отношения. Старший конюх Фрол Курганов любит вдову, звеньевую огородниц Клавдию Никулину. Фрола задевает гордость Клавдии, и целую неделю он не выполняет ее просьбы о подводе для вывоза огурцов с поля на колхозный рынок. Фрол тянет время, потому что «неожиданно» ставит для себя условие: пусть гордая Квашка сама придет за подводой. Только после распоряжения агронома Фрол дает подводу. Огурцы, перезрелые и желтые, как кукурузные початки, теперь на рынке пойдут за бесценок, и почти ничего с них «не натечет» на трудодень («Тени исчезают в полдень»).

Наряду с этим личные неформальные отношения могли идти на пользу общественному производству. Но таких примеров меньше. Юлия, принятая в областной драмтеатр по протекции Денисова, как художник-декоратор успешно трудится на пользу театру («Секретарь обкома»). Бабушкин и Черемных

договариваются между собой: Коля остается в Дзегоре на три месяца, сколачивает бригаду монтажников, они пускают в ход керамзитовый цех. Черемных обязуется все это время поставлять на стройучасток Бабушкина кирпич и первую партию керамзитовых блоков отправить туда («Молодо-зелено»).

Честный человек вынужден включаться в технологию личных неформальных отношений. Хирург высокой квалификации Богословский по требованию некоего Салова лично оперирует его, хотя случай легкий. Дело в том, для новой больницы нужны дефицитные материалы: «Проявлю чуткость – будет мрамор больнице, проявлю черствость – ничего не даст...». Накануне Богословский по той же причине делал «пустяковую» операцию и получил резолюцию пациента на оцинкованное железо, которую до операции противозаконно не давали («Я отвечаю за все»).

Для решения проблем общественного производства и домашнего хозяйства использовали традиционную технологию застолья («Секретарь обкома», «Хлеб – имя существительное»).

В условиях жесткого централизованного планирования и страха перед руководством рядовые исполнители, с целью выживания, пускались на обман. Руководствуясь здравым смыслом, сеяли более продуктивные в данной местности зерновые культуры (озимые), а в отчетах показывали навязанное сверху и требуемое количество яровых («Секретарь обкома»).

В годы «оттепели» шел процесс демократизации производственных взаимодействий рядовых исполнителей с администрацией. Телятница Ирина Шатрова требует от председателя Большакова срочно заасфальтировать центральную улицу. Юная Ирина разговаривает с пожилым уважаемым председателем на «ты», требовательно, напористо и дерзко: «Да ты не мне, народу должен!». Дерзость «сходит с рук», потому что Ирина – ударница труда и активная комсомолка, ее усилиями сделано немало для эстетики села, а главное – потому что требует не для себя, а для всего народа («Тени исчезают в полдень»). Молодой специалист на производстве общается на равных с главным инженером: «В комнату ворвался парень в кожаной куртке и заорал: "Юрий Петрович, что же это получается с цементом?". Главный инженер вскочил, и несколько минут они кричали друг на друга, остервенело, но без злости. Главный подписал парню какую-то бумажку» («Коллеги»).

В условиях производственного конфликта, столкновения личных интересов с общественными и угрозы личным интересам, применялось моральное и политическое давление на противника. Обнародование результатов новых опытов Виктора Денисова ставит под удар не только его диссертацию, но и работу коллег, в том числе, друга Бориса. Поэтому Борис и другие научные оппоненты Виктора собираются обвинить его в моральной и политической неустойчивости: «Твои настроения в определенный момент. И странные вопросы на семинарах. А помнишь, как ты привел к нам на вечер какую-то крашеную девку? Вы танцевали рок-н-ролл» («Звездный билет»).

Для прикрытия корыстных целей хозяйственных действий использовали спекуляцию официальными ценностями и демагогию. В повести В. Аксенова завскладом Ярчук использует демагогию, пытается польстить Максимову, чтобы тот не вникал в дела и не выявил хищений: «А теперь, значит, вы, доктор Максимов, нами, грешными, будете заниматься? Очень хорошо. Чем больше интеллигентных людей, хе-хе, тем лучше. Наука, она теперь... Все советские люди должны друг о друге заботиться...» («Коллеги»). В детективе А. Адамова известный архитектор Пересветов утверждает, что у его сына Игоря – способности к архитектуре, их надо развивать: «Этого в конце концов требуют интересы государства. Советский гражданин должен отдать все силы и в полную меру использовать свои способности для созидательной работы на благо народа. Это его патриотический долг наконец». Все аргументы – демагогия, прикрывающая основной мотив: отец, используя свое влияние, может помочь сыну получить профессию в лучшем вузе («Дело пестрых»).

В массовой литературе нашли отражение технологии теневой экономики: использование служебного положения для хищений общественной собственности («Секретарь обкома», «Хлеб – имя существительное»), спекуляция, использование общественной собственности в корыстных целях («Дело пестрых», «Петровка, 38»).

Институт семьи в хозяйственной культуре. Хотя советские люди стремились создать семью по любви, брак по расчету был распространенной в разных социальных группах практикой жизнеобеспечения. В браках по расчету проявлялась ценность практицизма. Вера Вересова вышла замуж за Устименко, потому что считала его будущим медицинским светилом, но просчиталась: муж не умел и не стремился «устроиться» в жизни («Я отвечаю за все»). Стешка

вышла замуж за Фрола по страстной любви, хотя собиралась выйти замуж за Большакова по расчету. Семейная жизнь с Фролом не сложилась, поэтому Стешка советует сыну расчетливо жениться на «докторше» Красновой («Тени исчезают в полдень»). Бывший сельский житель Игнат успешно женился на москвичке и доволен («Ваш сын и брат»). Незадолго до окончания вуза ленинградка Вера «дала отставку» Карпову и вышла замуж за «молодящегося» доцента Веселина. При распределении Веру оставили в аспирантуре. Веселин – муж и научный руководитель. Вера как будто любит Максимова, они тайно встречаются. Но «пока» она не может развестись с Веселиным, ибо тогда придется уйти с кафедры, проститься с аспирантурой («Коллеги»). Маша – сестра Куклина любит курсанта Платонова, но выходит замуж за капитана второго ранга Светличного. Леля ищет подходящего брачного партнера из «страны народной демократии», чтобы уехать на Запад, знакомится с Тадеушем из Польши и выходит за него замуж. Но в браках по расчету девушки не находят счастья («Океан»). Герои произведений делают нравственный выбор и отказываются от брака по расчету. Надя, которой «скоро двадцать восемь стукнет», все-таки отказывается выйти замуж за практичного и уважаемого в поселке работника, но нелюбимого, пожилого и невзрачного Ксан Ксаныча («Девчата»). Вдова Журавушка отказывается выйти замуж без любви за парторга Стышного – фронтовика, молодого, уважаемого в обществе, в послевоенные (!) годы («Хлеб – имя существительное»). Максим не следует совету старшего брата Игната жениться в Москве на «хорошей девушке» Нинке, которая «без ума» от сибирского красавца и живет в двухкомнатной квартире с удобствами в центре. Максим «на квартире» жениться не хочет («Ваш сын и брат»).

Семья представляет собой ценность, если человек находит в ней понимание и поддержку: семьи Чубасова и Вальгана («Битва в пути»), семья Владимира Устименко и Вари Степановой («Я отвечаю за все»), семья Денисова («Секретарь обкома»), семья Ильяса («Тополек мой в красной косынке»), семья Садчикова («Петровка, 38»). Примеры семьи Бахирева («Битва в пути»), первой семьи Владимира Устименко («Я отвечаю за все») и семьи Самсонова («Петровка, 38») показывают: если семья не является опорой для человека, если в ней нет взаимопонимания и установилось односторонне потребительское отношение, нет смысла ее сохранять.

У коммуниста Платонова есть нравственный изъян: заботы жены Анечки о детях и хозяйстве, робкие попытки морально поддержать мужа Платонов считает мещанством и презирает. Часовников осуждает друга: «Он строит коммунизм. ...Положительный герой. Из листовки политотдела». Только чувство вины за отношения с Машей и неожиданная решительность образцово-показательной жены Анечки, поддержанной Часовниковым, заставляют Платонова признать свою неправоту («Океан»). Хозяйственник Балувев рассматривает крепкую семью как условие высокой производительности труда и выполнения плана: «Плохой шов получается не только из-за нарушения технологии. Поссорился сварщик с женой, - в шве сразу видно: дрыганый. Ты ему толкуешь о неравномерном продвижении электрода, а он думает о том, как с женой помириться». Балувев убежден, что в создании семьи личный интерес может вполне сочетаться с производственным. Он мечтает выдать замуж радиографистку Подгорную за одного из своих рабочих: хорошего работника «закрепить надо». Здесь ей дали возможность выучиться, воспитали, поэтому будет непрактично, если хорошая работница выйдет замуж за кого-то со стороны и уедет.

Домашнее хозяйство. Общее жилье не побуждает человека к благоустройству. В повести Б. Бедного девушки не пытаются создать уют в общежитии, кое-как ведут домашнее хозяйство. Анфиса особенно безразлична к неубранной комнате и графику дежурств, но когда возникает взаимное любовное чувство с инженером Дементьевым, она неожиданно быстро и умело прибирает его запущенную комнату, нехитрыми мелочами создает уют. Создание семьи зависит от получения государственного жилья. Отсутствие свободного рынка жилья не позволяет снять комнату, поэтому Катя и Сашка, Надя и Ксан Ксаных живут врозь по общежитиям и ждут получения комнаты, чтобы пожениться. А комендант предупреждает влюбленную парочку, сидящую в укромном месте: «Зря сидите! До осени свободных комнат не предвидится!» («Девчата»).

Сохраняется традиция считать труд мужчин основой домашнего хозяйства. Жена раненого лесника спрашивает врачей: «Жить-то будет кормилец?» («Коллеги»). Также в семьях рабоче-крестьянского происхождения сохраняется традиция, когда муж отдает зарплату, пенсию жене, когда все

наличные деньги семьи хранятся у жены. Жена и мать выдает деньги на покупки и карманные расходы мужу и сыну («Петровка, 38»).

В идеологическом контексте занятие женщины только домашним трудом рассматривалось как серьезное препятствие в процессе ее социального освобождения, как фактор интеллектуальной и духовной ограниченности. Поэтому жена Бахирева – домашняя хозяйка выглядит неумной, скучной, истеричной «клушей». Профессионализм Бахирева накладывает отпечаток на отношение к ведению домашнего хозяйства, и однажды его начинает раздражать, как жена бестолково и малопродуктивно хлопочет по дому («Битва в пути»). Избалованной эгоисткой показана домохозяйка, жена крупного ученого-проектировщика Самсонова в детективе «Петровка, 38». Хорошо обеспеченная мужем женщина превращается в безнравственную мещанку. Истерики, которые Людмила Самсонова устраивала мужу, сыграли свою роль в том, что 16-летний Ленка, их сын, оказался в криминальной компании. Герой пьесы А. Арбузова Сергей спрашивает жену – мать младенцев-двойняшек: не скучно ли ей дома? Когда после гибели Сергея экипаж экскаватора решает отдавать Вале и малышам зарплату за свободную ставку, Виктор выступает против: этими «интеллигентскими выдумками» они унижают человеческое достоинство Вали. Кроме того, за что ей платить? «За то, что она, сложа руки, без дела сидит?» («Иркутская история»). Видимо, домашний труд и уход за детьми не считались большой нагрузкой для женщины.

Ценность домашнего труда была ниже ценности общественно-полезного труда. Повар Тося ушла из домработниц в семье доцента и аспирантки. Домашний труд ей нравился, но было в этой работе что-то принижающее Тосю в чужих глазах: «На производстве я любую работу делать согласная, потому – для всех. А там... Ну их! Пусть сами за собой...» («Девчата»).

Занятие только домашним трудом имеет оправдание в исключительных случаях. Варя Степанова увольняется с работы, чтобы помогать мужу, который руководит больницей, облздравотделом и проводит на себе тяжелый медицинский опыт: «Я – самая счастливая. Вот вы попрекнули меня, что я не работаю. Формально не работаю. А если по совести, может быть, я первый раз в жизни делаю дело – ему помогаю». И сам Устименко просит Варю «пока» побыть дома: «Ты знаешь, мне очень нужно, чтобы ты была дома, когда я прихожу» («Я отвечаю за все»).

Выводы. Отношение советских людей к идеалу коммунизма, ценности общественно-полезного труда, общественной собственности, богатству, предприимчивости, практицизму и др., получившее отражение в массовой художественной литературе, показывает: советская культура времени «оттепели» не монолитна, а противоречива в целом и в отдельных проявлениях.

Массовая литература «оттепели» отразила все оттенки повседневного отношения к общей цели – коммунизму. Социальные типы отношения к коммунизму и его понимания, воплощенные в художественных образах, отчасти совпадают с теми типами, что выявили социологи методом анкетирования (п. 2.3.). Но, судя по текстам, первый тип – люди, которые верят в коммунизм и считают его построение личной целью жизни, в обществе отнюдь не преобладал. Это культурные герои, предлагаемые как образцы для подражания.

Вопреки утверждениям С. Шведова, положительные герои, за исключением Богословского, Устименко и Балужева, не говорят о пользе труда, не призывают окружающих беззаветно трудиться и т.д. Результат труда, наоборот, важен: по крайней мере, это выполнение плана, а также здравый смысл, нахождение научной истины, общественное признание. Труд на общую пользу, «без рассуждений о пользе личной», на перспективу коммунизма, мотивированный патриотизмом, – удел культурных героев, предлагаемых как образцы для подражания. По текстам понятно, этот тип советского человека очень и очень малочислен, поэтому окружающие ими восхищаются или им сочувствуют, их уважают или ненавидят. У основной массы советских людей повседневной мотивацией труда оказывается заработок, общественное признание, профессиональное самоутверждение, удовлетворение амбиций, ответственность перед конкретными людьми.

Массовая литература отражает разнообразие взглядов на общественную собственность. Первый – силы надо направить на развитие, укрепление, сбережение общественной собственности, которая в перспективе принесет личную пользу. Второй – укреплять личную собственность, а общественную использовать на личную пользу. Третий и наиболее распространенный – общественная собственность успешно развивается тогда, когда с ней связана непосредственная личная польза. Судя по текстам, в обществе первый тип отношения к общественной собственности не преобладал. Носителями его

были культурные герои, предлагаемые как образцы для подражания. Отношение людей к богатству (благосостоянию) связано с отношением к общественной и личной собственности. Люди, готовые трудиться на общую пользу в ущерб личному благосостоянию, составляют абсолютное меньшинство, это культурные герои. Преступлениям против социалистической собственности способствовали равнодушные, безразличные общества.

Социалистическая рациональность – плановое хозяйство на практике подавляла ценность творческого труда. Социалистическая предприимчивость мотивировалась как заботой о пользе общей, так и личным успехом. В массовой литературе «оттепели» нашли отражение разные виды практицизма советских людей. Есть практицизм, нацеленный на пользу общественную, которая принесет пользу личную. Есть практицизм потребительский (мещанский), нацеленный исключительно или преимущественно на личную пользу. Есть практицизм, равнозначно нацеленный на личную и общественную пользу, он наиболее распространен.

В текстах нашло отражение представление о трудовом коллективе как семье. Вместе с тем тексты показывают: коллективизм советских людей проявляется лишь тогда, когда каждый осознает в коллективном действии личный интерес.

Членство в КПСС, наряду с трудом, является важнейшей характеристикой человека, критерием высокой нравственности. В популярных текстах «оттепели» выделяется три типа коммунистов. Первый – те, кто в решениях и поступках ориентируется на коммунистические моральные нормы и «отвечает за все». Второй – коммунисты формальные. Идеино-нравственное содержание их личности отнюдь не соответствует, либо идет вразрез коммунистическим нормам. Третий – умеренная середина, большинство рядовых коммунистов и партийных руководителей, которые стремились честно и ответственно выполнять свою работу в общественном производстве. Тексты показывают: в массовом сознании в отношении к КПСС очевидно проявляется социоцентризм. За невыполнение хозяйственных задач исключением из партии угрожают, но никого не исключают. В годы «оттепели» часть партийных руководителей сохраняет жесткий, командный стиль руководства, но как перспективный показывается стиль идеологического воспитания. В системе советской хозяйственной культуры партийные руководители выступают как

профессиональные управленцы с большими властными полномочиями. Конкретное исполнение роли зависит от личностных качеств. Руководящая роль КПСС использовалась хозяйственниками «снизу» для решения хозяйственных проблем.

Стремление к получению высшего образования мотивируется его экзистенциальной ценностью, повышением социального статуса, перспективой интеллектуальной работы.

Тексты показывают, как попытки перейти к экономическим технологиям развития народного хозяйства сталкивались с технологиями административными. Мобилизационные методы и авторитарный стиль руководства хозяйством уходили, но не сразу и не полностью. Это связано со стремительностью, скачкообразностью развития российской культуры: массовое сознание не успевало переориентироваться с одних ценностей и технологий на другие. Оперативно решать хозяйственные проблемы можно лишь по совести, на основе личных неформальных связей. В повседневной жизни рациональность планового хозяйства значительно искажалась (или корректировалась) личными интересами руководителей и исполнителей. Честолюбие, властолюбие накладывались на ошибки централизованного планирования, и все это негативно сказывалось на результатах. В повседневной жизни искажалась сущность соцсоревнования. На развитие всех сфер народного хозяйства и решение его проблем постоянно влияли личные неформальные связи. В условиях жесткого централизованного планирования и страха перед руководством рядовые исполнители, с целью выживания, пускались на обман. Для прикрытия корыстных целей хозяйственных действий использовали спекуляцию официальными ценностями и демагогию.

«Подлинная» свобода любви и брака, без каких-либо экономических расчетов стала массовой нормой, но наряду с этим браки по расчету были распространенной в разных социальных группах технологией жизнеобеспечения. В этом проявлялась ценность практицизма.

В массовой литературе «оттепели» получили развитие традиции русской литературы – образы «праведника» и «юродивого». Советские праведники – это Бахирев, Большаков, Устименко, Крылов, Журавушка. Они же – культурные герои. Так подтверждаются идеи Н. Бердяева: русский человек привык думать, что высшие сверхчеловеческие задачи стоят перед святыми. Святость есть удел

немногих. Русь – свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость [18, с. 76]. Советский «юродивый» – либо придурковатый человек, либо мещанин-приспособленец, либо умный преступник в детективах (Фоминых в романе Гранина, Антип в романе Иванова, Джантай в повести Ч. Айтматова, Маркелов и дед Капля в повести М. Алексеева и др.). Они критикуют власть, порядки, несправедливость, говорят ту правду, которая не соответствует идеологии.

3.2. Хозяйственная повседневность в литературе «застоя»

Самыми популярными у массового читателя были **производственный и эпический роман**: Алексеев М. «Ивушка неплакучая» (1970), Иванов А. «Вечный зов» (1971-76), Липатов В. «И это все о нем» (1974), Абрамов Ф. «Братья и сестры» (1978). **Реалистическая и деревенская проза**: Липатов В. «Деревенский детектив» (1968), Шукшин В. «Там, вдали...» (1968), «Земляки» (1970), «Характеры» (1973), «Печки-лавочки» (1973), «Беседы при ясной луне» (1974). **Школьная повесть**: Алексин А. «Позавчера и послезавтра» (1974), Лиханов А. «Благие намерения» (1982). **Социальная и производственная драма**: Брагинский Э., Рязанов Э. «Сослуживцы» (1970), Вампилов А. «Старший сын» (1970), Рошин М. «Валентин и Валентина», (1971), Дворецкий И. «Человек со стороны» (1972), Гельман А. «Протокол одного заседания» (1975), «Мы, нижеподписавшиеся» (1979), В. Гуркин «Любовь и голуби» (1979). **Детектив**: Шестаков П. «Страх высоты» (1969), Семенов Ю. «Огарева, б» (1972), Лавровы О. и А. «Следствие ведут ЗнаТоКи» («Черный маклер», «Шантаж», «Повинную голову...», «Подпасок с огурцом», «Из жизни фруктов», «Полуденный вор», 1971-1985). Родионов С. «Криминальный талант» (1974), Вайнеры А. и Г. «Лекарство против страха», «Гонки по вертикали» (1974), Адамов А. «Час ночи» (1976), Леонов Н. «Выстрел в спину» (1979), Адамов А. Трилогия «Инспектор Лосев» (1982). **Фантастика**: Стругацкие А. и Б. «Понедельник начинается в субботу» (1965).

Краткое содержание избранных текстов и некоторый социокультурный контекст дается в приложении к Главе 4 (Приложение 2).

Идеал коммунизма. В текстах времени «застоя» идеал коммунизма почти не упоминается. Как общая цель жизни советского народа коммунизм затронут

лишь в повести В. Липатова «Деревенский детектив», в производственной драме А. Гельмана «Протокол одного заседания» и детективе Вайнеров «Гонки по вертикали». В безграмотном заявлении участковому Анискину колхозница Вера Косая просит «оказать защиту» от мужа, который является «изменщиком и нарушителем законов советской семьи, которая должна с каждым годом все укрепляться и укрепляться, что наш колхоз вместе со всем народом строит коммунизм». Косая – женщина глупая, ленивая к общественному труду, злая, жадная, завистливая, лживая, способная на предательство и клевету («Деревенский детектив»). Столкнувшись с ежедневной и всеобщей бесхозяйственностью, непрофессионализмом и равнодушием исполнителей на стройке, молодой строитель говорит бригадиру Потапову: «Да, коммунизм, видно, не скоро еще построим...» («Протокол одного заседания»). Бывший адвокат, известный в уголовном мире по кличке Окунь, иронично объясняет своему приятелю, вору-майданнику, почему его «специальность» вымирает: «Есть постановление идти нашему обществу в коммунизм. А тебе там места нет». И советует заняться советским теневым бизнесом («Гонки по вертикали»). Тексты показывают, что массовый крах мечты о построении коммунизма проявлялся в разных формах: понятием «коммунизм» спекулируют неумные люди, разочарование в скором построении коммунизма высказывают честные труженики, тенивики цинично говорят о формальности общей цели. Герои произведений перестают говорить о коммунистической морали. Исключение составляют секретарь парткома Соломахин – по должности («Протокол одного заседания») и Женя Столетов – по убеждению ли? («И это все о нем»).

Цель жизни, смысл жизни главных героев отражают разнообразие общественных взглядов. У одних они связаны с трудом на общую пользу и стремлением к счастью. А счастье связано с успехами труда на пользу общества и взаимной любовью: бригадир женской тракторной бригады Феня Угрюмова, тракторист Филипп Угрюмов («Ивушка неплакучая») партработник Кружилин («Вечный зов»). У других героев счастье связано с успехами работы не только на пользу всего общества, но и конкретного человека, со взаимопониманием между людьми. Руководитель детского хора Виктор Макарович счастлив, когда удается помочь юному человеку поверить в себя, добиться заслуженного успеха. Родители Миши Кутусова счастливы, когда им удается помочь другому человеку, найти достойный выход из трудной ситуации («Позавчера и

послезавтра»). У третьих – счастье в детях. Но счастье – в детях все-таки как бы на втором месте после счастья от успехов в труде и общественного признания. Когда Сарафанов признается, что не состоялся как «серьезный» музыкант, смысл жизни связывает с детьми: «Что бы я делал, если бы у меня не было детей? Нет-нет, меня не назовешь неудачником. У меня замечательные дети...». Потому этот добрый и неуспешный в профессии человек не хочет верить в обман Бусыгина: «Не верю! Не понимаю! Знать этого не хочу! Ты – настоящий Сарафанов! Мой сын!» («Старший сын»). НИИ ЧАВО занимается прежде всего проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, но даже среди магов, его сотрудников, никто точно не знает, что такое счастье и в чём именно смысл жизни. Они принимают рабочую гипотезу, что *счастье – в непрерывном познании неизвестного, в том же – смысл жизни* («Понедельник начинается в субботу»). Для восемнадцатилетних студентов счастье – взаимная любовь («Валентинг и Валентина»). Евгений Шутин чувствует себя «по-настоящему» счастливым, когда сбрасывает «узы второго брака», возвращается под крыло родителей и работает директором картины на киностудии. Он счастлив, потому что чувствует себя молодым (сорок лет для мужчины не возраст), свободным, живет в свое удовольствие и считает, что у него все впереди. Следователь Гуров считает себя счастливым, потому что «сравнительно молод» (тридцать лет), переведен работать из провинции в столицу, в его работе есть романтика. Он счастлив, потому что выполнил свой долг и свободен три-четыре дня, когда можно ни о чем не думать, читать, ходить в кино. Также как Сергей Коршунов, он спешит на свидание с девушкой и счастлив («Выстрел в спину»). У Антона Тихомирова цель жизни – вырваться «из своего плебейского нутра» («Страх высоты»). Мария Рукояткина не определила цель жизни: «Неужели я только для того на свет родилась, чтобы удовлетворять свои материальные потребности? – Нет. А для чего, и сама не знаю» («Криминальный талант»).

Ценность труда, профессии и должности. Личной мотивацией общественно-полезного труда является справедливое материальное вознаграждение. Труд мотивируется пользой личной, которая связана с пользой общественной – выполнением плана. Строительной бригаде по итогам работы года дали премию: «Нормально дали! Потапову – семьдесят, остальным – по сорок, по пятьдесят...». Бригада премию получать отказалась: «...эта

замечательная премия бьет рабочего по карману! Невыгодно нам получать ее, эту премию! ...Вот Толя, у которого третий разряд бетонщика, за год из-за простоев потерял в заработке четыреста рублей. А премии ему начислили пятьдесят рублей. ...На что ему такая премия? Вы ему дайте сначала те четыреста заработать, а потом уж на них накиньте премию». Открытым текстом говорится: рабочие-сдельщики отказались от премии в знак протеста плохой организации производства, из-за чего они значительно потеряли в заработке. Развернувшаяся дискуссия показывает, что в сфере хозяйственной культуры консенсуса по базовым ценностям не было не только между властью и массой, но и среди основной массы населения [235]. Людям, чей труд оплачивается повременно-премиально, трудно понять претензии людей, чей труд оплачивается сдельно-премиально. Комков: «Ну, потерял на простоях, так почему же премию не взять? Пятьдесят рублей уже не деньги, что ли?». Айзатуллин: «При чем здесь простой?! Премия-то дана тресту за перевыполнение плана!». Потапов: «У вас оклад. Для вас эта премия – премия. А для него (показывает на Толю) – нет. Потому что он сдельщик. У него бетона нет – он в прогаре. Еще чего-то нет – он в прогаре. ... Он же из-за простоев четыре сотни недобрал до основного заработка! Какая ж это для него премия? Для него это подачка» («Протокол одного заседания»). Финал драмы подтверждает отсутствие консенсуса среди народных масс: двенадцать человек из бригады все-таки получили премию.

В других произведениях этого периода так или иначе отражено: люди хотят честно трудиться и выполнять план, чтобы заработать («Печки-лавочки», «Человек со стороны», «Мы, нижеподписавшиеся», «Выстрел в спину»). Начальник цеха ширпотреба промкомбината говорит Олегу Перову о проблемах производства и оплаты труда: «...сырье нам отпускают второсортное, да и вечно задерживают, а план давай, иначе лишишься прогрессивки, а то и места. Без премиальных рабочие разбегаются...» («Выстрел в спину»). Роман В. Липатова «И это все о нем» является единственным текстом, где утверждается идея: ударный общественно-полезный труд должен мотивироваться в первую очередь и главным образом повышением его производительности. Из года в год в сибирском леспромхозе на участке мастера Гасилова план стабильно выполняется и перевыполняется на 20-30%, а сам мастер и рабочие за ударный труд получают высокие

зарплаты. Но комсомолец Столетов, тракторист, считает, что сменная норма выработки выполняется слишком легко. Столетов считает, что план умышленно занижен, что производительность труда низкая, и ставит цель – повысить ее: «Я рабочий, Заварзин. Пролетарий, которые всех стран соединяйтесь... Я не буду заботиться о высокой производительности труда, кто же будет заботиться?». Он вступает в борьбу с Гасиловым, пытаясь доказать, что тот работает нечестно. Для доказательства заниженного плана проводится «забастовка наоборот», когда комсомольцы, по инициативе комсорга Столетова, в течение трех дней работают без перекуров и разговоров, выполняя сменное задание на 200-250%. Технику эксплуатируют на пределе возможностей, эстакаду перегружают хлыстами. По убеждению Столетова, это «нормальная, ритмичная» работа, доказывающая, что нормы выработки сильно занижены («И это все о нем»). Если бы Столетов не погиб и довел свой замысел до конца, в перспективе руководство леспромхоза должно было пересчитать нормы выработки и, поскольку практиковалось планирование от достигнутого, повысить план. Зарботки рабочих стали бы ниже. Проблема практики планирования от достигнутого затрагивалась в романе Г. Николаевой «Битва в пути», где коммунисты объясняли это явление как «отдельные неправильности в системе материальной заинтересованности». В 1983 году А. П. Бутенко в закрытом докладе докажет, что планирование от достигнутого противоречит сути социализма, становится источником социальных несправедливостей, приводит к производственным диспропорциям, которые, ведут к серьезным материальным потерям [26]. Теоретически, согласно политэкономии, повышение производительности труда пополняет общественные фонды потребления, и рабочие могут что-то из них получить – бесплатное медицинское обслуживание, льготную путевку в санаторий, место в детском саду, квартиру и т.п. Практически не было никаких гарантий, что рабочий получит свою долю общественного богатства в необходимом объеме, качестве и вовремя. Возможно, из-за этой сомнительной перспективы главный герой погибает.

В романе В. Липатова утверждается идея неразрывной связи ценности труда с честностью. Комсомолец Столетов как «герой своего времени» вступает в борьбу за честный общественно-полезный труд. Хотя контекст романа дает повод объяснить борьбу Столетова против Гасилова другими

мотивами. Не исключено, что действия Столетова мотивируются честолюбием и ущемленным самолюбием. Столетов – из семьи сельской интеллигенции, амбициозный парень, с качествами лидера. Не смог поступить в институт, вернулся в родное село и работает трактористом. Парторг леспромхоза Голубинь не принял его всерьез как комсорга, считал легкомысленным. Это задело самолюбие Столетова и он начинает борьбу с нечестным мастером. Но в борьбе за повышение производительности труда Женя регулярно нарушает правила эксплуатации трелевочного трактора – ставит его «на дыбы» и выключает мотор. А это приводит к вытеканию масла из мотора, к быстрому износу мотора и фрикционных механизмов. Столетов гробит дорогую государственную технику, не обращая внимания на замечания тракториста Заварзина. Столетов не делает ни одного упрека своей любимой девушке Людмиле Гасиловой в том, что в двадцать лет она нигде не учится и не работает, по советским нормам – тунеядка, что она – не комсомолка. Возможно, Столетов – правдоискатель, тогда практический результат не важен, важна правда. Возможно, он отличается легкомыслием (о всех последствиях не задумывался). Наконец, не исключен личный интерес – повышение личного авторитета.

Интеллектуальный труд настоящих ученых мотивируется поиском научной истины, труд ненастоящих ученых – стремлением к личному благосостоянию. Настоящие ученые (Маги) НИИ ЧАВО в новогоднюю ночь приходят работать в институт, «злостно нарушая трудовое законодательство». С боем кремлевских часов поднимают стаканы не за Новый год: «Ребята, да здравствует понедельник!». В новогоднюю ночь в институт приходят люди, которым интереснее доводить до конца или начинать сызнава какое-нибудь полезное дело, чем развлекаться, «которые терпеть не могли всякого рода воскресений, потому что в воскресенье им было скучно». А расчетливые и беспринципные «достигают значительных высот и крупных успехов в своем основном деле – в строительстве светлого будущего в одной отдельно взятой квартире и на одном отдельно взятом приусадебном участке...» («Понедельник начинается в субботу»).

Также как в литературе «оттепели», никто из главных героев, кроме Жени Столетова, ежедневно не думает, что трудится на благо Родины. В отличие от литературы «оттепели», в текстах 1970-х упоминание патриотизма как

ценности, которой мотивируется труд, почти исчезает. Единичные примеры, тем не менее, позволяют утверждать: патриотизм в обществе понимают по-разному. Если для трактористки Фени Угрюмовой патриотизм – это самоотверженный труд «на родимом нашем полюшке» («Ивушка неплакучая»), то для диспетчера СМУ Лени Шиндина патриотизм заключается в том, чтобы «помогать самым честным людям, когда им бывает трудно» («Мы, нижеподписавшиеся»).

По сравнению с литературой «оттепели», уходит тема подавления ценности творческого труда планом. Тексты 1970-х показывают, что в понимании соотношения ценности творческого труда и плана сталкиваются два подхода: большую пользу обществу приносит выполнение плана любой ценой; больше пользы – в снижении себестоимости продукции, связанной с модернизацией, даже за счет плана. Новый начальник цеха Чешков доказывает, что от первого подхода надо отказываться: «Работа на износ – преступная работа. Неэкономичная, антинаучная, дорогая» («Человек со стороны»). Партком принимает резолюцию, сущность которой в том, чтобы в принципе отказаться от практики учета формальных результатов социалистического хозяйствования («Протокол одного заседания»).

По сравнению с литературой «оттепели» усиливается тема критерия оценки личности. Тексты показывают: формально общественно-полезный труд остается главным критерием. Фактически для общественного признания важнее не профессиональные, а духовные качества личности. Бригадир женской тракторной бригады Федосью Угрюмову, по рекомендации секретаря райкома КПСС, колхозники выдвигают в депутаты Верховного Совета. Достоинство ударного труда, в сочетании с честностью и отзывчивостью, перевешивает единственный недостаток – любовную связь с чужим мужем («Ивушка неплакучая»). Конечно, ударный труд оставался важной социокультурной характеристикой личности. Участковый Анискин не заводит уголовное дело на братьев Паньковых за аккордеон по ряду причин, среди которых – ударный труд братьев в колхозе («Деревенский детектив»). В решении педагогов интерната отдать ребенка в семью Поварешкиных, значок победителя социалистического соревнования, который предъявляется как последний аргумент, играет роль, но небольшую. Главное, в Поварешкиных чувствуется доброта и любовь к детям («Благие намерения»). Бывший начальник цеха

Грамоткин «мало мог и мало умел, но за это его жалели. А может быть, потому, что его вечно били. План! План! Любой ценой!». Любили Грамоткина за доброту, человечность, за то, что «он ни в чем никому не отказывал», давал рабочим-обрубщикам 5-6 дней отпуска за свой счет для личных дел. Чешкова на месте Грамоткина не любят, потому что он не поддерживает «нережские традиции»: ругает «без комплиментов», обижает подчиненных жесткими замечаниями об их пустых и длинных разговорах на ежедневном рапорте. Всем рабочим-обрубщикам отказал в 5-6-дневном отпуске, потому что обрубщик средней квалификации получает больше, чем начальник бюро экономики и хозрасчета, чем начальник корпуса. Рабочих не хватает, но сначала им дают погулять, а потом привлекают к сверхурочным по двойному тарифу за счет экономики цеха. Получается очень высокая себестоимость продукции. Научность руководства Чешкова и здравый смысл не способствуют тому, чтобы его любили. В цехе у него мало сторонников. Инженеры с опытом уходят, потому что Чешков требует дисциплины. Когда на них кричит замдиректора Рябинин, они не обижаются, когда без криков требует Чешков, они уходят («Человек со стороны»). В пьесе Э. Брагинского и Э. Рязанова Оля Рыжова, встретившись через пятнадцать лет со своей студенческой любовью – Самохваловым, в первую очередь сообщает не о трудовых достижениях (вспоминается Тамара из «Пяти вечеров»), а главное – о хорошей квартире, сыне, муже: «Вообще я живу, так сказать, не отстаю. Хожу в походы, в кино, и дома у нас собираются компании». Самохвалов сообщает вроде бы о труде, но главное – социально престижном месте работы: «Я – нормально. Последние два года работал в Швейцарии» («Сослуживцы»).

Общество больше всего уважает тех, чей труд и профессионализм соединяются с добротой, отзывчивостью, справедливостью, скромностью. За такое сочетание качеств односельчане, руководство колхоза и районное начальство уважают и любят участкового Анискина. Панка Волошина наивно признается: «народ вас очень уважает за то, что вы в сельпо ничего по благу не берете, хотя продавщица Дуська вас боится», «Вас за храбрость и справедливость уважают! Народ, он, Федор Иванович, правду всегда чувствует», «Воскресенье, а вы работаете... Начальства ты, Федор Иванович, над собой не знаешь, а работаешь. Это оттого, что вы совестливый человек!». Заведующего клубом Паздникова, в недавнем прошлом – горожанина и

артиста, односельчане полюбили, несмотря на его алкоголизм и чудные манеры, за мастерскую игру на аккордеоне и отзывчивость – он никогда не отказывался прийти на свадьбу, именины или проводы. За доброту, «человечность» односельчане и Анискин уважают продавщицу сельпо Евдокию Пронину: «против прежних продавщиц человек ты не жадный, даже добрый, никого не обвешаешь, в долг даешь, хороший товар от людей не утаишь». Не видя противоречия, ее уважают как за соблюдение правил советской торговли, так и за их нарушение: товар дает в долг («Деревенский детектив»). Следователь Прохоров добросовестным и самоотверженным трудом, уважительным отношением к людям, скромностью (квартирует не в гостинице, а на раскладушке в отделении милиции), за время расследования гибели Столетова заслужил уважение жителей Сосновки. Шофер леспромхоза Николай Васильевич, из презрения к «барству» Гасилова, приходит на работу в домашних тапочках. В таком же виде он является к Прохорову, чтобы, по указанию начальства, отвезти его на место гибели Столетова. И гонит вездеход УАЗ по плохим дорогам так, что «душу вытрясает» из Прохорова, – как обычно возит Гасилова. Разобравшись в Прохорове, Николай Васильевич следователя начинает уважать. Поэтому проводить его приходит в новых начищенных сапогах и до пристани несет чемодан («И это все о нем»). Доброта к детям, отзывчивость, простота в общении (игра с детьми в чехарду) – те качества, за которые, наряду с профессионализмом, участники хора и их родители уважают и любят руководителя хора Виктора Макаровича («Позавчера и послезавтра»). Начальник Калугина «знает дело, которым руководит – такое тоже бывает», то есть профессионал. У Калугиной со всеми строго деловые отношения, она оценивает людей по деловым качествам. Поэтому, а также из-за ее внешности «синего чулка» трудовой коллектив не любит Калугину и называет за глаза «Мымра». Коллектив начинает видеть в Людмиле Прокофьевне человека и женщину после ее справедливого вмешательства в скандал, связанный с письмами Оли Рыжовой, и внешнего преображения, связанного со служебным романом. Судя по поведению секретаря Верочки, отношение коллектива к Людмиле Прокофьевне явно теплеет («Сослуживцы»).

Честный труд и личная скромность представителей власти, руководителей является важным условием соблюдения обществом институциональных норм. Панка Волошина: «Без тебя, Федор Иванович, народ

баловаться будет. Еще шибче начнут самогонку варить, хулиганить, стальные листы из кузни воровать. А от уважения к вам, Федор Иванович, народ безобразит меньше». Администрация колхоза и Анискин презирают уполномоченного из района не только за профессиональную некомпетентность, но также за высокомерие и аморальное поведение в командировке (пьянство и блуд). Если бы Юрий Венедиктович вел себя скромнее, то не услышал бы в свой адрес: «Сидите себе на месте и читайте инструкции... Вам без этого дела погибель! ...Из райкома комсомола вас по возрасту попросили, вот вы и обретаетесь в ДОСААФ. Чего вы в хлеборобском деле понимаете?», «Что наши мужики зачнут делать, если вы, человек женатый, да из району, по бабам ходите?» («Деревенский детектив»). Если на золотых приисках начальство воровало золото, и лишь для приличия объявляли розыск, то рядовой труженик, получающий за каторжную работу копейки, без колебания всаживал в трубы, по которым гонится порода, самодельные ловушки для золота («Шантаж»).

Различные виды общественно-полезного труда, профессии, должности и места работы в повседневной жизни имели разную ценность. Музыкант-исполнитель Сарафанов скрывает от всех, особенно от своих детей, что после сокращения из симфонического оркестра при филармонии он работает в клубе железнодорожников, играет на танцах. Все это знают, но дети из жалости к отцу делают вид, что он по-прежнему работает в филармонии: «Это наша семейная тайна». Тайну раскрывает жених Нины Кудимов, когда упорно, не понимая намеков Нины, Бусыгина и Сильвы, вспоминает, что видел Сарафанова в оркестре на похоронах. Сарафанов вынужден признаться. Возникает сравнение – Ильин в драме А. Володина. Но, в отличие от Ильина, Сарафанов не утверждает, что он – «полезный член общества», а неуверенно оправдывается: «Да, я должен признаться... Я играю на похоронах. На похоронах и на танцах... Но я не думаю, что играть на похоронах позорно. Всякая работа хороша, если она необходима... Серьезного музыканта из меня не получилось. И я должен в этом сознаться...» («Старший сын»). Значит, в массовом сознании музыкант симфонического оркестра – успешный человек, музыкант в кинотеатре или клубе на танцах – неудачник. Когда диспетчер СМУ Леня Шиндин во время ссоры предупреждает жену: «...слетишь с моей фамилии», Алла возражает: «Да что такое твоя фамилия? Кто ты: профессор, ученый, дипломат?» («Мы, нижеподписавшиеся»). Пожилой сосед советует

лимитчице Марии Рукояткиной: при ее физических данных, если избавиться от вульгарности, она может выйти замуж «даже за морского офицера» («Криминальный талант»).

К интеллектуальному труду в советском обществе отношение неоднозначное. Интеллектуальный труд высокой квалификации по-прежнему престижен, в том числе, по вознаграждению. Потому часть людей, имеющих способности, стремится в эту сферу («Страх высоты»). В то же время в обществе по-прежнему есть представления, что научный труд – довольно легкий и бесполезный. У знакомой Рукояткиной муж – кандидат наук, биолог, «изучает бегемота в зоопарке», «ничего не делает, только смотрит на бегемота, пьет кофе и ест одну морковку. Он ее из зоопарка носит, бегемот не доедает». В то же время в обществе потребления, в первую очередь среди горожан, снижается престиж научного труда по сравнению с управленческим трудом в сфере распределения материальных благ. Рукояткина – девушка наблюдательная: «Доктор наук? Бери выше: директор комиссионного магазина». Снижение престижа научного интеллектуального труда было связано и с низким его качеством. Рукояткина рассказывает следователю Рябинину, что однажды она с «девками» прочитала в «газетке» статью ученого одного НИИ и долго смеялась над выводом, что причиной преступности является незнание преступниками законов: «Ну скажи, хоть один блатняга тебе сказал – законов не знаю? А ведь целый институт вкалывает. Я бы их всех на завод. Может этот ученый бороться с преступностью, ежели он ни хрена в ней не понимает? Да ни в жисть!» («Криминальный талант»). Уважением общества пользуется интеллектуальный труд рядовых учителей. Но уважение дополняется сочувствием из-за относительно низкой его оплаты, на фоне возросших доходов людей физического труда, рабочих профессий. Тракторист Иван считает несправедливым, что сельская учительница получает всего сто рублей: «Оно, так-то подумать – ненормально, конечно. Она наших детишек учит, а живет хуже...» («Печки-лавочки»). Возрастал престиж профессий в сфере услуг. Дефицит модной и качественной одежды, повышение в массе требования к качеству [128, с. 128-130] сделали востребованной и престижной (в зависимости от профессионализма и места работы) профессию закройщика. К самым искусным мастерам запись велась на несколько месяцев вперед («Огарева, 6»). Возрастание массового спроса на легковые автомобили

«народных» марок – «Москвичи», «Запорожцы» и «Жигули», и слабое развитие автосервиса [128, с. 37-40] сделали престижной профессию автомеханика, особенно высокой квалификации («Полуденный вор»). В условиях дефицита и возрастания потребительских запросов престижными становились профессии/должности как интеллектуального, так и физического труда, имеющие отношение к системе распределения товаров и услуг.

Судя по характеру образов следователей и оперативников в детективах времени «застоя», перед массовой литературой ставилась задача поднять престиж профессий в правоохранительной сфере. В образах Знаменского, Томина, Кибрит, Тихонова, Гурова, Лосева, Костенко, Садчикова и других воплощена коммунистическая нравственность и профессионализм, широкая образованность и развитый эстетический вкус.

В массовом сознании были распространены представления о социальном неравенстве, связанном с социальным происхождением и сферой деятельности. Социальный статус колхозника по-прежнему был низким и оставался фактором миграции молодежи из села: «Иной уходит из села потому, что звание "колхозник" его, видите ли, оскорбляет» («Ивушка неплакучая»). Вчерашний крестьянин, даже тот, кто вышел «в большие люди», мог услышать от недоброжелателей оскорбительные намеки на свое «низкое происхождение». В рассказе В. Шукшина брат жалуется брату: «Просто делаю свое дело, стараюсь хорошо делать. Но нет!.. Найдутся... некоторые... Будут намекать, что крестьянский выходец не в состоянии охватить разумом перспективу развития страны, что крестьянин всегда будет мыслить своим наделом, пашней...» («Как заяк летал на воздушных шариках»). Понимание своего низкого социального происхождения морально давило на человека и становилось мотивацией труда с целью достижения высокого социального статуса. Антон Тихомиров поступает в аспирантуру и защищает диссертацию, чтобы преодолеть комплекс неполноценности, связанный с происхождением: безотцовщина, мать – уборщица в профессорском доме, жизнь в комнатке под лестницей. Мир профессора Кротова стал мечтой Антона («Страх высоты»). В советском обществе были распространены представления о социальных границах, препятствующих созданию семьи. Основной конфликт пьесы М. Рощина «Валентин и Валентина» связан с проблемой: нужно ли девушке из достаточно обеспеченной семьи советского чиновника строить жизнь с парнем,

чья семья живет в коммуналке, имеет более чем скромный достаток, а кормильцем является мать с непрестижной профессией – проводник поезда.

Наряду с тем, что люди занимают различные должности, выполняя свой профессиональный долг, стремление к должности мотивируется разнообразными личными интересами. Партийного функционера Полипова, бесчестного и завистливого, должность первого секретаря райкома партии привлекает ценностью власти. Он получает желаемое, потому что «Ловок очень, в струе идет всегда». Чтобы занять должность первого секретаря, Полипов вытесняет с нее Кружилина. Аргумент: его сын Василий всю войну находился в плену и запятнал отца. Окружающие под страхом политических обвинений Полипову не препятствуют («Вечный зов»). Председатель колхоза не решается возражать некомпетентному уполномоченному из района из-за его властных полномочий: «он хоть в нашем деле ни хрена не понимает, а дело в райкоме может так изложить, что самое хорошее мероприятие плохим окажется. Говорить-то он мастак!» («Деревенский детектив»).

В должности колхозного объездчика (полей, лугов) инвалид войны и пенсионер Епифан (Пишка) сразу обнаружил удобства. Должность давала пользу домашнему хозяйству: за объездчиком закреплялась лошадь. Кормов и дров на зиму Пишка теперь заготавливал с избытком, подсобное хозяйство быстро пополнилось живностью. Потому получение трудодней Пишку не очень тревожило. Должность позволяла работать в свободном режиме: «никто ему не укажет, когда вставать, когда ложиться, куда поехать нынче, куда завтра, потому как он сам – кум королю, сам с усам». Должность давала власть: «Объездчик ...накроет на колхозном лугу с косой – отвечай, тащи поллитру, ежели не хочешь иметь дело с районным прокурором. Сознание такой силы многих заставило бы задрать нос, а Пишку тем более». Должность доказывает, что человек умен: Михаил Соловьев после армии планирует жить, работать и учиться в городе, через десять лет стать мастером в цехе. Это покажет: «Минька не дурак», в отличие от тех, кто в колхозе «вкальывают» рядовыми трактористами и занимают какие-то должности к сорока годам («Ивушка неплакучая»).

Личными интересами, связанными с общественной пользой, мотивирован переход Алексея Чешкова с крупного предприятия в Тихвине на должность начальника нового цеха Нерезжского завода: «Моей жене очень хочется пожить

под Ленинградом», «И мне хочется, Ленинград – не Тихвин». В Тихвине Чешкову уже нечего делать, «все налажено лет на десять», по профилю Тихвин не нуждается в развитии литейного производства: «А я литейщик. Я бы даже хотел прославиться как литейщик». Новый цех поразил Чешкова своим решением: «Все рассчитано на уникальную продукцию. Я понял, что в этих корпусах можно делать большое дело». Чешков уверен, что нужен Нережскому заводу, поэтому не стесняется ставить условия: оклад 280 рублей, работа для жены и трехкомнатная квартира («Человек со стороны»). Рядовой экономист Новосельцев с рядовой зарплатой стремится к должности начальника отдела легкой промышленности исключительно из-за денег, потому что с двумя детьми живет от зарплаты до зарплаты («Сослуживцы»).

Должность придает человеку уверенности в решении личных проблем. Феня Угрюмова решилась на прямой разговор со своей соперницей – колхозным бухгалтером Наденкой, лишь став бригадиром женской тракторной бригады. Феня знала, что годом раньше едва ли отважилась бы на это. Тогда у нее не было еще такой опоры – тракторной бригады. А теперь Феня стала увереннее в себе: секретарь райкома Кустовец, приехав в поле, советуется с ней как равной («Ивушка неплакучая»).

Массовая литература 1970-х показывает дифференциацию общественного отношения к карьеризму. Воспринимается негативно карьера, сделанная нечестным путем («Вечный зов»). Негативно воспринимается любое стремление к должности, если оно даже косвенно затрагивает интересы социальной группы. Феня Угрюмова презирует стремление Михаила Соловьева уехать из деревни в город, работать на заводе и учиться, через десять лет стать мастером в цехе. За то, что Михаил покидает село, где некому растить хлеб, Феня называет его карьеристом и напутствует: «Катись в город, коль ты такой расчетливый!» («Ивушка неплакучая»). Это проявление эгалитаризма. В городском социуме карьеризм уже не считается аморальной чертой личности, а становится нормой жизни. Другое дело – путь достижения успехов, какими средствами делается карьера. Оля Рыжова характеризует Бубликова нейтрально и без осуждения: «Карьерист». Для таких людей, как Самохвалов, годятся любые средства, а Новосельцеву карьера любой ценой не нужна («Сослуживцы»).

Если профессионализм соединяется со скромностью, это не способствует повышению в должности (звании). Участковый Анискин предпенсионного возраста – старший лейтенант («Деревенский детектив»). Следователь Прохоров – профессионал, с высшим юридическим образованием, без которого в управлении обойтись не могут, «золотой, выдающийся работник» в свои «сорок с хвостиком» – в звании капитана («И это все о нем»). Наоборот, в норме, когда следователь в тридцать лет – капитан (Гуров), в сорок семь – подполковник (Орлов). Скромный руководитель детского хора Виктор Макарович, профессионал с 40-летним стажем и талантливый педагог, не имеет никаких почетных званий («Позавчера и послезавтра»). В таком случае ценность профессионального труда может подавляться непрофессионализмом с высоким социальным статусом. Директор Дома культуры назначает на должность хударука пионерского ансамбля заслуженного артиста республики без педагогического опыта, который уходит из большого искусства по состоянию здоровья (располнел). Заслуженный артист признается, что «дня бы не выдержал» в работе с детьми, но более престижное место где-то уже занято, и он соглашается. Все знают, что на должность хударука есть кандидатура любимого детьми и родителями Виктора Макаровича. Более того, ставка хударука «пробивалась» именно для него. Но директор Дома культуры убежден: звание заслуженного артиста принесет больше пользы хору и Дому культуры, чем Виктор Макарович. Заслуженный артист, как солидная вывеска, улучшит «лицо» Дома культуры («Позавчера и послезавтра»).

В обществе потребления среди людей разных социальных групп, горожан и сельских жителей, все заметнее определялась тенденция: труд мужчины должен приносить высокий доход, мало зарабатывать – стыдно. В рассказе В. Шукшина колхозник с презрением говорит о своем соседе: «Молодой мужик, здоровый – ходит через день в пекарню, слесарит там чего-то. И вся работа. Вот так работа, елкина мать! Сходит, семь болтов подвернет, а на другой день и вовсе не идет... Восемьдесят пять рублей. Хуже бабы худой. Доярки вон в три раза больше получают. А Генке – как с гуся вода: не совестно, ничего» («Наказ»).

Росло число женщин, не брезгующих результатами нечестного труда мужчин. По наблюдениям следователя Знаменского, на пьющих, дерущихся, гуляющих мужей жены заявляют, а тем, кто ворует, тащит в дом и покупает

жене, чего душа пожелает, супружеский донос не грозит («Черный маклер»). Ирина Перова преклоняется перед мужем, легко и беззаботно тратя большие деньги, им добываемые. Алла Ванина посоветовала ей не задумываться об их происхождении: «Пусть у мужиков голова болит. Прогрессивки, премии, левые, правые. Они покорители мира, сильные и умные. Мы с тобой, Ириша, слабые женщины. Ты скажи своему, что тебе шуба нужна, а он пусть думает, где деньги достать» («Выстрел в спину»). Настоящий мужчина и честным путем может заработать большие деньги для любимой женщины. В пьесе М. Рощина сибирский нефтяник Володя, разобравшись, что страсти кипят из-за отсутствия у молодых студентов денег, жилья и протеста родственников, советует Валентину ехать к ним на буровую и заработать: «Не будешь пить-курить, за два года вот такие гроши привезешь! Квартиру построишь, ее оденешь-обуешь, чин чинарем! А поучишься заочно. А то и потом догонишь! <...> Здесь не то! Там реальность, понял? Полста – на котел, проходить – в казенном проходишь, а две сотни в месяц как кинешь своей девочке – она от тебя и к академику не учапает, понял?» («Валентин и Валентина»). Зубной врач Фарятьев, «незаурядный человек» с теорией об инопланетных предках землян, очень много работает, но зарабатывает «сравнительно мало». Это усиливает впечатление о нем как неудачнике, а Шура мечтает о всеобщем кумире Бедхудове («Фантазии Фарятьева»).

Увлеченный и даже успешный общественно-полезный труд женщин, скорее, препятствует успеху у мужчин. Воспитатель школы-интерната Надежда Георгиевна расстается с перспективным женихом, журналистом из Москвы: «Что же! Всю жизнь быть мужем-сиротой при живой жене? Питаться остатками любви, которую ты даришь детям?» («Благие намерения»). Людмила Прокофьевна Калугина сделала блестящую карьеру, но сослуживцы не воспринимают ее как женщину. На совет Самохвалова приударить за ней с целью карьеры, Новосельцев возражает, что не может относиться к ней как к женщине («Сослуживцы»). Как правило, жены деловых и успешных мужчин не заняты общественно-полезным трудом: Гасилова («И это все о нем»), Шахова («Черный маклер»), Перова и Ванина («Выстрел в спину»), Панафидина («Лекарство против страха») и др.

Тема трудового героизма исчезает из массовой литературы. Лишь в эпических романах есть описания трудового героизма военных лет. Феня

Угрюмова спасает затопленный неумелой подругой-трактористкой трактор, ныряя в ледяную воду, чтобы зацепить трос («Ивушка неплакучая»). Этот эпизод в экранизации романа перенесен в начало 1970-х («Русское поле»).

В условиях социалистической индустриализации и гарантированной оплаты труда колхозника все меньше интересуют результаты труда. Причем, крестьянин осознает, что это противоречит традиционным ценностям: «С одной стороны, конечно, хорошо – материально нас поддержали, с другой стороны... Вот нам говорят: давайте сравняем город с деревней. Давайте! Значит, для вас в городе главное что, деньги? Ну, значит, давайте и для деревни так же сделаем – деньги будут главными. А – хрен!.. Так нельзя. ... чем больше я получаю, тем меньше я беспокоюсь, что после меня вырастет» («Печки-лавочки»).

Собственность общественная и личная, богатство (благосостояние).

Колхозник начинает проявлять безразличие к общественной собственности, если общественно-полезный труд не приносит никакой личной пользы. Аркашка Молчун объясняет Василию Кружилину: «Ежели косит, скажем, колхозник сено для своей коровы, так пластается до полного выдоха, потом все до клочка подберет и увезет. А на общественных коров так себе робит, с перекурком. И потом – осталась где копна в кустах, черт с ней, не полезет, пусть пропадает. Не свое, мол. ... И ты не полез бы, коль поробил бы с наше на дядю. ... Посеяли бы тут кукурузу – так это для себя. А пышеничку – для дяди. Да ежели она еще уродит» («Вечный зов»). Это здравый смысл.

Убожество общественной собственности объясняется практической бесполезностью для людей связанного с ней социального института. Не было в деревне хуже дома, чем контора сельского Совета: «... кривые окна и двери, плетня и ворот не имелось, вместо кирпичной трубы торчали три дырявых ведра, вставленные одно в одно; стекла ... были латанные-прелатанные, возле окон не росло ни деревца, ни кустика». В комнате – убогая мебель, собранная «с мира – по нитке». В сельсовете регистрируют рождение, браки и смерти, а гражданская процедура для крестьян – простая формальность. Главное – традиционные обряды – родины-крестины, свадьба, похороны-поминки, которые проводят дома («Деревенский детектив»). Женя Столетов грубо нарушает правила эксплуатации государственной собственности – трелевочного трактора («И это все о нем»).

Согласно политэкономии социализма, благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом, деньги воплощают в себе общественный труд и поэтому не могут превратиться в средство эксплуатации. А отношение к деньгам, как показывает массовая литература, связано со способом их заработка. Писатель Ветров научился определять, заработанные у человека деньги или чужие, хотя не обязательно ворованные, а родительские: «Деньги заработанные редко мнут, расплачиваясь, не бросают, а передают в руки либо кладут на стол. И вынимают их не из правого кармана брюк, а из левого внутреннего кармана пиджака». Женя Шутин после развода легко отдает бывшей жене квартиру со всей обстановкой, потому что они куплены на деньги Шутина-отца («Выстрел в спину»). Деньги, заработанные честным и нелегким трудом, отдать непросто. Но Феня Угрюмова, недолго думая, отдает Штопалихе четыреста рублей, чтобы Наденка покрыла растрату колхозных денег: «Когда будут, тогда и вернете». Это говорит о ее отзывчивости («Ивушка неплакучая»). Для честного труженика крупная сумма наличных денег – явление редкое, связанное с крупной покупкой или поездкой. Поэтому сельские жители и горожане сельского происхождения, собираясь в дальний путь, крупные наличные деньги прятали поближе к телу: «Нюра, Нюр, ты деньги-то под юбку, под юбку; ни один дьявол не догадается... Я сроду под юбкой вожу... Целеньки будут» («Печки-лавочки»). Василий, отправляясь на курорт, везет деньги в потайном кармане, пришитому к трусам («Любовь и голуби»).

Крестьяне традиционно ориентировались на достаток, созданный честным трудом. Тракторист Иван Расторгуев: «Если я не поленюсь, я эти свои сто двадцать рублей завсегда вышибу. Так? Буду вкалывать с утра до ночи... а то и ночи прихвачу...» («Печки-лавочки»). Уважали богатство, созданное честным, тяжелым трудом, но не путем расчета и хитрости. Михаил Пряслин презирает колхозника Никифоровича, который «легко забогател» по расчету, на разведении огурцов в северных широтах, получив за это звание «почетный колхозник» и персональную пенсию («Братья и сестры»). По оценке капитана Прохорова, «богато» жили сосновские лесозаготовители: дома из толстых бревен, много окон, кирпичные фундаменты, железные крыши, четыре-пять комнат, огромные веранды, обшивка тесом, мощные ворота, резные наличники и крыльцо. Самым богатым был дом мастера Гасилова – «огромный», на

бетонном фундаменте, из отборных кедровых бревен, с мезонином, флигелем, окнами из мозаичного стекла, с кирпичной баней, каменным гаражом, парниками, клумбами, бассейном. Но как выясняется, их богатство – нечестное или не совсем честное («И это все о нем»). Представления о богатстве не совпадают с реальными ценностными ориентациями. Как всегда, выпив лишнего, Иван сочиняет: у него в доме пять ковров персидских, шкур медвежьих три штуки, барометр, «сервант на тоненьких ножках» (модный), а в нем – много дорогой посуды, мясо на столе «круглый год не выводится». Протрезвев, Иван объясняет профессору: «Я не гонюсь за богатством. Мне бы вот ребятишек выучить – больше ничего не надо. Ничего так-то – все есть. Телевизор есть, корова есть. Свинья даже есть...» («Печки-лавочки»).

Когда у человека нет семьи и личной собственности, у него нет и страха перед властью. Панка Волошина соглашается с Анискиным: «У меня, Федор Иванович, страху нет! ... Ребятишек у меня нет, мужика нет, дом колхозный, из скотины один Шарик... Ну за кого мне бояться...» («Деревенский детектив»).

Отношение общества к возможности повышения своего благосостояния путем выигрыша в лотерею оставалось прежним: всерьез на это рассчитывать может лишь неумный человек. «Гениальный план» колхозного бухгалтера Наденки, «завидушей и нетерпеливой», – выиграть собственный автомобиль, рушится. Не слушая совета Авдея не смешить людей и не позориться, Наденка покупает несколько сотен лотерейных билетов. Личных накоплений для этого не хватает, и Наденка тайком берет в колхозной кассе – «страшно аж сказать» четыреста рублей. Наденка ничего не выигрывает, растрату покрывает деньгами, взятыми «в долг» у Фени, увольняется и уезжает в город («Ивушка неплакучая»).

Личное благосостояние – важный мотив научного труда Антона Тихомирова. Незадолго до защиты Антон откровенно говорит другу детства, зачем ему нужна диссертация: «Ведь я кто? Плебей. Полжизни в деревне в хате под соломой. Раньше? В конуре под лестницей. В лучшем случае – в общежитии на железной коечке с медным чайником и граненым невымытым стаканом... Знаешь, все это откладывается, принижает, становишься мелким, упираешься лбом в мелочи. Какой-нибудь унитаз с чистой водичкой начинает достижением казаться. Путаться начинаешь: то ли диссертация нужна тебе,

чтобы в науку двери открыть, то ли просто – в изолированную квартиру с этим проклятым унитазом» («Страх высоты»).

Приоритет материальных ценностей – признак мещанства, но в обществе потребления все сложнее отличить его от нормального стремления людей к повышению благосостояния. Встречаются карикатурные образы мещанства (Вера Косая в повести «Деревенский детектив»). Встречаются образы, в которых не сразу улавливается мещанская сущность. Супруги Запорожцы – люди образованные, занимающие престижные должности, красивые и холеные, просят доверить им ребенка из интерната. Аргументы: высокий средний заработок на двоих – пятьсот рублей, отдельная квартира «с высокими потолками» и автомобиль «Москвич» убедили педагогический коллектив. Но девочка Аллочка стала единственным ребенком, кого пообещали удочерить, и с кем отказались продолжать дружбу. Запорожцы почувствовали, что девочка нарушает их спокойную, налаженную жизнь. Отказ нанес девочке сильную психологическую травму, и педагогам интерната пришлось приложить много усилий, чтобы вернуть ей душевное равновесие («Благие намерения»). Итак, мещанство, вместе со стремлением «быть не хуже других» и безответственностью, калечит личность.

Ценность рациональности и практицизма. Обращаясь к началу 1960-х, Ан. Иванов пишет о беспредельном давлении на колхозы в ходе выполнения государственного плана. Вновь показана затронутая ранее литературой «оттепели» спекуляция ценностью государственного плана в корыстных целях: партийный функционер Полипов беспредельно давит на колхоз «Красный партизан» и грамотного хозяйственника Ивана Савельева. Спекулируя ценностью государственного плана, партийный функционер наслаждается властью и сводит личные счета: «Теперь покладистее ... будут. Все равно скот зимой кормить будет нечем». Опытные хозяйственники и честные коммунисты понимают, что Полипов своим руководством хозяйства района «под корень рубит», перспективы не видит («Вечный зов»). Таким образом, Ан. Иванов «вдогонку» еще раз показал, как рациональность социалистического планового хозяйства перечеркивается личными амбициями конкретных руководителей.

В других произведениях показана ситуация 1970-х, позволяющая увидеть динамику советского планового хозяйства. В отличие от времени «оттепели», когда план жестко спускался «сверху», и любой ценой требовалось его

выполнить, с началом экономической реформы 1965 года в отношении планирования кое-что изменилось. В исключительных случаях допускается невыполнение плана. Алексей Чешков доказывает, что необходимо проводить модернизацию даже за счет плана: «Нужно создавать перспективу. Это сейчас главное, а не план. Хотя формально план – главное». Дирекция завода позволяет Чешкову несколько месяцев проводить реформы, не требуя полной отдачи плана. Его деятельность высоко оценивается дирекцией: «Вы говорили о значении плана, о реализации и прибыли. Прибыль, как известно, это разница между ценой и себестоимостью. Чешков добился низкой себестоимости, он стал делать продукцию дешево. Он начал с правильного конца. И план у него вот-вот будет». В отличие от Бахирева («Битва в пути»), Чешкову в ходе модернизации производства приходится преодолевать сопротивление не администрации, а трудового коллектива: люди хотят заработать «сейчас», им нужна премия, связанная с выполнением плана («Человек со стороны»).

Стала возможна корректировка плана производственного предприятия. Проблема в том, почему и каким путем корректируется план. Начальник строительного треста Батарцев под давлением «сверху» взял обязательство сдать комбинат к определенному сроку. В процессе строительства оказалось, что по ряду причин – плохой организации производства, недопоставок смежников это нереально. О выполнении плана любой ценой речь не идет. Находится другое решение: скорректировать план задним числом. В итоге при огромных простоях план оказался перевыполненным, трест занял третье место в соцсоревновании, все получили премию («Протокол одного заседания»).

Реализация хозяйственной реформы 1965 года, как всегда, принесла не только ожидаемые, но и непредсказуемые результаты и новые проблемы. Как отмечалось, на производстве начались злоупотребления принципом материальной заинтересованности и практика выполнения плана в обход государственных интересов [236, с. 21]. Роман В. Липатова «И это все о нем» касается той же проблемы. Мастер Гасилов на законных основаниях, пользуясь предоставленной предприятиям большой самостоятельностью в организации производства, при помощи технорука Петухова, создал и внедрил на своем участке леспромхоза систему стабильного выполнения и перевыполнения плана, без высоких трудозатрат. Это удалось сделать за счет занижения норм выработки. Выявить и доказать занижение норм было непросто, да и некому,

при советской системе хозяйствования. Результат: на участке Гасилова рядовой тракторист вместе с северной надбавкой зарабатывал в месяц не менее трехсот рублей, а ударники иногда получали четыреста. Все были довольны: рабочие, начальство, семьи. Массовая нечестность.

Практицизм, направленный на личную пользу, традиционно осуждается в крестьянском обществе. Феня Угрюмова стыдит подругу, солдатку Машу, практичную в устройстве своих «житейских благ». В годы войны неумелая трактористка Маша гонит самогон, иногда приносит в поле, угощает бригадира, а тот работает на ее тракторе полсмены, а ночью – всю смену. Самогоном Маша платит односельчанам и за помощь в домашнем хозяйстве, потому что сама не может, «не привыкла», а без самогона «не дозовешься ни одного старика», «У тебя отец, мать не старуха еще, братишка Павлик, а я одна». В начале 1970-х Феня снова осуждает практицизм, направленный на личную пользу. За то, что Михаил Соловьев – сын Маши все рассчитал (переезд в город, работа на заводе, вечерняя учеба и к тридцати годам должность мастера цеха), Феня его «напутствует»: «катись в город, коль ты такой расчетливый!» («Ивушка неплакучая»). В осуждении практицизма на личную пользу проявляются типологические особенности русской культуры – соборность в соединении с эгалитаризмом – пресечением всяких индивидуальных попыток выделиться, особенно за счет других.

Практицизм продавщицы сельпо Евдокии Прониной не осуждается односельчанами и участковым Анискиным, потому что, хотя и дает личную пользу, но вызван потребностями односельчан и неразрывно связан с пользой общественной. Зарплата у Евдокии – 62 рубля, живет в доме при магазине, подсобного хозяйства не имеет. Анискин понимает: «На эти деньги без добавки прожить невозможно, особенно если нет постоянного мужика». Одинокая продавщица выживает за счет того, что население к ней «прется в ночь-полночь» за водкой. Ее свободное время односельчане не уважают, но за беспокойство Евдокия получает денежную компенсацию. Бутылка водки стоит 2 рубля 87 копеек. После закрытия магазина за водку платят 3 рубля. Пронина с каждой бутылки получает прибыль 13 копеек, и никто за это не осуждает. Но когда Дуська изредка на 3-5 копеек обсчитывает покупателей-ребятишек, эти факты быстро становятся известными и возмущают односельчан. По мнению Глафиры Анискиной, Дуська обсчитывает, потому что «Пальто

ново справлят!», а чтобы Анискин не наказал ее за обсчет (Ст. 156 УК РСФСР), старается угодить Глафире – помогает приобрести для сына хорошие кожаные ботинки: «заказ на район послала» («Деревенский детектив»).

По сравнению с литературой «оттепели», в массовой литературе времени «застоя» появился новый взгляд на практицизм для общей пользы: он может быть негуманен по отношению к конкретному человеку. Когда Директор Дома культуры «для общей пользы» утверждает худруком заслуженного артиста, он перечеркивает конкретного человека – Виктора Макаровича, которому остается только уйти на пенсию, и конкретных ребят, которые не смогут плодотворно заниматься в хоре без любимого педагога («Позавчера и послезавтра»).

Ценность коллективизма и трудовой коллектив. Тексты массовой литературы показывают: как и прежде, коллективизм проявляется тогда, когда люди видят в коллективном действии личный интерес. Для пресечения хулиганства Паньковых Анискин обращается к трудовому коллективу, чтобы люди открыто высказали свои претензии, а Паньковы прилюдно дали слово не хулиганить. Люди дружно откликаются, потому что уважают участкового, собрание проводится на рабочем месте и многие обижены Паньковыми («Деревенский детектив»). Если нет личного интереса, нет и коллективизма. Солдатка Маша платит односельчанам за помощь по хозяйству самогоном. За это Феня стыдит ее. Маша возражает: «Мы на собрании комсомольском горазды друг дружку критиковать, а вот бы сговорились помочь кому всей организацией – этого у нас нету». Феня прекращает разговор: «Ну хватит» («Ивушка неплакучая»). Видимо, у комсомольцев нет личного интереса помогать Маше в домашнем хозяйстве.

В отличие от литературы «оттепели», которая акцентировала внимание на пользе коллективизма для общества и личности, в текстах 1970-х появились новые акценты: ценностью коллективизма спекулируют в личных интересах. Секретарь горкома партии Крюков: «Со словом "коллектив" предпочтительнее обращаться осторожнее. Это слово высокое. Иногда пишут: "Коллектив не справился". Почти ложь. Нужны имена. Безынициативные, беспомощные работники прячутся за такие понятия, как "коллектив", "коллегиальность"». Коллективизм может быть вреден для народного хозяйства. На дне рождения у замначальника цеха Манагарова одна гостя откровенничает: «Я работала в одном учреждении, у нас такой коллективчик, скажу я вам... Все притерлись и

покрывают друг друга. Во имя дружбы! Пожирают государственные деньги» («Человек со стороны»). В пьесе Гельмана показано, как коллективизм (соборность) защищал виновника хозяйственных ошибок от личной ответственности. На заседании парткома выясняется, что бригада по старому чертежу выполнила фундамент для компрессорной, и он теперь не годится. Новый чертеж не поступил в бригаду по вине технологического отдела: «Так получилось». По распоряжению начальника треста Батарцева, отдел в свой выходной будет долбить отбойными молотками этот фундамент («Протокол одного заседания»). *На первый взгляд, справедливо, но вряд ли виновник случившегося – весь отдел.* И все-таки за ошибку или безответственность конкретного человека будет расплачиваться коллектив.

В 1970-х трудовой коллектив – не семья, там совсем непросто найти взаимопонимание и консенсус в решении производственных проблем: «Вообще в коллективах, где много женщин, да еще таких, как школа, сражение самолюбий и престижности часто идет в сильном тумане, где туман – это личные вкусы, пристрастия, неприязнь и симпатии, мелкие недоразумения и даже, если хотите, зависть. И порой выходит, что говорят об одном и том же, только разными словами, а решение выносит характер... Так что сшибаются характеры и престижи, а не точки зрения и взгляды». В трудной ситуации воспитателю Надежде Георгиевне реальную помощь и моральную поддержку оказывает не весь трудовой коллектив, а директор и завуч, которые, как выясняется, – муж и жена («Благие намерения»). Александра – преподаватель музыкальной школы жалуется: «Чаще всего в служебных делах нет никакого взаимопонимания, а от этого смертельно устаешь» («Фантазии Фарятьева»). Трудовой коллектив статистического учреждения с удовольствием и дружно сплетничает о любовных письмах Оли Рыжовой, адресованных Самохвалову. «Общественность» в лице Шуры из месткома осуждает ее и призывает: «Вернитесь в семью, в коллектив, в работу!». Реально вступаются за Олю лишь два человека – Калугина и Новосельцев («Сослуживцы»).

Руководящая роль КПСС. Беспредельное давление честолюбивого и властолюбивого партийного руководителя на хозяйственника показано лишь в романе А. Иванова. Другие тексты показывают динамику руководящей роли КПСС: от жестких требований и давления на хозяйственников партработники переходят к помощи в решении проблем. Руководящая роль КПСС все больше

смещается к улавливанию массовых настроений и, на основании этого, к формулированию задач развития народного хозяйства на отдельном предприятии и в целом. Так руководит секретарь райкома Кустовец («Ивушка неплакучая»). Секретарь парткома Соломахин выступает лишь в финале заседания, подводя итог: партком полностью одобряет действия коммуниста Потапова и его бригады; обязывает Батарцева ознакомить руководство главка с расчетами бригады и поставить вопрос о ликвидации корректировки плана. И мораль: необоснованной корректировкой плана извращается понятие социалистического соревнования («Протокол одного заседания»).

В массовом сознании в отношении к КПСС по-прежнему проявляется социоцентризм, но проблема спекуляции партийностью становится менее актуальной. Спекулирует ценностью КПСС либо партийный функционер типа Полипова («Вечный зов»), либо некомпетентный и неуважаемый функционер типа уполномоченного из района, либо очевидно неумный человек, типа Веры Косой, которая грозит Анискину лишением партбилета за то, что он не «оказал ей защиту» от мужа («Деревенский детектив»).

Партийный долг как мотивация выполнения плана для молодых хозяйственников менее значим, чем для хозяйственников старшего поколения. Если Грамоткин «давал» план, потому что «это дело политическое» и он – «партийный человек», то на Чешков на привычные аргументы возражает: «Постарайтесь избегать острой политической терминологии. Мы работаем в промышленности. И здесь не митинг. Это дурная манера прятать собственное неумение за политическими лозунгами» («Человек со стороны»).

Конечно, членство в КПСС и партийный стаж повышает социальный статус хозяйственника, давая ему больше прав, но и налагает большую ответственность. За хозяйственные нарушения и просчеты хозяйственник-коммунист получает взыскание по линии партии («Вечный зов», «Деревенский детектив», «Человек со стороны», «Мы, нижеподписавшиеся»).

Сохраняется представление о высокой нравственности коммуниста. Так, Феня Угрюмова считает, что из-за своего «греха» – незаконной жизни с чужим мужем она не может претендовать на вступление в КПСС. Старый колхозник стыдит молодежь за некачественную вспашку поля и особенно винит Павла: «Почему не остановил трактора, не отладил плуга?.. А еще в партию собрался вступать!.. Нынче же предупрежу всех, чтобы не давали рекомендаций!..».

После этого Павел долго еще не решается просить о рекомендациях («Ивушка неплакучая»). Выясняется, что представления о высокой нравственности коммуниста не всегда соответствуют реальности. Рукояткина отказалась вступить в любовные отношения с «видным» парнем, мастером с ее фабрики: «Он член партии. Да как же он... Он же на фабрике беседует с рабочими о моральном облике! Учит их! А сам блудануть хочет потихоньку от рабочих, от жены, да от партии» («Криминальный талант»).

Ценность образования и его мотивация. Сельские жители образованность связывают с городским образом жизни. Образованность вызывает уважение («Деревенский детектив»). «Образованность» горожанки Раисы Захаровны так ошеломила сельского жителя Василия, что стала решающим условием их курортного романа («Любовь и голуби»). При этом старшее поколение жителей села различает стремление молодежи к образованию и стремление уехать в город под предлогом образования. Первое – поддерживается, второе – осуждается. Поэтому Анискин материально помогает троим детям, которые живут в городе и учатся в вузах, но категорически запрещает младшей дочери Зинаиде, провалившей экзамены в Томске, поступать на следующий год. У младшей дочери способностей к высшему образованию Анискин не видит, ее стремление в город считает тягой к легкой жизни и сурово отправляет работать в колхоз: «Если ты завтра ж в колхозе не будешь работать, ... то уходи из моего дому» («Деревенский детектив»). О том, что сельская молодежь в городе учится не для знаний, а чтобы в колхозе не работать, говорится в рассказе В. Шукшина «На кладбище».

Городской человек, не имеющий высшего образования, ощущает себя социально неполноценным. В повести А. Алексина бывшие солисты детского хора, супруги Дима и Римма, за 17 лет ни разу не навестили любимого педагога Виктора Макаровича, потому что стыдились: «Вы же предсказывали нам музыкальное будущее. А мы ничего этого... не оправдали. Я вообще с десятилеткой остался. А Римма кончила техникум. К тому же торговый...». Из-за низких отметок в общеобразовательной школе родители не разрешают ребенку заниматься в творческих кружках, студиях, художественных и спортивных школах. Администрация досуговых учреждений не принимает таких детей в кружки и студии. Родителям важны школьные отметки детей в

перспективе их дальнейшего обучения в техникумах или вузах. Мотивом администрации является «репутация учреждения» («Позавчера и послезавтра»).

Образование, с одной стороны, оторвано от реальной жизни, с другой стороны, отражает общие проблемы реальной жизни. Следователь Рябинин замечает, что обычно все студенты – смелые, все знают и собираются перевернуть жизнь. Но почему-то в НИИ – посредственные инженеры: «Ни взлета, ни страсти, ни смелости... Куда что делось!». Рукояткина закончила вечернюю школу, но пишет неграмотно: «А я вечернюю школу кончала при фабрике. Им план был спущен – ни одного второгодника. Ничего не знаешь – тройка, чуть мямлишь – четверка, а если подарок отвалишь – пятерка. У меня и аттестат зрелости есть». Зато Уголовный Кодекс РСФСР Рукояткина знает не хуже следователя, поэтому пытается свои действия представить как проституцию, поскольку в УК за нее нет статьи («Криминальный талант»).

Распространение массовых форм образования в социалистическом индустриальном обществе вызвало специфические проблемы: «девчонки идут в педагогический только потому, что не знают, чему учиться, нет никаких серьезных пристрастий, и вот им кажется, будто школа, педагогика – благое дело, и кто же школу не знает, коли ты только из нее!» («Благие намерения»). Отсюда – большое количество людей, работавших не по специальности.

С ценностями связаны практики хозяйственной культуры повседневности. Всесоюзная кампания за увеличение посевных площадей (конец 1950-х) в повседневной жизни доводилась до абсурда честолюбием и властолюбием партийных функционеров. С целью увеличения посевных площадей предлагалось, вопреки здравому смыслу, до минимума сокращать чистые пары, предназначенные для посевов озимой ржи. Председатель колхоза Савельев отказывается увеличивать количество чистых паров, опираясь на здравый смысл: «Все наше хозяйство только на животноводстве да на озимой ржи стоит. Пшеничка на наших землях не шибко растет. Год уродит – два погодит. А рожь дает постоянный и устойчивый урожай. Только сеять ее надо по чистому пару». В большинстве случаев Полипов «продавливает» свои указания («Вечный зов»). Литература 1970-х, в отличие от литературы «оттепели», критично оценивает кукурузный проект («Страх высоты»).

Предоставленное колхозам право планировать всю хозяйственную деятельность партийный функционер сводил к декларации: «У вас этого права

никто не отбирает. Но и у нас... у райкома никто не отобрал права контролировать...» («Вечный зов»). Контролем называется бесцеремонное вмешательство в хозяйство и беспредельное давление на колхозы.

У миграции молодежи из села в город, нарастающей в начале 1970-х, был ряд причин, о которых писали в советских исследованиях [78]. Но лишь в художественной литературе говорилось о такой важной причине как низкий социальный статус колхозника (М. Алексеев, В. Шукшин). Лишь в художественной литературе говорилось о проблеме должностного роста в колхозе (приличную должность можно было получить лишь к сорока годам) и о том, что в сознании носителей крестьянских традиций уважительной причиной отъезда из села является служба в армии («Ивушка неплакучая»). В этом проявляется этатизм русской культуры. Сельская молодежь, по мнению родителей, стремилась в деревне вести городской образ жизни: «С утра в туфельки подчапурится, носик припомадит, юбочку покороче наденет и пошла... Работать не хочет, супа не ест. Деревенские парни ей не по сердцу, на них фыркает» («Деревенский детектив»).

Личные неформальные связи продолжали влиять на развитие всех сфер народного хозяйства. Тексты показывают: это влияние настолько сложно и запутано, что невозможно однозначно определить, идет оно на пользу или во вред обществу. В пьесе А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся» комиссия облисполкома не принимает к эксплуатации хлебозавод из-за недоделок. Но если для принципиального и честного председателя комиссии Девятова недоделки – единственная и главная причина, то для членов комиссии Нуйкиной и Семенова главная причина – личное указание зампреда облисполкома Ивана Ивановича, который поддерживает «своего человека», начальника строительного треста, Грижилюка. Грижилюк «не сработался» со своим подчиненным Егоровым, занявшим после него должность начальника СМУ «Сельхозстрой». На основании организованных писем-жалоб трудящихся, Егорова вынуждают срочно достроить хлебозавод, который был заложен при Грижилюке. Цель Грижилюка – доказать, что Егоров не справляется с обязанностями и снять с должности. Леня Шиндин – диспетчер СМУ и единомышленник Егорова. По его словам, Егоров – новатор сельского строительства, профессионал, творческий и честный человек. Снятие его с должности пойдет во вред производству и обществу. С одной стороны, для

общества (рабочих хлебозавода, потребителей) лучше, что хлебозавод с недоделками не принят в эксплуатацию. С другой стороны, будет ли обществу лучше, если новатор сельского строительства Егоров будет снят с должности и не реализует своих замыслов? Малисов – человек Грижилюка. Он «служит начальнику» не за идею, а за то, что тот делает для «своих» людей что-то «существенное, жизненно важное». Лично ему Грижилюк дважды помог в решении сложных жизненных проблем. Леня Шиндин «служит» Егорову за идею: зарплата у него – самая маленькая, премия – самая маленькая, квартира на троих – однокомнатная, без телефона. Хотя Алла подозревает, что у мужа все-таки есть личный интерес. Однажды Алла слышала, как за выпивкой Леня говорил, что Егоров пойдет вверх, а мы – за ним: «Поэтому ты не смеешь просить его о мелочах!» («Мы, нижеподписавшиеся»). Хотя Новосельцеву противна сама идея через неформальные отношения получить должность, все-таки неформальные отношения с Калугиной завязываются. Расчетливая месть Самохвалова и скандал, связанный с назначением Новосельцева, его отказ от должности – это выход из щекотливого положения, в котором оказались герои пьесы. Трудно представить, как Калугина следовала бы своему правилу – оценивать людей по их деловым качествам при назначении на должность, если бы роман развивался гладко: ведь Новосельцев во всех событиях проявил лучшие человеческие, но отнюдь не деловые качества («Сослуживцы»).

Личные неформальные отношения влияют на выполнение профессиональной роли, что является признаком традиционного общества. Следователь Прохоров весьма доволен качеством обслуживания в ОРСовской столовой Сосновки. Но когда он приходит в столовую с Людмилой Гасиловой, та же самая официантка обслуживает их неожиданно грубо, говорит Прохорову дерзости. Как выясняется, грубость связана с Людмилой: работницы столовой презирают ее за предательство, как они считают, по отношению к Столетову («И это все о нем»). Следователь Гуров не верит, что убийство писателя совершено из-за денег. Он разделяет точку зрения подполковника Орлова, но малодушно не высказывает своего мнения в кабинете начальника отдела Турилина. Дело в том, что полковник Турилин был переведен из провинции в столицу и добился перевода для Гурова. Между Турилиным и Орловым, который давно ждал должность замначальника, возникли натянутые

отношения. Поэтому Гуров не хотел выступать против начальника («Выстрел в спину»).

Личные отношения в традиционном обществе влияют на оценку профессиональных качеств человека. «Первый парень», тракторист Филипп Угрюмов предпочел Нине Непряхиной другую девушку. От обиды Нина тайком срывает с доски Почета портрет Филиппа – ударника труда и разрывает в мелкие клочья («Ивушка неплакучая»).

Человек в личных корыстных целях использует государственные и общественные институты. Практика обращения с жалобами в партийные общественные институты нередко была эффективной. В райком партии от колхозницы Веры Косой поступила письменная жалоба, где сообщалось, что продавщица сельпо Евдокия Пронина нарушает правила советской торговли – торгует из-под прилавка. Цель Косой: уволить Пронину с работы. Мотивы: Косая не хотела отдавать Прониной долг в сто сорок рублей. По жалобе Косой в сельпо была проведена ревизия и обнаружена недостача («Деревенский детектив»). Начальник строительного треста Грижилюк, чтобы снять с должности начальника СМУ Егорова, при помощи «своего человека» Малисова организовал «письма трудящихся» с жалобами на нехватку хлеба в районе. Письма были разосланы в советские и партийные органы, в центральные СМИ, которые правильно отреагировали: надо срочно достроить хлебозавод («Мы, нижеподписавшиеся»).

Получает распространение инструментальный подход к людям, характерный для индустриального общества. Лукьянов – заместитель начальника строительства металлургического завода здоровается только с теми, кто ему нужен («Позавчера и послезавтра»). Заместитель председателя облисполкома Иван Иванович и начальник строительного треста Грижилюк манипулируют принципиальностью ответработника Девятова. Однажды столкнувшись с ним, Иван Иванович перестал включать Девятова в состав комиссии. Неожиданно и срочно, хотя Девятов должен был идти в отпуск, его включили в состав комиссии по приемке хлебозавода. После рассказа Шиндина Девятов понимает, что Иван Иванович и Грижилюк, чтобы снять с должности Егорова, использовали его принципиальность: «Когда им она была не нужна, они ее выключили, когда понадобились – включили» («Мы, нижеподписавшиеся»).

В решении хозяйственных вопросов по-прежнему используется демагогия. Как объясняет Леня Шиндин, начальник строительного треста Грижилюк «владеет всей клавиатурой демагогических приемов». Чтобы снять с должности неугодного ему Егорова, «была пущена в ход демагогия высшего уровня: рабочий класс ест черствый хлеб, а коммунисту Егорову на это наплевать!» («Мы, нижеподписавшиеся»). Как уже говорилось выше, не исключено, что Женя Столетов, в борьбе с Гасиловым также использовал демагогию: «Я рабочий, Заварзин. Пролетарий, которые всех стран соединяйтесь... Я не буду заботиться о высокой производительности труда, кто же будет заботиться?» («И это все о нем»).

Крестьянин использует традиционную технологию – в затруднительных случаях прикидывается дураком: «Меня еще дед мой учил: как где трудно придется, Ванька, прикидывайся дурачком. С дурачка спрос невелик». Когда Иван Расторгуев по одной путевке на курорт едет вдвоем с женой, то действует «на авось», а перед директором санатория «прикидывается дурачком»: «Я один буду по санаториям прохладиться, а она дома сидеть? Несправедливо. Ей же тоже охота хоть раз в жизни на море побывать», «Но ей же тоже охота...», «А куда же она?» («Печки-лавочки»).

Взятка как технология жизнеобеспечения затрагивается в основном в детективах. В других текстах упоминание о взятке – редкое исключение, но уточняющее общую картину. После того, как «дурачком» не удалось уговорить директора, Иван решается на взятку и советуется с женой. Разговор показывает: они не знают, сколько денег нужно предложить – двадцать или двадцать пять рублей? Они считают, что за эти деньги директор должен подобрать им комнату получше. Выясняется, что Иван не умеет давать взятки и боится: «а то потянет за взятку-то. Отдохнешь... в другом месте, елки зеленые. Будешь там вместо отдыха... печки-лавочки делать». Выясняется, что навыки давать взятки есть у шоферов: «Черт, никогда с этим не приходилось! Шофера, те привычные...» («Печки-лавочки»). В конце концов, и технология «под дурачка» срabатывает, и директор проявляет человечность: Ивана с Нюрой поселяют в санатории.

Действия героев произведений «по совести» связаны с приоритетом нравственных отношений над законом. В их основе – здравый смысл, доброта, справедливость, человечность. Например, с целью повышения

производительности общественного труда государство проводило антиалкогольные кампании (1958, 1972, 1985), повышая розничные цены на спиртные напитки и др. Культура повседневности на эти «вызовы» давала свои «ответы»: люди сами изготавливали спиртное. Участковый Анискин знает, кто из женщин в селе варит брагу и гонит самогон, но не применяет Указы 1960 и 1961 года, не штрафует их. Решения Анискина мотивируются здравым смыслом: в действиях нарушителей он видит не корысть, а бережливость: либо муж отнесет три рубля в магазин, либо жена изготовит самогон и сэкономит. По доброте Анискин не наказывает юного изобретателя Витальку Прокофьева, который наносит хотя и мелкий, но ущерб общественной собственности. В его летательном аппарате, собранном по книгам, тайком в домашнем сарае, Анискин увидел «сразу четыре покражи». По закону Витальку надо наказать, но Анискин учитывает, что парень растет без отца, грамотный и талантливый, в действиях его нет корысти. Поэтому не заводит дело и распоряжается: «Полетишь в воскресенье!». Анискин находит аккордеон, украденный братьями Паньковыми, но не предаёт огласке имена злоумышленников. Ставит Паньковым условие: если мелкое хулиганство будет продолжаться, Анискин заведет дело и отдаст братьев под суд: «Я до тех времен про аккордеон буду молчать, пока вы штукарить не станете. Но если на вас вот такое народное слово не подействовало, сгинете! Под суд отдам за аккордеон...». Паньковы условие принимают. Аккордеон возвращен пострадавшему, односельчане ограждены от хулиганов. Решение участкового относительно братьев Паньковых обосновано рядом причин: уважением к ударному труду Паньковых в колхозе, заслугами Панькова-отца – инвалида войны, заслугами Паньковой-матери – доярки-ударницы, ветерана труда. Главное, что в проступке Паньковых нет корысти. Аккордеон украли, чтобы бросить подозрение на тракториста Сторожевого, который бил Паньковых за хулиганство, и таким образом ему отомстить («Деревенский детектив»).

Действия по совести, мотивированные добротой, человечностью, приводили к хозяйственным нарушениям. Продавщица Евдокия Пронина по доброте идет на уговоры Веры Косой, «детдомовской сироты», и помогает: дает в долг дорогостоящую одежду. В результате долга возникает недостача в сто сорок рублей и обнаруживается ревизией. Чтобы покрыть недостачу, Прониной приходится срочно продавать личные вещи: «и я те сто сорок рублей, которые

ты мне должна, внесла... Я кофту и бежево шерстяное платье к пароходу вынесла и продала...». По факту недостачи Пронину едва не сняли с работы («Деревенский детектив»). Директор санатория, пожалев алтайских крестьян, поступает по совести: нарушает порядок и устраивает Нюру в санаторий вместе с Иваном, отказываясь от взятки («Печки-лавочки»). Леня Шиндин поступает по совести, бросаясь на защиту своего начальника Егорова, просит комиссию учитывать положение Егорова и принять хлебозавод с недоделками. Нуйкина – член комиссии откровенно говорит Шиндину, что ей приходилось поступать по совести, нарушая инструкции: «Ведь ты к людям – по-человечески, и они к тебе – по-людски!». Председатель комиссии Девятов, также как Люба Габай в романе Ю. Германа, говорит о вреде человечности для общества: «Да уже надоучивались! Все учитываем! То жалко коллектив премии лишать... То учитываем старые заслуги... Вы сейчас предлагаете учитывать будущие заслуги... То учитываем – руководитель пожилой, или молодой... Недавно женился, недавно развелся... Чего мы только не учитываем, во что только не вникаем. А в магазин зайдешь – нормальную вещь купить невозможно! В квартиру вселишься – полгода ремонтом занимаешься!». Но при этом Девятов все-таки поступает по совести и подписывает акты о приемке хлебозавода. Нуйкина подписывает акты из уважения к Девятову. А до этого Девятов, Нуйкина и Семенов по доброте, по-человечески подтвердили проводнику то, чего не видели: как Леня Шиндин «уронил» билет между стеклами вагона («Мы, нижеподписавшиеся»). С одной стороны, все это – поступки по совести, но с другой стороны, все это – массовая нечестность.

К хозяйственным нарушениям могли приводить и действия по совести, мотивированные ответственностью перед трудовым коллективом. Начальник ОТК цеха Пухов признается Чешкову, что покрывал недостачу продукции, около двух тысяч тонн литья: «Я не извлекал лично для себя никакой выгоды. Нам надо было кормить рабочих. Надо было что-то писать в документах, чтобы была зарплата...» («Человек со стороны»). Неся ответственность перед трудовым коллективом, начальник строительного треста Батарцев договаривается в главке и корректирует план задним числом, чтобы люди получили премию. На парткоме Батарцева в этом обвиняют. Драма А. Гельмана показывает: чтобы выполнить хозяйственную задачу честно, по закону, надо бороться. Иначе задача не выполняется. Если она выполняется без борьбы, то

это нечестно. Эту проблему затрагивает начальник планового отдела Айзатуллин: «... почему для того, чтобы работать нормально, управляющий трестом должен был совершить чуть ли не подвиг? Он должен был, по-вашему, ставить вопрос ребром, сопротивляться, рисковать своим положением, которого он добился всей своей жизнью! И все это во имя того, чтобы работать элементарно нормально! Товарищи, это же абсурд!» («Протокол одного заседания»).

Результаты общественно-полезного труда не приносят честному человеку счастья, если он поступил против совести. Антон Тихомиров нашел научную истину, блестяще защитил диссертацию и в тот же день случайно погиб. Вспоминается Виктор Денисов из «Звездного билета», отказавшийся ради научной истины от защиты диссертации, которая принесла бы только личную пользу. Здесь другая ситуация: Антон самостоятельно доказал научную истину и вскоре прочитал неопубликованный труд своего покойного учителя, поняв, что это открытие сделано десять лет назад. После колебаний Антон принял решение поступить справедливо по отношению к себе, но нечестно по отношению к учителю. Никто не может доказать, что он использовал неопубликованные труды профессора Кротова, но по признанию Антона, «то, что нечестно, не приносит счастья ни тебе, ни людям». Незадолго до защиты он говорит Инне Кротовой, что непрерывно мучается, потому что не уважает себя («Страх высоты»). Вероятно, по мнению автора, смерть – лучший выход для Антона, чем непрерывные муки совести.

Технологии теневой экономики во всех сферах народного хозяйства суммарно рисовали детективы. Районная газовая контора направляет предприятиям резко завышенные счета за пользование газом. Их никто не проверяет. Полученные деньги контора переводит магазину хозтоваров за якобы приобретаемое оборудование, там лишние тысячи изымаются из кассовой выручки (Лавровы «Черный маклер»). В Парке культуры и отдыха хитрая комбинация (сокращение сеанса аттракциона, начало работы на час раньше и окончания на два часа позже, деление билета на три части), дает выполнение плана и в два раза больше денег – в карман теневикум (А. Адамов «Вечерний круг»). Водители автобазы угоняют грузовики, грузовики «отстаиваются» на базе и позже продаются колхозам. Колхозы регистрируют их как самостоятельно собранные из запчастей (Лавровы «Шантаж»). Хищения

меховых изделий государственного производства при перевозке с промтоварного склада в магазин путем фальсификации товарных документов – накладных («Черный маклер»). Нарушение технологии производства кондитерских изделий (в крем доливается вода, сливочное масло заменяется маргарином, в тесто вместо коньяка льется водка и др.) получается экономия сырья и «левый» товар, который реализуется без накладных в государственных магазинах. Вырученные деньги делятся между участниками (Лавровы «Повинную голову...»). На фабрике пошива изделий из натурального меха шкурки обрабатывают с нарушением технологии: растягивают чуть не до паутинной толщины, увеличивая площадь. Получается экономия: например, на воротник идет уже не пять шкурок, а четыре. «Лишние» шкурки документально оформляются как новая партия. Деньги за эту партию шкурок снова выплачивают своим людям в заготконторах и затем делят между участниками операции. Все это губительно сказывается на качестве продукции. Не вся продукция фабрики изготавливается из «меховой паутины». Есть товар по торговым ГОСТам и экстра-класса. Последний направляется в избранные точки и на выставки, преподносится под разными предлогами нужным людям (А. Адамов «Час ночи»). Профессиональные реставраторы создают искусные подделки дорогого антиквариата, работ известных мастеров (Лавровы «Подпасок в огурцом»).

Детективы показывают: теневые технологии строились как на слабых местах социалистического хозяйства, так и на безнравственности руководителей, исполнителей. На государственных плодоовощных базах теневики использовали абсурдные положения государственной инструкции по составлению акта о недостатке и воровали в оптовых количествах. Также использовали официальное положение советской торговли о «естественных нормах убыли». Директор плодоовощной базы Чугунникова объясняет Знаменскому: «В пределах нормы убыли можно свободно сгноить тонну бананов. А можно не сгноить, что труднее». Сбереженные тонны списывались как естественная убыль и продавались (Лавровы «Из жизни фруктов»). На ювелирной фабрике отходы производства (осколки драгоценных камней) никому не нужны. Их можно списать, а можно использовать. Деловые люди догадались производить из осколков дефицитный ассортимент – иголки для проигрывателей. Конечно, для производства нелегально использовались

государственные ресурсы – станки и электроэнергия, для сбыта – «свой человек» в государственном магазине (Ю. Семенов «Огарева, б»). Арестованный Барсиков признается: для организации первых своих преступлений искал недоработки в советской экономической системе, прорехи в планировании. В последнем преступлении делал ставку на непрофессионализм и расхлябанность работников бухгалтерии, небрежное и легкомысленное отношение к документам: «Лень, равнодушие и расхлябанность. Всем на все наплевать. Ну, не всем, не всем. Но многим, очень многим. Это, уважаемый, будет почище любой щели в экономике. И с этим вы никакими постановлениями не справитесь – это вам я говорю, специалист» (А. Адамов «Идет розыск»).

Как показывал опыт следователей, положенный в основу многих детективов, предприятие, где был налажен механизм хищения социалистической собственности, с точки зрения хозяйственной дисциплины работало безукоризненно. Чтобы не привлекать к себе внимания ОБХСС, грамотно вели официальную отчетность: «Знаете, где все цифры в ажуре? Там, где по-крупному воруют. Где специально держат "черного бухгалтера"» («Из жизни фруктов»). Общественно-полезный труд теневика обычно положительно характеризуется руководством отрасли: «Этот один из лучших. Умеет торговать. Магазин всегда, из месяца в месяц, выполняет план. Улавливает самые прогрессивные методы. Успешно внедряет. Строжайшая дисциплина в коллективе. Много лет уже ни одной жалобы со стороны покупателей» («Час ночи»).

Мотивацией теневых технологий является несправедливость вознаграждения за честный общественно-полезный труд. В случае «поражения» (не выполнение плана) честные труженики ничем не рискуют, разве что укором начальства или, в худшем случае, выговором, а теневикам в случае «поражения» – тюрьма. Но если у честного труженика в случае «победы» – «спасибо» и грамота, в лучшем случае – месячный оклад, то у теневиков – «нечто с несколькими нолями» («Час ночи»). Вор Батон: «Если ты не прочувствовал в себе права – не желания, а права – жить хорошо, то лучше живи тогда правильно», но почему-то «за правильную жизнь платят до обидного мало» (Вайнеры «Гонки по вертикали»). Рукояткина: «Как можно любить работу? Я вот на фабрике вкалывала – занудь», «Украсть легче, чем

каждый день на работу ходить» (С. Родионов «Криминальный талант»). Писатель Ветров призывает своего друга Олега Перова жить честно, «не воровать». На прямой вопрос Олега: «Ты предлагаешь мне жить на сто двадцать?» (с семьей) Ветров не отвечает (Н. Леонов «Выстрел в спину»).

Теневое производство отличалось от официального рентабельностью, творческая инициатива, «рацпредложения» авторам воздавались сторицей. Было между ними и сходство: теневая продукция изготовлялась с нарушением технологии, значительная часть официальной продукции массового потребления имела низкое качество. Теневик Олег Перов: «Хороша моя продукция, плоха ли, она нравится людям, они покупают охотно. Мои побрякушки не валяются на складах, не приносят убыток. Тоже мне, борец за справедливость! Ты зайди в обувные магазины, к примеру. Погляди, чем торгуют. Летние туфли, по пяти килограмм каждый, на пластике, походишь в таких месяц, без ног останешься. Никто и не берет, полки обваливаются от товара, склады забиты, а твои порядочные гонят план, расходуют сырье, получают прогрессивки. Вот где убытки! Ты их к ответу призови. Рискни! Пока ты будешь ходить по инстанциям, превратишься в долгожителя. Я сделал, тут же продал. Мы следим за рынком, не можем работать для склада... Мы рентабельны, приносим прибыль» («Выстрел в спину»). Иными словами, некачественное официальное производство – такое же воровство, как и производство теневое.

Теневая деятельность давала материальное преимущество перед честными тружениками, по сложности организации превосходила и честный труд, и криминал. В отличие криминала, давала социальный статус. Бывший адвокат объясняет вору Батону преимущества теневой экономики: «Ты в этом обществе паразит, ибо нравственный догмат нашей жизни – "Кто не работает, тот не ест". Что происходит, если ты следуешь моему совету, устраиваешься на службу и начинаешь продавать мясо, или делать заколки для волос, или жарить беляши, или чинить шариковые ручки? Ты становишься трудящимся. У тебя возникает почтенный социальный статус – честный советский трудящийся, ибо нечестных советских трудящихся не бывает. Ты занимаешься общественно полезным трудом, и с каждой сделанной заколки, каждого проданного фунта мяса и поджаренного беляша ты трудолюбиво будешь снимать свой навар – много прибыльней и спокойней, чем ты живешь сегодня». Но в советском

бизнесе «надо работать вдвое усерднее, чем обычному служащему: приходиться раньше, уходить позже, все на учете держать, мерекать все время – где сэкономить, кого подмазать, куда левый товар спихнуть, что сбавить быстрее, а что придержать» («Гонки по вертикали»).

Пороки социалистической системы – несправедливо малое вознаграждение за честный труд и подавление предприимчивости критикуют преступники – воры, теневики или полуполигальные частники: Батон («Гонки по вертикали»), директор меховой фабрики и директор мехового магазина («Час ночи»), Олег Перов («Выстрел в спину»), директор ювелирной фабрики Пименов и частный закройщик Замирка («Огарева, б»), директор плодоовощной базы Чугунникова («Из жизни фруктов»), Рукояткина («Криминальный талант»), преступник-рецидивист Барсиков («Идет розыск»). Скорее всего, если бы подобная критика звучала в исполнении положительного героя, текст не прошел бы цензуру. В их рассуждениях, с точки зрения человека в системе рыночного хозяйства, много справедливого. А с тем, что для народного хозяйства выгодна легализация частного сектора индивидуального пошива одежды согласен даже оперативник МУРа Садчиков («Огарева, б»).

Рисую масштабную картину теневой экономики, детективы опровергали принцип политэкономии социализма о том, что замена частной собственности на средства производства общественной собственностью устраняет нетрудовые доходы. Детективы показывают: на повседневном уровне официальные ценности и знания стихийно адаптировались и приобрели специфические формы. Принцип политэкономии социализма «благополучие трудящихся связано с трудовым вкладом» действовал, скорее, не в официальной, а в теневой экономике.

Институт семьи в хозяйственной культуре. В разных социальных группах технологией жизнеобеспечения оставались браки по расчету. Студентки выпускного курса пединститута использовали эту технологию, чтобы не ехать в деревню по распределению: «Кто-то из мальчишек, приехавших в институт из деревни, сказал язвительно: конечно, мы, деревенские, поедем назад, в район, в городе нас никто не ждет, а вот городские постараются зацепиться за асфальт. Про девчонок же говорить нечего, техника старая, как мир: повыскакивают замуж за горожан независимо от чувств, и ваши не пляшут. Не зря в городе полным-полно учителей, работающих не по

специальности» («Благие намерения»). Если в литературе «оттепели» показывалось, что браки по расчету как технология жизнеобеспечения не приносят счастья, то в литературе 1970-х рушатся замыслы браков по расчету. У Людмилы Гасиловой рушится план брака с Петуховым – инженером с высшим образованием и двадцатью тысячами на сберкнижке («И это все о нем»). Собственное легкомыслие, косвенно способствующее гибели Антона, разрушает план Светланы выйти замуж за нелюбимого, но перспективного жениха в Москве («Страх высоты»). Изменяется план Нины Сарафановой выйти замуж за «серьезного человека» Кудимова, которого она не любит («Старший сын»). Александра отказывается от решения выйти замуж за Фарятьева, которого не любит. Когда неожиданно приходит долгожданный Бедхудов – «необыкновенный», «удивительный», «проницательный», «душа города», «самый умный, добрый, красивый», она буквально убегает с ним из дома («Фантазии Фарятьева»). Такие повороты сюжетов свидетельствуют о нацеленности массовой литературы на воспитание нравственности. Брак по расчету, мотивированный материальными или даже нематериальными интересами, рассматривался как безнравственность, мещанство.

Литература 1970-х отразила усиление традиционного отношения к роли жены в социальной успешности мужа. Панка Волошина – женщина одинокая, и мужики, которые с ней общаются, быстро выходят в «большие люди» – бригадиры или повыше: «Редкая баба, Федор Иванович, в мужике силу понимает, а ведь плохого мужика нет, есть баба плохая...». Анискин, как и большинство деревенских жителей, полагал, «что жизнь мужика зависит от бабы, что ею он силен и крепок. И потому плохих женщин винил больше, чем плохих мужчин...». Для Анискина образец женщины – Прасковья Панькова: доярка, передовик производства, кавалер ордена Ленина. Муж-инвалид, трое сыновей. На собраниях «председателю спуску не давала», в общении с мужиками была веселой, но гордой, с пустячными бабами не сплетничала, блюла себя в чистоте, дом содержала как игрушку. Глафира Анискина – образцовая жена, мать и хозяйка: понимает мужа с полуслова, поддерживает его авторитет в семье и обществе, потакает его неприхотливым вкусам, умело ведет домашнее хозяйство. Наоборот, Вера Косая так «пилит» мужа, что Павел – шофер колхозной трехтонки, с каждым годом зарабатывает все меньше. За три года их совместной жизни, по подсчетам Анискина, заработок Павла

снизились со 153-х до 108-ми рублей: «в месяц зарабатываешь меньше, чем доярка, или еще хуже сказать, неграмотный мужик...» («Деревенский детектив»). Для Ивана Расторгуева очень важно, что жена «не базланит»: «Тут и так-то... не сладко, а если еще и дома... Если я устал как собака, я посплю, отдохнул – можно снова за работу. А если еще дома... Нет, это плохо. Хуже нет». В то же время московский профессор высказывает сожаление, что у горожан исчез традиционный статус хозяина дома («Печки-лавочки»). Ирина Перова – идеальная домашняя хозяйка, детей не имеет. Ирина преклоняется перед мужем и страдает из-за его алкоголизма, просит Ветрова помочь Олегу. По легкомыслию и под влиянием опытных приятельниц она не задумывается о происхождении денег: «Смотреть осуждающе и вопросительно она умеет, однако от денег не отказывается, тратит все, сколько ни дай» («Выстрел в спину»).

Домашнее хозяйство. Аскетизмом характеризуется домашнее хозяйство настоящего мужчины, «бойца и борца» [200], если он одинок и увлечен своей профессией. Это следователи Тихонов («Гонки по вертикали»), Прохоров («И это все о нем»), Гуров, писатель Ветров («Выстрел в спину»). Домашнее хозяйство мало интересует и одинокую женщину, занятую в общественном производстве, если она не мещанка. На примере Панки Волошиной и Евдокии Прониной («Деревенский детектив»), Анны Лукьяненко («И это все о нем») показано, что одинокая женщина ведет скромное домашнее хозяйство, не видя смысла в разведении только для себя живности и огорода.

Домашний труд женщины по-прежнему ценится ниже общественно-полезного труда. Глафиру Анискину в деревне считали «аристократкой», потому что она нигде не работала. При этом Глафиру никто и никогда не видел сидящей без дела – она с утра до вечера трудилась: содержала огород, разводила живность, собирала орехи, грибы и ягоды. Кроме того, Глафира родила и вместе с мужем воспитала пятерых детей. Значит, домашний труд и материнство не считались большой нагрузкой для женщины.

Хотя общественно-полезный труд женщины ценится выше, проблемы с детьми вынуждают признать важность домашнего труда, в том числе, воспитания детей. Когда Прасковья Панькова узнает, что ее сыновья украли аккордеон у завклубом, то горько признается: «Это дело так и должно быть.

Сам знаешь, какой у меня Виталий, сам знаешь, что с молодости все дни на ферме – вот и упустила ребят...» («Деревенский детектив»).

У сельчан высоко ценится традиционный уклад домашнего хозяйства. Герой пьесы В. Гуркина, Василий, оказавшись в доме Раисы Захаровны, вскоре почувствовал физический и психологический дискомфорт. Здесь традиционная еда – хлеб, пироги, соль, сахар оказалась под запретом. Василию пришлось выполнять женскую работу – стирать одежду, готовить «правильную» еду для себя и Раисы, ужинать сырой морковкой без соли и хлеба, в окружении кактусов, под «Элегию» Массне. Василий затосковал по традиционному домашнему укладу, и рассказ Раисы о скандале с Надюхой стал лишь последней каплей для решения вернуться домой («Любовь и голуби»).

Эмансипация женщины и общество потребления модернизировали традиционную роль женщины – хранительницы домашнего очага. В границы домашнего очага теперь включаются деньги: в сельских семьях (и в семьях горожан – выходцев из села) общие деньги хранятся у жены. Муж-добытчик находится в положении вечно просителя, а жена решает, дать ли ему денег и сколько. Тишка отдает жене Антонине пенсию, а она иногда выдает ему деньги на «четвертинки» («Ивушка неплакучая»). Супруги Косые ссорятся из-за двух рублей, которые Вера не дает Павлу на питание в дальнем рейсе. Муж называется «притворным растратчиком» и обвиняется в том, что в столовой вместо каши или молочной лапши берет гуляш за 37 (!) копеек («Деревенский детектив»). Иван, возбужденный коньяком и непонятной щедростью попутчика – «конструктора», пытается потребовать у жены деньги, которые она прячет под юбкой: «А есть – люди! Орлы! Я бы сам такой же был, если бы не твоя жадность. Дай-ка мне сюда деньги, а то каждый раз лезешь туда... со стыда сгораю». Но Нюра пресекает попытку: «Не сгоришь. Они там надежней будут» («Печки-лавочки»). Надюха устраивает скандал из-за тридцати рублей, которые Василий взял тайком и осмелился потратить на «парочку голубей». Место хранения сберкнижки Надюха доверяет лишь старшей дочери Людке («Любовь и голуби»).

Выводы. Герои все меньше произносят высоких идеологических слов, почти не упоминается идеал коммунизма. Повседневное понимание цели жизни и счастья связано с общечеловеческими и традиционными ценностями.

Если главные герои говорят о пользе труда, то лишь в аспекте необходимости его модернизации. Личной мотивацией общественно-полезного труда все больше становится справедливое материальное вознаграждение. В повседневной жизни широко распространены представления о социальном неравенстве, связанном с характером труда, образованием, профессией, должностью и местом работы. Различные формы оплаты труда, уровень доходов и, в связи с этим, отсутствие взаимопонимания между трудящимися разных социальных групп, не позволяют говорить о том, что советские люди чувствовали себя единым и сплоченным народом. Упоминание патриотизма как ценности, которой мотивируется труд на пользу общества, почти исчезает. Менее актуальной становится тема подавления ценности творческого труда планом, потому что исчезает стремление к творческому труду. Формально общественно-полезный труд и профессионализм остается главным критерием оценки личности, фактически для общественного признания важнее духовные качества личности. Интеллектуальный труд высокой квалификации по-прежнему престижен. В то же время в обществе потребления, в первую очередь среди горожан, снижается престиж научного труда по сравнению с управленческим трудом в сфере распределения материальных благ. В условиях дефицита и возрастания потребительских запросов престижными становились профессии как интеллектуального, так и физического труда, имеющие отношение к системе распределения материальных благ. Так реализовалась официальная задача – стирание различий между умственным и физическим трудом. Занятие должности мотивировалось не только чувством долга, но и разнообразными личными интересами. Отношение к карьеризму стало нейтральным. В обществе потребления все заметнее определялась тенденция: труд мужчины должен приносить высокий доход для успеха у женщин.росло число женщин, пользующихся результатами нечестного труда мужчин. Все труднее порицать мещанство. Всеобщий процесс изменения цели и смысла труда в индустриальных обществах второй половины 20 века не миновал и советскую Россию. Из средства обеспечения жизни труд стал средством заработка, все больше предназначенного для обеспечения комфорта, престижности и развлечений [99, с. 60]. И благодаря этому в повседневной жизни официальные ценности и знания стихийно адаптировались. Принцип

политэкономии социализма «Благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом» действовал, скорее, не в официальной, а в теневой экономике.

Гуманистическая тенденция в какой-то мере повлияла на отношение части общества к практицизму на общую пользу: показывается, что он может быть негуманен по отношению к конкретному человеку.

В отличие от литературы «оттепели», которая акцентировала внимание на пользе коллективизма для общества и личности, в текстах 1970-х появились новые акценты: ценностью коллективизма спекулируют в личных интересах.

Парработники от жестких требований и давления на хозяйственников переходят к помощи в решении проблем. Роль КПСС все больше смещается к улавливанию массовых настроений и, на основании этого, к формулированию задач развития народного хозяйства. В массовом сознании в отношении к КПСС еще проявляется социоцентризм, но проблема спекуляции партийностью становится менее актуальной: снижается ценность КПСС в массовом сознании.

Теневые технологии строились на слабых местах социалистического хозяйства и на безнравственности руководителей, исполнителей. Мотивацией теневых технологий является несправедливость вознаграждения за честный общественно-полезный труд. Рисуя масштабную картину теневой экономики, детективы опровергали принцип политэкономии социализма о том, что замена частной собственности на средства производства общественной собственностью устраняет нетрудовые доходы.

Сохранялись традиции. Увлеченный и успешный труд женщин по-прежнему не был фактором успеха у мужчин и в семейной жизни, а наоборот. Сохранялась традиционная ориентация на достаток, созданный честным трудом (что совпадало с положениями политэкономии социализма и Морального кодекса строителя коммунизма). В крестьянском обществе традиционно осуждался практицизм, направленный на личную пользу. Коллективизм по-прежнему проявлялся тогда, когда люди видели в коллективном действии личный интерес. Личные неформальные связи продолжали использоваться в хозяйственной деятельности во всех сферах народного хозяйства. Многие хозяйственные проблемы по-прежнему решались по совести. В разных социальных группах практикой жизнеобеспечения оставались браки по расчету. Актуализировалось традиционное отношение к роли жены в социальной

успешности мужа. У жителей села и сельских мигрантов высоко ценится традиционный уклад домашнего хозяйства.

Массовая литература пыталась создать образы новых культурных героев – соборную личность, нравственную личность: тракторист Феня Угрюмова, участковый Анискин, следователи Гуров, Лосев, Тихонов, комсомолец Столетов и др. Но в текстах все меньше «праведников» и больше «юродивых». У культурных героев, самоотверженно и бескорыстно работающих на пользу общества, все меньше преданных единомышленников. Если у врача Устименко был коллектив единомышленников («Я отвечаю за все»), то у прораба-новатора Егорова из семерых остается один Леня Шиндин («Мы, нижеподписавшиеся»). Женю Столетова искренне поддерживают трое друзей детства, бывших одноклассников.

Судя по текстам, в социалистическом индустриальном, массовом, потребительском обществе, наряду с характерными для них моделями поведения – рационализацией «образа мыслей», поведенческих практик и т.п. [183], продолжали сохраняться и существенно влиять на хозяйственную деятельность отношения, основанные на «предписанных статусах» [183], характерные для традиционного общества. Мотивы решений и поступков героев в хозяйственной сфере все больше смещались от политических ценностей к витальным, социальным и нравственным.

3.3. Тексты повседневности в советском детективе

Параграф посвящен рассмотрению существования ценностей советской хозяйственной культуры в их «предметно-телесной закреплённости». Иными словами, рассматриваются вещи, материальные предметы советской хозяйственной культуры, в которых ее ценности представлены на уровне повседневности [216].

Как уже отмечалось, важнейшими функциями советской массовой литературы были ценностно-ориентирующая и социализирующая. В советском обществе возрастающее стремление массы людей к потреблению материальных благ сталкивалось с дефицитной экономикой. Удовлетворению этого стремления препятствовали хронический дефицит качественных и модных товаров отечественной промышленности, ограниченность или дороговизна

импортных товаров и недоступная для честных тружеников спекулятивная цена модного импорта. В этих условиях немало произведений массовой общественно-политической литературы было посвящено воспитанию идеологически правильного отношения к материальным ценностям, предметам быта (повседневности). Идеологически правильным отношением была «простота и скромность в общественной и личной жизни» – положение Морального кодекса строителя коммунизма. Произведения массовой художественной литературы ценностно-ориентирующую и социализирующую функции выполняли образно-художественными методами: коммунистические моральные ценности и нормы поведения формировались у читателя с помощью положительных и отрицательных, прямых и косвенных оценок героев и их поступков [245].

В современной культурологии предметы повседневности включаются в широкое понимание текста, рассматриваются как знаковые системы, передающие смысл. Следовательно, текстами повседневности являются одежда, обувь, украшения, часы, жилье, автомобили и многое-многое другое. Предметы быта (повседневности) всегда обладали и обладают знаковым содержанием и потому характеризуют социокультурную принадлежность владельца [99, с. 34]. Наличие тех или иных предметов повседневности у героев произведений, их отношение к этим предметам и т.п. являет собой косвенную оценку героев. Важнейшие функции советской литературы выполнял и самый популярный жанр – детектив. Одна из содержательных особенностей детектива: особое внимание к деталям повседневности. Эта особенность, а также общая тенденция советской массовой литературы со времени «оттепели» к «правде жизни» делают советский детектив (уголовный) весьма содержательным источником для изучения повседневности.

В параграфе ставится задача проследить: как самый популярный жанр – советский детектив использовал тексты повседневности (одежда, обувь, украшения, жилье, автомобиль и др.) для формирования коммунистической морали, для воспитания идеологически правильного отношения читателей к материальным ценностям. Как соединялись идеология и повседневность?

Анализ текстов повседневности в советском детективе опирается на структурализм, поэтому выделяются тексты, имеющие сходные черты; вычленяются пары оппозиционных концептов, связанные устойчивыми

отношениями; ведется сравнительный анализ выделенных сегментов и верификация полученных механизмов на широком круге текстов.

В советском детективе отчетливо проявляется такой текст повседневности как *одежда и аксессуары*. В советском детективе модная и дорогая, импортная, качественная одежда и обувь – неременная характеристика субъектов теневой экономики. Если в детективе А. Адамова «Личный досмотр» (1963) женщина обута в дорогие туфли на шпильках, одета в «белую пену кружев» и модную ворсистую юбку, то выясняется, что она – заведующая комиссионным магазином, спекулирующая контрабандным товаром. Если мужчина «похож на крупного западного бизнесмена», одет в дорогой, отлично сшитый костюм, белоснежную сорочку, модный галстук, его облик дополняют дорогая оправа очков и модная профессиональная стрижка, то это деятель криминальной экономики, контрабандист. Если жена директора магазина хозтоваров появляется в своем кругу в изобилии драгоценностей, а зимой носит роскошную шубу, то муж – крупный расхититель социалистической собственности (Лавровы «Черный маклер»). В детективе О. и А. Лавровых «Естественная убыль» (1972) молодой начинающий ученый одет в дубленки и дорогие костюмы, пользуется импортным одеколоном и золотыми портсигарами. Как выясняется, эта роскошь – результат крупных хищений социалистической собственности, которыми занимается его жена – заведующая производством в ресторане «Ангара». В детективе А. Адамова «Час ночи» (1976) сидящие за деловым обедом в ресторане солидные мужчины одеты в неброские трилоновые костюмы по моде середины 1970-х, изящные галстуки спокойных тонов, крахмальные с фигурной выделкой белоснежные сорочки самого модного покроя, изящную обувь. В ходе следствия выясняется, что эти солидные люди – директор меховой фабрики и директор мехового магазина являются крупными деятелями теневой экономики. В детективе Н. Леонова «Ловушка» (1978) Игорь Качалин одет не просто хорошо, а безукоризненно: костюмы сдержанных тонов, модного, но не броского покроя, рубашка, галстук, носки со вкусом подобраны по цвету, обувь в большинстве случаев черная, сверкающая чистотой. Его жена Елена даже на кухне носит витую золотую цепь, массивное кольцо и перстень с бриллиантами. В гардеробе Елены Качалиной можно было одеть с ног до головы девичий ансамбль. По мере раскрытия преступления выясняется, что Качалин –

крупный теневик в строительстве, а Елена – деловая женщина с огромными связями, активно включенная в технологию блата.

Детективы Лавровых чаще всего дают очень скупое описание одежды, но достаточно точное, чтобы дать оценку герою. В детективе «Подпасок с огурцом» (1979) в квартиру известных московских коллекционеров является «расфранченная» дама Руднева с целью купить изделие работы Фаберже. Замечания авторов о том, что цена изделий Фаберже в те годы в Москве равнялась цене легкового автомобиля, о работе Рудневой в сфере торговли стройматериалами, и одна деталь одежды – «расфранченная» дают понять: источник доходов дамы – незаконный.

В детективе А. Адамова «Вечерний круг» (1982) свидетель Левицкий на допрос является необычайно импозантным, в щегольском, сверхмодном, бежевом летнем костюме, в темно-коричневой, заграничного покроя, рубашке, с полосатым галстуком, перстнем-печаткой на холеной руке, «необыкновенными какими-то часами на толстом, дорогом браслете». В ходе следствия выясняется, что он – один из руководителей преступной группы, проворачивающей махинации с аттракционами в парке культуры и отдыха.

В романе Л. Карелина «Змеелов» (1982) продавщица Вера появляется перед главным героем Шороховым «нарядной-пренарядной», с избытком золотых украшений: «Одна, две, три золотые цепочки змеились по стройной шее. Одна даже и замыкалась змеиной головкой. Золото было и на руках, сковывало запястья, унизывало пальцы». Вера бойко торгует в киоске южными фруктами. Летом сезонный товар пользуется высоким спросом у горожан, и Вера, сбывая сливу по два рубля за кг вместо полутора рублей по накладной, обманывает покупателей (статья 156 УК РСФСР).

Изысканно, дорого, модно одеты люди, пораженные цинизмом и вещизмом. «Жилистый, атлетического вида парень в элегантных очках, шикарном темно-сером костюме «эври-тайм», ярком, крупно завязанном галстуке с платиновой булавкой» – это молодой, успешный профессор-химик Панафидин, руководитель лаборатории. В детективе братьев Вайнеров «Лекарство против страха» (1974) он даже не свидетель, а почтенный консультант МУРа. Формально – не преступник, но научный вор, эгоист, «облагодетельствовать» человечество готов только за хорошее вознаграждение,

все разговоры о духовности считает глупостями. Он «умеет жить» и презирает тех, кто живет в тусклых буднях.

В скромную, простую одежду, купленную в магазине из доступного ассортимента или шитую самодельно, одеты честные, живущие на зарплату, рядовые труженики. Иногда одежда не просто скромная, а сильно поношенная: в детективе Ю. Семенова «Петровка, 38» так одет пожилой учитель литературы Лев Иванович. Из контекста следует, что он – высокопрофессиональный, увлеченный своим делом, любимый учениками, добрый и одинокий человек. Он приглашает любимого ученика в театры, но из-за своих рваных ботинок «ужасно конфузится», потому в антракте не встает с кресла и не выходит. В детективе А. Адамова «Личный досмотр» начальник брестской таможни (!) Жгутин живет честно, поэтому его дочь-студентка носит скромные платья, в которых выглядит «просто и мило». Супруга сотрудника уголовного розыска г. Пензы, встречая в своем доме столичного гостя – инспектора Лосева, выглядит «приветливо и мило» в простом ситцевом платье с передником. В романе Л. Карелина «Змеелов» незаметная медсестра Лена, честно и бескорыстно выполняющая свою нелегкую работу, дома одета в старенькое «стиранное-перестиранное» платье, в ресторане – в выходное, самодельно шитое платье. В детективе «Лекарство против страха» для талантливого и увлеченного своей работой ученого Лыжина одежда имеет сугубо функциональное значение: ему безразлично, что брюки измяты и обтрепаны внизу, а обувь – бутсы, в которых ходят строительные рабочие. Если у рядового честного труженика имеются модные и дорогие, импортные вещи, то они единичные и приобретены путем экономии и отказа от других благ. Это замечание Вайнеры включают в размышления вора Лехи Дедушкина (Батона): «Контролер, молодая некрасивая девчонка, встала к ящику за моей карточкой. На ней были хорошие лакированные сапоги и английский вязаный костюм. <...> Ей, страшилке, приходится и на службу носить свой дорогой и, наверное, единственный выходной костюм, который она купила за много месяцев экономии и одалживания». Иногда тем же путем честный труженик достигал если не изобилия, то наполнения гардероба импортными вещами. В романе В. Липатова «И это все о нем» богатством гардероба славится счетовод леспромхоза Анна Лукьяненко – красивая, бездетная вдова 29-ти лет. Даже в условиях дефицита в сельских магазинах кое-что из качественного импорта

нередко можно было купить свободно. Почти всю свою небольшую зарплату Анна тратила на импортную одежду, одиноко проживая в стареньком домике без бытовой техники, с убогой мебелью и утварью.

Одежда сотрудников уголовного розыска и ОБХСС авторами детективов рисуется по-разному. У А. Адамова и Ю. Семенова, Н. Леонова, Лавровых и В. Липатова, следователи и оперативники одеты не дорого, но модно и стильно. В детективе Ю. Семенова «Петровка, 38» повседневная рабочая одежда молодого оперативника Рослякова – очень модный в начале 1960-х костюм с двумя разрезами на пиджаке и остроносые туфли, начищенные до зеркального блеска. Поэтому подследственный вор называет его стилигой. Модная одежда молодых оперативников затрудняет определение их социального статуса: «Выглянешь в коридор – и не знаешь, то ли фарцовщик на допрос идет, то ли оперативник из новеньких...». В детективе Ю. Семенова «Огарева, 6» модную стрижку и «короткую юбочку» носит выпускница МГУ, лейтенант Ермашева. Инспектор Виталий Лосев, герой детективов А. Адамова, одет недорого, но модно и со вкусом. В «ЗНАТОКах» стремление одеваться модно не чуждо эксперту-криминалисту Зинаиде Кибрит. Это ей удастся, но шьет она обычно сама, потому что «не больно-то на ее зарплату разгуляешься». У братьев Вайнеров следователи и милиционеры одеты подчеркнуто скромно. Представление об одежде следователя Тихонова в детективе «Гонки по вертикали» (1974) читатель получает из размышлений вора Батона: «у него ворот на рубашке протерт. Сорочка белая, поплиновая, чистенькая, много-много раз стиранная и в сгибе у шеи протерлась до тонкой ворсистой бахромки». Батон готов купить Тихонову множество дорогих и модных рубашек, «только бы он выпустил меня отсюда!», но он знает: Тихонову эти рубашки не нужны, его вполне устраивает старая «чисто выстиранная рубашечка, потому что только в ней он может носиться со своей ответственностью перед всеми людьми». В детективе «Лекарство против страха» поношенный и дешевый пиджак участкового Позднякова свидетельствует: его хозяин – честный труженик, взятки не берет, ведет скромный образ жизни. В гардеробе честного следователя могут быть модные, качественные и дорогие вещи, но единичные. Костюм капитана Прохорова в романе В. Липатова «И это все о нем» (1974) не дорогой и не дешевый, мешковатый, галстук неопределенного цвета со старомодной булавкой. Зато

начищенные туфли – французские, «очень дорогие», даже «пижонские». Понятно: капитан живет на зарплату, которой хватает на скромный холостяцкий быт, включая несколько модных и качественных предметов гардероба.

В годы «оттепели» произошла динамика положительного героя соцреализма: в отличие от положительных героев 1930-х – середины 1950-х, которые, по характеристике Абрама Терца, были исключительно прямолинейны и не смели казаться отрицательными даже для пользы общего дела, положительные герои с конца 1950-х утратили прямолинейность и для пользы общего дела могли казаться отрицательными. Для раскрытия преступления сотрудники уголовного розыска нередко выдают себя за преступников или людей, близких им по духу, или стилияг, надевая соответствующую одежду. В детективе «Личный досмотр» А. Адамова проведение части операции «знакомство с преступником» строится на расчете, что дорогой, отлично сшитый костюм, заграничный галстук и модные, до блеска начищенные ботинки внушат преступнику доверие к незнакомцу, оперативник будет принят за своего. Расчет оказывается верным: контрабандист Засохо, войдя в купе, зорко оглядел молодого человека у окна. Осмотром остался доволен: «Солидно, весьма. Хотя и молод».

В детективе Ю. Семенова «Петровка, 38» сотрудники МУРа Костенко и Росляков по многу часов ходят по улице Горького, высматривая в толпе преступника. Со стороны они похожи на пижонов-бездельников: модно одетые молодые люди, весело разговаривали, заигрывали с девушками, разглядывали ребят и подолгу топтались около продавцов книг. «Походка сейчас у них была особенная – шаткая, ленивая, ноги они ставили чуть косолапо, так, как стало модным у пижонов после фильма "Великолепная семерка"».

В детективе А. Адамова «Час ночи» жена теневика Софья Георгиевна, спекулирующая импортной косметикой, легко впускает в дом незнакомца – инспектора МУРа Лосева, выдающего себя за инженера телефонной станции. Молодой человек, одетый вполне прилично и даже щеголевато (недурной галстук, изящные «пижонские» заграничные сандалеты и модные брюки), внушил доверие не только «вполне интеллигентным» голосом, но и одеждой. Незнакомец был оценен как человек ловкий, умеющий использовать служебное положение, «свой». У Лавровых оперативник Томин, чтобы внедриться в круг

подозреваемых, выдает себя то за богатого и необразованного покупателя антиквариата («Подпасок с огурцом»), то за богатого жителя Кавказа – покупателя автомобилей («Полуденный вор»). На такие встречи он отправляется одетым дорого и безвкусно, «разодетым».

В советском детективе текстом повседневности является *жилье*. Если жилье обставлено новыми, модными и дорогими импортными мебельными гарнитурами, импортной бытовой техникой, то там живут преступники (А. Адамов «Личный досмотр», «Час ночи», Н. Леонов «Выстрел в спину», «Ловушка»). От *изобилия* мебели и украшений интерьера – живописи, хрусталя, ковров, антиквариата квартиры выглядят загроможденными (Лавровы О. и А. «Черный маклер», «Шантаж», «Полуденный вор», А. Адамов «Час ночи»).

С честным трудом связаны простота, скромность и уют жилища. Даже типовая квартира честного труженика выглядит просторной, потому что не заставлена мебелью. Мебель обычно старая, а если новая, то отечественная, недорогая, бытовая техника – «из недорогих», «из самых дешевых», интерьер украшают лишь фотографии и полки с книгами (А. Адамов «Личный досмотр», «Круги по воде», Л. Карелин «Змеелов», В. Липатов «И это все о нем»). Жилье простых тружеников со скромными доходами могло выглядеть стильно, если хозяева владели навыками профессиональных дизайнеров (Лавровы «Полуденный вор», 1985). Если в квартирах честных тружеников есть дорогая бытовая техника, предметы роскоши, то это труженики *не рядовые* – с наградами, званиями, привилегиями, льготами (Лавровы. «Полуденный вор»). Если жилье рядовых тружеников выглядит богато, то, как выясняется, доходы их не совсем честные. В романе В. Липатова «И это все о нем», по оценке капитана Прохорова, «богато» жили сосновские лесозаготовители. Конечно, в первой половине 1970-х тракторист леспромхоза зарабатывал в месяц с северной надбавкой триста рублей, а передовики иногда и четыреста. Но на участке мастера Гасилова вопреки сложившемуся в социалистическом производстве планированию от достигнутого, годами занижались нормы выработки, поэтому план ежемесячно перевыполнялся, а мастер и рабочие получали максимальные премиальные.

В советских детективах текстом повседневности является *посещение предприятий общественного питания, стоимость заказа и домашнее застолье*. Частые посещения дорогих ресторанов и разгульное поведение в них,

дорогие заказы связаны с преступной деятельностью (Ю. Семенов «Огарева, б», Вайнеры. «Гонки по вертикали»). Однако с размахом кутят в ресторанах лишь воры, а полуправовые «теневики», чья хозяйственная деятельность легальна по своим целям и содержанию, и нелегалы (криминалы), чья хозяйственная деятельность противозаконна по содержанию [См. 9], размах и безмерную роскошь в угощении позволяют себе лишь в закрытой обстановке (Л. Карелин. «Змеелов»). Посещение второразрядных кафе связано с честным трудом. В детективе Ю. Семенова «Огарева, б» полковник МВД Костенко приглашает друзей-коллег выпить и закусить в дешевую пельменную, потому что у него «есть в заглазнике десятка». Честный рядовой труженик посещает ресторан редко или вынужденно. Следователь Тихонов иногда заходит в ресторан после работы, но в вокзальный и ночью, когда все магазины уже закрыты, чтобы поесть горячего борща, потому он – одинокий мужчина, и дома никакой еды нет.

В детективах текстом повседневности является *личный автомобиль*. Контекст: со времени «оттепели» в массовом сознании формировалось представление о том, что владельцем личного автомобиля может быть рядовой советский труженик. В 1960–1970-е годы возростал массовый спрос на относительно дешевые легковые автомобили, сначала – «Москвичи» и «Запорожцы», затем – на «Жигули» [128, с. 37-40]. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в 1980 году составляла около 169 рублей, а цена автомобиля «Жигули» – около 8000 рублей.

Личный автомобиль в детективах выступает обязательным аксессуаром преступной деятельности (А. Адамов «Вечерний круг», Лавровы «Из жизни фруктов», Н. Леонов «Выстрел в спину»). Кроме того, автомобилем теневиков, криминалов и частников является не «Москвич» или «Запорожец», не «Волга», а «Жигули». Смыслы этого сегмента раскрываются в романе Л. Карелина «Змеелов» и в повести Н. Леонова «Ловушка»: «Запорожец» и «Москвич» – ниже неформального социокультурного статуса теневика, а «Волга» или иномарка могли привлечь внимание правоохранительных органов. Для честного рядового труженика даже «Москвич» – не дешево, а покупка «Жигулей» была связана с большими долгами и длительной жесткой экономией (Лавровы «Полуденный вор»).

Выделенные тексты повседневности связаны со всеми ценностями хозяйственной культуры – трудом, собственностью, богатством, практицизмом, рациональностью, профессионализмом, предприимчивостью. Выявление в текстах оппозиционных концептов помогает раскрыть смыслы советской культуры. Парами оппозиционных концептов выступают: 1) дорогая, модная, но неброская одежда преступников – недорогая, отечественная, модная (броская, «пижонская») одежда честных тружеников; обилие модной и дорогой, импортной одежды у преступников – единичные модные, дорогие импортные вещи в гардеробе честных тружеников; изобилие драгоценных украшений (золото, бриллианты) у преступников – отсутствие таковых у честных тружеников. 2) Импортные мебельные гарнитуры, бытовая техника, антиквариат, хрусталь в жилище преступников – отечественная дешевая мебель и бытовая техника, скромные украшения интерьера квартир честных тружеников. 3) Преступникам доступны дорогие рестораны – честные труженики посещают в основном второсортные дешевые кафе. 4) Личный автомобиль – обычный элемент образа жизни преступников, «Жигули» – ниже их финансовых возможностей. Личный автомобиль – почти роскошь для честных тружеников, «Жигули» – выше финансовых возможностей. Контекст позволяет утверждать, что тексты повседневности в детективах правдивы и исторически конкретны.

Рассмотренные тексты повседневности должны были сформировать у читателя идеологически правильные оценки героев и их поступков, а в итоге – коммунистические моральные ценности и нормы поведения: простая и скромная отечественная одежда выступает знаком честного труда, духовности и возвышенности над миром вещей, показывает, что человек следует правилу из Морального кодекса – «простота и скромность в личной жизни». Следовательно, честный труженик смиряется с «временными трудностями» советской экономики – дефицитом, несовершенством в оплате труда и т.д. Дорогая импортная одежда, особенно ее изобилие, является знаком преступности, либо мещанства, вещизма, бездуховности. Транслируя ценности доминирующей культуры, детективы убеждали: жадность к вещам, страсть потребления, мещанство либо косвенно способствуют преступлениям, либо ведут человека на путь преступления – в первую очередь, к хищениям социалистической собственности. Хотя исследования массового сознания уже в

конце 1960-х показали, что коммунистический идеал потерпел полный крах, советская массовая литература, как часть официальной духовной культуры, продолжала выполнять ценностно-ориентирующую и социализирующую функции.

В советском детективе с 1960-х до 1980-х коммунистической морали, лежащей на поверхности, почти нет. В этом жанре, который некоторые современные авторы считают наиболее идеологизированным, советская идеология, коммунистическая мораль вплетена в тексты повседневности и прямо не навязывается читателю. Можно предположить, что эта особенность, наряду с основной чертой жанра – напряженным поиском преступника – делала советский детектив самым популярным чтением.

Опираясь на предложенную Ю.М. Лотманом трехкомпонентную структуру текста [134, с. 179], можно утверждать, что любой текст претерпевает неизбежные смысловые трансформации. Текст создается в определенном контексте и отражает его, обладает собственным смыслом, который в ином контексте у любого реципиента вызовет иной спектр смыслов [232, с. 172]. Прочтение советских детективов в современном контексте выявляет скрытые смыслы советской хозяйственной культуры. Тексты повседневности в детективах показывают: на повседневном уровне официальные ценности и знания стихийно адаптировались и приобрели специфические формы. Принцип политэкономии социализма «Благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом» для рядовых тружеников реально действовал в неформальной экономике, построенной по законам рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение ценностного аспекта хозяйственной культуры повседневности в ее отражении массовой художественной литературой 1960–1980-х гг., в сопоставлении с современными исследованиями советского общества и культуры, показывает: советская культура в целом – яркий пример непредсказуемости, творческого характера и гипертрофированной инновативности пограничных культур евразийского варианта. Советская хозяйственная культура представляла собой сложный и противоречивый тип, сформировавшийся в социалистическом индустриальном обществе. В связи с тем, что переход к социалистическому способу производства не был обусловлен уровнем развития производительных сил, социалистическая индустриализация была проведена в кратчайшие сроки. Поэтому в социалистическом индустриальном обществе и хозяйственной культуре наряду с рационализацией поведенческих практик и разрушением отношений, основанных на «предписанных статусах», продолжал активно использоваться способ социокультурной регуляции, основанный на традиции, в том числе, предписанные модели поведения. В развитии хозяйственной культуры проявилась закономерность, отмеченная исследователями модернизационных процессов и социокультурной динамики России: стремительная модернизация активизировала традиционные ценности в части общества. Поэтому на повседневном уровне выявляются существенные расхождения, даже раскол, в понимании цели хозяйственной деятельности и базовых ценностей, в связанных с ними технологиях. Эти расхождения стали причиной неудач и незавершенности многих экономических программ и реформ, кризиса социалистического хозяйства.

Российско-советский менталитет, имеющий вариации в разных социальных группах и индивидуальные проявления, и типологические особенности российской культуры являются важнейшим фактором советской хозяйственной культуры повседневности 1960–1980-х гг. Особенности менталитета позволяют гибко, почти мгновенного приспосабливаться к инокультурным влияниям, но сочетание *открытости и недостаточности* с психологической *ригидностью* приводит к тому, что в процессе аккультурации инокультурные феномены усваиваются в основном внешне, формально. Так

было с принятием христианства. Так произошло и с принятием марксизма, его ключевых понятий – общественная собственность, коммунистический труд, плановое хозяйство, социалистическое соревнование и др. С внешним усвоением коммунистических ценностей связано *стремление к формальным показателям успешности социалистического хозяйства* (формальному выполнению плана, формальному соцсоревнованию и др.). С противоречивостью менталитета связано двойственное отношение части общества к карьеризму: внешнее формальное осуждение карьеризма в соответствии с идеологическими установками и фактическое стремление сделать карьеру.

В осуждении крестьянским обществом (и частью других социальных групп – сельскими мигрантами, маргиналами) практицизма на личную пользу и понимания, поддержки практицизма, дающего общую и личную пользу, проявлялись *соборность и эгалитаризм*.

В повседневных хозяйственных практиках общественного производства и домашнего хозяйства постоянно проявлялось *преобладание личностных отношений над формальными*. С преобладанием личностных отношений связано то, что почти во всех сферах социалистического хозяйства часть людей трудилась не по специальности или непрофессионально. *Приоритет личностных отношений* был фактором кризиса социалистического хозяйства: невозможно было предположить и предусмотреть, где, когда и как личные неформальные связи повлияют на реализацию экономических проектов.

В ситуации выбора решение хозяйственных проблем по совести и справедливости, а не по закону обусловлено *приоритетом нравственных регуляторов отношений в социуме над законом*. Этим объясняются и симпатии общества, уважение к *соборной личности*, поступающей по совести. *Приоритет нравственных регуляторов межличностных и социальных отношений* внес свой вклад в кризис социалистического хозяйства: невозможно было предположить и предусмотреть, где, когда и как *приоритет нравственных отношений над законом* повлияет на реализацию экономических проектов. Кроме того, решения и действия по совести, мотивированные здравым смыслом, добротой, честностью, «поддерживали на плаву» несовершенные, непродуманные экономические проекты и законы, давая им

возможность более-менее длительное время существовать (так же, как теневая экономика поддерживала на плаву экономику официальную).

С крайностями и противоречиями менталитета, с механизмом смены циклов российской истории и культуры, когда переходы от одного нравственного идеала к другому происходят путем инверсии [13], связано развитие советской хозяйственной культуры. В советской хозяйственной культуре от времени «оттепели» до начала 1980-х наблюдались типичные крайности и противоречия: метания между промежуточными идеалами – от соборного к авторитарному и обратно (ослабление централизации управления народным хозяйством – усиление централизации, ослабление давления на личные/частные хозяйства – усиление давления). В годы «оттепели» демократизация неожиданно привела к росту стяжательства, к увлечению частными хозяйствами, строительством дач и т.п., что было прямо противоположно цели – строительству коммунизма. Метаниям способствовало то, что реализация идеала доводилась до крайности, и активизировались противоположные ценности части расколотого общества. С метаниями между нравственными идеалами неразрывно связана другая особенность менталитета: стремление в осуществлении исторической цели опередить всех. Спешка в проведении экономических проектов и реформ в исторически короткий срок искажала их реализацию. Кратчайшие сроки социалистической индустриализации обусловили многие проблемы советского индустриального общества. Неудовлетворенность результатами и нетерпение снова заставляли метаться от одного нравственного идеала к другому. Попытка в исторически короткий срок перестроить сознание советских людей и нравственно воспитать строителей коммунизма была обречена на поражение.

Эскапизм как характерная для российской культуры форма преданности идее свободы постоянно проявлялся в хозяйственной культуре повседневности как пассивное сопротивление власти (за низкую зарплату – труд низкого качества, массовые мелкие хищения социалистической собственности, разнообразные теневые технологии), либо в форме уничтожение себя в пьянстве. Бунт был исключительной редкостью и подавлялся властью с типичной для русского национального характера крайностью – крайней жестокостью (Новочеркасск, 1962).

Распространение массовых форм образования, советская социальная политика доступности высшего образования для широких масс, в соединении со стремлением массы людей отойти от «предписанных статусов» (из крестьян – в учителя, инженеры и т.п.), вырваться из деревни в город, а также *экзистенциальная ценность высшего образования*, дали неожиданные результаты, которые шли не на пользу, а, скорее, во вред народному хозяйству. Поступление в вуз для закрепления в городе, стремление к получению диплома, но не знаний, связанный с этим формализм обучения, стремление после получения диплома остаться в городе – все вместе давало большое количество людей, работавших плохо по специальности или не по специальности во всех сферах народного хозяйства.

Невысокие материальные запросы у большинства советских людей в определенной мере связаны с *православной традицией пренебрежения к земным благам*, которая, судя по текстам художественной литературы и современным научным исследованиям, сохранилась в российско-советском менталитете, не осознаваемая как православная. Конечно, в обществе потребления материальные запросы росли. Часть общества питала повышенный интерес к модным и качественным, престижным вещам, и официальная критика мещанства и вещизма была направлена, в первую очередь, на них. Но официальная культура несправедливо относилась к мещанству естественное стремление массы людей купить модные и качественные вещи, что было сложно сделать в условиях всеобщего дефицита. Можно утверждать, что советская идеология добилась некоторых успехов в воспитании правильного отношения людей к материальным благам в соответствии с положением Морального кодекса строителя коммунизма – «простота и скромность в общественной и личной жизни». Но говорить о преимуществах коммунистической морали и православной морали в атеистической советской культуре нет оснований. Скорее, произошло совпадение черты российского менталитета – *пренебрежения к земным благам* с воспитанием по Моральному кодексу. Безусловно, материальная непритязательность части общества была связана и с опытом Великой Отечественной войны. Пережитые лишения сформировали установку на позитивное восприятие даже незначительного повышения благосостояния, «лишь бы не было войны».

Отношение к труду как главному или важнейшему, но не единственному критерию общественной оценки личности, важность для общественного признания духовных качеств связано с русским культурным архетипом *отношения к труду как способу самоуничтожения и самодисциплины, но не как средству созидания и творчества*. В 1970-е годы формально общественно-полезный труд остается главным критерием, а фактически для общественного признания важнее не профессиональные, а духовные качества личности. В связи с этим почти во всех сферах социалистического хозяйства часть людей работала не по специальности и непрофессионально. Конечно, наибольшее уважение оказывалось тем, чей труд и профессионализм соединялись с добротой, отзывчивостью, справедливостью, скромностью, то есть *соборной личности или нравственной личности*. *Общественно-полезный труд* женщин стал нормой в ходе модернизации, эмансипации, индустриализации, формирования общества потребления. Но отношение общества к труду женщин было противоречивым. С одной стороны, общественным мнением труд домохозяйки оценивается ниже общественно-полезного труда. С другой стороны, успехи женщины в общественно-полезном труде, увлеченность профессией препятствуют успеху у мужчин и счастью в семейной жизни. В связи с этим наиболее адаптивной технологией жизнеобеспечения для большинства женщин было сочетание умеренного, просто добросовестного участия в общественно-полезном труде и увлеченного, заинтересованного труда в домашнем хозяйстве.

Советская культура утверждала *гуманизм* как официальную ценность, но на повседневном уровне, в массовом сознании, гуманизм столкнулся с *антиличностной установкой менталитета*. Это выразилось в отношении общества к попыткам личности поменять профессию, к поискам себя в профессии, к изобретателям на производстве. В то же время гуманизм советской культуры в какой-то мере преодолел черту русского национального характера – *слабо выраженное стремление к достижениям* (престиж звания Героя Социалистического Труда, победителя соцсоревнования, Государственных премий, государственных наград за трудовые достижения).

Относительно *коллективизма* можно утверждать: коллективизм не является абсолютной ценностью и имманентным качеством советских людей.

Советские люди проявляли коллективизм только тогда, когда осознавали личную пользу от коллективного действия.

Несмотря на возрастание ценности правды, честности в обществе во время «оттепели», в советской культуре сохранилась черта русского менталитета – *недостаточная осознанность обязательной для каждого честности*. Если хозяйственные решения и действия главных героев, мотивированные честностью, вызывают восхищение и уважение окружающих, если честность при исполнении служебных обязанностей подчеркивается как большое достоинство личности, это значит, что она не стала массовым качеством. *Массовая нечестность находит оправдание в нечестности власти*.

Массовая художественная литература 1960–1980-х гг. показывает, насколько тесно связаны между собой три подсистемы культуры – материальная, духовная и художественная. Массовая литература, хозяйственная культура и повседневность регулируются общей системой ценностей, массовая литература транслирует как официальные ценности хозяйственной культуры, так и традиционные ценности. Поскольку власть очерчивала границы творческой свободы, в литературе и хозяйственной культуре практиковались по сути общие технологии сопротивления власти.

Утопическая цель построения коммунизма в отдельно взятой стране, причем, в кратчайшие сроки, столкнулась с нравственным несовершенством людей, призванных ее воплощать. Вся массовая художественная литература работала на формирование такого советского человека, который осознает себя подлинным хозяином своей страны, государства, предприятия, понимает личную ответственность за все, что происходит в стране, способен подчинить личные интересы интересам коллектива, общества, государства, чье поведение соответствует нормам коммунистической морали. В массовой художественной литературе хозяйственная культура рассматривалась исключительно в аспекте нравственных проблем, что связано с российско-советским менталитетом, влиянием социалистической идеологии и властью цензуры. Авторы находили причины хозяйственных нарушений, преступлений, бесхозяйственности в нравственной сфере. Советское народное хозяйство показывалось как важнейшая сфера формирования коммунистической морали. Воспитание нового человека в процессе хозяйственной деятельности – главная задача тех произведений, которые были отмечены советской литературной критикой

1960–1980-х гг. как лучшие образцы. Те произведения, которые были лидерами читательского спроса, согласно исследованиям 1963–1986 гг., читали, очевидно, два типа людей советского массового общества: 1) активные приверженцы, истые адепты системы и власти, 2) умеренные, законопослушные сторонники системы и власти (конформисты). Художественная литература показала ценностные и нормативные противоречия между специализированным и повседневным уровнями хозяйственной культуры.

Советская хозяйственная культура строилась на положениях социалистической теории. Повседневная практика адаптировалась к ней, создавала институциональные и не институциональные формы, позволяющие приспособить утопическую теорию к жизни. Финальные ценности специализированной культуры вступили в противоречие с финальными ценностями повседневной жизни. Перспективные замыслы экономических проектов не совпадали с ближайшими жизненными целями, интересами непосредственных исполнителей, поэтому специализированные инновации на повседневном уровне значительно искажались. Формой повседневного пассивного сопротивления являлось создание видимости. Длительное время создавать видимость оказалось невозможным. Тот тип советского человека, который пыталась в исторически короткий срок сформировать идеология, в том числе, с помощью массовой художественной литературы, несомненно, появился, но преобладающим в обществе не стал. Для большинства советских людей не было характерно осознание себя подлинными хозяевами страны, государства и предприятия; понимание личной ответственности за происходящее в стране и коллективе; подчинение личных интересов интересам коллектива, общества и государства; соответствие поведения нормам коммунистической морали. Хозяйственная деятельность большинства людей не только в сфере домашнего хозяйства (что естественно), но и в сфере общественного производства в большей мере регулировалась не социалистическими политическими ценностями, а ценностями витальными, социальными и нравственными, причем содержание их было не социалистическим. Советская хозяйственная культура повседневности – пример адаптирования личностью и обществом навязанной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абалкин, Л. И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества и актуальные вопросы его совершенствования (препринт доклада) / Л. И. Абалкин. – М.: АН СССР, 1980. – 19 с.
2. Абрам Терц. Что такое социалистический реализм / Терц, Абрам // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. – М., 1989.
3. Адамов, А. Мой любимый жанр – детектив / А. Адамов. – М., 1980.
4. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-64 гг. / Ю. В. Аксютин. – М.: РОССПЭН, 2004.
5. Амусин, М. В глубину или по поверхности. О конфликте в литературе на деловую тему // Звезда. – 1981. – № 6.
6. Андреев, С. Структура власти и задачи общества // Нева. – 1989. – № 1.
7. Андреев, А. Средний класс в России // Москва. – 1999. – № 12.
8. Аннинский, Л. Провал середины // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Составитель Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
9. Аскарова, В. Я. Изучение читательской моды как средство совершенствования руководства чтением художественной литературы: Автореф. дисс. – Л., 1984.
10. Аскарова, В. Я. Влияние читательской моды на чтение художественной литературы. Лекция по спецкурсу / В. Я. Аскарова. – Челябинск: ЧГИК, 1991.
11. Афанасьев, М. Д. За книгой. Место чтения в жизни советского рабочего. – М.: «Книга», 1987. – 126 с.
12. Афанасьева, И. Г. Социалистические ценности и ценностные ориентации личности / И. Г. Афанасьева. – М.: Издательство МГУ, 1986.
13. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.
14. Ахиезер, А. С. Социально-культурные проблемы развития России: Философский аспект. – М., 1992. – 82 с.
15. Безнин, М. А. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 1999. – № 3.

- 16.Белицайте, И.-Р. В. Экономические аспекты социалистического образа жизни: Дисс. ... канд. экон. наук. – Вильнюс, 1983.
- 17.Белоусов, Р. А. Экономическая история России: XX век: в 5 книгах / Р. А. Белоусов. – М., 2006. – Книга 5.
- 18.Бердяев, Н. О святости и честности //Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
- 19.Багадасарьян, Н. Г. Культурология: учебник для вузов. – М.: Высшее образование, 2007.
- 20.Борисов, М. Н. О динамике классовой структуры России // Россия накануне XXI века: Материалы научно-практической конференции. – М., 1995.
- 21.Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – М., 1986. – 592 с. – Т. 1.
- 22.Булавка, Л. А. Феномен советской культуры / Л. А. Булавка. – М.: Культурная революция, 2008. – 288 с.
- 23.Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990.
- 24.Бурдьё, П. Практический смысл / Пер. с фр. Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
- 25.Бурдьё, П. Художественный вкус и культурный капитал / П. Бурдьё // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
- 26.Бутенко, А. П. Социализм и социальная справедливость / А. П. Бутенко. – М.: АН СССР, Институт экономики мировой социалистической системы, 1983. – 114 с.
- 27.В главной роли – человек // Театр. – 1980. – № 12.
- 28.Вайль, П. 60-е: Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – Изд. 2-е, испр. – М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- 29.Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 206-219.
- 30.Варшавский, Я. Как рождается радость // Советский экран. – 1962. – № 16, август.

31. Васильева, Е. ЗИЛ: молодой читатель // Литературное обозрение. – 1976. – № 12.
32. Васильева, Е. Молодой читатель: тенденции и проблемы // Библиотекарь. – 1978. – № 10.
33. Васильева, Е. П. Читает сельская молодежь // Рабочий – читатель. – М., 1983.
34. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Под ред. Проф. И.М. Гревса. – Петроград: «Наука и школа», 1923.
35. Веллер, М. Дети победителей. Конец шестидесятых: реквием ровесникам / Михаил Веллер // Правила всемогущества. – СПб., 1997.
36. Веллер, М. Литература Советской Империи / Михаил Веллер // Перпендикуляр. – М., 2008.
37. Веллер, М. Пятикнижие / Михаил Веллер // Легенды Арбата. – М.: «Издательство АСТ», 2010.
38. Волков, Ю. Е. Организация управления обществом // Вопросы философии. – 1965. – № 8.
39. Гайдар, Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2007. – 448 с.
40. Ганцкая, О. А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. – 1984. – № 6.
41. Герасимов, С. Молодость духа – молодость творчества // Советский экран. – 1963. – № 2 (146) январь.
42. Герасимова, К. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. социологических наук. – СПб., 2000.
43. Гладковская, Л. Драматургия и современность // Советская драматургия. – Лениздат, 1978.
44. Горева, Г. Н. Художественная литература в чтении молодых рабочих // История русского читателя. – Л., 1973. – Вып. 1. 158 с.
45. Горева, Г. Н. Учащийся ПТУ – читатель художественной литературы // Советский читатель (1920-1980). – СПб.: СПбГУКИ, 1992. 157 с.
46. Григорьева, А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953-1964 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003.

47. Громова, М. И. Русская современная драматургия: Учебное пособие / М. И. Громова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 160 с.
48. Грушин, Б. А. Массовое сознание / Б. Грушин. – М., 1987.
49. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. В 4 книгах. – Институт философии и др. – М., 2001-2006. – Книга 1.
50. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. В 4 книгах. – Институт философии и др. – М., 2001-2006. – Книга 2.
51. Гудков, Л. Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22.
52. Гурова, О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью / О. Гурова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
53. Денисова, Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт / Л. Н. Денисова. – М.: РОССПЭН, 2007.
54. Димони, Т. М. История колхозной деревни в романном творчестве Федора Абрамова // Отечественная история. – 2002. – № 1.
55. Димони, Т. М. Модернизация аграрной экономики // Российская история. – 2009. – № 3.
56. Добренко, Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. – СПб., 1997.
57. Добренко, Е. Политэкономия соцреализма / Е. Добренко. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
58. Добрынина, Н. Е. Проблемы библиотечного обслуживания сельского населения / Н. Е. Добрынина, С. М. Смирнова // Социология и психология чтения. – М.: Книга, 1979. 230 с.
59. Доценко, А. М. Повседневная жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области): Автореферат диссертации. – Самара: Экономический университет, 2007.

60. Дронкина Е.А. Представления советских людей о любви и счастье в эпоху «хрущевской оттепели» // История в XXI веке: Историко-методологический подход в преподавании и изучении истории человечества / Под общей редакцией В.В. Керова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
61. Дубин, Б. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
62. Дубин, Б. Читатель в обществе зрителей // Знамя. – 2004. – № 5.
63. Дубин, Б. Качество или диплом? // Pro et Contra. – 2010, май-июнь.
64. Духовный облик поколений, воспитанных на идеях и свершениях Октября // Советская педагогика. – 1977. – № 10. – С. 3-8.
65. Егоров, О. М. Штрихи к социально-психологическому портрету актера // Социологическое исследование интеллигенции. – М., 1982. 112 с.
66. Русские писатели, XX век. – М.: Просвещение, 1998. – Т. 1.
67. Ежегодник БСЭ. – М., 1966-1975.
68. Жизненные планы и ценностные ориентации колхозников // Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. – М.: «Мысль», 1970. – Глава IV.
69. Завершинский, К. Ф. Культура и хозяйство / К. Ф. Завершинский // Культура и культурология в жизни общества. – Великий Новгород. – 2000. Глава I.
70. Зайцев, В. Г. Читательский формуляр рабочего // Рабочий – читатель. – М., 1983. 93 с.
71. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; Пер. М. С. Добряковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004.
72. Зарубина, Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – М.: Магистр, 1998.
73. Заглубский, С. А. Что мешает построению справедливого общества? // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2. С. 50-54.
74. Заславская, Т. И. Социология экономической жизни. / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. – Новосибирск: Наука, 1991.
75. Захаров, А. В. Массовое общество в России // Массовая культура и массовое искусство. «За» и против». – М.: Гуманитарий, 2003. – С. 76-95.

76. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. – 2004. - № 7. – С 105-115.
77. Зверев, В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. – 2003. – № 4.
78. Зубкова, Е. Ю. Социальные процессы сближения города и деревни (60-70-е годы). Автореферат. – М., 1986. – 21 с.
79. Ильин, В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917-1996. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа / В. И. Ильин. – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1996. – 349 с.
80. Ильина, Н. Литература и «массовый тираж» // Новый мир. – 1969. – № 1.
81. Инькова, Л. М. Советская массовая библиотека и пропаганда книги // Чтение в изменяющемся мире: Сборник научных работ. – Москва, 1974.
82. Ионин, Л. Г. Логика и история повседневности // Л. Г. Ионин. Социология культуры. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – Глава 3.
83. Ионин, Л. Г. Советский политический канон / Л. Г. Ионин // Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – Глава 5.
84. Ионин, Л. Г. Культура и социальная структура / Л. Г. Ионин // Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004.
85. Ильенков, Э. В. Об идолах и идеалах / Э.В. Ильенков. – М., 1968.
86. Кавелти, Дж. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22.
87. Каган, М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры / Сост. и отв. ред. М.С. Каган. – Ленинград: «Наука», 1987.
88. Каган, М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
89. Каган, М. С. Философская теория ценности. – СПб.: «Петрополис», 1997.
90. Каган, М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974.
91. Кагарлицкая, С. Я. Авторское искусство в системе массовой культуры // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
92. Казак, В. Лексикон русской литературы XX века / В. Казак. – М.: РИК «Культура», 1996.

93. Калтахчян, С. Т. Советский народ // Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1989.
94. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация. – Киев, 2004.
95. Кара-Мурза, С. Г. Советская экономическая система / С. Г. Кара-Мурза // Советская цивилизация. http://www/kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a83.htm
96. Караханова, Т. М. Повседневная деятельность горожан в показателях бюджета времени (1965-2004) // СОЦИС. – 2006. - № 9. – С. 41-51.
97. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавель. – М.: Ин-т философии РАН, 2004.
98. Касьянова, К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
99. Кнабе, Г. С. Диалектика повседневности / Г. С. Кнабе // Древо познания – древо жизни. – М.: РГГУ, 2006.
100. Кнабе, Г. С. Перевернутая страница. – М.: РГГУ, 2002. – 60 с.
101. Кнабе, Г. С. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. – 2007. – Март.
102. Книга и чтение в жизни небольших городов. По материалам исследования чтения и читательских интересов. – М., 1973. 221 с.
103. Книга, чтение, библиотека. Советские исследования по социологии чтения, литературы, библиотечного дела 1965-1985 гг. / Сост. А. И. Рейтблат, Т. М. Фролова. – М., 1987.
104. Коган, Л. Н. Трудовой коллектив и проблемы всестороннего развития личности // Социалистическая личность и культура. Сборник научных трудов. – Свердловск, 1984.
105. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. – М.: Мысль, 1984. – 252 с.
106. Козлова, Н. М. Соцреализм как феномен массовой культуры // Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема: Сборник. – М., 1995.
107. Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. – М., 2005. – 544 с.
108. Колотаев, В. А. Бытование реальности в зеркале искусства / В. А. Колотаев // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 183.

109. Кондаков, И. В. Культура России. Часть 1. Русская культура: краткий очерк истории и теории / И. В. Кондаков. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 360 с.
110. Кондаков, И. В. Культурология: история культуры России: Курс лекций / И. В. Кондаков. – М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. – 616 с.
111. Кондаков, И. В. «Таяние льдов»: миссия «оттепели» / И. В. Кондаков, Л. Б. Брусиловская Л. Б. // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 12.
112. Конев, В. П. Советская художественная культура периода 30-х – 80-х годов XX века: теоретико-методологический анализ. Автореферат диссертации. – Кемерово, 2004.
113. Конев, В. П. Советская художественная культура периода 30-х – 80-х годов XX века: теоретико-методологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. – Новосибирск, 2004.
114. Костина, А. В. Советская массовая культура / А. В. Костина // Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 4-е. – М., 2008.
115. Котов, Э. П. Домашнее хозяйство и бытовое обслуживание. – Рига: «Авотс», 1982. – 167 с.
116. Кочетков В. В. Русский национальный характер // Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 413 с.
117. Кравцевич, Э. Читатель – рабочая молодежь / Книга в жизни молодежи. – Минск, 1971.
118. Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. – 2009. – № 3.
119. Кузнецов, В. А. Экономическая культура: проблема онтологического статуса: автореферат дисс. – Чебоксары, 2006.
120. Кузнецова, Л. Н. Экономическая природа и роль премии в повышении эффективности производства: Автореферат диссертации. – Л., 1978.
121. Кузнецова, Т. Ф. Жанр массовой беллетристики / К. З. Акопян, А. В. Захаров и др. // Массовая культура. – М.: Альфа-М, 2004.

122. Кузнецова, Т. Ф. Массовая культура и массовая беллетристика / Т. Ф. Кузнецова, Вл. А. Луков, М. В. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2008. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/kuznetsova and lukovs](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/kuznetsova_and_lukovs)
123. Кулаков, С. Н. Диалектические противоречия в экономической системе коммунизма: Дисс. – Л., 1984.
124. Кулакова, Т. А. Домашнее хозяйство в экономической системе социализма. Автореферат диссертации. – Ленинград, 1985.
125. Куцев, Г. Ф. Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири) / Г. Ф. Куцев. – М. : «Мысль», 1982.
126. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. – СПб.: «Летний сад», 1999. – 320 с.
127. Лебина, Н. Б. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия / Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков. – СПб., 2003. – 340 с.
128. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки / Н.Б. Лебина – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.
129. Лебина Н. Б. Антимирры: принципы конструирования аномалий, 1950-1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985 / Под ред. Елены Ярской-Смирновой и Павла Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.
130. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2 т.: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т. 1. 1953-1968. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Академия», 2006.
131. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2 т.: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т. 2 1968-1990. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Академия», 2006.
132. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – СПб., 2002.
133. Лихачев Д. С. О национальном характере русских //Вопросы философии. – 1990. - № 4.

134. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. – М.: «Гнозис» и Изд. группа «Прогресс», 1992.
135. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Т.3. – Таллин, 1993.
136. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство СПб», 2002.
137. Лотман, Ю. М. К современному понятию текста / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство СПб», 2002.
138. Лубский, А.В. Русский культурный архетип // Культурология. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – С. 386-406.
139. Лубский, А. В. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. URL:http://www.i-u.ru/biblio/archive/lubskiy_polit/
140. Лукаш, Н. П. Повседневная культура советских шестидесятых / Н. П. Лукаш // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 48. – С. 120-126.
141. Лукаш, Н. П. Культура и человек в советской повседневности 60-70-х годов. Автореферат диссертации. – Нижневартовск, 2008.
142. Мазная, Е. К. Домашнее хозяйство в системе экономических отношений общества. Автореферат диссертации. – Самара, 2006.
143. Малиа, М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991 / М. Малиа; пер. с англ. – М., 2002.
144. Мальковская, Т. Н. Теоретические основы исследования ценностных ориентаций и интересов школьников / Т. Н. Мальковская // Ценностные ориентации и интересы школьников. Сборник научных трудов. – М., 1983.
145. Маневич, Е. Л. Труд // БСЭ / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1977. – Т. 26.
146. Манкевич, И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации / И. А. Манкевич // Обсерватория культуры. – 2007. – № 5.
147. Манкевич, И. Филология и культурология: «философия» межнаучных коммуникаций в пространстве гуманитарной культуры / И. Манкевич // Вопросы культурологи. – 2008. – № 2.

148. Маркарян, Э. С. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1983. – 319 с.
149. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983.
150. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции //Советская этнография. – 1984. № 2.
151. Маркевич А. М. «"Магнитка близ Садового кольца": Стимулы к работе на Московском заводе "Серп и молот", 1883-2001 гг.» / А. М. Маркевич, А. К. Соколов – М.: РОССПЭН, 2005.
152. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
153. Материалы Пленума ЦК КПСС. 14-15 июня 1983 г. – М.: Политиздат, 1983.
154. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1961.
155. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971.
156. Материалы XXV съезда КПСС – М.: Политиздат, 1976.
157. Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1981.
158. Мельников, Н. Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века: Материалы международной научной конференции. – М.: Рандеву-АМ. – 1998.
159. Мельников, Н. Г. Массовая литература //Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001.
160. Мироедов, Д. А. Домашнее хозяйство в системе общественного воспроизводства. Автореферат диссертации. – Кострома, 2000.
161. Могильнер, М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа / М. Могильнер // Новое литературное обозрение. – М., 1999. – Вып. XVI.
162. Моральный кодекс строителя коммунизма URL: <<http://ru.wikipedia.org/wiki>
163. Мосолова, Л. М. Методологические проблемы освоения мирового культурного наследия в контексте глобализации / Л. М. Мосолова // Методология культурологического исследования: Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2006.

164. «Мосфильм» в предсъездовские дни // Советский экран. – 1961. – № 18 (сентябрь).
165. На пятом съезде писателей СССР // Театр. – 1971. – № 10.
166. Найшуль, В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
167. Наркевич, А. Ю. Детективная литература // Краткая литературная энциклопедия / Главный редактор А.А. Сурков. Т. 2. – М.: «Советская энциклопедия», 1964.
168. Никифорова, Л. В. Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии: монография / Л. В. Никифорова. – СПб.: Астерион, 2006.
169. Огрызко, В. В. Из поколения шестидесятников: Материалы к словарю русских писателей двадцатого века. – М.: Литературная Россия, 2003.
170. Огрызко, В. Русские писатели. Современная эпоха. Лексикон. – М.: Литературная Россия, 2004.
171. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010.
172. Орлова, Э. А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры. Структура и динамика. – М., 1994.
173. Орлова, Э. А. Образ жизни как культурологическая категория // Морфология культуры. Структура и динамика. – М.: Наука, 1994.
174. Орлова, Э. А. Отношения между обыденным и специализированным уровнями культуры // Морфология культуры. Структура и динамика. – М.: Наука, 1994.
175. Осипова, И. П. Распространенность чтения и изучение читателя в СССР // Чтение в изменяющемся мире: Сборник научных работ. – Москва, 1974.
176. Павлова, Е. И. Читательские интересы городской семьи и их реализация // Культура семьи как объект социологического исследования. Сборник статей. – Свердловск : УНЦ РАН СССР, 1980.
177. Панова, В. «Специфика» - в содружестве // Советский экран. – 1961. – апрель, № 7 (103).

178. Парфенов, Л. Намедни. Наша эра. 1961-2003. Энциклопедия советской жизни. – Россия, 1997-2003.
179. Парыгин, Б. Д. Социально-психологический климат трудового коллектива. – Л.: Знание, 1981.
180. Пащенко, В. С. Домашнее хозяйство в развитом социалистическом обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Киев, 1982.
181. Петрова, Е. Н. Индивидуальная работа со студентами в вузовской библиотеке / Вузовские библиотеки Центральной зоны РСФСР: Опыт работы. – Калинин, 1984.
182. Платонов, О. А. Русский труд. – М.: Современник, 1991.
183. Подвойский, Д. В. Индустриальное общество // Большая российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 11.
184. Политическая экономия: Учебник для экон. вузов и фак. / Румянцев А.М. и др. – 5-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 560 с. – Т. 2.
185. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС // XXVII съезд КПСС. Стенографический отчет. – М.: Изд. политической литературы, 1986. – Том 1.
186. Полковникова, Л. Я., Соловьева Л. А. Цели и средства выбора литературы в массовых библиотеках // Читательские интересы школьников и работающей молодежи. – Л., 1976.
187. Поляков, Ю. А. Союз муз // Отечественная история. – 2002. – № 1.
188. Попов, В. Великий плановый эксперимент / В. Попов, Н. Шмелев // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. Т. А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
189. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 мая 1982г. № 433 «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромыш-ленного комплекса» // СП СССР, 1982. – № 17.
190. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы Майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. – М., 1982.
191. Пушкарева, Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» //Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5.

192. Пушкарева, Н. История повседневности (<http://www.krugosvet.ru>)
193. Радаев, В. В. Хозяйственная мотивация в условиях монополизма советского типа // Вопросы экономики. – 1990. № 6. – С. 53-61.
194. Радаев, В. В. Исчез ли социализм? Опыт интеллектуальной самокритики // Родина.– 1993. – № 2.
195. Радаев, В. В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. 1995. – Т.4. – № 1.
196. Радаев, В. В. Хозяйственный мир России: советское общество // Российский экономический журнал. – 1996. – № 4.
197. Радаев, В. В. Социальная стратификация в советском обществе / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан // Социальная стратификация. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 265-286.
198. Радаев, В. В. Человек в домашнем хозяйстве // Социологические исследования. – 1997. – № 4.
199. Радаев, В. В. Экономическая социология. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.
200. Родионов Ст. Почему мне нравится детектив / Ст. Родионов // Аврора. – 1980. – № 9.
201. Райтблат, А. И. Исследование «Чтение в вашей жизни»: основные итоги и результаты / Чтение в вашей жизни (по итогам социологического исследования в городах РСФСР): Материалы к обсуждению. – М.: ГБЛ, 1988. – 64 с.
202. Райтблат, А. Уголовный роман: между преступлением и наказанием // Уголовный роман. – М., 1992.
203. Ракитский, Б. В. Образ жизни: рубежи 1985 года. – М.: Политиздат, 1981.
204. Резник, С. Д. Домашнее хозяйство как социально-экономическая система: механизмы управления. / С. Д. Резник, Н. Ю. Егорова. – Пенза: ПГУАС, 2007.
205. Реформы А.Н. Косыгина и причины их неудач // Вопросы истории. – 2009. – № 1,2.
206. Ройфе, А. Б. Анализ массовой культуры советскими учеными как выполнение госзаказа // Инновационные аспекты культурной политики в

- России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Астерион, 2008.
207. Руднев, В. П. Массовая культура / В.П. Руднев // Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: «Аграф», 2001.
208. Руткевич, М. Н. Социальные перемещения / М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. – М., 1970.
209. Рыжов, Ю. А. Реструктуризация экономики. – СПб.: Издательство СПбГУП, 2008. – 24 с.
210. Рысс, Е. Книги А. Адамова / А. Адамов // Круги по воде». – М., 1970.
211. Савка, А. В. Роль исторических традиций в формировании хозяйственной культуры. Автореферат диссертации. – М., 2002.
212. Саморуков, И. И. Массовая литература: проблемы художественной рефлексии. Автореферат диссертации. – Самара, 2006.
213. Самохвалова, В. И. Язык масскульты и современная мифология // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
214. Санько, К. Сельская молодежь и библиотека / Книга в жизни молодежи. – Минск, 1971.
215. Селеменова, М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. Трифонова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2008. – № 59, вып. 16. – С. 195-208.
216. Сидорова, Г. П. Тексты советской повседневности в массовой литературе и смыслы хозяйственной культуры // Вопросы культурологии. – 2010. – № 12.
217. Скворцова, И. А. Уровень освоения культурных ценностей выпускниками средней школы // Ценностные ориентации и интересы советских школьников. Сборник научных трудов. – М., 1983.
218. Славина, М. А. Профессия как ценность // Ценностные ориентации личности. Пути и способы их формирования. Тезисы докладов научной конференции. – Петрозаводск, 1984.
219. Собственность в представлении сельского населения России (середина 19 – 20 вв.): регионально-исторический аспект / Под ред. Д. С. Точеного. – Ульяновск: УлГУ, 2001.

220. Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. – М.: «Наука», 1983.
221. Советский простой человек / Отв. Ред. Левада Ю.А. – М.: Мировой океан, 1993.
222. Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. – М.: Издательство «Книга», 1968. – 343 с.
223. Советский читатель – рабочий: Методические рекомендации. – М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1977.
224. Соколов, А. К. Социальная история, литература, искусство: взаимодействие в познании реалий XX века // История России XIX-XX веков: новые источники понимания / Под ред. С.С. Секеринского – М., 2001.
225. Соколов, Е. Г. Аналитика масскульты. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
226. Соколов, К. Б. Анекдот и официальная картина мира // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. – М.: «Индрик», 2002.
227. Соколов, Е. Г. Массовая культура советского периода / Е. Г. Соколов, С. Г. Твердохлебов // Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века. Материалы научной конференции. – СПб., 2003.
228. Сорокина, К. Современность – широким экраном / К. Сорокина, М. Александрова // Советский экран. – 1963. – № 6 (150) март.
229. Сидорова, Г. П. Идеал коммунизма в массовой литературе «оттепели» как художественная репрезентация советской культуры // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. – 2011. - № 1 (15).
230. Сидорова, Г. П. Ценность труда в массовой литературе «Оттепели» как художественная репрезентация советской культуры // Философия и культура. – 2011. – № 5 (41).
231. Стракович, Ю. В. Роль культурологии и социологии в изучении искусства XX-XXI веков / Ю. В. Стракович // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 188.

232. Суминова, Т. Н. Текст, контекст, гипертекст (Размышления о художественном произведении) // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 3.
233. Суминова, Т. Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы). – М.: «Академический проект», 2006.
234. Сусоколов, А. А. Роль миграций в истории русского этноса / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов // *Этносоциология: Учебное пособие для вузов*. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 86-103.
235. Сусоколов А. А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. – М.: SPSL. – «Русская панорама», 2006.
236. Сухоруков, Н. Д. Сочетание материальных и моральных стимулов к труду как фактор экономического развития в условиях социализма: Диссертация. – Л., 1972.
237. Табаков, О. П. Моя настоящая жизнь: Автобиографическая проза. – М., 2000.
238. Трифионов, Ю. Записки соседа // *Дружба народов*. – 1989. – № 10.
239. Тяжелникова, В. С. (Нидерланды) – Домохозяйство горожан в 1960-1980-е гг.: структура и стратегии экономического поведения // *Отечественная история*. – 2006. – № 4.
240. Уварова, И. П. Семидесятые: хроника культурной жизни / И. П. Уварова, К. Рогов // *Семидесятые как предмет истории русской культуры* / Сост. К. Ю. Рогов. – М.: О.Г.И., 1998.
241. Утехин, И. В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда (Петербурга) в 1970е–90е гг.: стереотипы повседневного поведения. Автореферат диссертации. – М., 2001.
242. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: Учеб. пособ. для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей. – М.: Академический проект, 2002.
243. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002.
244. Хализев, В. Е. Культурология в ее значимости для современного литературоведения // *Литературоведение на пороге XXI века: Материалы международной научной конференции*. – М.: Рандеву-АМ. – 1998.

245. Ханин, М. Г. Социальные функции печати и личностные функции чтения / М. Г. Ханин // Социология и психология чтения. – М.: Книга, 1979.
246. Харчева, В. Г. Ценностные ориентации в процессе становления и жизнедеятельности личности. Автореферат диссертации. – М., 1983.
247. Частный сектор в условиях социалистического строительства / Отв. ред. А.П. Бутенко, Н.Л. Лушина. М.: Институт экономики мировой соц. системы АН СССР, 1981.
248. Черняк, М. А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики: Диссертация. – СПб., 2005.
249. Честертон, Г. К. В защиту «дешевого читива» / Г. К. Честертон // Писатель в газете: Художественная публицистика / Пер. с англ.; Послеслов. С. С. Аверинцева. – М.: Прогресс, 1984.
250. Читательские интересы рабочей молодежи. – М.: «Книга», 1966.
251. Читательские интересы школьников и работающей молодежи. – Л., 1976.
252. Читательский спрос в массовых библиотеках в 1977 г. – М., 1978.
253. Читателям – лучшие книги (Из опыта работы библиотек республики с художественной литературой). – Минск, 1966.
254. Чтение подростка и библиотека / Под общ. ред. Х. Хансена. – Таллин, 1980.
255. Чубарьян, О. С. Человек и книга (социальные проблемы чтения) / О. С. Чубарьян. – М.: Наука, 1978.
256. Чудакова, М. Пора меж оттепелью и застоём (Ранние семидесятые) / М. Чудакова // Семидесятые как предмет истории русской культуры / Сост. К. Ю. Рогов. – М.: О.Г.И., 1998.
257. Чудакова, М. Литература советского прошлого / М. Чудакова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – Т. 1.
258. Чупринин, С. И. Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: в 2 т. / С. И. Чупринин. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
259. Чупринин, С. И. Русская литература сегодня. Путеводитель / С. И. Чупринин. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003.

260. Чупринин, С. И. Русская литература сегодня: Новый путеводитель / С. И. Чупринин. – М. : Время, 2009.
261. Чухрай, Г., делегат XXII съезда КПСС Великие цели // Советский экран. – 1961. – № 23, декабрь.
262. Шагинян, М. Человек и время / М. Шагинян. – М.: Советский писатель, 1980.
263. Шапинская, Е. Н. Массовая культура в теоретических исследованиях // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
264. Шапинская, Е. Н. Культура повседневности в академическом дискурсе // Обсерватория культуры. – 2006. – № 5.
265. Шведов, С. Книги, которые мы выбираем // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). / Составитель Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
266. Шейнин, Л. Писатель, кино, время // Советский экран. – 1962. – декабрь, № 23.
267. Шереги, Ф. Э. Структура читательских предпочтений // Социологические исследования. – 1986. – № 3.
268. Шестаков, В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов / В. А. Шестаков. – М.: Наука, 2006. – 296 с.
269. Шишкина, Л. И. Художественное произведение как «код культуры» / Л. И. Шишкина // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 508.
270. Шкаратан, О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. – М., 1970.
271. Шкаратан, О. И. Теории стратификации общества реального социализма / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан // Социальная стратификация. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996.
272. Шкловский, Е. А. Вступительная статья к сборнику Ю. В. Трифонова «Дом на набережной: Повести и рассказы. – М., 2001.
273. Шор, Ю. М. Культура и образ / Ю. М. Шор // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 256.

274. Шубкин, В. Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований) / В. Н. Шубкин. – М., 1970.
275. Шюц, А. Структура повседневного мышления / Пер. с англ. //Социологические исследования. – 1988. – № 2.
276. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
277. Экономические законы социализма: система, особенности действия, формы и методы использования / Под ред. Л.И. Абалкина и Г. Шульца. – М.: «Мысль», 1981. – 318 с.
278. Экрану – большая литература // Советский экран. – 1961. – апрель, № 7 (103).
279. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М., 1995.
280. Якимович, А. К. Полеты над бездной. Искусство, культура, картина мира. 1930-1990. – М.: Искусство-XXI век, 2009.
281. Dunham V.S. In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet ... - Cambridge, 1977.
282. Hosking G. Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich: Juriy Trifonov. L.; Totonto; Sidney; N.Y., 1980.
283. Richmond Y. From NYET to DA: Understanding the Russians. – Yarmouth: Intercultural Press, 1992.
284. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
285. <http://sheba.spb.ru/radio.htm> Народная общедоступная фонотека «Золотой век радиотеатра»
286. <http://dic.academic.ru>
287. <http://www.ozon.ru/context/detail/id/127458/>
288. <http://www.krugosvet.ru>
289. <http://newdrama.spb.ru/modern/sokolova.htm>
286. <http://www.rusf.ru/litved/biogr/efremov.htm>
291. <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/efremov/index1.html>
292. http://www.hrono.ru/biograf/bio_i/ivanov_as.html
293. <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/>

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 1

Приложение 1. Репертуар театров СССР в 1960-1975 гг.

Репертуар театров СССР, по данным ВУОАП, опубликованным в журнале «Театр» (1960-1975). Самые репертуарные пьесы (первая цифра – число постановок, вторая цифра – количество театров, поставивших пьесу).

В 1959 году: В. Розов «В поисках радости» (802/40), А. Софронов «Стряпуха» (660/40).

В 1960 году: А. Софронов «Стряпуха» (4637/175), А. Арбузов «Иркутская история» (4202/139), С. Михалков «Дикари» (485/41), В. Розов «В поисках радости» (356/61), С. Алешин «Все остается людям» (251/18).

В 1961 году: А. Арбузов «Иркутская история» (3162/158), А. Софронов «Стряпуха» (1172/111), А. Штейн «Океан» (575/25).

В 1962 году: А. Арбузов «Иркутская история» (1067/112), А. Штейн «Океан» (1043/39), «Коллеги» по В. Аксенову (792/35).

В 1963 году (первое полугодие): А. Арбузов «Иркутская история» (739/71), А. Штейн «Океан» (552/51), А. Володин «Пять вечеров» (407/18).

В 1964 году: «Рассудите нас, люди» по А. Андрееву (2966/89), В. Розов «В день свадьбы» (1841/73), «Петровка, 38» по Ю. Семенову (1395/41), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (541/29).

В 1965 году: В. Розов «В день свадьбы» (3386/122), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (3106/103), «Рассудите нас, люди» по А. Андрееву (1036/64), «Петровка, 38» по Ю. Семенову (722/31), «Тополек мой в красной косынке» по Ч. Айтматову (616/20).

В 1966 году: Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (1222/59), В. Розов «В день свадьбы» (888/61), «Тополек мой в красной косынке» по Ч. Айтматову (531/23), «Рассудите нас, люди» по А. Андрееву (302/17).

В 1967 году: А. Арканов, Г. Горин «Свадьба на всю Европу» (1413/42), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (592/34).

В 1968 году: «Дело, которому ты служишь» по Ю. Герману (401/22), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (251/20).

В 1969 году: «Дело, которому ты служишь» по Ю. Герману (854/45), Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (532/30).

В 1970 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (5398/98).

В 1971 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (2661/72), Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (1386/54), А. Вампилов «Старший сын» (1096/28), В. Розов «С вечера до полудня» (474/28).

В 1972 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (7030/128), М. Рошин «Валентин и Валентина» (2060/60), А. Вампилов «Старший сын» (1613/44), Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (1275/47), И. Дворецкий «Человек со стороны» (1209/67).

В 1973 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (2936/102), М. Рошин «Валентин и Валентина» (2552/74), А. Вампилов «Старший сын» (1418/39), И. Дворецкий «Человек со стороны» (923/67), М. Шатров «Лошадь Пржевальского» (638/25).

В 1974 году: А. Вампилов «Старший сын» (1660/52), Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (1364/70), М. Рошин «Валентин и Валентина» (1341/66), М. Шатров «Лошадь Пржевальского» (549/34).

Приложение 2. Из летописи Ульяновского областного театра драмы им. И. А. Гончарова

Сезон 1965-1966 гг. в репертуаре театра спектакль «104 страницы про любовь» Э. Радзинского. Режиссер – Э. Радзинский.

Сезон 1969-1970 гг. Премьера спектакля «Океан» А. Штейна. Премьера спектакля «Другая» С. Алешина.

Сезон 1970-71 гг. А. Штейн «Океан», В. Егоров, В. Тур «Погода в Тегеране», А. Насибов «Круги ада», Б. Рацер, В. Константинов «Неравный брак».

Сезон 1971-1972 гг. А. Штейн «Океан», М. Рошин «Валентин и Валентина», Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама», В. Рацер, Б. Константинов «Неравный брак», А. Насибов «Круги ада», В. Рацер, Б. Константинов «Вечером, после работы», А. Алексин «Обратный адрес», А. Чуйков «Сказка об уличном фонаре», Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы».

Сезон 1973-74 гг. Премьера спектакля «И это все о нем» по роману В.Липатова. Премьера спектакля «Эй, ты, здравствуй!» Г. Мамлина. А. Штейн «Океан», М. Рошин «Валентин и Валентина», Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама», В. Рацер, Б. Константинов «Неравный брак», А. Насибов «Круги ада»,

В. Рацер, Б. Константинов «Вечером, после работы», А. Алексин «Обратный адрес», Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы», М. Шатров «Лошадь Пржевальского», А. Чуйков «Сказка об уличном фонаре».

Сезон 1974-1975 гг. Премьера спектакля «Огарева – б» по повести Ю. Семенова. Премьера спектакля «Старший сын» А. Вампилова. Премьера спектакля «Родственники» Э. Брагинского Э. Рязанова. Премьера спектакля «Погода на завтра» М. Шатрова.

Сезон 1975-1976 гг. Премьера спектакля «Прощание в июне» А. Вампилова. Премьера спектакля «Энергичные люди» В. Шукшина.

Сезон 1976-1977 гг. Премьера спектакля «Солнечный удар» А. Яковлева. Премьера спектакля «Притворщики» Э. Брагинского, Э. Рязанова. Премьера спектакля «Поговорим о странностях любви» Г. Мамлина.

Сезон 1977-1978 гг. А. Гельман «Протокол одного заседания», Э. Брагинский, Э. Рязанов «Притворщики», А. Вампилов «Прощание в июне», В. Константинов, Б. Рацер «Неравный брак», В. Розов «В поисках радости», А. Соколова «Фантазии Фарятьева», В. Шукшин «Энергичные люди», Г. Мамлин «Поговорим о странностях любви», А. Яковлев «Солнечный удар». Премьера спектакля «Земля весенняя» Л. Ясковича. Премьера спектакля «В день свадьбы» В. Розова.

Сезон 1978-1979 гг. Премьера спектакля «Аморальная история» Э. Брагинского, Э. Рязанова. Премьера спектакля «Родительская суббота» А. Яковлева. Премьера спектакля «Деньги для Марии» В. Распутина.

Сезон 1979-1980 гг. Премьера спектакля «Веранда в лесу» И. Дворецкого. Премьера спектакля «Материнское поле» по повести Ч. Айтматова.

Приложение 3. Радиотеатр

Володин А. Пять вечеров. Спектакль БДТ им. Горького, запись по трансляции 1959 г. Режиссер Г. Товстоногов.

Розов В. В день свадьбы. Спектакль Московского театра Ленком, 1965 г. Постановка: А. Эфрос.

Розов В. В поисках радости. Спектакль Центрального детского театра. Режиссер А. Эфрос.

Шукшин В. Позови меня в даль светлую. СССР, Всесоюзное радио, 1975 г.
Постановка: Ст. Любшин.

Вампилов А. Дом окнами в поле. СССР, Всесоюзное радио, 1975 г. Режиссер
С. Кулиш.

Вампилов А. Прошлым летом в Чулимске. Спектакль Театра имени Ермоловой
1978 г. Постановка В. Андреева.

Гуркин В. Любовь и голуби. Спектакль театра «Современник» 1986 г. Режиссер
В. Фокин [291].

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 3

Приложение 1. Сюжеты текстов массовой литературы времени «оттепели»

Производственный и эпический роман. 1957 г. Роман Г. Николаевой «Битва в пути» впервые был опубликован в журнале «Октябрь». Основой сюжета послужили реальные события на Челябинском тракторном заводе. События разворачиваются на фоне общих изменений в жизни страны периода «оттепели». Крупный тракторный завод, ранее выпускавший танки, возглавляет директор «сталинской закалки» Вальган. На завод приезжает новый главный инженер Бахирев. Изучив производство, Бахирев понимает, что без модернизации выпуск современной и качественной продукции невозможен. Но все попытки модернизации вызывают сопротивление руководства, потому что угрожают выполнению плана. Возникают серьезные конфликты, в первую очередь, между директором и главным инженером. У Бахирева есть сторонники, но еще больше противников. Положение Бахирева, семейного человека, осложняется любовью к Тине Карамыш – его коллеге и единомышленнику. По сценарию Г. Николаевой и М. Сагаловича режиссером В. Басовым был снят фильм «Битва в пути» (1961). Фильм стал лидером проката 1961 года – 38,3 млн. зрителей.

1957-1965 гг. Трилогия Ю. Германа «Дело которому ты служишь», «Дорогой мой человек», «Я отвечаю за все». В центре романа – образ талантливого врача Владимира Устименко – человека огромного нравственного обаяния, бесконечно преданному своему делу. Трилогия охватывает период с середины 1930-х до начала 1960-х гг. После войны Устименко живет и работает главным врачом городской больницы в родном городе. Тщеславной жене не удалось сделать из него медицинское «светило». Устименко – врач, организатор и ученый, ставящий на себе рискованные опыты. Он трудится бескорыстно и самоотверженно, его уважают коллеги и пациенты. У него немало надежных товарищей, но есть и сильные враги. В 1958 г. режиссером И. Хейфицем по сценарию Ю. Германа и И. Хейфица снят фильм «Дорогой мой человек». На Всесоюзном кинофестивале советских фильмов в

Киеве (1959) фильму была присуждена Вторая премия, постановщик фильма И. Хейфиц отмечен Второй премией за режиссуру.

1961 г. Роман Вс. Кочетова «Секретарь обкома». Единственное произведение, посвященное партийным функционерам высокого уровня. Сюжетная основа: после отпуска секретарь обкома Денисов приступает к своим обязанностям. Сразу приходится вникать в сложное дело: старого коммуниста Черногуса привлекают к уголовной ответственности за хранение маузера. Но главное, что Черногус в милицеском протоколе критикует областное партийное руководство. Вторая проблема: фронтовой друг Суходолов, которому Денисов обязан жизнью, откровенно плохо руководит крупным химкомбинатом. Проблемы возникают и в семье Денисова: после трагической смерти жены в родительский дом из Ленинграда возвращается сын с малолетним ребенком. С ним приезжает и сестра жены Юлия, в прошлом причинившая немало зла семье. Теперь она нуждается в помощи. Главным событием романа становится разоблачение руководителя соседней области Артамонова: за внешними хозяйственными успехами скрываются большие долги, обман народа и государства. По сценарию Вс. Кочетова был снят фильм «Секретарь обкома» (1964).

1962 г. Роман Д. Гранина «Иду на грозу». Роман посвящен советской научной интеллигенции. В нем показано, что процесс поиска научной истины, как любой другой вид человеческой деятельности, не обходится без столкновения характеров и точек зрения. В центре романа – образы друзей, ученых-геофизиков – Крылова и Тулина. Крылов изучает теорию электрического поля, Тулин ведет прикладные исследования атмосферного электричества, актуальные для народного хозяйства. Тулин упрямством добивается разрешения на рискованное практическое испытание своего метода воздействия на грозовые облака. Крылов работает с Тулиным. В ходе исследований происходит авиакатастрофа, гибнет один из участников группы. Перед комиссией по расследованию Тулин отказывается от дальнейшего изучения грозы, а Крылов намерен продолжать эту тему. Режиссером С. Микаэляном по сценарию Д. Гранина и С. Микаэляна был снят одноименный фильм (1965), прокат составил 19,9 млн. зрителей.

1963 г. Роман Ан. Иванова «Тени исчезают в полдень» впервые был напечатан в журнале «Сибирские огни». Роман рассказывает о судьбах

нескольких поколений односельчан сибирского села Зеленый Дол с момента прихода Советской власти до начала 1960-х годов. В прологе романа – жизнь главных героев накануне Октябрьской революции. В центре романа – бессменный председатель колхоза Захар Большаков и враги социализма Морозовы. В советское время роман пользовался огромной популярностью среди читателей. Уже в 1964 году роман был выпущен отдельной книгой издательством «Советский писатель» и двумя книгами в «Роман-газете», затем многократно переиздавался центральными книжными издательствами. Первые переводы – в Чехословакии (1976) и Югославии (1979). По сценарию А. Иванова и А. Витоля в 1971-1973 гг. В. Краснопольским и В. Усковым был снят одноименный телефильм из 7 серий. Премьера на ЦТВ прошла в феврале 1972 и апреле 1974 гг.

Реалистическая проза. 1960 г. Повесть В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балуюв». Повесть рассказывает о строительстве магистрального газопровода в Сибири. Главный герой – Павел Балуюв, начальник участка подводно-технических работ. Для экономии государственных средств Балуюв предлагает отказаться от проектного обхода заболоченного участка и вести трассу напрямик. Трудовой коллектив поддерживает творческую инициативу Балуюва, решает ради экономии четырех километров ценных труб рискнуть своими премиальными, хотя этот метод требует более тяжелой и напряженной работы. Фильм «Знакомьтесь, Балуюв», снятый режиссером В. Комиссаржевским по сценарию В. Кожевникова, был представлен на МКФ в 1963 году и оказался единственным советским фильмом, оставшимся вообще без приза [293]. В том же году фильм посмотрели 20,6 млн. зрителей.

1961 г. Повесть Б. Бедного «Девчата». Повесть рассказывает о жизни людей северного поселка леспромхоза: о труде, учебе и отдыхе, о любви и семье, домашних заботах. Воспитанница детдома Тося Кислицына приезжает в поселок лесорубов и работает поваром. В клубе, во время танцев, возникает конфликт между Тосей и ударниками-лесорубами – грубыми, избалованными вниманием парнями. Тося заставляет красавца-бригадира Илью пригласить ее на танец по всем правилам, а затем отказывает. Илья опозорен, и спорит с Филей, что «обломает» поваришу. Он приступает к выполнению замысла, но неожиданно влюбляется в Тосю. У Тоси возникает ответное чувство, но девчата

рассказывают ей про унижительный спор. Повесть была отмечена критикой «Литературной газеты» и журнала «Октябрь». В 1961 году режиссером Ю. Чулюкиным по сценарию Б. Бедного был снят одноименный фильм. Премьера фильма прошла 7 марта 1962 года. В СССР фильм стал лидером проката – 34,8 млн. зрителей и получил призы МКФ в Эдинбурге (1961) и Канне (1962). Исполнительница главной роли Надежда Румянцева получила приз за лучшую женскую роль на МКФ в Мар дель-Плата (Аргентина, 1962).

1961 г. Повесть Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке».

Сюжет: по горным дорогам Тянь-Шаня водит грузовик молодой шофер Ильяс. Знакомство с Асель становится началом взаимной любви и семейной жизни. Автобазе дают сложное задание: в короткий срок перевезти габаритный груз на строительство ГЭС. Водители не находят решения. Ильяс, вспомнив, как однажды буксировал машину на Долонском перевале, предлагает брать прицепы. По технике безопасности это запрещено, но Алибек предлагает обдумать предложение, подготовится, провести испытание. Ильяс решает доказать немедленно. Тайная попытка пройти через труднейший перевал с прицепом заканчивается аварией. Ильяс, испугавшись ответственности, бросает груз и уезжает. Асель считает, что он обязан все объяснить на автобазе. Ильяс оскорбляет жену и уходит из дома. Его снимают с трассы. Обиженный Ильяс увольняется. Его идею с прицепами обдумывают, дорабатывают и реализуют. Вернувшись домой, Ильяс узнает, что Асель с сыном исчезли. Повесть «Тополек мой в красной косынке» была экранизирована дважды: в 1961 г. по сценарию Ч. Айтматова и А. Сахарова под названием «Перевал». Ч. Айтматов получил диплом за лучший сценарий на Первом смотре-соревновании кинематографистов Средней Азии и Казахстана (1962). Второй раз повесть была экранизирована в 1972 году под названием «Я – Тянь-Шань». Прокат в 1973 году – 5,8 млн. зрителей.

1961 г. Повесть А. Рекемчука «Молодо-зелено». В ее основе, как и других произведений, – наблюдения, сделанные автором на севере России. Сюжет: молодой строитель-монтажник и депутат райсовета Коля Бабушкин командирован из таежного строительного участка в город Джегор, потому что закончился кирпич и начались простои. В Джегоре выясняется, что проблема стройматериалов – общая, и кирпичный завод необходимо реконструировать по проекту инженера Черемных. Бабушкин остается в Джегоре, собирает бригаду

монтажников и вместе с Черемных реконструирует завод. В Джегоре Николай встречает свою любовь – молодого архитектора Ирину. В 1962 году по сценарию А. Рекемчука и К. Воинова режиссером К. Воиновым повесть была экранизирована под одноименным названием. Прокат 1963 года – 23,6 млн. зрителей.

1963 г. Повесть в новеллах М. Алексеева «Хлеб – имя существительное» впервые опубликована в журнале «Звезда». Отдельной книгой вышла в издательстве «Советский писатель» в 1965 г. Повесть рассказывает о прошлой и современной жизни людей села Выселки Саратовской области. В центре новеллы «Журавушка» – образ колхозницы Марфы Луниной. Перед читателем проходит ее жизнь с детства в 1920-е годы до начала 1960-х. Марфа – красивая и гордая женщина, вдова: муж погиб на войне. По селу о ней идут сплетни, но она честно трудится на ферме, растит сына и остаётся верной своей единственной любви. В 1968 году по сценарию М. Алексеева режиссером Н. Москаленко новелла «Журавушка» была экранизирована. Фильм стал лидером проката 1969 года – 37,2 млн. зрителей.

1963 г. Сборник рассказов В. Шукшина «Сельские жители», в который вошли рассказы «Классный водитель», «Змеиный яд», «Игнаха приехал» «Степка». Рассказ «Классный водитель» Шукшиным был положен в основу сценария фильма «Живет такой парень» (1964). Рассказы «Степка», «Змеиный яд», «Игнаха приехал» – в основу сценария фильма «Ваш сын и брат» (1965). Позднее В. Шукшин издал киноповести с одноименными названиями. В фильме и киноповести «Живет такой парень» алтайский шофер Павел Холманский, «классный водитель», стал Пашкой Колокольниковым. Сначала он выглядит как балагур с набором пошловатых, провинциальных присказок, который любит приврать и пошутить. Постепенно открываются другие стороны его личности: Пашка следует простым шоферским правилам – «помоги товарищу в беде, не ловчи за счет другого, не трепись – делай». Оказывается, Пашка – человек добрый и отзывчивый, способный на подвиг. Рискуя жизнью, он предотвращает взрыв и пожар на бензохранилище: отгоняет грузовик с загоревшимися бочками бензина. В киноповести «Ваш сын и брат» Степан, Максим, Игнат – братья, уроженцы сибирского села. Старший Игнат после армии перебрался в Москву, успешно выступает в цирке, уважаемый человек, женат на москвичке, живет в отдельной квартире. Уехал в Москву и

младший брат Максим. Два года работает на стройке разнорабочим, живет в общежитии, чувствует, что не прижился в городе, но возвратиться в родную деревню ему мешает гордость. Средний брат Степан, подрался «за правду» и угодил в тюрьму. За три месяца до освобождения он совершает побег, чтобы повидать родных, походить по родной земле. В деревне с родителями остается лишь немая дочь Вера. В. Шукшин по своим сценариям поставил фильмы «Живет такой парень» (1964) и «Ваш сын и брат» (1965). Фильмы не стали лидерами проката (их посмотрели по 15 млн. зрителей), но были высоко оценены профессиональными кинематографистами: на 16-м Международном кинофестивале в Венеции фильм «Живет такой парень» был удостоен приза «Золотой лев св. Марка». Фильм «Ваш сын и брат» в 1967 году был удостоен Государственной премии РСФСР.

Молодежная исповедальная проза. 1960 г. Повесть В. Аксенова «Коллеги». Повесть о профессиональном, гражданском и нравственном становлении личности. Трое друзей – выпускников ленинградского медицинского института по-разному начинают свою трудовую жизнь. Зеленин становится сельским доктором, а Максимов и Карпов – судовыми врачами. Их влечет романтика дальних плаваний, но сначала приходится заниматься скучной санитарной работой в порту. А Зеленин в сельской глубинке набирается профессионального опыта. Выполнение своего профессионального долга в критической ситуации приводит героев к осознанию смысла жизни. В 1962 году по сценарию А. Сахарова был снят фильм «Коллеги» и стал лидером проката 1963 года – 35 млн. зрителей.

1961 г. повесть В. Аксенова «Звездный билет» была опубликована в журнале «Юность». Сюжет: четверо москвичей, закончив школу, решили до поступления в вузы махнуть куда-нибудь подальше от дома. Эта мысль пришла Димке Денисову. Уговоры старшего брата Виктора насчет серьезного отношения к жизни лишь больше «разогрели» его. Друзья решили попробовать жить самостоятельно, без надоевшей опеки взрослых. Испытать себя в самостоятельной жизни они отправились не на восток, в Сибирь, куда в то время ехала молодежь, а на запад – в Эстонию. На эстонском курорте впервые в жизни ребята чувствуют, как непросто самостоятельно вести хозяйство. Деньги тратятся нерасчетливо и кончаются очень быстро. Попытки заработать стихами и карточной игрой неудачны. Ребята устраиваются грузчиками в таллиннский

мебельный магазин, а затем работают в рыболовецком колхозе. В 1962 году повесть «Звездный билет» была экранизирована режиссером А. Зархи по сценарию В. Аксенова и М. Анчарова под названием «Мой младший брат». В том же году ее посмотрели 23 млн. зрителей.

Драма. 1959 г. Пьеса А. Арбузова «Иркутская история». В 1961–1963 гг. она входила в число самых репертуарных. С 1973 года фильм-спектакль «Иркутская история» в постановке театра им. Е. Вахтангова многократно транслировался по ЦТ. В основе пьесы А. Арбузова лежит реальный факт: бригада экскаваторщиков, работавшая на строительстве Иркутской ГЭС, опекала семью погибшего товарища. Сюжет: на одной из строек Иркутска в продовольственном магазине работает легкомысленная девушка Валя по прозвищу «Валька-дешевка». Её друг Виктор знакомит её со своим товарищем по работе Сергеем Серегиним. Сергей советует Виктору жениться на Вале, но Виктору не хочется себя связывать. А Сергей полюбил Вальку, и они поженились. У них родились дети. Валя счастлива, но счастье ее длится недолго: Сергей, спасая соседских детей, тонет в Ангаре. Экипаж экскаватора сначала помогает деньгами Вале и детям, затем Валя становится членом их коллектива. По сценарию А. Арбузова в 1973 году режиссерами Б. Ниренбургом и Е. Симоновым на ТО «Экран» был снят одноименный телефильм.

1959 г. Пьеса А. Володина «Пять вечеров». Действие пьесы начинается с неожиданной встречи в Ленинграде мужчины и женщины, которые любили друг друга и не виделись 17 лет. Ильин работает шофером на Севере, Тамара – мастером на заводе «Красный треугольник». Тамара 17 лет назад проводила Ильина на войну, ждала его, они переписывались. После войны Ильин к Тамаре не вернулся. Тамара замуж не вышла, воспитывает племянника, ведет общественную работу и вроде бы считает свою жизнь вполне благополучной. Постепенно выясняются подробности жизни Ильина, и становится ясно, почему он не вернулся, почему выдает себя за главного инженера крупного химкомбината. Выясняется, что Ильин много лет назад пострадал за свою правдивость (был отчислен из института), а после войны отбывал заключение. Теперь он намерен обеспечить любимой женщине счастливую жизнь. Пьеса Володина была экранизирована режиссером Н. Михалковым по сценарию А. Адабашьяна и Н. Михалкова (1978).

1960 г. Пьеса А. Штейна «Океан». С 1961 по 1963 гг. пьеса была одной из самых репертуарных в театрах страны. Это произведение драматурга посвятил воинам-морьякам молодого поколения. Сюжет: трое выпускников Ленинградского военно-морского училища – Платонов, Часовников и Куклин служат на флоте, но судьбы сложились по-разному. Платонов стал командиром эсминца, у Часовникова – серьезные сомнения в своем призвании, Куклин служит при штабе, но считает, что карьеру не сделал. В центре пьесы острая коллизия: Платонов нарушает долг командира и воинскую дисциплину: сознательно скрывает от начальства пьяный дебош своего друга и подчиненного Часовникова. Складывается критическая ситуация, в которой каждый проявляет лучшие и худшие качества своей личности. В 1973 году по сценарию А. Штейна режиссером Ю. Вышинским пьеса была экранизирована под одноименным названием.

1964 г. Пьеса Э. Радзинского «104 страницы про любовь». Пьеса имела огромный успех у зрителей, входила в число самых репертуарных. Это история любви бортпроводницы Наташи и ученого-физика Евдокимова. Они знакомятся в модном кафе и начинают встречаться. По-разному переживают они чувства друг к другу. Евдокимов не сразу понимает, что любит Наташу. Силой своей любви Наташа приводит Евдокимова к пониманию, что такое любовь. В 1968 году пьеса была экранизирована по сценарию Э. Радзинского режиссером Г. Натансоном под названием «Еще раз про любовь». Фильм стал лидером проката – 36,7 млн. зрителей.

Детектив. 1956 г. Повесть А. Адамова «Дело "пестрых"» вышла с большими редакционными препятствиями и стала первым популярным советским детективом времени «оттепели». Сюжет: демобилизованный офицер Сергей Коршунов неожиданно для себя, по рекомендации райкома партии, становится работником МУРа и осваивает эту трудную профессию. Почти сразу он включается в расследование убийства, которое выводит оперативников на сеть преступлений одной и той же криминальной группы. В 1958 году режиссером Н. Досталем по сценарию А. Адамова и А. Гранберга повесть была экранизирована. Фильм стал лидером проката – 33,7 млн. зрителей.

1963 г. Один из самых популярных детективов Ю. Семенова «Петровка, 38». Сюжет: убит милиционер, похищено оружие и ограблена

городская сберкасса. Расследование преступления указало на участие в нем подростка, который вскоре сам пришел в уголовный розыск. С его помощью и были пойманы грабители, готовящие очередной налет. Автор показывает: основная задача уголовного розыска – поиск и обезвреживание преступников, но немало внимания уделяется нравственному воспитанию людей, так или иначе связанных с преступлением. В 1979 году по сценарию Ю. Семенова повесть была экранизирована (режиссер Б. Григорьев). Фильм стал лидером проката 1980 года – 53,4 млн. зрителей.

Фантастика. 1957 г. Роман И. Ефремова «Туманность Андромеды».

Сюжетная основа: в космосе звездолет землян вошел в гравитационное поле опасной Железной звезды. Отсутствие топлива грозит землянам навечно остаться на ее планете и погибнуть от неизвестных и агрессивных форм жизни. Спасением оказывается обнаруженный здесь пропавший земной звездолёт и сохранившееся на нем топливо. Успех во многом обусловлен нравственным совершенством и профессионализмом людей коммунистического будущего. В самый короткий срок роман стал известен во всем мире, вызвал огромное количество откликов, от научных статей и диссертаций до многочисленных читательских писем. Успех этой коммунистической утопии совпал с запуском первого советского спутника Земли и был уникальным. В «Туманности Андромеды» Ефремов пытался нарисовать будущую коммунистическую республику планетарного масштаба. Земная цивилизация явится, по его мнению, царством разума, гуманизма и демократии, раскрывающим безграничные возможности человека. Герои романа – люди, сжигающие себя в напряженном творческом труде [286]. Роман «Туманность Андромеды» был экранизирован режиссером Е. Шерстобитовым по сценарию В. Дмитриевского и Е. Шерстобитова в 1967 году. В 1969 г. фильм был удостоен специальной премии жюри на Международном кинофестивале фантастических фильмов в Триесте (Италия).

Приложение 2. Сюжеты текстов массовой литературы времени «застоя»

Производственный и эпический роман. 1970 г. Роман М. Алексеева «Ивушка неплакучая» был написан в 1966-74 гг. Публикация романа началась в журнале «Молодая гвардия» с 1970 года. Отдельной книгой роман вышел в 1975 году в издательстве «Советский писатель» и Воениздате. За этот роман писатель был удостоен Государственной премии СССР (1976). Сюжет: действие охватывает период с 1920-х до начала 1970-х. Центральный образ романа – крестьянка Федосья Угрюмова. Муж и отец ее сына – комсомольский активист Филипп уехал добровольцем в Испанию и погиб. После войны Феня вышла замуж за односельчанина Авдея. Они прожили вместе 20 лет и вырастили сына. Но Авдей влюбился в красавицу Надёнку и ушел от Фени. Сердечную боль и обиду Феня топит в работе. Она – лучшая трактористка колхоза, возглавляет женскую тракторную бригаду. Сын – единственная радость одинокой женщины. Но во время срочной армейской службы сын погибает в пограничном конфликте. Самоотверженный труд на колхозных полях помогает Фене пережить страшное горе. Авдей возвращается к Фене. В 1971 году режиссер Н. Москаленко по сценарию М. Алексеева, написанного по мотивам романа, снял фильм «Русское поле». Фильм вышел на экраны в 1972 году и стал лидером проката – 56,2 млн. зрителей.

1971-1976 гг. Роман А. Иванова «Вечный зов». Время действия народной эпопеи А. Иванова охватывает период с 1902 по 1962 г. В центре романа – нелегкие, полные драматизма судьбы сибирских крестьян – братьев Савельевых, Панкрата Назарова, Кирьяна и Анфисы Инютиных, а также партработников Кружилина, Субботина и Полипова, чекиста Алейникова. В трудных судьбах героев, их драматических поисках социальной справедливости и борьбы за нее отражается история России. В развернутом эпилоге подводятся итоги борьбы каждого героя за социальную справедливость. Исследуя реальную жизнь, автор в ходе повествования доказывает: люди познают суть социальных процессов, познавая себя, то есть общее через личное. За этот роман писатель был удостоен Государственной премии РСФСР (1971), за телесценарий по роману – Государственной премии СССР (1979). С изучаемым периодом в романе А. Иванова связаны лишь две

главы эпилога. В них автор включил критику партработников-рутинеров времени «оттепели», все те проблемы социокультурного развития, о которых в конце 1950-х и начале 1960-х уже писали в своих произведениях Г. Николаева, Вс. Кочетов, Ю. Герман и др. По сценарию А. Иванова и К. Исаева В. Краснопольским и В. Усковым был снят одноименный телефильм из 19 серий (1973-1983). Премьеры первой, второй и третьей частей состоялись в 1976, 1979 и 1983 гг.

1974. Роман В. Липатова «И это все о нем» впервые был опубликован в журнале «Знамя». По жанру – нечто среднее между производственным романом и детективом. Действие происходит в сибирском поселке лесозаготовителей, в начале 1970-х. В аннотации к изданию 1980 года говорится: «Роман посвящен комсомольцам семидесятых годов. В центре повествования Евгений Столетов и его товарищи – молодые лесозаготовители, комсомольцы, вступившие в непримиримую борьбу с мастером Гасиловым, обывателем, рвачом, для которого главное – собственное благополучие. Сюжетно роман построен на расследовании обстоятельств гибели Евгения Столетова». По сценарию В. Липатова режиссер И. Шатров на ТО «Экран» снял одноименный телефильм из 6 серий (1977). Премьера на ТВ состоялась в марте 1978 года. За сценарий телефильма «И это всё о нём» В. Липатов был удостоен премии Ленинского комсомола (1978).

Реалистическая проза. 1967 г. Повесть В. Липатова «Деревенский детектив» впервые была опубликована в журнале «Знамя». Действие происходит в сибирском селе в 1966–1967 гг. (в сельском клубе демонстрируется новый фильм «Берегись автомобиля» 1966 года). В центре повести – участковый милиционер Анискин – ветеран войны, пожилой, уважаемый человек. Расследование дела о похищении аккордеона у заведующего сельским клубом разворачивается на фоне повседневной жизни односельчан с заботами и проблемами, связанными с общими социокультурными процессами второй половины 1960-х. По сценарию В. Липатова и И. Мазурук режиссером И. Лукинским был снят одноименный фильм (1968). Премьера состоялась в марте 1969 года.

Деревенская проза. 1973 г. В. Шукшин. «Печки-лавочки». Сюжет: алтайский колхозник, тракторист Иван Расторгуев с женой Нюрой, дояркой, впервые в жизни отправляется на южный курорт. Во время долгого пути

поездом происходят необычные встречи: с вором, которого Расторгуевы принимают за ученого-конструктора, и с настоящим профессором, которого принимают за жулика. Когда недоразумение выясняется, неожиданно для себя, Расторгуевы получают от профессора приглашение пожить несколько дней у него в Москве. За эти дни Расторгуевы посещают ГУМ и ЦУМ, выставку икон, выступают в университете, впервые окунаются в атмосферу городского быта и знакомятся с образом жизни людей высококвалифицированного интеллектуального труда. По своему сценарию В. Шукшин снял фильм «Печки-лавочки» (1972). Прокат составил 17,1 млн. зрителей.

Школьная повесть. 1974 г. Алексин А. «Позавчера и послезавтра». Сюжет: Виктор Макарович, талантливый педагог, руководитель детского хора в Доме культуры отдал работе лучшие годы жизни. Это пожилой, одинокий человек. У него проблемы со здоровьем, и врачи рекомендуют ему «сидячую» работу. Но Виктор Макарович не представляет своей жизни без детского хора. Директор Дома культуры планирует заменить его заслуженным артистом Наливиным (бывшим воспитанником Владимира Макаровича), что очень престижно для ДК. Дети и родители пытаются помочь любимому педагогу, ищут возможность оставить его на работе в качестве художественного руководителя хора. Но гуманизм и честность проигрывают в борьбе с бездушным практицизмом и бесчестием. За эту повесть писатель был награжден Государственной премией СССР (1978). В 1987 г. по заказу Гостелерадио СССР повесть была экранизирована под названием «Чехарда» режиссерами В. Крайневым и А. Федоринским по сценарию Е. Марковой.

1982 г. Лиханов А. «Благие намерения». Сюжет: при распределении на работу по окончании пединститута, Надежда, вопреки требованиям матери, выбирает далекий от дома провинциальный городок на Севере. Из-за скандала с дочерью мать тяжело заболевает, поэтому Надежда приезжает на место работы с опозданием. Учителями литературы школы уже «укомплектованы», и она соглашается на должность воспитателя младшей группы школы-интерната. Постепенно Надежда Георгиевна начинает выполнять свои обязанности не только профессионально, но и «с душой». Чтобы дети-сироты не чувствовали себя обделенными, она решает привлечь к ним внимание бездетных семей. На выходные дни дети уезжают в гости к своим новым друзьям. По сценарию

А. Лиханова повесть была экранизирована режиссером А. Бенкендорфом (1984). Премьера состоялась в феврале 1985 года.

Социальная и производственная драма. 1969 г. Вампилов А. «Старший сын». Впервые пьеса была поставлена в Иркутском драматическом театре (1969). В 1970 г. пьеса под названием «Свидания в предместье» была поставлена в Ленинграде и вскоре вошла в число самых репертуарных. Сюжет: двое парней, увязавшись за девушками, приехали в незнакомое предместье. Опоздав на последнюю электричку и изрядно замерзнув, стучатся в дома и просят пустить на ночлег. Никто не пускает их. Во дворе дома, случайно подслушав разговор пожилого жильца с соседкой, один из парней решает выдать себя за его сына, чтобы переночевать в теплой квартире. Хозяин дома Сарафанов, добрейший человек, музыкант, воспитавший без жены детей, сразу же признается в грехах молодости и признает в госте старшего сына. Он счастлив. Реакция «отца» столь тепла и трогательна, что в парне пробуждается совесть. Все запутывается еще больше, когда «старший брат» влюбляется в свою «сестру». Пьеса была экранизирована по сценарию В. Мельникова под названием «Старший сын» (1975). Премьера телефильма состоялась в мае 1976 года. Фильм получил приз интервидения и приз за лучший сценарий в разделе драматических произведений на XIII МФТФ в Праге, ЧССР (1976).

1971 г. Брагинский Э., Рязанов Э. «Сослуживцы». Эта комедия была сыграна в общей сложности 19 тысяч раз, достигнув рекордного числа спектаклей. За эту пьесу авторы были награждены Государственной премией РСФСР (1972). Сюжет: Управлением статистики руководит Людмила Прокофьевна Калугина, которую сослуживцы за глаза называют «Мымрой». В ее подчинении работает скромный экономист Новосельцев. Новосельцев – брошенный муж и отец-одиночка, ему постоянно не хватает денег. Он профессионал и хотел бы получить освободившуюся должность начальника отдела с более высокой зарплатой, но боится попросить об этом Калугину. По совету Самохвалова – своего приятеля и сослуживца, нового заместителя Калугиной, Новосельцев, чтобы получить должность, начинает ухаживать за начальницей. В 1977 году режиссером Э. Рязановым пьеса была экранизирована под названием «Служебный роман» (1977). В 1978 фильм стал лидером проката – 58,4 млн. зрителей.

1971 г. Рошин М. «Валентин и Валентина». Эту пьесу в 1971 г. поставили почти одновременно «Современник» (реж. В. Фокин) и МХАТ (реж. О. Ефремов), вслед за ними – Г. Товстоногов. В СССР не было города, где в театре не шла бы пьеса «Валентин и Валентина». Сюжет: молодые герои – восемнадцатилетние студенты Валентин и Валентина отстаивают свое право на любовь и самостоятельную жизнь, не только вступая в конфликт с родителями, но и преодолевая множество внутренних барьеров, ревность, страх, малодушие. По сценарию Г. Натансона и М. Рошина пьеса была экранизирована с одноименным названием (1985). Премьера состоялась в марте 1986 года.

1971 г. Дворецкий И. «Человек со стороны». В 1971 году эту пьесу поставил Театр на Малой Бронной в Москве. Пьеса имела шумный зрительский успех во многих театрах страны. В основе пьесы – впечатления автора от пребывания на одном из машиностроительных предприятий под Ленинградом. Сюжет: крупное предприятие в Тихвине, с хорошо налаженной работой, покидает главный герой – Алексей Чешков. Его переманивает конкурент – завод в Нереве. Начальник не хочет отпускать Чешкова – хорошего инженера-литейщика и управленца, не подписывает заявление, не отдает документы, дает три месяца (пока сам отсутствует) на размышление. Специалист и коммунист Чешков все-таки уезжает, нарушая партийную дисциплину. На новом месте он возглавляет новый цех, где с руководством не справился предыдущий начальник. На Чешкова возлагают большие надежды и принимают его жесткие условия: оклад – 280 рублей, работа для жены-инженера и трехкомнатная квартира. Он начинает работать очень жестко. Из цеха уходят люди, обстановка накаляется, но «человек со стороны» продолжает ломать старый порядок и модернизировать управление производством. Чешкова поддерживают «сверху», но среди коллег и подчиненных мало сторонников. Сломает он систему или система сломает его? В 1973 году режиссером А. Эфросом пьеса была экранизирована: был снят фильм-спектакль Театра на Малой Бронной.

1975 г. Гельман А. «Протокол одного заседания». Пьеса впервые была поставлена в 1975 году во МХАТе. В 1976 г. спектакль в постановке БДТ показывался по ЦТВ в дни работы XXV съезда КПСС. Сюжет: бригада строителей отказалась получить премию по итогам года. На заседании парткома треста разбирается этот скандальный случай, бригадир Потапов объясняет причины. Выясняется, что премия была начислена тресту за

выполнение скорректированного плана. В оценке этого факта сталкиваются две точки зрения. Управляющий трестом Батарцев объясняет корректировку плана внешними причинами – неувязками в планировании, плохой работой поставщиков. Бригадир Потапов, его бригада и экономист Миленина считают, что при всех объективных трудностях трест мог выполнить первоначальный план, если бы руководители использовали все внутренние ресурсы. Батарцева обвиняют в неспособности должным образом организовать производство и в беспринципности, поскольку он поддался нажиму главка, начал строительство, не обеспеченное в полной мере техдокументацией и ресурсами. По сценарию Гельмана был снят фильм «Премия» (1974). Премьера состоялась в сентябре 1975 года. За сценарий фильма «Премия» А. Гельману была присуждена Государственная премия СССР (1976). Фильм награжден Государственной премией СССР (1976). Фильм получил Большой приз ВКФ-75 в Кишиневе, Золотую медаль МКФ в Авеллино-76, Юбилейный приз МКФ в Карловых-Варах-76, Почетный приз и диплом МКФ цветного кино в Барселоне-76, Премия критики Международного кинофорума «Человек, труд, творчество» в Польше (1975).

1976 г. Соколова А. «Фантазии Фарятьева» (трагикомедия). В 1976 году пьеса была поставлена в Ленинградском БДТ С. Юрским. Сюжет: зубной врач Фарятьев, человек мягкий, слегка «не от мира сего» влюблен в Александру – преподавателя музыкальной школы и предлагает ей выйти за него замуж. Александра не любит Фарятьева, ее кумир – Бедхудов, с которым не складываются отношения. Все-таки Александра не сразу, но дает согласие. Фарятьев счастлив, но недолго: неожиданно появляется Бедхудов. Он снял комнату, и Александра, не раздумывая, уходит с ним. В 1982 году режиссер И. Авербах по сценарию, написанному в соавторстве с А. Соколовой, снял одноименный телефильм. Премьера состоялась в январе 1982 (ТВ).

1979 г. Гельман А. «Мы, нижеподписавшиеся». Эта производственная и социальная драма в 1979 году была поставлена в Москве в МХАТе. Сюжет: комиссия облисполкома по приему в эксплуатацию объектов социального назначения, выявив множество недоделок в новом хлебозаводе и не подписав акт приемки, возвращается из райцентра Куманево в областной центр. Действие происходит в поезде. В одном вагоне с комиссией едет представитель подрядчика Леня Шиндин. Его задача: до возвращения комиссии в

облисполком добиться подписания акта. По сценарию А. Гельмана режиссером Т. Лиозновой был снят одноименный телефильм (1981). Премьера состоялась в марте 1981 (ТВ).

1982 г. Лирическая комедия В. Гуркина «Любовь и голуби» впервые была поставлена режиссером Тростянецким на сцене Омского театра драмы в 1982 году. За шесть лет спектакль прошел 228 раз. Сюжет: в сибирской деревне традиционно течет жизнь супругов Василия и Надюхи: работают, ведут домашнее хозяйство, воспитывают детей, дружат с соседями. По традиционным нормам, Василий – муж хороший: не пьет, в карты не играет, все деньги отдает жене. Ссоры между мужем и женой происходят только из-за непонятной для Надюхи страсти Василия к разведению голубей. Однажды Василий получает производственную травму, и профком для поправки здоровья выделяет ему льготную путевку на юг. На курорте Василий знакомится с интеллигентной женщиной Раисой Захаровной. С этого начинается неожиданный поворот в обычной жизни семьи. Пьеса «Любовь и голуби» была экранизирована по сценарию В. Гуркина режиссером В. Меньшовым (1984). Фильм награжден призом «Золотая ладья» на МКФ комедийных фильмов в Испании (1985).

Детектив. 1968 г. Повесть П. Шестакова «Страх высоты» впервые была опубликована в журнале «Урал». Отдельным изданием повесть впервые вышла в Ростове-на-Дону (1969). Сюжет: в день блестящей защиты диссертации неожиданно погибает молодой талантливый ученый Тихомиров. Рассматриваются версии убийства и самоубийства. Но тщательное расследование фактов указывает на несчастный случай. Более того, свидетельские показания друзей и близких погибшего приводят следователя к выводу, что молодой ученый в стремлении к успеху совершил тяжкое нравственное преступление. В 1975 году режиссером А. Суриным по сценарию П. Шестакова был снят одноименный фильм. Премьера состоялась в декабре 1976 года.

С 1971 г. Лавровы О. и А. «Следствие ведут знатоки» (1971-1985). Телесериал «Следствие ведут знатоки» пользовался большой популярностью в СССР. Сотрудники МУРа ЗнаТоКи – Знаменский, Томин и Кибрит расследовали самые разные уголовные дела. Сюжеты: по делу над расхитителями социалистической собственности выносятся оправдательный приговор. Обвиняемые все валят на свидетеля, который не найден («Чёрный

маклер», 1971). ЗнаТоКи приступают к расследованию дела о хищениях в московском ресторане. Отсутствие свидетелей и улик делает задачу практически невыполнимой («Повинную голову...», 1971). Арестован работник антикварного магазина, занимающийся спекуляцией золотыми вещами. При обыске у него находят весы, после экспертизы которых становится ясно, что обвиняемый занимался также скупкой золотого песка. Вскоре появляется сам поставщик золота, шантажируя эксперта-криминалиста Кибрит похищением ее племянника («Шантаж», 1972). Расследуется попытка вывезти за границу картину одного из старых мастеров («Подпасок с огурцом», 1979). МУРовцы вместе с ОБХСС расследуют крупные хищения на плодоовощной базе («Из жизни фруктов», 1981). Расследование дела о квартирных кражах, совершаемых дерзким вором среди бела дня, неожиданно пересекается с делом об угоне автомобилей («Полуденный вор», 1985). Как литературные произведения телефильмы Лавровых начали издаваться сборниками с 1974 года. В 1984 году вышел третий выпуск, включивший пять последних дел, в том числе, «Подпасок с огурцом», «Из жизни фруктов».

1972 г. Семенов Ю. «Огарева, б». Повесть впервые была опубликована в журнале «Октябрь» (1972). Сюжет: сотрудники МУРа Костенко и Садчиков расследуют дело об отравлении и ограблении людей, приехавших в Москву для покупки личных автомобилей. В связи с этим становятся известны факты, которые приводят следователей на ювелирную фабрику, где обнаруживаются крупные хищения социалистической собственности. К расследованию подключается ОБХСС. В 1980 году повесть была экранизирована по сценарию Ю. Семенова под одноименным названием. Фильм стал лидером проката 1981 года – 33,4 млн. зрителей.

1974 г. Вайнеры А. и Г. «Гонки по вертикали». Сюжет: вор-майданник Леха Дедушкин по кличке «Батон» задержан на Киевском вокзале Москвы с дорогим кожаным чемоданом. Следователь Тихонов уверен, что чемодан украден, но нет заявления от потерпевшего, и по закону милиция вынуждена Дедушкина отпустить. На свободе Батон совершает ограбление квартиры и по украденной сберкнижке получает большие для рядового советского человека деньги. В детективе разворачивается психологическая дуэль честного следователя и не слишком удачливого, обаятельного вора, в которой сталкиваются две жизненные позиции по отношению к общественно-полезному

труду и проблеме его вознаграждения, профессиональному долгу, личной и общественной собственности. В 1982 году режиссером А. Муратовым по сценарию братьев Вайнеров был снят одноименный телефильм из трех серий. Премьера состоялась в апреле 1983 года.

1974 г. Повесть братьев Вайнеров «Лекарство против страха». Сюжет: преступники, применив новейший медицинский препарат, лишают сознания капитана милиции, похищают его документы и оружие, а затем совершают одно за другим дерзкие преступления. Инспектору Тихонову предстоит не только разоблачить и обезвредить преступников, но и разобраться в новейших достижениях медицины. В 1978 году режиссером А. Мкртчяном повесть была экранизирована по сценарию Вайнеров. Премьера состоялась 6 ноября 1978 года. Прокат составил 22,2 млн. зрителей.

1974 г. Повесть Ст. Родионова «Криминальный талант» впервые была опубликована в журнале «Аврора» в 1974 г. Сюжет: в милицию поступило несколько заявлений от мужчин, оказавшихся жертвами воровки – молодой эффектной женщины, с которой они познакомились в ресторанах. Милиции пришлось приложить немало усилий для задержания талантливой преступницы. В ходе следствия выяснилось, что Мария Рукояткина подсыпала мужчинам в спиртное снотворное, а потом обчищала их карманы. Во время допросов, которые проводит следователь Рябинин, постепенно выясняются мотивы преступной деятельности, связанные со многими социальными проблемами. В 1988 году по сценарию Ст. Родионова был снят фильм «Криминальный талант».

1979 г. Повесть Н. Леонова «Выстрел в спину» впервые была опубликована в журнале «Юность». Сюжет: МУР расследует убийство известного писателя Ветрова. В круг подозреваемых попадают его друзья – Перов и Шутин. В ходе расследования выясняется, что некоторые свидетели участвуют в незаконных хозяйственных операциях. В 1979 году режиссером В. Чеботаревым по сценарию Н. Леонова был снят одноименный фильм. Премьера состоялась в октябре 1980 года. Прокат – 22,1 млн. зрителей.

1981-1985 гг. Трилогия А. Адамова «Инспектор Лосев» («Злым ветром», «Петля», «Идет розыск») впервые публиковалась в журнале «Юность». Сюжет: сотрудники милиции, расследуя дело о грабежах и убийствах в гостиницах, вышли на крупных расхитителей социалистической

собственности. Трилогия «Инспектор Лосев» (1981) была награждена Золотой медалью имени Героя Советского Союза Н. Кузнецова за лучшее героико-приключенческое произведение 1981 года, утвержденной Союзом Писателей РСФСР и ПО «Уралмашзавод». В 1982 году режиссером О. Гойда по сценарию А. Адамова был снят телевизионный фильм «Инспектор Лосев» из трех серий. Премьера состоялась 11 ноября 1983 (к Дню милиции).

Фантастика. 1965 г. Аркадий и Борис Стругацкие. «Понедельник начинается в субботу». Повесть братьев Стругацких, рисующая рабочие будни сказочного НИИ, считается одним из наиболее оригинальных воплощений советской утопии 1960-х. Сюжет: молодой программист из Ленинграда Привалов, возвращаясь из отпуска, подвозит автостопом в провинциальный город Соловец двух приятных молодых людей, сотрудников местного института. Они устраивают его на ночлег в музей института – Избушку на курьих ножках на улице Лукоморье. Там Привалов становится свидетелем необычных явлений. Подпав под обаяние своих новых знакомых и чувствуя интерес ко всему происходящему, Привалов поступает на работу в их загадочный НИИ ЧАВО (Чародейства и Волшебства), где, как выясняется, работают не только настоящие ученые – маги, но также приспособленцы, бюрократы и научные жулики. По мотивам своей повести Стругацкие написали сценарий, далекий от изначального сюжета, по которому в 1982 году был снят комедийный новогодний фильм «Чародеи».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания изучения хозяйственной культуры повседневности по текстам массовой художественной литературы	9
1.1. Теоретические подходы к пониманию хозяйственной культуры повседневности	9
1.2. Массовая литература как феномен культуры и способ образного постижения повседневности	20
1.3. Особенности советской массовой литературы как феномена культуры.....	38
1.4. Критерии и практика отбора текстов для изучения хозяйственной культуры повседневности	56
Глава 2. Советское общество и хозяйственная культура России 1960-1980-х	88
2.1. Советское общество как субъект культуры.....	88
2.2. Ценности специализированной хозяйственной культуры.....	102
2.3. Ценности хозяйственной культуры повседневности	128
Глава 3. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе	151
3.1. Хозяйственная культура повседневности в литературе «оттепели»	151
3.2. Хозяйственная культура повседневности в литературе «застоя»	198
3.3. Тексты повседневности в советском детективе	241
Заключение	252
Библиографический список	259
Приложение к главе 1	279
Приложение к главе 2	283

Научное издание

СИДОРОВА Галина Петровна

**СОВЕТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В МАССОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1960–1980-х:
ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ**

Для оформления обложки использовались фотографии из семейного архива автора

ЛР № 020640 от 22.10.97.

Подписано в печать 29.06.2011. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 17,67. Тираж 300 экз. (1-й з-д 1 – 100 экз.) Заказ 745.

Ульяновский государственный технический университет
432047, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

Типография УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

